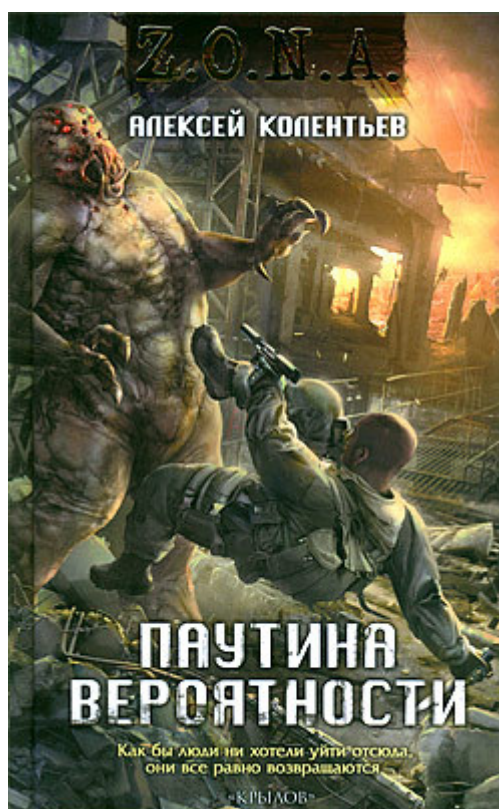

Алексей Сергеевич Колентьев

Паутина вероятности

Счастье для всех – 3

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2325115
«Алексей Колентьев «Паутина вероятности»»: Крылов; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-4226-0008-3

Аннотация

Воздух в Зоне стал тяжелым — это чувствуют многие. Будет бойня, она неизбежна. Предотвратить бурю уже невозможно. Все ходы просчитаны, силы учтены до последнего человека и для каждого уже готов смертельный сюрприз. Ткачи, существа из другого мира рвутся в Зону, чтобы уничтожить артефакт, который все зовут Обелиском. Ткачи — сильные телепаты, способные управлять временем и искривлять пространство. Если прорвутся — всем хана, люди им не нужны даже в качестве рабов. Битва будет неравной: другие люди, предавшие свой вид, сговорились с Ткачами и готовы убивать себе подобных.

Антон Васильев — последняя капля, перышко, брошенное Судьбой на чашу весов. Воин, чья задача разорвать плетения паутины, свитой Ткачами с целью обуздать законы Вероятности.

Но пока Антону Васильеву не до Ткачей. Сперва он должен вырвать девушку Дашу из лап боевика Селима, известного своей жестокостью, хладнокровием и расчетливостью.

«Насколько велики запасы моей удачи?» — спрашивает себя Антон Васильев. Ответ даст только жизнь. А жизнь в Зоне — это вечная война.

Алексей Колентьев
ПАУТИНА ВЕРОЯТНОСТИ

*Автор выражает благодарность за помощь и поддержку:
Орлову Дмитрию (за терпение и помощь в процессе работы над книгой);*

Юрчуку А. (за консультации по некоторым практическим моментам).

Всем тем, кого по их просьбе называть не могу, но неупомянутыми не оставляю: братья, от души вам всем спасибо. Будем живы.

А также самым преданным читателям и помощникам с СИ (Новиков Сергей, Танетов Петр, Литвинов Павел, Высокий, Дмитрий «Хищник», Михалыч и многие другие, простите, кого не упомянул, но не забыл).

Спасибо, друзья.

Who's deciding who's gonna die?..
Look at me. I stand up right here...
And not one bullet! Not one shot!
Why?! How come they all had to die,
And I can stand right here?
I can stand right up,
And NOTHING happens to me!

James Jones «The Thin Red Line» ¹

1.1

Земля уже почти не тряслась, на такой глубине вообще трудно расслышать какие-либо звуки с поверхности. Странное видение наводило на мысли самого разного толка, но в основном тревожные и, как правило, дурацкие. Даже многолетняя привычка засыпать практически в любом месте и в любое время, если того требовали обстоятельства, не помогала. Беспокойство за Дашу, словно саднящий порез, не давало мне концентрироваться на более насущных проблемах. Жива ли она или погибла, а может быть захвачена, чтобы стать рычагом давления на меня или Лесника, видение не объясняло. В любом случае, пока ничего предпринять не получится. Посетивший меня морок — это всего лишь смутные образы, ничего конкретного не сообщающие, и вряд ли им следует доверять безоглядно. Тем более эти картинки не причина для серьезных прыжков на месте: выйдем на свежий воздух, сдадим груз заказчику, а там и будем решать, как поступить со столь туманными предупреждениями. Нужно собраться, иначе все кончится еще несколькими мумифицированными трупами на семидесятиметровой глубине, и пары-тройки из них уж точно никто не хватится...

Почему-то вспомнилась одна из последних встреч с Ириной, бывшей женой. Мы тогда ютились в комнатке офицерской общаги, что было несомненной роскошью по местным меркам (мне, как старожилу и ввиду семейного положения, лично комбриг, с большой помпой ключи от комнаты вручал). Свой угол был только у семейных офицеров и десятка

1

Кто решает, кому суждено умереть?..
Взгляните на меня. Я стою тут в полный рост...
И ни одной пули! Ни единого выстрела!
Почему?! Как так получилось, что они все должны были умереть,
А я мог стоять не пригибаясь?
Смог выстоять здесь, И НИЧЕГО не случилось со мной!

контрактников из тех, что попржимистее¹. Я подновил оконные рамы, оклеил стены обоями, побелил потолок и привез большую мягкую тахту вместо холостяцкой продавленной раскладушки, оставленной в казарме, и раздобыл почти новый двухтумбовый письменный стол. Все это заняло две трети нашего «родового гнезда», и повернуться было решительно негде. Остальное пространство «отъел» под себя маленький холодильник «Север», шумевший в моменты включения подобно взлетающему сверхзвуковику. Телевизор я повесил на самодельной сварной раме, прямо над холодильником. Взятый в качестве доли с духовского каравана малайзийский «SHARP» исправно ловил пару местных каналов, где по вечерам показывали ретранслированные из России новости и сериалы на русском языке. Остальное разобрать было трудно: по-таджикски я объяснялся в весьма узких рамках и местной телетрескотни особо не понимал. Жена включала телевизор, чтобы шел хоть какой-то фон, создающий иллюзию цивилизации. Я ее понимал: большую часть времени в расположении делать совершенно нечего, особенно если нет работы, на которую приезжих вообще не берут. Жены местного комсостава приняли Ирину нормально. Она сама провела некую черту между собой и остальными женщинами нашего небольшого мирка, видимо, подсознательно отторгая их образ жизни. Каждый день пребывания вдали от магазинов, кинотеатров и привычного круга друзей, да еще в отсутствие телефона под рукой, били по ее нервам не хуже постоянных тревог на базе, например, когда разведчикам случалось «зевнуть» духов, подбирающихся к базе на выстрел из винтовки или РПГ. Обычно дальше мелких разрушений и выбитых стекол не заходило, но были и убитые духовским снайпером зампотыл и сгоревший дотла хозблок вместе с двумя солдатами-срочниками и поварихой из вольнонаемных (тогда выстрелом из «граника» зацепило газовые баллоны, а огонь и рухнувшие перекрытия заживо похоронили людей под обломками). Тогда же «замку» первой роты — старлею Сене Нечаеву — духовская пуля снесла полголовы...

Для Ирины, женщины сугубо городской, такие вот авралы и постоянно витающее в воздухе напряжение были тяжелым испытанием. Уже в родном городе, когда окончательно решился вопрос по контракту, я стал замечать тоскливый огонек в ее глазах. Несомненно, быт — это самое тяжелое испытание для взаимного чувства. Скандалы начались примерно через три месяца после приезда на базу и четыре с половиной года от начала нашей с ней совместной жизни. Начинались, как водится, с разных мелочей, бурно перетекали в обличительные речи, которые Ира была мастер произносить. Чаще всего я помалкивал: претензии носили смешной, абстрактный характер. И если бы дело касалось вещей вроде прибить гвоздь или починить кран в общей душевой, который постоянно подтекал, то я с легкостью бы устранил причину скандала. Но понятно было: жена недовольна тем, что поехала со мной на край земли. Чувства стали трещать по швам, и спасали нашу маленькую лодочку от крушения только мои частые отлучки по службе. Но вечно бегать от финального разговора не получалось: на этот раз я понял, что терпению жены пришел конец. Она стояла у окна, лицом к двери, опершись руками о подоконник так, что солнце светило ей в спину, заставляя просвечивать легкое ситцевое платье в бледно-голубых незабудках, а короткие выющиеся каштановые волосы пылали как нимб вокруг загорелого, красивого лица.

— Антон, я так больше не могу. Все! Уезжаю послезавтра. — Ира с вызовом глянула прямо мне в душу своими зелеными кошачьими глазищами. — С продуктовой машиной доберусь до города, а там — в Душанбе, на рейсовом автобусе...

Я промолчал, поставил свой потертый АКМС с подствольником в угол, рядом с изголовьем тахты, и неторопливо избавился от «разгрузки». Сдавать оружие у нас было не принято ввиду постоянного военного положения, но жена никогда стреляющих железок и не боялась — в Сибири, особенно в наших краях, где тайга совсем рядом, огнестрел есть почти в каждой семье. А ее отец был поселковым участковым, жил в «барском» двухэтажном

¹ Контрактники чаще всего выбирают проживание в городе, снимая вполне приличное жилье. На казенной кубатуре проживают или строевики или те, кто не имеет финансовых возможностей для найма жилья, а также те военнослужащие, которые приписаны к подразделениям постоянной боеготовности.

коттедже, где такого добра было завались, а с учетом конфиската так и вообще хватило бы на пару отделений. С детства он учил старшую дочь стрелять, но особых успехов не добился: Ирина воспринимала оружие как неизбежное зло. Не страшное, но бесполезное железо, часть бессмысленных мужских забав.

Я присел на край тахты. На меня навалилась тоска от того, что все попело прахом. Удерживать я жену не собирался, понимая, что занятие это зряшное. Можно продлить агонию еще на пару месяцев, но все закончится тихим бегством супруги во время моей очередной отлучки на «боевые». Удерживать того, кто хочет уйти, значит восстановить этого человека против себя еще больше. Ничего уже поделать нельзя, нужно отпустить...

Я вздохнул и, подхватив автомат, направился к двери.

— Что, даже сказать нечего?! — В голосе Ирины слышались истерические нотки, обида и вызов, слова понеслись мне вдогонку и напоминали по убийственной мощи пулеметную очередь.

— Пойду попрошу место у Евстафьева. Борт идет на Душанбе через два часа. Капитан мужик понимающий, думаю, не откажет. На машине долго, да и небезопасно, Ириша. На вертушке тебя подбросят до столицы. А там Евстафьев место на нашем военном борту и номер в гостинице организует, если сегодня на Москву рейса нет. Деньги сэкономишь...

— Ты дубина, Васильев! Бесчувственная стоеросовая дубина! Ничего менять не хочешь!..

— Бумаги на развод пришли потом, как приедешь. Я все подпишу. Не злись на меня, Ириша. Прости, если обидел... Чего менять-то? Кроме вот этого, — я показал ей автомат, обернувшись на пороге, — больше ничего не умею. В ментуру к твоему батю не пойду: через полгода выгонят или посадят. Ты же знаешь, хребет не гибкий. В тайгу промышлять? Так тоже как тут будет, а опасностей не меньше, сама росла рядом со всем этим. Сломал я тебе жизнь, прости. Может быть, если б завели детей, было бы иначе. Раз решила — езжай, деньги буду высылать регулярно. Одному мне здесь много не надо, а тебе на первое время нужнее будет.

Такого поворота жена не ожидала, поэтому молча и словно в прострации начала складывать вещи в чемодан, демонстративно выставленный на стол. Потом вдруг плюхнулась прямо на пол и заплакала. Рыдать она никогда не умела, просто всхлипывала и вытирала слезы крохотным платочком. Я вернулся от двери, положил оружие на тахту и, встав на колени перед женой, крепко обнял ее, вдыхая горький аромат духов и знакомый запах родного тела. Она доверчиво уткнулась мокрым от слез лицом куда-то в район моей шеи. Так мы простояли почти пять минут. Потом я мягко отстранил притихшую Ирину и пошел договариваться с капитаном Евстафьевым, на которого повесили все снабженческие функции, пока новый зампотыл еще не прибыл в расположение бригады. Да оно и понятно: подстрелить могут каждую секунду, условия службы на грани спартанских, вот никто особо и не рвался...

Договорился быстро: Евстафьев, глядя на меня сочувственно, пообещал в течение получаса организовать место в вертушке. Я уже было собрался обратно в общагу, внутренне готовясь в последний раз выслушать очередную порцию упреков, как меня догнал дежурный по части из штаба бригады и передал приказ прибыть к комбригу. А потом закрутилась эта канитель с Буревестником... С женой так и не удалось поговорить. Она уехала, оставив записку, в которой уверяла, что все равно любит. Этот клочок бумаги я нашел в пыльной и уже нежилой нашей комнате, когда перестали дергать на допросы к следователю и выпустили на волю.

Что разбилось тогда, я попытался вернуть здесь. Даша была моложе и явно сильнее духом, хотя я думал, что тут все дело в отсутствии опыта и неустоявшихся жизненных приоритетах. Сейчас девушку считали моим слабым местом, уязвимой точкой, на которую пытались надавить, вынуждая меня к определенным действиям. Однако они ошиблись: зная, как используются заложники и каковы правила этой древней игры, я не собирался действовать поспешно. Так или иначе, но до сути я докопаюсь очень быстро... На лицо

помимо воли набежала моя обычная улыбка: значит, потанцуем, господа. Ох, блин, потанцуем...

Информации по общему раскладу было маловато, однако создавалось ощущение, что против меня играют две разные группы, со схожими интересами, но соперничающие друг с другом. Поэтому возникала некоторая несогласованность и раздразни в событиях последнего месяца. Я от такой мешанины только выиграл, не раз и не два избежав смертельных ловушек, в которые попадались ловчие обеих противостоящих команд. То, что девушку захватили, еще не есть установленный факт: предчувствий на этот счет не было абсолютно никаких...

Земля дрогнула, прервав неспешный ход моих мыслей. Потом, как это обычно бывает в таких случаях, ударная волна и звук взрыва докатились и до нашей маленькой стоянки, загасив костер, опрокинув жестянку с котелками и ослепив потоками пыли и разного мусора, поднятого взрывной волной. Я вскочил и короткими перебежками ринулся вправо, чтобы занять позицию у дальней стены. Судя по характеру повреждений, рвануло где-то у входа в подземелье, и мощност была не шутейная. Проснулся и застонал Михай, Сажка отполз под прикрытие пандуса и лежал, свернувшись калачиком, закрыв голову руками. Порадовал Андрон: наш молодой шустро кинулся влево и, вскинув автомат к плечу, уже шарил прицелом по тьме провала впереди, смещаясь мелкими шажками в полуприседе к забившемуся в угол алхимику. Оглушило всех порядком.

Я включил фонарь, привязанный к полутораметровой палке, который использовал, чтобы освещать дорогу, и направил луч в стену напротив головы парня. Это заставило его обернуться и включить радиостанцию на прием. Дал ему три тона «я в порядке», получил такой же сигнал в ответ, потом переключился на общий канал, дал один длинный тон, запрашивая статус остальных. Норд и Коля отозвались с небольшим перерывом. Слава богу, оба если и ранены, то наверняка не серьезно, иначе тон был бы не тройным, а особым: два длинных гудка. Дав команду Андрону оставаться с раненым и грузом, я осторожно двинулся вдоль стены к позициям охранения. Впереди было трудно что-либо различить: тоннель хоть и был местами сыроват, но мы остановились в его сухом промежутке. Поэтому пришлось накинуть дыхательную маску и продвигаться вперед очень осторожно. Осколки бетона и металлоконструкций лишь частично долетели до позиции передового поста, поэтому через десять минут я увидел залегшего у стены Колю, а от левой стены мигнул фонариком Норд. Хлопнув вздрогнувшего пулеметчика по ноге, я чуть сместился влево, чтобы тот не выпалил ненароком. Дав понять оглушенному бойцу, что это свои, велел знаками двигаться за мной, сохраняя дистанцию в пять метров. Мигнул Норду: «подойди», тот появился довольно быстро. Снайпер был цел и на немой вопрос: «Как ты?» показал сжатую в кулак левую руку с отогнутым вверх большим пальцем.

Медленно, двигаясь уступом по центру тоннеля, мы стали в полуприседе продвигаться вперед, держа оружие наготове. Миновали минное заграждение и уперлись в груды камней и железной арматуры. Тоннель грамотно обрушили направленными взрывами так, чтобы наглухо перекрыть нам путь на поверхность. Ловушка была мастерски организована, и мог ее сделать только тот, кому плевать на последствия Волны. Теперь стало понятно, какой козырь прятали в рукаве наши заклятые друзья, кем бы они не были. Мы — жертвы пресловутого плана «В», и в ход идут самые отчаянные импровизации.

Дав команду подняться, я подозвал бойцов к себе, разрешив говорить нормально. Первым откликнулся Коля:

— Черт, замуровали! Как теперь выберемся, а, командир?

— Ножками, Коля, ножками. И поздравляю: ты оказался в компании людей, с которыми даже «Обелиск» побоялся встретиться в открытом бою. Нас предпочли замуровать здесь, лишь бы только не вступать в прямой контакт. Взять живьем не получилось, вот и решили закрыть вопрос таким образом. Нормальный вариант, только вот опять не повезет уродам. Пошли обратно, будем ворота ломать. Наш путь домой только что стал чуть длиннее, только и всего. Кроме того, мы теперь занесены в разряд трупов. Поэтому задача

облегчается: никто больше не будет приседать на хвост.

— А что там, за воротами? — подал голос Юрис.

— Ничего особо хорошего, думаю, нет. Но там есть выход на поверхность, это точно. Мне приходилось бывать на подобных объектах. Чутка полазим по тоннелям и выйдем на свежий воздух. Главное, чтобы нервишки не начали шалить. — Я выразительно глянул на Колю. — Выберемся. Запечатали калитку неспроста, поэтому там нас никто не ждет. Но вот если сигналку кто оставил, она может сказать хозяевам, что ворота кто-то вскрыл. А может, и вообще тихо и скучно войдем и, побродив немного, выйдем. Прямо на базе «Альфы» или еще где. Ладно, посмотрим, что там, за воротами...

Мы пришли к пандусу. Огонь уже не горел. Андреи кивком дал понять, что все нормально. Сажа снова хлопотал возле Михая. Остальные разместились вокруг разожженного костерка. Теперь не было нужды прятать пламя: мы «умерли». Присев возле рюкзака с припасами, я достал детонаторы и эластит. Бронеплиту я, конечно, вскрыть не смогу, ворота сделаны с расчетом и не на такое, однако я точно знал, что где-то рядом под слоем бетона скрыт запирающий механизм, тоже защищенный кожухом из стальных листов. Но их-то вскрыть было вполне возможно, требовалось только этот механизм найти...

— Я могу помочь. — Это подошел Сажа. — Нам нужно поторопиться, воздуха в тоннеле хватит не надолго. Вы ищете механизм?

— Что-то в этом роде. Давно в теме, уважаемый? — Я почти не удивился, Сажа явно знал о тоннелях больше, чем мы все.

— О! — Алхимик охотно начал объяснять. — Это часть подземного хранилища ядерных боеприпасов, полтора километра в глубину, пять горизонтов. Там целый город на консервации, и ни одно из местных э... сообществ сюда доступа не имеет. Но как обстоят дела на самом деле — неизвестно. Слухов как всегда больше, чем точной информации.

— Не верю, что ваши любопытные собраты не пытались все узнать доподлинно. Лазили сюда?

— Я знаю, что было две попытки. — В голосе Сажи прозвучали досадливые нотки. — Но группы наемников не вернулись. Связи под землей нет. Поэтому все, что нам известно — это то, что комплекс не обитаем. Но кто это или что, мы так и не выяснили. Запорный механизм справа от двери, я покажу.

Чего-то подобного я и ожидал. Подобные объекты хорошо охранялись и могли многое выдержать. Запасами продовольствия и боеприпасов жители и гарнизон такого поселения обеспечивались на год и более в расчете на автономку. И если алхимикам было непонятно, кто же перебил их наймитов, то я вполне догадывался, чьих рук это дело. Зона отчуждения — довольно маленький клочок земли, и трудно оставаться здесь незамеченным долгое время. А тем более действовать, причем делать это довольно активно. Умиравший амер, захваченный нами во время последней стычки с «девяткой», упомянул про подземную лабораторию. Говорил о ней и Эдвардс, но мимоходом, учитывая то, какая роль отводилась мне и моей группе в предстоявшей тогда операции. Сомневаюсь, чтобы местные или те же натовцы смогли развернуть в столь опасном месте новое масштабное строительство. А вот вскрыть, подновить и приспособить под свои нужды старый советский объект — это вполне реальная тема. Думается, что сгинувшие наемники просто напоролась на какую-то сторожевую систему или патруль, а алхимики решили после двух неудачных попыток более не рисковать. Или, что тоже не исключается, мог выжить кто-либо из нанятых «солдат удачи» и пустить звон в узких кругах. Возможно, что именно метку этого старателя я и увидел на карте, когда в первый раз полез в тоннель.

Сажа покрутился у правой створки ворот и, спустившись с пандуса, отмерил десять шагов вдоль стены. Потом поднял небольшой осколок бетона, начертил на стене крест, примерно в полутора метрах от уровня пола тоннеля.

— Здесь, думаю, что если продолбить немного, то откроется щиток. Только вот как его открыть — не знаю.

— Это уже наша забота. Андрон! — Я повернулся к молодому старателю: — Поищи

арматурины посolidнеf, продолбим шурфы, рванем стену и потом посмотрим на этот «щиток».

Само собой, я не думал, что смогу вот так просто вскрыть многотонную дверь. Но на учениях приходилось сталкиваться с планом, как подобная процедура может быть осуществлена. Створки заблокированы как минимум шестью встречными упорами, толщиной миллиметров сто пятьдесят каждый. Стык удерживает предохранительный стержень, скрытый именно за щитком. Но без специального ключа, напоминающего ручной стартер от древних автомобилей, шестерни механизма не провернуть. Выход только один — расплавить эластитовым зарядом толстый штырь и вынудить его уйти под давлением пружины влево. Двери не откроются и в этом случае, но можно направленным взрывом раздвинуть створки ворот и пролезть между ними. Не думаю, что зазор будет большим, но внутрь мы обязательно пройдем. В этом сомнений не было ни грамма.

Продолбить четыре неглубоких шурфа и заложить туда немного пластита — дело хоть и не быстрое (бетон в такого рода сооружениях — довольно крепкая штука), но вполне осуществимое. Что нам и удалось: спустя сорок минут рванули закладку и, очистив образовавшийся пролом, увидели стальную пластину полтора на полтора метра. Дальше было еще проще: эластитовый заряд помог вскрыть ее за пару минут. Открылась мешанина стержней и кабелей, в которых была своя логика, понятная только специалистам. Я, конечно, сильно в таких штуках не разбирался, но натаскивавший нас капитан из инженерно-строительной части показал один довольно немудрящий способ, как можно разблокировать запорный механизм. Нужный нам стержень был выполнен с использованием износостойкого напыления, имевшего в своем составе иридий. А этот металл очень характерного синеватого оттенка, и его, если раз видел, уже ни с чем не спутаешь. И если стержень перерубить, то запорный механизм разблокирует створки и можно вручную открыть дверь. Другое дело, что тогда у нас был универсальный ключ, с помощью которого можно было провернуть шестерни механизма, а сейчас такового в наличии не имелось. Но и тут меня выручила свойственная мне дотошность: я пристал к капитану с вопросом, что будет, если нету такого ключа под рукой. Он удивился, обещал подумать и уже на следующем занятии показал прием, родившийся из моего вопроса. Согласно новой методике, можно приоткрыть створки направленным взрывом, если разместить заряд под углом к левой створке, так как она чуть легче своей сестры. Само собой, настежь двери не распахнутся, но в образовавшийся проход можно будет пролезть человеку средней комплекции.

Стержень из дорогого сплава жалобно тренькнул и скользнул куда-то влево, затерявшись в дебрях шестеренок и кабелей. Мгновением позже послышался громкий лязг, и створки ощутимо дрогнули, посыпалась пыль из пазов, на стыке между ними образовалась небольшая щель. Бойцы оживились, а во взгляде Коли промелькнуло такое выражение, что можно было уже не опасаться за свою спину: теперь этот головорез пойдет со мной хоть в огненную «жарку», если я скажу, что огонь не сожжет его дотла, а приведет в райские кущи. Я распотрошил пару МОНов, вынул поражающие элементы, хозяйственно убрал их в «сидор», а потом закрепил на правой створке под углом к образовавшейся в створе щели полученное самопальное ВУ.

— Так... Все отходим и прячемся за пандусом, глаза берегите.

Когда все укрылись, я нажал кнопку подрыва на пульте подрывной машинки. Грянул сдвоенный взрыв. Как только пыль осела, стало понятно, что план сработал: левая створка ворот поддалась и ушла в стену ровно на полметра. Проход был открыт.

— Теперь слушаем внимательно. Построились и приготовились к движению. Колонной по одному. Норд — пойдешь первым, порядок ты помнишь. Остальные так: Михай, Сажа и Николай — ядро, я и Андрон замыкаем.

— Есть. — Снайпер занял место во главе шеренги. Юрис уже давно разобрал винтовку и, убрав ее в чехол, закрепил оный на спине, вооружившись «сто четвертым» с навинченным «тихарем». Все правильно: его дальнострел в таком месте был бесполезен, дистанция боя сокращалась метров до тридцати-сорока. Все остальные тоже без возражений заняли свои

места. Норд первым протиснулся в узкую щель и спустя пару минут мигнул фонариком, давая понять, что непосредственной опасности нет. Все, один за другим, пролезли внутрь, я пошел последним, окинув взглядом на прощание место стоянки. Вроде всё, чисто прибрали.

Мы оказались в просторном помещении, уставленном штабелями железных контейнеров. Штабеля эти поднимались под самый потолок, теряясь в темноте, лучи фонарей до потолка не добивали. Продвигаться можно было только на запад. Восточнее же хода не было, это направление перекрывали контейнеры. Тоннель был широкий, так что пара десятитонных грузовиков могла разъехаться внутри него совершенно свободно. Осмотревшись, мы начали осторожно продвигаться вдоль левой стены, так как тоннель изгибался в северо-западном направлении. Плохо было другое — нигде не видно железнодорожных путей, что означало неизбежность спуска на один или пару уровней ниже, а какие сюрпризы могут нас там поджидать — вообще лучше не загадывать. Пока есть вода и раненый в состоянии самостоятельно передвигаться, следует пройти как можно большее расстояние и по возможности определиться с верным направлением. Блуждания могут затянуться на довольно длительный срок, поэтому важно сократить время активного поиска до минимума...

Спустя два часа пути тоннель плавно повернул на северо-восток, и начался уклон под углом градусов в тридцать. Далее еще один пандус, ведущий к открытым створкам ворот, похожих на те, что мы взломали ранее. Но пройти не удалось, поскольку метров через двадцать тоннель за вторыми воротами был грамотно обрушен и наглухо запечатан осколками железобетонных конструкций и скальной породой. Поэтому идти можно было по-прежнему только по основной транспортной магистрали, ведущей на один из нижних уровней. Когда было пройдено еще около пяти километров, я объявил привал. Развернули лагерь у западной стены. Костер разводить было опасно, жевали холодную тушенку, запивая водой. В первую смену назначил Колю и Норда. Нападения следовало ожидать по фронту и с тыла. Поэтому поделил направления между двумя бойцами, хоть это и чревато. Сам же присел на коврик, расстеленный чуть в стороне от всех и, прикрывая светящийся дисплей ПДА, стал сравнивать данные маршрутизатора с картой поверхности. По всему выходило, что сейчас мы идем в сторону Припяти, а это означало весьма вероятную встречу с патрулями «Братства Обелиска». Не было сомнений, что они если не полностью освоили подземелья, то уж точно охраняют подступы, ведущие на свою территорию. Нам необходимо было как можно скорее сменить направление и уйти с опасной тропы. Разведчики алхимиков погибли не случайно: скорее всего, будучи обнаружены, не сумели уйти от преследования или попали в засаду. И нас, если не уйдем подальше с направления на заброшенный город, тоже ожидает нечто подобное. Ко мне подсел Андрон. Парень держался молодцом, но чувствовались усталость и некоторое беспокойство в его тоне.

— Антон Константиныч, — начал он шепотом. — Как наши дела, скоро выберемся?

— Пока все живы — значит все хорошо, боец. А выберемся, как только найдем железнодорожные пути. Они-то нас на поверхность и выведут. Мы ищем усиленную колею, для спецпоездов, они под землей всегда транзитом бывают, и непременно их колея нас наружу и выведет.

— А если вход завален? Ну... — чуть смущаясь, продолжил молодой старатель, — вдруг тоже рванули вход, типа раз внутри все порушено?

— Верно мыслишь, может, так оно и есть. Только вон там должна пролегать шахта воздуховода и куча сервисных тоннелей. Вариантов выбраться там больше, нежели искать такой лаз тут. Я бывал на подобных объектах: грузовики и машины не обязательно выезжают наружу. Объект огромный, там пешком да на лифтах не везде покатаешься, поэтому и построили, как положено: с дорогами, светофоры да камеры тоже есть, только вот подключено или вынесли всю электронику — трудно сказать. А вот ж/д колея — это точно выход. Есть, конечно, и для маневрового транспорта узкоколейка, но ее мы на верхних уровнях не встретим. Они глубже проходят, и туда мы соваться без необходимости не будем. Выберемся суток через двое, если не заплутаем. Может, и все десять дней тут пробудем, но

выход найдем. Это точно. Не бойсь.

— Воздух затхлый, вентиляции почти нет.

— Молоток! А еще поблизости нет ни одной опасной твари, — отвечаю, опустив голову к экранчику ПДА.

— А это-то вы как определили? — Парень явно устал, поэтому глупые вопросы задает один за другим.

— Прислушайся внимательно. Какой звук выделить можешь?

— Ну... — Андрон задумался и, помедлив, осторожно сказал: — Ничего такого не слышу, тихо, как в могиле.

— А я крысиный писк улавливаю, во-он из той кучки мусора. — Я указал на небольшую кучу щебня, метрах в десяти справа от восточной стены. — Крысы чувствуют нас и близко не подходят, их мало, и они сыты. Значит, тот, кто включил «тоннельную крольчатину»¹ в свой рацион, обитает довольно далеко, иначе крысы бы не показались. Скоро, думаю, метров через сто пятьдесят, будет проход на нижний уровень. Скорее всего, мы сможем по нему спуститься ниже. Помни: где есть крысы, там всегда есть выход и относительно безопасно. Эти пролоты чувствуют скопления газа или более крупных хищников. Поэтому, пока мы их видим и слышим, нечего опасаться. Сейчас иди отдыхать, потом заступишь вместо Николая.

Парень кивнул и почти бесшумно улегся на расстеленный у стены походный коврик. Поворочавшись немного, ровно задышал и замер. Вот что значит сила привычки: иногда полчаса сна — это такое сокровище, которое не купишь ни за какие деньги. Часто бывает так, что вот вроде вымотался настолько, что рухнешь трупом прямо в любую грязь, зароешься хоть в снег по самую маковку, лишь бы хоть на мгновение отключиться...

Однако это все лирика. Без разведки соваться дальше было опасно: близился конец магистрали, я это уже чувствовал. Думаю, что далее тоннель тоже обрушили, но могли оставить нетронутыми шахты некоторых грузовых лифтов. Воздуховоды и систему канализации тоже вряд ли уничтожили. Кто может прятаться в этих лазейках, остается только догадываться. Будь я ответственным за охрану периметра — обязал бы обходить дозором вот такие проблемные участки, а там, где патрулирование затруднено, заминировал все очень плотно. Да и зверье вроде сопунов или, скажем, мозгоедов вполне могло обжить нижние уровни. С одной стороны, это плохо. Но следы зверья или людей могли подсказать путь на поверхность, существенно облегчив мне и моим бойцам путь на вольный воздух. Поэтому я принял решение самому отправиться на доразведку местности, оставив Юриса за старшего, а чтобы не ослабить периметр, принял кое-какие меры. Подойдя к группе отдохнувших бойцов, тронул за плечо раненого Михая. Румын сразу проснулся. Вид у него был гораздо более живой, нежели на поверхности. Видимо, наш алхимик не соврал, что может лечить...

— Михай, ты как в целом?

— Нормально, командир. Голова уже не кружится, могу стрелять и идти.

— Вот и славно. Заступишь в тыловое охранение. Лежи у стенки, но не спи. Сейчас нам нужны все. Сможешь?

— Не вопрос. Конечно смогу. Командир, а скоро выберемся? — Похоже, румын тоже уверовал в мою счастливую звезду и только ждал подтверждения, чтобы успокоиться окончательно.

— Вот за ответом я и пойду вперед. Обещаю: выберемся все. Подлатаем тебя у «альфовцев», получишь свои деньги, а там и свобода: гуляй не хочу. Расслабься.

— Все понял. Только я не хочу «гулять». Хочу остаться с вами в команде, если можно.

— Пока давай оставим переговоры о вступлении в артель до того момента, как вернемся на базу. Ладь?

— Справедливо. А кто за старшего остается? — Вопрос был не праздный, румын

¹ Жаргонное прозвище крыс.

беспокоился, как бы его приятель Коля не начал качать права в мое отсутствие.

— Норд будет вместо меня. Юрис — опытный солдат, я сам его обучал. С ним будете, как в сейфе. Ну, отдыхай пока. А мне пора выходить.

Михай снова улегся и скоро ровно задышал. Зато неожиданно проснулся Сажа и вопросительно уставился на меня.

— Что-то не так, Ступающий?

— Конечно: мы под землей, и кругом одни руины. Вот я и иду все это исправлять. Вы должны держаться Андрона. Что бы ни произошло — будьте рядом с ним, договорились?

— А с вами я пойти не могу? Там, должно быть масса всего интересного...

— Потом все разглядывать будете, когда мимо пойдем. Сейчас я иду один, это не обсуждается. Вы поняли, что нужно делать?

— О! Вполне ясно и четко. Не волнуйтесь, я не убегу.

С собой я ничего лишнего не взял, двигаться лучше налегке. Глаза окончательно притерпелись к полумраку подземелья, который подсвечивали клочки какой-то светящейся дряни, налипшей на стенах ближе к потолку. Светящуюся слизь подъедали крысы и видимо кто-то еще, умеющий лазать по отвесным стенам и сводчатому потолку. Субстанция немного фонила, но опасности собой не представляла в виду своего малого количества. Однако рассеянный свет, отбрасываемый ею, неплохо подсвечивал сумрак тоннеля, позволяя без особого напряжения использовать ноктовизор в пассивном режиме. Добравшись до поста Норда, я тронул друга за плечо и присел на короткое время рядом.

— Как обстановка?

— Вроде тихо. Крысы бегают, слышно, как вода где-то за стенами шумит. Но что-то тревожно, командир.

— Нормально. Сейчас сбегая вперед, осмотрюсь маленько. На время командировки — ты за старшего, не балуйтесь тут шибко, лады?

— А спичками кидаться можно?

— Можно. Потом заставлю трением огонь добывать. Михай в караул определи. Пусть в тылу сидит, нога — не голова, слушать и смотреть он может нормально. Ладно, бывай, остряк-самоучка.

Чуть пригнувшись, я стал пробираться вдоль западной стены, чтобы не перекрывать сектор наблюдения дозорного. Мины закрепили на стенах из-за множества невысоких кучек мусора, способных уменьшить зоны сплошного поражения от роликов, коими начинены противопехотки. А так, расположенные на стенах под углом к поверхности, они прибьют любого, даже передвигающегося ползком.

Когда была пройдена последняя закладка, я чуть сбавил ход, стараясь производить как можно меньше шума. Звук текущей воды, о котором говорил Юрис, я тоже стал различать: она неслабым потоком пробегала где-то уровнем ниже, видимо, водовод все еще действовал. Это подтверждало мою теорию о том, что помещения подземного хранилища частично освоены. Если бы уничтожение было полным, вода бы образовывала нечто вроде подземных озер из-за взорванных магистралей. А так, думаю, работают и электростанция, и водопровод с очистными сооружениями. Так что задача несколько облегчалась: мы сможем обойти передовые посты сектантов, даже не потревожив их покой.

Дорога резко оборвалась примерно через семьдесят метров, которые я прошел без особых приключений, стараясь обходить кучки мусора и щебенки, чтобы оставлять как можно меньше следов. Когда двигаешься под землей и ожидаешь всяких подлянок, лучше держаться ближе к одной из стен и передвигаться предельно осторожно. Если же идти посередине тоннеля, как по бульвару, тебя рано или поздно обнаружит дозорный или камера наблюдения, не говоря уже о датчиках всяких взрывающихся погремушек, которые могут быть где угодно. Но если держаться стены, можно использовать ее для частичной маскировки своего силуэта и обнаружить мину, а тем паче «растяжку». Кроме того, держась стены, можно без напряжения сохранять верное направление и вовремя заметить любое ответвление, даже на ощупь, хотя я давно вижу в темноте лучше, чем при ярком свете,

который, кстати, терпеть не могу. Вообще тоннель оставлял впечатление полной разрухи: бетонные стены и своды еще держатся, но сама дорога покрыта язвами рытвин, сточные желоба по обеим сторонам трассы забиты щебнем, бумажным мусором и всяческой ветошью, не поддающейся точной классификации. В случае чего, укрыться в таком бардаке проблем не составит, хотя и следует сделать галочку на будущее, что мест для засад очень много, да и кто мешал тем же сектантам поставить простейшие контактные противопехотки, которые в таком хаосе трудно обнаружить. Нет, быстрой пробежки не выйдет, это лишние час-полтора, если брать на круг.

Там, где дорога обрывалась, была небольшая, примерно десять на пятнадцать метров, площадка с непонятной мне тускло светящейся разметкой на бетонном полу. Возможно, здесь машины разгружались. В подтверждение своих слов я увидел прямоугольный, высотой под три метра, провал шахты грузового лифта. Дверей там не было и в помине, шахта казалась свободной, потому что в тишине явственно слышалось эхо шумящего водяного потока, протекавшего уровнем ниже. Думаю, спустаться придется метров на сорок-пятьдесят. Вот и нашлась заветная дверца! Теперь следует не торопясь все осмотреть и возвращаться обратно.

Но начатое было мной движение прервал отчетливый звук, как будто металлом били о камень. Я распластался на полу, укрывшись за кучкой щебня, так как направление, откуда слышалось звяканье, было где-то впереди и слева. Кто-то поднимался по лифтовой шахте. Скорее всего, я напоролся на еще одну группу «исследователей». Сектанты вряд ли полезли в тупиковую ветку тоннеля, значит, эти тоже не местные. Вариантов принадлежности любознательных путешественников могло быть множество: от военных рейдеров до каких-нибудь мелкотравчатых энтузиастов. Последний вариант был предпочтителен: этих никто не хватится, и предстоящая встреча «высоких договаривающихся сторон» пройдет без особых последствий для моей артели.

Мелькнула тень в дверном проеме, и я понял, что это точно не новички: две темные фигуры метнулись в стороны от лифта, заняв позиции таким образом, чтобы держать под прицелом как можно больший кусок помещения. Опустив глаза на ПНВ, я стал внимательнее приглядываться к вновь прибывшим. Пока их было двое: примерно одного роста, вооружены МП-5¹, модификация с интегрированным «тихарем». У каждого закреплен с левой стороны за спиной отличный гладкоствольник «Nova»² с магазином увеличенной емкости, тактические кобуры с пистолями. Черт, не вижу толком, что это, но вариантов не так много — скорее всего, амеровские или германские игрушки, тоже «глушеные». Мы имеем здесь легкую экипировку и снаряжение разведчиков. Прикинуты в БЗК типа СКАП-9, но в облегченном варианте. Значит, ножками сюда пришли, но бродят по тоннелям недолго: двигаются резво, еще не чувствуется воздействия местных условий. Эмблем никаких. Стоп. Метки на груди справа у каждого. Едва заметные, но различить можно, если знать, куда смотреть, когда глядишь через ПНВ, чтобы не зацепить своего в бою... Вояки. И точно не местные. Эти горлохваты из другой псарни: такая экипировка только у наемников или какого-нибудь сильно специального ведомственного подразделения. Я бы поставил на частную спецслужбу или нечто забугорное. По повадкам — точно не наши и не вояки из местного контингента, чувствуется серьезная подготовка, не год и даже не пять лет.

Пока я рассматривал прикид пришельцев, появились еще трое, и один из них сразу стал давать команды жестами. Отметив про себя особенности силуэта, я сместился чуть левее, чтобы отползти как можно дальше назад. Кстати, я вычислил по повадкам, что это наемники

¹ Немецкий пистолет-пулемет MP-5SD, имеющий несъемный интегрированный глушитель. Этот вариант предусматривает применение стандартных патронов калибра 9 мм со сверхзвуковой пулей, поэтому в стволе выполнено 30 небольших отверстий, через которые часть пороховых газов отводится в заднюю расширительную камеру глушителя. При этом скорость пули снижается до дозвуковой.

² Benelli «Nova» tactical — неприхотливый мощный дробовик, приспособленный для любых типов б/п 12 калибра, включая самые мощные.

на государственной службе. Кто-то затеял игру «втемную» и подрядил серьезных профи из частной шараги «Blackwater»¹. Это означало очень хреновый расклад: в этой фирме людям платят за результат, и они его добиваются любыми средствами. Очень все непросто повернулось. Пока что тактическое преимущество целиком на моей стороне, и если разыграть карты правильно, мы можем выйти из этой переделки даже без потерь. Была только одна загвоздка: вряд ли эти пятеро — вся группа. Скорее всего, есть еще пяток гавриков на нижнем уровне и, как минимум, трое ожидают своих на поверхности. Пропускать их вперед нельзя — моих парней быстро обнаружат, и тогда шансы станут не в нашу пользу, потому что уверен я только в себе да в латыше. Остальные долгого боя с этими волкодавами не выдержат, их раскатают тонким слоем. Сосредоточившись, я попробовал прощупать новых знакомых дистанционно, чтобы уловить их настроение и, возможно, снять кое-какую информацию. Но как только я перешел к командиру, то почувствовал ответную волну. Слабое, но достаточно уверенное сопротивление, неорганизованное и скорее даже инстинктивное. Быстро прерывать контакт было нельзя — этот гражданин сразу насторожится, поэтому я медленно ослабил напор, постепенно сведя его на нет. В подобных условиях — под землей и в полумраке — можно списать подобное на общий угнетающий фон вполне естественного происхождения. Командир наемников не слишком долго паялся в темноту. Хотя ощущения у меня были так себе. Впрочем, под пятью стволами, шарящими почти у самого носа, другие получить сложновато.

Нужно было убраться отсюда и предупредить Норда. Стараясь двигаться как можно тише, я отполз еще метров на тридцать и в полуприседе стал осторожно пятиться за поворот, откуда подал сигнал своим по давно отработанной схеме. Теперь Юрис знал, кто и с какой экипировкой идет к нашему лагерю², и даже в случае моей гибели наемников ожидает «теплый» прием. Наймиты ни черта не услышат — тоновый сигнал, означающий «всем на огневой рубеж, приготовиться к бою» я послал без малейших опасений, находясь за поворотом. Сейчас амеры заняты изучением местности, может, потянут проводную связь со своими, всякое может случиться. Поэтому план был прост: я затихаюсь где-нибудь по центру в куче щебня (канавы-то проверяют очень тщательно), пропустив наймитов капитала вперед. Потом пойду за ними и, как только Юрис подорвет «гостинцы», под прикрытием взрывов положу этих гавриков. Экипировка у них рассчитана на диверсию и скрытность, поэтому от серьезных повреждений не уберезет. Если все не лягут от взрыва — Колин пулемет, да наших как минимум еще пара стволов склонят чашу весов в пользу полупрофи в нашем же лице. Это-то в идеале и должно произойти. Но вот проблема: сильно меня беспокоил один из наемников, уж очень нехорошо получилось там, у лифта. Парняга имел в башке нечто, не свойственное обычному человеку. Напрашивался очевидный вывод: команду усилили «сенсом». Так называют особо восприимчивых людей, которых не следует путать с гражданами, смотрящими в хрустальный шар и предсказывающих дальнюю дорогу и крестовые хлопоты. Мне приходилось слышать, что амеры переняли методику отбора «чувствующих» у пленных фрицев, которых после войны не вздернули и не упустили к нам или в Южную Америку. Немцы подбирали в диверсионные команды людей, чувствующих неладное или, к примеру, где залегает водяная жила. Но из-за войны программу свернули, и

¹ «Blackwater» — ЧОП, которое на данный момент является крупнейшим из трех частных контрактных агентств Государственного Департамента США. В нем насчитывается в общей сложности более тысячи наемников с реальным боевым опытом. Как минимум 90 процентов дохода «Blackwater» идет от правительственных контрактов, две трети из которых являются контрактами на неопределенное время. Эмблема — белый медвежий след в овале красной прицельной рамки на черном поле.

² В разведподразделениях существует система кодовых сигналов и отработанных схем поведения в различных ситуациях, когда нет времени для постановки задачи в форме словесного приказа. Для этого разрабатывается ряд шаблонных схем, включающих в себя набор тактических приемов, позволяющих эффективно и в довольно короткий срок организовать противодействие в быстро меняющейся обстановке боестолкновения. Отрабатываются на учениях, эффективны в случае потери связи или нахождения подразделения в зоне, где радиосвязь затруднена.

в следующий раз я услышал о «сенсах» во Вьетнаме. Там их включали в диверсионные группы глубинной разведки. С такими людьми в составе американские диверсанты умудрялись обходить засады Вьетконга и обнаруживать минные поля. Но этих спецов тоже было немного, и ходили слухи, что все они — кадровые сотрудники военно-морского разведывательного ведомства. Потом было много пересудов, но я верю, что дыма без огня не бывает, посему, когда испытал странное воздействие от простого наемника, то хоть и был удивлен, но не сильно. Подобный человек должен быть убит в первую очередь, так как эта гнида почует моих парней задолго до момента, когда придет пора рвать мины.

В старые времена обмануть «сенса» мне было бы очень нелегко — способов борьбы с такого рода воздействием еще не придумали. Теперь же все было немного проще: достаточно чуть напрячь свои новые способности, и «сенс» меня не почует. Хотя и на этот раз полной уверенности у меня не было. Правду говорили в древности: если знаешь себя, но не знаешь своего врага, то лишь однажды сможешь его одолеть. Кто его знает, клоуна заморского, как он чувствует опасность?.. Может уловить напряжение и насторожиться, а может и просто пройти мимо. В любом случае, ничего лучшего, чем наблюдать за противником и идти следом на приличном удалении, сделать пока не представлялось возможным.

Противники шли правым уступом, держась поближе к западной стене. Шли они без разведки, из чего можно было сделать вывод, что на исследование данного участка им отведено весьма ограниченное время. Построение давало группе возможность быстро рассредоточиться и занять оборонительные позиции даже при внезапном нападении. Судя по тому, что никто из наемников не сменил оружие, в качестве угрозы рассматривались именно другие люди, а никак не зверье. То, что ищут именно нас, я исключил с самого начала: экипировка рассчитана на подземку и штурм зданий, обыскивают они не только этот рукав, иначе расположились бы именно тут и с гораздо большим комфортом.

Двигались наемники с осторожностью, проверяли каждый подозрительный угол. Я лежал за кучкой щебня, недалеко от поворота. Выбор пал именно на нее из-за того обстоятельства, что мусор скрывал довольно глубокую рытвину в покрытии дороги и кучка казалась меньше, чем была на самом деле. Осторожно вырыл себе нору, проделал пару наблюдательных щелей и замер...

Если твой противник не новичок в подобного рода фокусах, шансы на то, чтобы переиграть его, кроются в нюансах. Рытвина, где мог уместиться человек, как раз была таким козырем: снаружи мое укрытие выглядело как небольшой холм с торчащими в разные стороны щепками, выступами и отслоившимися кусками бетона. Обратив внимание, само собой, обратят, но вот проверить — это дело случая. На этот самый случай я был готов угостить наймитов из пистолета и откатиться в канаву. Шансы на то, что удастся уйти, были минимальны, но лучше так, чем безропотно поймать пяток пуль в лицо или быть захваченным в плен.

Их редкая цепь медленно приближалась. Командир наемников крутил головой в разные стороны: что-то ему не нравилось, но придраться было не к чему. Момент получился очень напряженный: через обрезок какой-то ржавой трубы были хорошо различимы даже мелкие детали экипировки. Судя по состоянию комбеза и ботинок, наймиты находились в рейде дольше нашего, а под землей лазают уже около недели. Это лишний раз подтвердило мою догадку, что встреча не была запланированной. Кто-то подрядил ребят пошарить в тоннелях с совершенно иной задачей и, судя по тому, что они еще живы, пока все шло нормально. Наемник постоял у кучи еще минуту и, еле слышно чертыхнувшись на иностранной мове, сменил руку, в которой держал МП-5. Отступил на два шага от кучи, направив ствол точно в центр, дал короткую очередь, а потом еще пару раз полоснул по канаве у дальней стены. Одна пуля прошла рядом с моим правым плечом, а остальные с визгом срикошетили от стальной трубы и куска арматуры. Раскапывать мусор наймит не стал, просто отвел затвор оружия в заднее положение, выщелкнул рожок магазина, пошарил в подсумке и вынул горсть патронов. Затем стал нервно набивать его, а потом пристегнул снаряженный магазин, хлопнул по затвору, дослав патрон, и снова замер, прислушиваясь. По-прежнему было тихо.

Осмотревшись еще раз, командир наймитов чуть успокоился. Постояв у кучи мусора, он дал сигнал своим двигаться дальше.

Поведение «сенса» сильно порадовало: когда противник нервничает, то поневоле совершает ошибки. Немногие могут долгое время спокойно ходить на большой глубине под землей, без света, и дышать затхлым воздухом. Процентом шестьдесят даже подготовленных и тренированных бойцов сходят с ума уже на пятые сутки пребывания в подобных условиях. Помню, как психологи дивились моей способности к многочасовому сидению в узком и темном пенале специальной камеры. Я читал страницы из заготовленного ими текста ровным, спокойным голосом и продержался почти сорок часов без пищи и воды, продолжая рассуждать вполне здраво. Получил высокий балл по выживанию, и еще месяца два ко мне приходили люди в штатском, задавая всякие вопросы, смысл которых сводился к тому, как мне подобное удалось. Хотя, на мой взгляд, ничего особенного в этой способности нет, просто нужно воспринимать и оценивать свое положение, исходя из внутренних ощущений, настраивать себя не на противодействие окружающей среде, а на поиск некого общего знаменателя. Тогда даже узкий пенал покажется домом родным.

Дождавшись, когда наймиты скроются из пределов уверенной видимости, я выбрался из укрытия и, пристроившись возле восточной стены, немного подождал. Так и есть: командир наемников был умен и к куче, в которой я прятался, вернулся один из его бойцов, но, ползав вокруг и для проформы пошарив в канавах на обочинах трассы, через десять минут на рысях удалился. Если чего и заподозрили, то никаких адекватных действий предпринято не было. Чуть помедлив, я двинулся вслед за наемниками, стараясь удерживать в уме направление движения последнего бойца в цепочке. Пискнул сигнал маршрутизатора — там я загодя отметил безопасную зону, в которой поражающие элементы меня не достанут. Опустившись на землю, залег в канаву и приготовился: ждать оставалось какие-то мгновения. Взрывы прогремели один за другим с интервалом в десяток секунд. Потом по стенам и полу, почти опережая звуковую волну, защелкали, с визгом рикошета, поражающие элементы и послышались крики боли. Присев на одно колено, я опустил на глаза ПНВ и вскинул автомат. Двое из пяти наемников не пострадали и, уже окопавшись, вели огонь, перестреливаясь с моими бойцами. Еще одному наймиту перебило осколками ноги, он глухо выл, катаясь по полу, и опасности не представлял. Выжившими оказались командир группы и тот настырный парень, что приходил обыскивать мое предполагаемое укрытие. Видимо, последнему просто повезло и он успел броситься на землю чуть раньше, чем его смогли достать взрывы мин. Парень потянулся за дробовиком, этого нельзя было допустить. Я дал прицельную очередь из автомата: три пули прошли спину наемника, прервав его лихорадочные попытки высвободить ружье. Парень дернулся и ткнулся лицом в пол. За криками раненого негромкий стрекот моего «глушеного» АЕК слышен не был, тем более, что я стрелял с достаточного удаления: нас с мишенью разделяло около шестидесяти метров. В этот момент что-то заставило «сенса» — а именно он раньше своих бойцов почуял подлянку — обернуться назад. Наймит крутанулся в мою сторону, но вскинуть оружие не успел — со стороны позиций моих артельщиков прилетела одинокая пуля и, срикошетив от стены, ударила командира в левый висок. Голова в шлеме дернулась, и фигура распласталась на земле в неудобной для живого человека позе. Гостинец точно был от Норда: таким мастерским рикошетом он покалечил не одного врага, вот и на этот раз мой друг почувствовал, что этого дяденьку мы допрашивать не будем. Я отжал тангенту короткой связи и дал отбой тревоги, после чего на рысях подбежал к месту, где легла вся группа наемников, и быстро спеленал раненого. Тот уже перестал орать, видимо, от боли не врубился, что все уже закончилось. Затем быстро проконтролировал остальных, хотя сомнений не было: все четверо уже были «в полях большой охоты». Мигнув фонариками, подошли Норд и Коля. Последний тарашил глаза, в его движениях ощущалась нервозность: азарт боя еще не отпустил бывшего десантника. Норд как всегда был спокоен, только перевернул на спину свой законный трофей — «сенса».

— Странный человек. — Юрис равнодушно, без интереса всматривался в

остекленевшие глаза наймита. — Он первым кинулся на землю и, зуб даю, точно знал, где я залег. Стрелял в него три раза, могу что хочешь поставить на кон — все три пули должны были попасть над левой бровью. Но он как заговоренный был. Может, старею, а, командир?

— Нет. Это «сенс». Он тебе глаза отводил. Он чуял, что ты его выделил, и поэтому вроде как морок наводил. Слышал я про таких... А с рикошетом это ты ловко придумал.

— Надоел он мне. Патронов на этого хитрована четыре единицы сжег. Я так с «учебки» не прокалывался. Можно я этому козлу уши отрежу?

— Имеешь право, но есть предложение получше. Видишь ли, наши гости пришли не одни, и через пару часов их придут искать. Нам нужно подготовить пару сюрпризов для встречи. А из этого предлагаю сделать «Аллардайса».

— Это еще что за хрен с горы? — поинтересовался Коля, активно шмоная трупы.

— Темнота деревенская! — заметил, едва улыбнувшись, Норд, — Стивенсона, что ли, не читал?

— Читал, читал. Даже мультик смотрел.

— Аллардайс — это матрос капитана Флинта, из которого старый пират сделал компас, — это подошел Андрон. — Но ведь не получится из свежака скелет сделать, если друзья его через пару часов подтянутся.

— А мы и не будем. — Юрис с нехорошей ухмылкой достал широкий нож с вороненым, обоюдоострым клинком. — Нам для «Аллардайса» только башка от покойника нужна. Ты лучше иди, поищи арматурины попрямее, метра полтора длиной.

Моя идея была проста, как три копейки: взрывы наверняка все слышали, но сразу соваться не станут (мало ли кто и что взорвал), дождутся контрольного срока. Это никак не меньше полутора-двух часов. Потом, само собой, вышлют поисковую группу. Поэтому наша главная задача — запутать противника и, если получится, напугать. На последнее я не рассчитывал: эти наймиты гораздо более серьезная контора, чем наша местная самодеятельность, там подготовка почище, чем в армии, да и без опыта в «черноводье» не берут. Короче, реально исполнимой была только первая часть — запутать.

Мы за полчаса перетаскали трупы к заваленному боковому ходу, который был позади, метрах в ста тридцати, и сложили их и выведенное из строя оружие вместе со всеми найденными гильзами в неглубокий отвал. Из пластита я соорудил небольшой мощности заряды, которые должны были обрушить вход окончательно. Юрис взялся мастерить пугало, а мне как всегда пришлось допрашивать переставшего даже скулить пленного. Звали его Кевин, он десять лет отработал в чикагском полицейском спецподразделении SWAT (нечто вроде нашего ОМОНа, даже понты те же самые), но про нанимателя он ничего сказать толком не мог, единственное, что знал наверняка, так это то, что их командир ездил договариваться о деталях сделки в район Свалки. По всему выходило, что это Боров, хотя что понадобилось местному положенцу так близко от владений сектантов, не понятно. Было их двадцать человек в группе, двоих потеряли во время пути сюда, еще на поверхности. Остальные рассредоточились у водозабора, который лежит уровнем ниже. Задача была поставлена на составление подробной карты и поиски выходов на нижние горизонты сооружения. Больше он ничего не знал, поэтому быстро присоединился к своим покойным братьям по оружию. Информация о проиcках местной уголовной «элиты» мало что проясняла и сама по себе выглядела очень странно: Боров никогда в дела «Братства Обелиска» не лез. Сектанты стреляли всех подряд, не делая никаких исключений, для уголовников в том числе. Может быть, были контакты на уровне глав группировок, но не думаю, чтобы заходило дальше обмена пленными и мелкой торговли. Наиболее вероятным выглядел вариант, где уголовный авторитет выступал в роли посредника или как подставная фигура для более серьезного игрока, не желающего светиться, в случае если наемников раскроют и будут допрашивать. Но, зная сверхъестественное чутье подобного сорта людей на слабину противника, нельзя полностью исключить, что Боров начал собственную игру, получив одобрение своих действий от начальства. А что? Описал возможную прибыль, воры дали отмашку, и вот наш Боров уже шустрит всю. Обстановка в Зоне отчуждения день ото

дня становится все горячее, так почему бы и этим шакалам, почуявшим падаль, не начать подбираться к возможной добыче? Тогда все встает на свои места: сектантов кто-то будет трясти, и довольно серьезно, вот шакалы и оживились...

Подорвав заряды, похоронившие под обвалившейся породой и грунтом тела наемников, мы двинулись к лифтовой шахте, прихватив с собой «заготовку» для пугала. Я осмотрел свое воинство. Все держались довольно бодро, даже Михай почти перестал хромать: Сажа сказал, что отдых помог заживлению, и если еще пару раз остановимся на длительный привал, то нога перестанет беспокоить нашего подрывника совсем. Понятно, что все устали и хотели выбраться на поверхность как можно быстрее, но в нашем случае спешка была строго противопоказана. Кроме наймитов, активность в тоннеле могли засечь и сектанты. А уж они-то без церемоний просто вырежут всех, не считаясь с потерями.

Добравшись до лифта, остановились, готовясь к спуску. Смущал меня только наш алхимик, но, зная, что этот странный любитель всяческой информации полезет куда угодно, лишь бы увидеть и узнать как можно больше, я просто показал, как правильно спускаться по тросу. Тот кивнул и без труда повторил все, что я только что показывал. Вообще, данный субъект оставлял двойственное впечатление и брать такого в отряд совсем не хотелось: само собой, что любой из нас преследует свои цели, присоединяясь к группе... Но их цели видны и понятны, чего про Сажу сказать нельзя.

Пугало из «сенса» получилось знатное: Норд отрезал командиру наемников голову и насадил на найденную Андрonom в подземелье деревянную ручку от швабры, заботливо заостренную латышом с обоих концов. Один конец воткнули строго вертикально в кучу щебня прямо посередине тоннеля, а на другой насадили обрезанную точно под подбородком башку наемника, развернув ее лицом к проему шахты лифта, чтобы шест было хорошо видно тому, кто снова вздумает сюда сунуться. Тело положили чуть поодаль, поскольку труп являлся частью моего плана прорыва через посты наемников. Собрав бойцов в дальнем от лифта краю парковки, я провел короткий инструктаж. Согласно заветам опытного в таких делах А. В. Суворова, каждый солдат должен узнать свой маневр. Другой вопрос, какую часть маневра должен знать каждый...

— Группа, слушай вводную. Сейчас мы спустимся на пару уровней ниже. Там, согласно захваченным у противника документам, пролегает сеть воздушных коммуникаций, которую наймиты уже проверили. После этого ныкаемся там. Сидим тихо и, что бы ни происходило, не делаем резких движений. Думаю, придется гаситься в трубе часов пять-шесть, а потом резкий рывок вверх, к лагерю наемников. Сбиваем заслон, если они оставят его, и выходим на свежий воздух. От базового лагеря противника до поверхности пара километров почти ровной дороги и еще одна шахта лифта. Но думаю, что там мы изыщем способ подняться наверх. Это все. Вопросы?

— Командир, — вступил Николай, — а почему сразу не ломануть к выходу? Ну, пока амеры ищут своих...

— Хороший вопрос. Думаю, ты сам сейчас на него ответишь и в дальнейшем будешь больше мне доверять. — Не удержавшись, я улыбнулся, но в темноте Коля ничего не заметил. — У тебя нож есть, десантура?

— Само собой. — Пулеметчик показал мне довольно приличный клинок, с матовым односторонним лезвием (по-моему, одна из модификаций амеровского «K-bar»). — А что?

— Подойди к трупам господина «Аллардайса» и вырежи произвольно любой лоскут из его комбеза. Потом посвети фонариком на ворс и скажи всем, что видишь. Выполнять!

Подстегнутый последней фразой как кнутом, хоть я и не повышал голоса, просто чуть сменил тон, Коля подошел к безголовому трупам и, взрезав у него ткань комбеза на груди, посветил на края фонариком. Потом хмыкнул и показал остальным: ткань по краям разреза серебрилась тонкими металлическими ворсинками. Ничего больше не говоря, бывший десантник встал в строй, с суеверным удивлением поглядывая на меня. Я объяснил для остальных значение Колиного «открытия»:

— Амеры установили в опорном пункте и вокруг него автоматизированную систему

защиты. Там кругом датчики, и система мониторинга обстановки работает по принципу опознавания «свой — чужой». Вот эти металлические ворсинки позволяют умной машине отделить, так сказать, агнцев от козлиц. Скорее всего, в комплекте есть и минные заграждения, а также телеуправляемые пулеметные турели. Пространство прохода узкое, не более четырех метров в ширину и около трех в высоту. Если на нас не будет волшебных костюмов с этими малюсенькими полосками проволоки, тех, кого не достанут мины, турели расстреляют в упор.

— Тогда как же мы пройдем?.. — вступил Андрон.

— Как всегда — налегке и очень быстро, и, что самое главное, почти бесшумно. — Юрис хохотнул в кулак. Латыш отлично знал мои приколы. Подобный прием мы уже применяли, правда, на учениях, но в результате я особо не сомневался. — Амеры, по крайней мере эти, своих в беде не бросят. Сначала пройдут наш с вами путь до завала, потом спустятся туда, где еще не проверяли, — дальше по течению канала на северо-восток, это будет на уровень ниже. Базовый опорный пункт им придется перенести, а мы просто пройдем к выходу, пока они ищут своих. Ведь наймиты думают, что тот тупик, где мы зарыли их приятелей, мы же и обвалили. Это заставит их искать обходной путь к заваленному проходу, а это можно сделать только спустившись на уровень ниже. Пусть ищут сектантов: насаженные на пику головы — их стиль. Тонкой работы от нас никто не ожидает. Это все. Выдвигаемся.

Спуск в полной темноте, да еще и без ноктовизора — дело нелегкое. Из всей группы только я и Норд имели подготовку к такого рода фокусам. Случись чего, падать придется метров пятьдесят с лишним, а удар о водную поверхность сулит множественные переломы. К тому же течение быстро унесет тело к горловине водозаборника, а это означает падение с еще большей высоты и верную смерть. Воздух в лифтовой шахте сырой, дышать становится все труднее, а комбез и РД пропитываются влагой, становясь еще тяжелее.

Первым по стене спустился Юрис и, закрепив трос на одной из монтажных скоб, мигнул фонариком. Следом спустились Сажу и Михая. Предпоследним пошел Николай: десантники, как я уже отмечал, вообще народ безбашенный, высота их не пугает. Поэтому молча и за два наших норматива я добрался до круглого, с выломанной решеткой проема воздуховода, радиусом в полтора метра. Там вполне можно было передвигаться в полусогнутом положении. Как только пулеметчик оказался в трубе, латыш снова дал сигнал, и я приступил к последнему этапу нашего отвлекающего маневра. Подтащив обезглавленный труп к створу лифта, я сбросил его вниз, а потом отвязал трос и уничтожил следы нашего спуска. Пришлось карабкаться по спирали шахты лифта, используя в качестве точек опоры монтажные скобы, скользкие выступы металлоконструкций и трещины в стенах. Этот акробатический этюд отнял еще около часа.

Когда я уже поставил ногу на край трубы, наверху раздался грохот автоматной очереди. Потом я увидел отблески света, выпускаемого мощными фонарями. Шухер получился грандиозный, а стреляли уже в благополучно покинутом нами тоннеле. Должно быть, у кого-то из наймитов сдали нервы, и теперь янки будут палить в любую подозрительную тень. Быстро убравшись подальше от входа вглубь трубы, мы стали ждать, прислушиваясь к довольно громким звукам, издаваемым паникующими амерами. К чести американцев нужно сказать, что громкими звуки их поисковой деятельности были только для нас, в остальном, кроме автоматной очереди в самом начале, они вели себя очень профессионально. Один даже посветил фонарем в нашу трубу, но внутрь никто спускаться не стал. Разместились мы в коллекторе воздухозаборника, напоминающем небольшую квадратную комнату. Оттуда в северо-восточном, юго-западном и западном направлениях вели три ответвления. Разместив людей таким образом, чтобы держать под контролем все три выхода, я дал команду на отдых. Следовало подождать, когда амеры устанут и, пометавшись по горячему следу, приступят к методичному поэтапному поиску своих пропавших коллег.

Оставив Норда за старшего и убедившись, что все штатно, я решил сам заступить в

караул, чтобы наблюдать за перемещениями противника и не прозевать того момента, когда янки начнут поднимать аппаратуру вверх. Устроившись в десяти метрах от края воздухозаборника таким образом, чтобы был виден прямоугольный створ лифта того уровня, откуда амеры поднимались вверх, я приготовился к долгому ожиданию. Будучи спокойным по характеру человеком, я никогда такими моментами особо не тяготился: по-моему, следует всегда с пользой проводить отпущенное на вынужденное сидение на посту время. Я вспоминал все, что удалось выудить из ПДА наемников. Много, конечно, было зашифровано, и доступ к файлам командира поисковой группы был весьма ограниченным, однако удалось выяснить следующее: контактировали наймиты с неким Сивко, который оставил частоту для резервной связи с заказчиком. Это была уже зацепка. Сдавать контакт особистам из «Альфы» пока не имело резона: я решил попридержать эти сведения для торга с Василем — кто знает, какая услуга может понадобиться лично мне от особого отдела, может, и уголовник, находящийся на связи с этими шустриками, на что-нибудь сгодится.

Вскоре все стихло, и теперь общим фоном шумел довольно быстрый водный поток вниз. Как я и предполагал, наемники купились на уловку и стали искать обходной путь к заваленному рукаву тоннеля. Вернее, тому месту, куда этот проход вел. По моим прикидкам, затратят они на поиски часов пять-шесть и углубятся в юго-западном направлении километра на полтора. Как только этот рубеж будет пройден, они свернут опорный пункт и перенесут его ближе к проверенной, безопасной зоне. После чего у нас будет около получаса, чтобы продвинуться к выходу, до которого метров триста быстрым шагом. Думаю, что снаружи нас никто не ждет: других подземных сооружений, согласно карте, в округе нет, поэтому от Волны и мобильных патрулей сектантов лучше укрываться здесь. Хотя наличие вынесенного НП метрах в ста от точки входа я не исключаю. Наблюдателей могли оставить, это почти наверняка так. Но поскольку уровень опасности возрос, их могут с большей долей вероятности и отозвать с поверхности, чтобы разместить пост ближе к выходу, но уже под землей, а это нам на руку.

Короче, становилось очевидно: Боров или тот, кто стоит за ним, ищут возможности проникновения в исследовательский комплекс «Братства Обелиска». На карте уже отмечены пять точек, где засечены регулярные перемещения патрулей сектантов, что отражено в пометках в левом нижнем углу плана. Наймиты искали обходной путь, по которому можно скрытно обойти посты и выйти в район третьего аванпоста «Братства Обелиска». Именно там в свое время было отмечено наибольшее число боестолкновений с рейдерами «сичевых». Последние не щадили себя в попытках сначала прорваться, а затем и захватить хорошо укрепленный участок шоссе и часть плоскогорья, на юго-западе от Выжигателя. Но все было напрасно: сектанты засели крепко и отдавать ничего не собирались. Сколько народу полегло и чьи головы потом гнили на арматуре перед первым аванпостом, думаю, руководство «Січі» особо не волновало: любителей «вильного життя», всегда предостаточно.

Следовательно, цель у уголовной кодлы и одной из крупнейших группировок в Зоне общая. Что конкретно хотят получить и те, и другие догадаться несложно. Думаю, что именно в том районе находятся лаборатории, где создали «девятку», и именно там изучают возможность взломать защиту самого Обелиска. Последняя мысль заставила тревожно оглянуться. Темнота... Потом пришла боль, жуткая и всеобъемлющая... Но все закончилось так же быстро, как и началось. Неожиданно сзади раздался спокойный шепот:

— Нет спасения... Огонь вокруг... Огонь внутри... Камень поет о боли, нет покоя, радость ушла... Яркий свет... Огонь вокруг!.. Огонь внутри!..

Мое тело буквально одеревенело, но Дар не среагировал и остался чуть теплым, как обычно. Значит, угрозы нет. Пространство передо мной сгустилось в бесформенное белесое облако, которое не выказывало никаких признаков агрессии. Видимо, оно парализовало меня, защищаясь, не имея намерения напасть, а боль была наведенной. Мне давали понять, что чувствует это существо.

— Не бойся... — Шепот, тихий, как шелест ветра в дымоходе, казалось, шел откуда-то сверху.

— Ладно. — Что еще можно сказать говорящему сгустку протоплазмы, когда ты парализован, а все тело жжет, как в адском пламени?

— Кровь... Много крови... Твоя тоже... Потеряешь много... Много приобретешь и снова потеряешь... Ступающий в паутине... Пути крепки... Брат любителей живой крови... Ты сожжешь или поможешь потушить огонь?.. — Голос продолжил бормотать уже утвердительно, уже успокаиваясь, отчего слова стали более разборчивы. — Поможешь... Тоже заперт здесь... Покажу путь... Уходи... Пока не время для теней... Уходи...

— Я бы с радостью, да вот мешают. Как твое имя? — Облако чуть колыхнулось, пытаясь принять более вытянутую форму, похожую на туловище, руки и голову, но без левой ноги.

— Имя?.. Давно без имени... Иван... Звали Иван... Давно... Помню. Настенька... Запутал... Но тут знаю: те уйдут скоро... Помогу. Ты потушишь огонь, не дашь Поющему Камню умереть?

— Если смогу. — Призрак отпустил меня, вернулась возможность двигаться, но я сидел спокойно, страха не было.

— Не знаешь... Ничего не знаешь... Время почти закончилось... Время почти ушло... Выбор... Как хорошо, когда есть Выбор... Ты будешь выбирать... Прошу за Тень, прошу за Беспокойных: когда будешь выбирать, подумай о нас, не дай умереть Камню. Пути крепки... Сможешь победить Ткачей?..

— Кто это такие?

— Ты видел однажды. Увидишь снова... Будет бой. — В голове всплыл образ тумбообразного существа, пытавшегося изжарить мне мозги.

— Не знаю, я всего лишь человек. Просто человек.

Облако дрогнуло и снова попыталось принять форму человеческой фигуры. Появились даже провалы глаз. Но образ все равно был расплывчатым и ускользающим. Хотелось отвести глаза, голова начинала кружиться.

— Примешь бой, если придется?.. — В голосе призрака слышалось любопытство и... надежда.

— Да.

— Рви паутину... Ткачи не могут без нее... Силы уходят... Позову, когда можно будет идти. Огонь... Пойдешь за огнем... Там свет... Не могу выйти на свет. Ты выйдешь. Рви паутину.

— Я буду биться.

— Прощай...

— Прощай. Мир тебе, Иван.

— Покой... Мне нужен покой... Устал... Прощай, Ступающий в паутине...

Облако растаяло, словно его стерли ластиком. Воздух и темнота снова стали обычными, будто бы ничего и не происходило. Я глянул на часы: прошло уже тридцать пять минут. Вдруг в проеме створа появилась фигура человека. Бросив взгляд на ПНВ, я успел разглядеть, что это один из наймитов. В руках у него была все та же «Nova», а ПНВ работал в активном режиме. Постояв немного и поглядев по сторонам, он подал рукой знак кому-то у себя за спиной и скрылся в темноте. Чуть погодя я увидел тонкий луч лазерной указки, протянувшийся ниточкой из глубины проема, где скрылся человек. Луч был направлен под углом вверх. Потом последовали слабый щелчок, шуршание материи и звяканье металла о камень. Ребята готовили снасть для переправки оборудования. Все пошло несколько быстрее, чем я ожидал. Постепенно трос превратился в целую сеть из канатов, по которым тяжелые кофры с оборудованием неспешно двигались вверх. Отползая потихоньку назад, я вскоре оказался в коллекторе и знаками дал группе сигнал начать движение следом за мной. Вид у бойцов был довольный. Сорок минут отдыха, даже в крошечной тьме, не снимая снаряги, — это царский подарок.

Через двадцать минут мы уже сидели в трубе, у самого ее края, а я карабкался по стене, чтобы первым войти в тоннель, покинутый наемниками Борова. Прodelать обратный путь до

середины не составило большого труда, так как все снаряжение я оставил в трубе, а из оружия при мне имелись только «Грач» и нож.

Броском преодолев нижнюю кромку створа, я метнулся вправо и, присев, замер с пистолетом наготове. Вроде тихо и движения никакого... Пройдя чуть вперед, я остановился: меня обдало волной огненного жара, а на уровне десяти сантиметров от пола вспыхнул крошечный огонек. Призрак говорил, что нужно идти за огнем... Присмотревшись внимательнее, я понял почему. На стенах и полу в определенном порядке стояли растяжки. А через десять метров я увидел и амеровские «клеиморы» с инфрадатчиками. Но огонек уверенно плыл впереди, показывая путь и возвращаясь, если я задерживался. Тоннель был прямым и заканчивался обычной лестницей в три пролета, ведущей наверх в просторную прямоугольную комнату. За ней был еще один узкий коридор и «стакан» колодца, аккуратно прикрытый тяжелой крышкой со штурвальным запором. Взобравшись по скобам до люка и проверив его на всякий случай на сюрпризы, я осторожно приоткрыл крышку. Тусклый свет закрытого облаками солнца был за узкой кромкой ржавого железного колпака. Путь наверх был найден.

Вернувшись обратно по схеме, подсказанной огоньком, я закрепил и бросил вниз витой шнур страховки. Норд его подхватил, и мы благополучно переправились наверх.

— Все за мной след в след. Наши коллеги оставили нам пару гостинцев, но я знаю, как их обойти. Сажа, ты будь особенно осторожен. Андрон, присматривай за нашим гостем. Начали движение. Вперед.

Была пара тревожных моментов. Коля и Андрон чуть не похоронили нас всех, а с последнего даже пришлось по миллиметру стягивать проволоку «растяжки», которую молодой старатель почти вытянул на себя. Наконец мы выбрались к люку, и тут я почувствовал, почти физически, как волна всеобщего облегчения пробежала по ряду моих усталых артельщиков.

— Всем собраться! — негромко, но со значением сказал я, чтобы все прочувствовали важность момента. — Мы еще не выбрались, наверху может быть даже опаснее, чем здесь. Сейчас Норд поднимется первым и разведает обстановку. Без его сигнала никто никуда не идет. Все поняли?

Возражений не последовало. Юрис молча собирал свой винтарь, и когда он, уже дослав патрон, посмотрел на меня из-под маски, я увидел, что снайперу весело. Намечалась охота, латыш никогда особо не любил подземелья. Поэтому задание было ему практически по кайфу.

Я настроился на восприятие, хоть это и было тяжело после долгого рывка по канализации. Нет... Ничего подозрительного, но это мало что дает. Норду я доверял, поэтому решил положиться на его чутье. Так прошло около часа, пока люк наконец не открылся и Юрис не показал кулак с отогнутым вверх большим пальцем. Все было чисто.

Один за другим мои бойцы и заложник поднялись по скобам. Я задержался, подумав, что призрак вернется, и еще минут пять всматривался в темноту лестничного проема. Ничего не произошло. Видимо, Иван сказал и сделал все, что должен был сделать, и попросил то, о чем хотел. Я тоже поднялся наверх, чуть прикрывая глаза. Холодный осенний ветер горчил и пахнул дождем, по левую руку тянулась полоса деревьев грязно-рыжего цвета. Мы вышли у Ржавого леса. Что же, это не так уж и плохо, хоть и придется давать крюк километров в пятнадцать — двадцать пять, чтобы обойти его стороной. У люка лежали два свежих трупа. Норд показал на аккуратно свернутые шеи у обоих. Кто бы это ни сделал, жертвы не успели ничего сообразить: оружие, валявшееся рядом, даже не воняло, им не успели воспользоваться.

— Ты их?

— Не-а. Кто-то полчаса назад тут побывал. Следов никаких. Я помыкался и позвал вас. Вроде чисто пока.

— Расслабься по поводу этих. — Я ткнул носком берца в висок лежавшего ближе ко мне покойника. — Тот, кто это сделал, просто оказал нам услугу. Вон, «качель» возле пня

крутится. Покидайте их с Колей туда. Обшмонай десантуру перед тем, как на базу придем: как бы он с трупов чего приметного не поднял на память. А я пока маршрут тянуть буду. Все, в темпе вальса, Юрис. А то и так задержались мы тут. Место уж больно мне не по душе.

Закончив работу, мы колонной по одному двинули в сторону базы «Альфы». Беспокоило меня только то обстоятельство, как бы местные не наложили лапу на башню ввиду нашего долгого отсутствия. Но до нее еще следовало добраться, дорога пролегла по малохоженным местам, поскольку мы вышли почти под носом у сектантов «Братства Обелиска».

Сюрпризов от данной местности я ожидал не напрасно: сектанты мало кого подпускали к своим владениям ближе, чем на пару километров, а мы вышли на поверхность в непосредственной близости от маршрутов их патрулей. Не зная их расписания, сил и средств охраны границы территории этого агрессивного клана, мы рискуем быть очень быстро обнаруженными. И самое меньшее, что нас ожидает — просто вытеснение на спорные земли северо-восточных пустошей. Но если сектанты поймут, откуда мы только что выбрались, они могут поступить и более радикально. Положение осложнялось странным поведением маршрутизатора, который отказывался определять наше текущее местоположение и не показывал карты местности как таковой: мы находились в зоне «белого шума». Сектанты тут были не при делах: некоторые области Зоны отчуждения нанесению на карты не поддавались, то появлялись на маршрутах на месяц или год, а то исчезали на вторые сутки вместе с теми, кто имел неосторожность идти по «блуждающей земле» в тот момент. Явление это описано, но не изучено, так как никто из исследователей ничего толком понять не мог: свои необычные свойства кочующие острова проявляли только в момент появления и исчезновения.

Задача передо мной стояла совсем не простая: если идти на северо-восток, мы как минимум попадем в зону действия Выжигателя. Что бы там ни говорил Шахов про безвредность для простых смертных, думаю, проверять это на себе не стоило. С другой стороны нас поджидали патрули сектантов, отличающиеся хорошей выучкой и многочисленностью. Лес на северо-западе и юго-востоке кишел агрессивной живностью, которая еще до наступления темноты схарчит наш небольшой отряд и не подавится. Оставалась узкая полоска между Ржавым лесом и северо-восточными пустошами, но теперь на месте относительно безопасного коридора образовалось таинственное и оттого еще более мне ненавистное НЕЧТО. Появление этой «блуждающей земли» было непредвиденной случайностью — джокером в рукаве Судьбы.

Были зафиксированы случаи прохождения старательских команд через такие вот аномальные зоны. Люди узнавали о том, что были на волосок от гибели, уже спустя какое-то время. Иными словами, место было как место. До тех самых пор, пока не срабатывал лишенный логики, на взгляд людей, механизм, запускающий процесс перемещения куска земли не пойми куда. Глюки маршрутизатора — вот один из двух наиболее часто упоминаемых признаков существования таких зон «белого глума». Еще отмечалось, что иногда искажается перспектива обзора и некоторые далеко стоящие объекты вдруг становятся видны невооруженным глазом.

И тогда возникал совершенно закономерный вопрос: насколько велики запасы моей удачи? Не приведет ли мое решение к гибели доверяющих мне больше чем себе парней?.. Как только ты из простого, тыкающегося носом во все косяки новичка превращаешься в командира отделения и выше, этот вопрос становится главным на все то время, пока случается планировать разного рода акции и отдавать приказы. Если все рассчитано верно — идешь дальше; если погибнет доверившийся тебе боец или даже его просто зацепит, то чувство вины навсегда останется с тобой. Пусть в конце концов выяснится, что вина лежит за пределами твоей компетенции: мало ли что может произойти случайно. Но если ты действительно выбрал путь командира, вождя, у тебя должно быть четкое понимание, что вина за промах — всегда вина командира, так же, как слава и победные лавры тоже целиком

принадлежат ему же в случае, если все прошло как надо и ни один солдат не пострадал.

Чтобы не возникло сложностей в дальнейшем, я отдал приказ остановиться и построил отряд, чтобы прояснить сложившуюся обстановку. Само собой, демократии в рейде быть не может, однако донести до бойцов все нюансы сложившегося положения — самый верный способ добиться наибо́льшего и четкого исполнения приказов, потому что особого выбора у них и так нет.

Когда я говорю «построил», нужно заметить, что это образное выражение: представьте себе поросшую сухостоем холмистую равнину, где слева — массив рыжего дремучего леса, а кругом шныряет масса мелкого и среднего зверья вперемежку с агрессивно настроенными людьми, пусть и вне зоны прямой видимости, но ведь все относительно, верно? Построение выразилось в том, что мы укрылись у подножия небольшого холма, выставив дозорных. На эту роль я отрядил самых надежных людей: Норда с Андроном. Первому ничего объяснять было не нужно, за годы службы латыш научился безоговорочно доверять мне, когда дело касалось руководства, а молодой старатель просто слепо уверовал в мою непогрешимость и пойдет за мной хоть куда, вообще не задавая вопросов. Прозрение придет месяца через три, когда его собственный опыт состыкуется с полученными в ходе общения со мной знаниями. Вот тогда можно будет почти на равных допускать парня к обсуждению маневров и способов решения тех или иных задач. Пока же вполне достаточно первоначального капитала доверия с его стороны.

Остальных собрал в круг и шепотом стал излагать свои соображения по поводу сложившейся обстановки. Орать, да и вообще разговаривать во время рейда без крайней нужды не стоит: человеческая речь — это нарушение естественного фона, она разносится иногда на десятки метров вокруг, она не хуже громкого гудка автомобиля или, скорее, парохода сообщит тому, кто ищет, где находится добыча. Я всегда начинал жутко веселиться, когда в книжках или кинофильмах люди, громко разглагольствуя, шли по потенциально опасной территории. Но преследующие их враги тоже умом и выучкой не отличались, поэтому «спецы» благополучно делали то, что положено по сюжету, а я получал несколько веселых минут и непонимающие взгляды соседей по ряду (если дело было в кинотеатре) или напарников по смене (если дело было на дежурстве).

— Отряд, слушаем внимательно. Положение наше лучше не стало, но выбраться все еще есть неплохие шансы. Четко и быстро исполняем приказы, и тогда выйдем к базе «Альфы» уже через двое суток. Сейчас идем быстро, останавливаться будем только на пятиминутки.

Обрисовав сложившуюся ситуацию и не услышав возражений, я дал команду двигаться по ранее проложенному маршруту, сохраняя в качестве ориентиров вершину одинокой мусорной горы на севере, а также шпиль надстройки Выжигателя (его сейчас было видно невооруженным глазом) на юго-западе. Гора располагалась посередине Свалки и была достаточно хорошо видна, хотя по прямой до нее было двое суток ходу. Если ничто не задержит нашего продвижения по кочующей земле, то выйти в обозначенные и относительно безопасные места мы сможем уже через шестнадцать — восемнадцать часов.

Сама местность не вызвала опасений при визуальном осмотре: радиоактивный фон был в пределах нормы, аномальная активность тоже. Глюки маршрутизатора в таком странном месте, как Зона, вообще чем-то неординарным назвать нельзя, тем более, что система позиционирования — штука крайне ненадежная. Но именно на такие вот странности и следует обращать внимание, если вокруг все зыбко и малопредсказуемо. Любое отклонение от нормы можно считать предупреждением, тем более, что, кроме интуиции, вообще никаким приборам доверять не следует. Машины видят и чувствуют только то, что их научили видеть и чувствовать, человек же почти всегда сможет машину переиграть, если дело касается таких тонких материй, как провидение.

Участок «кочующей земли» представлял собой широкую, километров пятнадцать по фронту, полосу, судя по показаниям дальномера — глубиной до семидесяти километров, что и было странно. Такие расстояния для местных условий — уже предел. А визуально

местность ничем не выделялась на фоне окружающего нас ландшафта: те же плоские холмы, те же заросли колючего шиповника и полуметровый сухостой. Я еще раз внимательно оглядел местность в оптику и, зачехлив верного «немца», убрал его в карман «разгрузки». Потом осмотрелся по секторам: иногда глазами углядишь то, что пропустишь оптикой. Но буквально ничего подозрительного или настораживающего не обнаружилось. Жестом подозвав Норда, я тихо стал его инструктировать:

— Юрис, дело наше — дрянь. Ни черта не чувствую, но запахло прямо-таки сидит за левым плечом. Идти вперед необходимо: другой дороги нет, люди устали и долгого боя с такой слабо слаженной группой и «грузом» на шее нам не выдержать. Поэтому слушай, как мы поступим. Ты идешь замыкающим и постоянно рубишь фишку. Молодой так и остается в няньках с «грузом». Коля помогает раненому, страхует его. Я же отхожу метров на тридцать вперед. Постоянно держи меня в поле зрения, если что не так, приказываю... — это слово я выделил особо и, несмотря на протестующий огонек в глазах друга, повторил еще раз: — Слышь, «соколиный глаз»? Приказываю повернуть к пустошам и попробовать пробиться уже без меня. Задачу нужно выполнить, заложника передать алхимикам с рук на руки. Все понятно?

— Есть попробовать пробиться без тебя.

— Отлично, брат. Следите за сигналами, так и пойдем вперед, пока не выйдем из этой «лапуты»¹ недоразвитой. Тоже мне — летающий остров. Ну, двинули, помолясь.

Тронув тангенту общей связи, я обратился уже ко всем артельщикам:

— Занять места в колонне, принять стимуляторы. Не покидать места в строю. Без приказа огня не открывать. Прием.

Все поочередно доложили о принятии приказа к исполнению. Будничная, штатная процедура внушила бойцам уверенность: их командир знает, что делает. Этого мне и нужно было. Малейшая тень сомнения, и вся хрупкая конструкция полетит к чертям.

Обойдя колонну справа, я занял место в тридцати метрах впереди и осторожной рысью побегал перед основной группой, задавая темп движения. Какие бы опасности ни таились вокруг, главным нашим врагом как всегда было время.

Первый десяток километров дался довольно легко. Редкие аномалии оставляли достаточно места для маневра, и мы пробежали «десятку» за два с половиной часа, что весьма неплохо. Но вот на пятнадцатом километре начались сложности: неожиданно стало трудно идти, как будто сила тяжести на порядок возросла. Темп пришлось снизить, к тому же с севера стал напирать странный белесый туман, сузив обзорную дальность до пяти километров. Пришлось сократить дистанцию между собой и ядром группы, чтобы не потеряться в сложившейся обстановке. Вдруг по правому флангу всплыла необычная роща искореженных Волной высоких тополей. Деревья были посажены в два ряда, образуя подобие аллеи, тянувшейся почти строго на юг, чуть отклоняясь через три километра на юго-восток, что было не смертельно. Дав команду сменить направление, я вошел в аллею первым. Так мы прошли около четырехсот метров, пока не пришлось сделать вынужденную остановку: людям требовался отдых, хотя местность и не располагала особо расслаживаться. Ощущение какой-то зыбкости, искусственности окружающего не покидало ни на секунду. Когда приходит пора идти дальше, обычно бойцы с неохотой встают, с трудом принимая необходимость того факта, что надо продолжать забег. Но только не в этот раз: даже раненый подрывник вскочил едва ли не первым. Странности «кочующей земли» достали всех, появился страх, люди стали нервно оглядываться по сторонам, только Норд и, как ни странно, Сажа вели себя спокойно. Последний даже оживился, все время порываясь рассмотреть казавшиеся любопытными только ему одному местные кусты и деревья.

¹ Лапута — вымышленный город, который Гулливер посетил в последнем своем путешествии, описанном в третьей части «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта. Представляет собой летающий остров на алмазном основании, перемещающийся с помощью вращения огромного магнита. Является резиденцией правящего короля, контролирующего значительную территорию в Азии (в том числе Японию) благодаря ученым, которые обеспечивают научно-техническое превосходство Лапуты.

Один раз Сажа вырвался от пытавшегося его удержать Андрона и чуть было не погиб, решив взять в руки некий артефакт, напоминающий морского ежа, только созданного из чего-то, на вид похожего на алмаз. Эта штука висела в полуметре над землей, возле странного фиолетового пятна на почве, на самой границе густого кустарника, находившегося в пятнадцати метрах от маршрута группы. Латышу и молодому старателю удалось оттащить упирающегося алхимика, хотя тот и уверял, что опасности не чувствует. Не будь у меня так мало людей, этот малахольный краевед провел бы всю дорогу до базы связанным и с кляпом во рту. То, что ему кажется, что опасности нет, еще не означает, что это действительно так. Мы замедлили темп движения, потому что мне лично пришлось вправлять «краеведу» мозги:

— Да уверяю вас, опасности никакой не было: артефакт можно было взять в руки.

— Вам раньше приходилось видеть такие предметы?

— Нет, но...

— Вы гарантируете, что контейнер сможет нейтрализовать возможные воздействия данного артефакта на моих людей?

— Нет, но это вряд ли будет что-то опасное. Я...

— Вы будете этим заниматься в свое личное время и в стороне от моих людей. Любая неизвестная безделушка здесь — это почти наверняка подвох. Не гоните волну, пока стоите по горло в дерьме, уважаемый. В следующий раз просто пристрелю и принесу вашим собратям только какую-либо часть вашего бесценного тела, как доказательство. А остальное брошу рядом с этим образчиком местного колорита.

— Но...

— Возражения не принимаются. Займите свое место в строю и больше его не покидайте без разрешения. Это понятно?

— Да. — В голосе Сажи слышалось сожаление по поводу моего крайнего невежества, но никакой обиды. Похоже, эмоции и мотивы людей его вообще мало интересовали. — Но, повторяю, опасности не было.

— Для вас — вполне допускаю, что и нет. Все, замнем для ясности. — Убедившись, что бойцы заняли свои места в колонне, я обратился ко всем: — Группа, продолжаем движение по прежней схеме. Вперед! Нам еще много нужно пройти, время дорого.

Чуть позже, осматривая местность, я обнаружил странное грязно-белое облако на одном из деревьев, метрах в пятидесяти впереди слева. Вскинул руку, давая знак остальным занять оборону, и подозвал к себе Николая. Десантник нервничал сильнее остальных. Такого следовало держать поближе к себе, чтобы он не ловил расслабон. Показав ему на облако, я объяснил задачу:

— Коля, эта фигня прямо у нас по флангу торчит. Может, это безобидный мох, а может, какая-то тварь. Я посмотрю, а ты прикройешь. Держи свою шарманку наготове, если что — стреляй. Понял?

— Да. — В глазах наемника читалось выражение крайнего ужаса, хотя он и старался скрыть его от посторонних. — Что это за место такое? Муторно мне, командир.

— Не хнычь! Всё здесь можно убить, а чего убить нельзя, от того можно убежать. Соберись, и все будет нормально, ты понял меня?

— Да все я понял, попели. — Голос пулеметчика перестал дрожать, руки уверенно сжали оружие. На какое-то время мне удалось привести его в чувство.

Мы двинулись в сторону странного объекта, осторожно огибая «облако» таким образом, чтобы нас с ним разделяло метров пятнадцать. Как только мы подошли достаточно близко, стало ясно, что это был всего-навсего запутавшийся в ветвях купол парашюта. Однако стропы были как бритвой обрезаны, и «сбруя», удерживающая парашютиста, отсутствовала: в том месте, где предположительно должен был находиться приземлившийся человек, мы увидели темное пятно. Видимо, прыгун угодил в аномалию, благополучно сожравшую его вместе с пожитками. Чуть правее виднелся еще один купол, а за ним еще

три. Судя по конструкции, это были обычные десантные «дубы»¹, их используют как наши, так и местные вояки, хотя последним достаются и более ранние модели, попадают даже иностранные системы. Но наши тут вряд ли могли прыгать. Значит, какой-то идиот из местных «мудрецов» отдал приказ о десантировании с помощью опасного в Зоне средства. А другие бедолаги все как один погибли, выполняя этот неумный приказ. Скорее всего, это случилось еще в самом начале освоения Зоны, потому как сейчас, даже за очень большие деньги, никого не заставишь прыгать с парашютом в этих местах. Потеряв достаточное количество подготовленных бойцов и пережив резкий отток желающих на контракт в поисковые группы, вояки отказались от столь экстравагантного способа самоубийства и десантировались только с помощью тросов, либо когда вертушка зависнет на достаточной для «скачка»² высоте.

Напряженную тишину нарушило стрекотание пулеметной очереди. Прикрывающий меня Коля углядел какую-то цель и без команды открыл огонь. Глушитель скрадывал звук, но мощный патрон давал о себе знать: даже хитрое изобретение алхимиков полностью не справлялось. Пули ложились в цели левее моей позиции, метрах в сорока. Взяв автомат на изготовку, я перекатом ушел вправо, плюхнувшись ничком в жесткий ежик серой безжизненной травы, осмотрелся и понял, что десантники не все угодили в аномалию. Да и не только они вышли нас поприветствовать. Десять фигур неспешно приближались к нам с юго-запада, мерно раскачиваясь. Двое упали, скошенные короткой очередью Колиной машинки, но тут же поднялись, чуть приотстав от своих товарищей. Отложив автомат, я расчехлил монокуляр, убранный было в боковой карман «разгрузки», и присмотрелся к атакующим нас существам. Трое из них, несомненно, десантура в выцветших десантных моделях БЗК «СКАП-9», с нашивками, позволяющими отнести их к подразделениям так называемых «военных старателей». От парашютной упряжи они успели избавиться, но оружие где-то посеяли. Другая часть наступавших была разношерстной, но более колоритной по внешнему виду: двое из какой-то мелкой группировки, с нелепыми банданами на головах (что в Зоне вообще противопоказано) и в самодельных комбезах, какие характерны для «сичевых», но с непонятными мне лиловыми треугольными вставками на левом плече. Один держал в левой руке дробовик как дубину, иногда опираясь на него. Причем ружье держал за приклад, а ствол втыкался дульным срезом в землю, оставляя на ней характерные отметины. Напарник «ружьеносца» был вооружен ржавым «фортом» и вяло помахивал пистолетом, что при характерной вихляющей походке было даже забавно. Остальные пятеро особыми приметами не блистали: еще двое бандитов без оружия, одетых в кожаные куртки, тренировочные штаны и демисезонные кроссовки; один научник в оранжевом «Экологе» с пробитым стеклом шлема бережно нес в руках какой-то прибор на длинной ручке с тонким продолговатым цилиндром на конце; и двое мужиков в остатках гражданских костюмов, один даже в очках с толстой роговой оправой. Все в этой теплой компании были из породы «немертвых». Кто-то с легкой руки малограмотных идиотов называет это порождение Зоны «зомби», что, само собой, чушь. Гаитянские «живые трупы» ничего общего с теми, что сейчас неспешно маршировали в нашу сторону, не имели. Настоящие зомби — это живые люди, ввергнутые в состояние беспамятства с помощью химического препарата преимущественно растительного происхождения. Они не гниют, не едят человеческое мясо и, если не прикажет шаман, агрессии не проявляют. То, что я наблюдал сейчас, никаких аналогов не имело: трупы были иссохшими в последней стадии мумификации, но достаточно свободно передвигались, некоторые были лишены голов.

¹ Парашютная система Д-1-5 серии 6. Общая масса парашюта и парашютиста — 120 кг. Возможность отсоединения купола от подвесной системы как на земле, так и в воздухе. Технический ресурс — 200 применений (уточняется в процессе эксплуатации) при условии своевременного ремонта и замены чехла купола. Масса парашюта не более 17,5 кг с полуавтоматическим прибором без переносной сумки.

² Жаргонное выражение. Имеется в виду прыжок без страховочных средств, как правило с высоты человеческого роста.

Посему сакральный императив дешевых фильмов ужасов: «стреляй им в голову» — тут не подходил. Неупокойники двигались в нашу сторону, непонятно каким образом чувствуя направление.

Убрав монокуляр, я осадил Колю, который уже судорожно менял короб в пулемете. Глаза бойца были пустыми от страха, но руки безошибочно производили все необходимые манипуляции с оружием. Подойдя к наемнику, уже не сторожась, во весь рост, я пинком вышиб готовый к стрельбе безотказный MG-4 из рук Николая, а вторым пинком, под ребра, привел десантника в чувство.

— Боец, отставить! Коля, им без разницы, как плотно ты их набьешь свинцом. Лучше обойдем стороной это шоу уродов, может, отстанут. Поднимайся и передай остальным, чтобы шли следом за мной, понял?

— П-п-понял. Есть — идти к группе. — Голос Николая дрожать перестал, и, подхватив пулемет, он на рысках двинулся к замершей в тридцати метрах в тылу команде.

Дальнейшее было похоже на театр абсурда: неупокойники некоторое время плелись за нами, кто-то из них даже пытался говорить. Но выходило только неразборчивое хрипение и противный низкий свист. Через пятьсот с небольшим метров они отстали, и больше нас не беспокоили. Сила тяжести снова возросла, я вынужден был объявить привал уже через тридцать километров, когда начало темнеть. На территории «кочующей земли» сумерки по неизвестной мне причине наступали гораздо позже, чем обычно в Зоне. Но скоро причина предстала перед нами во всей красе: оставив группу отдыхать, я предпринял рывок с целью доразведки последнего отрезка маршрута. Около двухсот метров все было нормально, пока я не обратил внимание на некий рассеянный свет и не ощутил легкий толчок почвы под ногами. Черт! Видимо, наше время подходит к концу. Пройдя еще чуть вперед и забрав влево, к источнику света, я замер: деревья расступились, открыв вид на гигантских размеров «пузырь», объемом никак не менее сотни тонн и километра два в диаметре. В центре прозрачной сферы, едва касающейся земли, пульсировал ослепительно белый «мячик», по яркости могущий соперничать с солнцем. А вокруг... Такое зрелище не пожелаю увидеть ни одному человеку, знающему, какая сила сосредоточена в свободно плавающих внутри сферы предметах. Внутри «пузыря», словно в киселе, плавали ракетные снаряды от РСЗО «Град», простые разнокалиберные мины и снаряды ствольные, ракеты «земля-воздух» и даже один истребитель «МиГ-29», величаво вращающийся вокруг собственной оси... Я живо представил себе, что будет, если взорвется хоть одна из этих приبلуд. Силища, сосредоточенная в «пузыре», была немереная, пришло время звать алхимика. Вернувшись в расположение и приказав всем оставаться на месте, я жестом попросил Сажу пойти со мной. Когда мы пришли на место, алхимик аж попятился, а затем резко рванулся к границам «пузыря», но я остановил натуралиста подсечкой и прижал его к земле.

— Спокойно!..

— Вы не понимаете! — зашептал Сажа. — Это то, что мы предполагали теоретически. Но увидеть такое самому... О-о!

— Тихо, ты! Нам нужно убираться отсюда. Как я понимаю, скоро эта дрянь в центре начнет переваривать гостинцы прикордонных вояк, и нам лучше быть где-нибудь подальше отсюда. Так, или я ошибаюсь?

— Ну, не так примитивно... Но думаю, что вы правы. И нам действительно лучше уходить. Осталось совсем немного времени.

— Сколько?

— Часов пять-шесть. Видите, как сгусток плазмы в центре э... «пузыря» меняет цвет? Так вот: как только температура внутри достигнет определенного предела, произойдет мгновенное высвобождение энергии. А потом... Даже не знаю...

Подняв отряд, мы почти бегом направились к границе «блуждающей земли». Пятнадцать километров... Мусорная гора на горизонте была уже так близко и так далеко одновременно! Судороги земли становились все сильнее. Пару раз я падал, но поднимался, матерясь в микрофон и подгоняя и так все понимающих бойцов. Семь километров... Мы

почти вышли, но сильной помехой были частые, все усиливающиеся толчки почвы. Усиливающийся гул в ушах от огромной, адской нагрузки мешал четко осмыслить исключительность наблюдаемого явления. Михай упал. Я вернулся к группе, вместе с Николаем мы подхватили упавшего молдаванина и потащили вперед. Триста метров... Тряска уже не прекращалась, и все пространство вокруг залил ослепительно белый свет, гул в ушах перерос в надсадный вой, замерший где-то на высокой ноте и не оставивший места другим звукам. Сто метров... Двадцать... Десять... Не стоять! Вперед!..

Свет стал нестерпимо ярким, гул и вой заполнили все вокруг и... вдруг настала ТИШИНА. Звонкая тишина и свист ветра. Очнулся я, стоя на коленях, а Норд вливал мне в глотку коньяк из фляжки.

— Командир! — голос друга срывался от радости. — Мы вышли. Все.

— По... Потери? — в ответ я мог только хрипеть, но Юрис понял.

— Все живы. Мы почти на Свалке. Сам не знаю, как выбрались.

— Я знаю. Ножками, брат, ножками. Полчаса привал, я и ты в первую смену. Потом по обстановке.

Хриплый смех, больше похожий на кашель, был мне ответом. В конце концов я тоже рассмеялся. Хорошо быть живым. А уже через два часа быстрого марша наш потрепанный отряд вышел к опорному пункту «Альфы», откуда до внешних постов базы группировки уже рукой подать. Поле боя осталось за нами.

1.2

На внешнем блокпосте было очень оживленно для четырех часов утра. Возле шлагбаума скопилась длинная очередь из пеших групп старателей, довольно громко выражавших свое неудовольствие тем, что теперь каждый прибывающий подвергался досмотру и регистрировался у усталого сержанта, который сидел в переоборудованном для этих целей бытовом вагончике. Общался он с желающими пройти на базу группировки сквозь узенькое окно, прорубленное специально для этих целей в задней стене вагончика и забранное частой решеткой из сварной арматурной сетки. Над окошком было красными трафаретными буквами оттиснуто: «БЮРО ПРОПУСКОВ», а ниже: «Круглосуточный режим работы. Просьба: не направлять оружие в сторону сотрудников. За невыполнение — расстрел на месте». Наша потрепанная команда заняла место в длинной очереди, а со стороны Свалки подтянулся обоз из пяти подвод, сопровождаемый бойцами с нашивками взвода охраны «Альфы». Эти ребята занимались буквально всем: конвоировали и охраняли задержанных, а также сопровождали караваны с грузом, предназначенным для нужд клана. Я, уловив момент, подошел к старшему, с лейтенантскими знаками различия на почти незаметных выточках, обозначавших погоны. Такие меры предосторожности лишними не были: будь звездочки более заметны, караванчики быстро лишились бы командира.

Это был парень примерно моих лет. Его осунувшееся лицо было покрыто недельной щетиной, черты заострились, а под воспаленными карими глазами залегли темные синие круги. Он никак не прореагировал на мое приветствие и оживился только в тот момент, когда я назвал фамилию Василя и попросил передать особисту, что нахожусь у внешней границы периметра. Бросив нечто вроде «ладно, передам», лейтенант дал отмашку замедлившему было движение обозу, для которого охрана блока уже расчистила дорогу и подняла шлагбаум. Теперь оставалось только подождать, когда «водила»¹ шепнет заветное слово Василю или кому-нибудь из особистов. Сообщить мне было нечего, просто ребята вымотались сверх всяких пределов. Да и сам я чувствовал, что силы на исходе. Что и говорить, рейд получился непростым. Спать не хотелось: благодаря методике «волчьего» сна, я достаточно хорошо высыпался во время нечастых остановок, но напряжение последних десяти суток давило с тяжестью десятитонной чугунной плиты. Хотелось просто

¹ Жаргонное уважительное прозвище командиров групп сопровождения в среде военнослужащих СА и РФ.

лечь на землю и ни о чем не думать часов сто — сто пятьдесят.

В ожидании мы провели около сорока минут, очередь двигалась медленно. За нами образовался «хвост» из все прибывающих и прибывающих групп старателей и отдельных бродяг, которые с явным недовольством комментировали нововведения «альфовцев». Мои артельщики держались хорошо, только Михая приходилось передвигать с места на место. Андрон и Сажа соорудили для сапера нечто вроде табуретки из найденного неподалеку дырявого оцинкованного ведра и походного коврика. Парень терпел, хотя видно было, что держится он из последних сил. Рана не зажила окончательно, да и где ей было затянуться, коли последние десять суток прошли в сумасшедших «рывках» и коротких привалах.

Возле будки «Бюро пропусков» наметилось некое оживление, а через пять минут в нашу сторону прошел капитан из особого отдела, которого я помнил по визитам в это заведение, а с ним пара бойцов из дежурной смены с бордовыми грязноватыми повязками на левом рукаве у каждого. Узнав меня, особист кивнул сопровождающим и сделал приглашающий жест идти с ними. Подхватив Михая под руки, наш небольшой отряд прошел внутрь периметра. Там, за будкой «бюро», нас поджидал хмурый, осунувшийся Василь с тоненькой пачкой прямоугольных листков из жесткого коричневого картона. Протянув их мне, Василь ногтем отчеркнул одну строчку на обороте верхней картонки: «Завтра, КПП — 14:30». Я кивнул, и мы разошлись.

Вопреки моим ожиданиям, башню никто не занял. Напротив, нас ожидал приятный сюрприз: как только мы подошли к воротам, они открылись, и навстречу нам вышел Слон собственной персоной. Андрон бросился к отцу. Кивнув старшему из семейства Бурыкиных (так в миру звался Слон), я отдал приказ на размещение вновь прибывших. Сам с Сажей и Михаем отправился завершать наши дела. Сапера приняли в лазарет, хотя Светланы в этот раз не было. Вместо нее к нам вышла пожилая женщина-майор и, кликнув двоих санитаров, помогла молдаванину лечь на принесенные раскладные походные носилки. Я связался по заранее условленному каналу с представителем алхимиков. Сложностей не возникло, так как, ввиду хороших отношений «Альфы» и этого закрытого сообщества, клан алхимиков имел нечто вроде торгового представительства на базе группировки. Их эмиссар постоянно находился в одном из задних помещений бара «Старательский приют», где ранее проходили все наши переговоры.

Видимо, о моем прибытии уже стало известно, потому что ответ пришел буквально через пять секунд. В сообщении говорилось о готовности посредника к немедленной встрече. Я обернулся к Саже:

— Что скажете?

— Наверное, вам лучше согласиться на встречу. Братья не станут меня устранять, так как непосредственной угрозы раскрытия тайн клана больше нет. Само собой, я пройду проверку на лояльность, но через пару дней все закончится. Вы подумали над моей просьбой?

— Хорошо, если не передумаете — возьму в группу. Но только одно условие...

— Согласен на любое. Для нас главное — знания и информация.

— Вот это и есть мое условие: без моего ведома ни знания, ни информация к вашим собратьям не уходят. Иначе просьба отклоняется.

— Обещаю... Нет! — алхимик даже прижал правую руку к груди. — Я клянусь, что ничего без вашего разрешения собратья не узнают. Хотя это и тяжело. Но я все понимаю.

— Тогда договорились. Но если...

— Клятва алхимиков священна. Мы никогда не нарушаем данного слова.

— Там видно будет. Уже пришли. Пойдемте внутрь...

Комната ничуть не изменилась, как, впрочем, и фигура в капюшоне, сидящая за столом и прячущая кисти рук в широких растрехах рукавов пыльника. Лишь легкое движение остроконечного капюшона дало понять, что нас заметили. Сажа стоял чуть позади меня слева и не двигался. Между Посредником и бывшим заложником произошел интенсивный обмен мыслеобразами. Даже с моими новыми способностями ощущалось это как эхо

далекого шепота, где не различимы ни отдельные слова, ни общий смысл сказанного. Так продолжалось около получаса, пока Посредник не мотнул головой еще раз, и тогда в комнате открылась еще одна дверь, чуть левее того места, где обретался стол. Сажа кивнул мне на прощание и вышел в открывшийся темный проем. Дверь за ним сразу захлопнулась, как будто ее и не было вовсе. Ситуация пришла к логическому завершению, Посредник вновь пошевелил головой, видимо, присматриваясь ко мне, затем заговорил все тем же ломающимся голосом, что и в прошлый раз.

— Мы рады, что наш собрат доставлен тобой в целости и сохранности, Ступающий в Паутине. Трудности были?

— Не те, о которых стоит упоминать в приличном обществе. Все в рамках, так сказать.

— Вознаграждение. — Посредник выпростал шестипалую кисть левой руки из рукава и легко провел ладонью над столешницей. С легким гудением в том месте возник плоский черный чемоданчик. — Здесь семьсот тысяч евро, на семи разных картах на предъявителя. Также в знак нашей благодарности ты получишь чуть позже некоторые предметы.

— Благодарю, рад был помочь. Обращайтесь, если возникнет нужда. — Я открыл чемодан, забрал карты и больше к нему не прикасался.

Алхимик издал непонятный мне звук, но мгновением позже пришло понимание, что он... смеется!

— Не многие бы взялись за эту работу, Тридцать девятый. Еще меньшее количество добралось бы до места, где засели наши обидчики, и лишь единицы вернулись бы обратно. Но наш собрат скорее всего стал бы уже частью узора Плетений. Ты запросил ничтожную цену за то, что сделал.

— Не уверен, при все моем уважении к вашей прозорливости. Я спас как минимум одну жизнь...

— Но потерял четыре, — ломкий голос Посредника источал сарказм.

— Нет. Буревестник поймал свою последнюю бурю. Те, кто отправился за ним следом, выбрали этот путь самостоятельно и были со своим командиром до конца.

— Пусть так. Я не силен в кодексе воинов. Да сольются их души в вечном танце Плетений. Теперь же прощай. Думаю, мы еще увидимся, Ступающий в Паутине.

— Тогда до встречи. — Я развернулся и вышел за дверь. На политесы и словесные выверты тратить время и остаток сил не хотелось, а в голове вертелась услышанная где-то фраза: «Ты заказывал ковер, ну так я его припер». Эх, вот бы никогда больше не видеть ни Посредника, ни Сажу, пускай последний и спас Михая от верной и мучительной смерти. Хотя обернись дело круто, подрывника пришлось бы пристрелить, чтобы сохранилась мобильность отряда и мы смогли уйти в прежнем темпе. Знаю, со стороны подобный поступок кажется зверством. Выбор: кто будет жить, а кто проскочит в небесный «дисбат» раньше остальных, — это будни моей профессии. Пока есть возможность, борьба ведется за жизнь каждого бойца. Но если встает вопрос: один он или все лягут вот в этом овражке, кто-то не колеблясь остается и сдерживает идущего по горячему следу врага, чтобы остальные смогли уйти и выполнить задачу. Именно так возникают легенды про непобедимость диверсантов и мало кто знает, какой ценой покупается победа.

Когда охранник вернул мне оружие и закрыл за мной дверь, усталость снова навалилась на плечи, почти пригибая к мокрому от недавно прошедшего дождя асфальту. Дойдя до ворот башни, я не торопился заходить внутрь, хотя там, на втором этаже, судя по звукам, готовилось веселье. Прислонившись к шершавой башенной стене, я поднял голову к затянутому тучами вечернему небу. Снова удалось переиграть противника и обстоятельства, вновь удалось победить и никто не погиб... Почти никто. Это я загнул, когда сказал Посреднику о скорее всего сгнувшем Буревестнике и его парнях. Чувство утраты, когда срок жизни близкого тебе человека, пусть и не друга, но товарища, истек, истончился под гнетом обстоятельств, неистребимо. Будет новый день, придут другие заботы. Но зарубка на сердце все равно останется, и нет-нет да и кольнет в самый неподходящий момент сожаление, что не остановил...

Со стороны дороги, ведущей от «Старательского приюта», слышались шаги, и в круге света уличного фонаря появилась фигура в легком старательском комбизе, с солидным рюкзаком за плечами. Человек шел к воротам башни, что наводило на мысль о намерении свести знакомство или со мной, или с кем-то из моих артельщиков. Я, как всегда, стоял вне круга света, а мимикрирующая ткань комбинезона почти полностью скрадывала очертания фигуры на фоне стены. Дав человеку занести руку для первого удара в створку ворот, я негромко окликнул визитера:

— Доброго вечера, уважаемый! Можно не стучать в дверь, жилище вроде как мое, обращайтесь, раз пришли.

Ничего подозрительного в человеке я не заметил. От оклика он смутился, но быстро справился с волнением и повернул голову на голос. Тут я узнал его: это был Денис — протеже Норда. Парень ушел после акции с «девяткой», но у меня тогда возникло стойкое ощущение, что наша встреча не последняя. Видимо, завершив свои дела в миру, он вернулся... Зацепила его Зона. Понятно, зачем он здесь, но все же придется провести беседу. Кто его знает, какого рода проблемы заставили благополучного парня снова прийти туда, где точняком таких историй будет раз в десять поболее?

— Доброго вечера, Антон Константиныч. Вот, снова к вам, если примете. — Судя по голосу, парень был рад, что так скоро нашел меня. — Были дела... Родителям деньги отдал, с работы уволился. На стройке не закрывали наряды, пока денег не сунул бригадиру. Потом позвонил по телефону, который вы дали перед отъездом, но там ответили, что пока связаться с вами не могут.

— Мы из рейда только часа три как пришли. Долго ждал?

— Третий день уже. Мужик, что в башне сидел, внутрь пускать отказался, вот я и снял номер тут, — Денис махнул рукой в сторону «Старательского приюта». — Стал наблюдать и увидел, как кто-то в башню зашел. Кроме вас, вроде некому. Вот и пошел снова, не ошибся, выходит.

— В артель ко мне тоже хочешь?

— Да. Я решил, что если возьмете...

— Можно. Однако, видишь ли, какая штука, будет совсем не весело. Зона, она разная. Тут, как и на любой войне, можно жить по-всякому и иметь свою долю приключений на свой же филей. Со мной скоро будет очень опасно водить знакомство, Денис. Есть более спокойные места. Могу походатайствовать перед разведчиками «Альфы», работа у них интересная. Наберешься опыта, пообтешешься на местности...

— Я чем-то вас не устраиваю? — парень явно обиделся. — Так научите, я способный. Юрис вам подтвердит.

— Дело не в этом, — прервал я начинающийся ненужный спор. — Все нормально с тобой, толковых ребят я сразу вижу. Нет у меня сомнений в твоих качествах. Просто предупреждаю: приключений может быть всего парочка и закончатся они слишком быстро, распробовать не успеешь. Среди моих артельщиков народ уже поживший, кроме одного, а вот вас, молодых, лучше бы побережь...

— Не надо меня беречь, я уже сам справляюсь. — Парень разозлился, но, совладав с нахлынувшими эмоциями, ответил спокойно.

— Хоп!¹ Раз такое дело, правила ты помнишь: делать все только тогда, когда я скажу, и только то, что я прикажу. Сейчас в разговоре ты пару раз меня перебил, это тоже в последний раз. В последующем наложу взыскание. Урок номер один: никогда не перебивай оппонента, какую бы чушь он ни городил, волнение и поспешность — первые враги разведчика. Все понял?

— Да. — В голосе парня слышалось облегчение.

— Тогда марш на третий этаж. Размещайся, а потом за стол. Чувствую, сегодня будет пир горой.

¹ Хорошо (тадж.).

Как я и предполагал, стол был уже накрыт. Хозяйственный Слон расставил миски и банки с консервами, варенной в мундире картошкой. Отдельно стояли блюда с квашеной капустой и таз с крупно нарезанными помидорами и огурцами — залитые подсолнечным маслом и крепко сдобренные крымским луком, овощи красиво играли в желтом свете лампочки в красивом абажуре матового стекла, неведь как попавшем сюда почти в целости и сохранности. Слон рассказал, что на второй день после сложной операции к нему в палату пришли двое странных врачей и стали вливать в капельницу непонятные препараты, которые вызвали ураганное заживление тканей, а на третьи сутки исчезли упадок сил и анемия. И уже через неделю он был практически здоров. Сбежал из госпиталя и окольными путями вернулся в Зону. Тут же он помешал двум гаврикам подломить нашу башню. Хотя последним и так не повезло: один поджарился на электрической «секретке» Юриса, а второму оторвало левую ступню направленным взрывом другой закладки. Починив, как умел, дверь, Слон решил дожидаться нас, а через пять дней от сегодняшнего начал бы собирать охотников в поисковую партию по нашим следам.

Застолье получилось на славу: только десантник наш был хмур и ковырял вилкой в тарелке, гоняя по ней кусок мяса, словно хоккейную шайбу. Налегал Коля на водку, которую Слон тоже притащил из-за «колючки», и была это наша, сибирская, а точнее иркутского розлива «Байкальская проба». После местной горилки даже мне, никогда особо «белую» не жаловавшему, было приятно ощутить знакомый привкус. Потом Коля неожиданно выдал:

— Что мы празднуем, а? У меня до сих пор эти трупачи перед глазами стоят... А если бы там все остались?.. Не хочу ходячим покойником быть! Слышите?! Не желаю я!..

Слон сграбастал распиховавшегося наемника в захват и увел из комнаты, цапнув со стола литровую бутылку водяры. Срыв был ожидаем, и я мысленно вычеркнул десантника из отряда. Хорошо, что инцидент произошел на базе, не пришлось брать грех на душу. Слон вернулся, показав мне жестом, что все улажено. Разговор, стихший было за столом, продолжился, набирая прежнюю силу и оживленность. Денис знакомился с теми, кого не знал, рассказывал что-то забавное из своей гражданской жизни. Попутно выспрашивал какие-то местные байки у Андрона. Парни быстро сошлись характерами, что было очень даже неплохо. Вдруг Юрис метнулся в подвал и вернулся уже с... гитарой! Ох, стервец! Знает же, что не люблю я этого. Между тем, латыш чуть заплетающимся языком заголосил:

— Командир, спой «нашу»! Просим!

— Про-о-осим! — подхватили остальные, которых он, видимо, подговорил, пока я мылся.

Пришлось взять в руки семиструнный инструмент и пройти по струнам. Вообще, «песни у костра» я не люблю, хотя играю на семиструнке неплохо: дед научил. Однако поднять настроение коллектива стоило.

— Тогда, граждане артельщики, извиняйте за качество — данные подкачали, ибо не певец. Но раз просите, можно и сыграть.

Ночь коротка,
Спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.
После тревог
Спит городок.
Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок...

Видимо, все, кроме Юриса, ожидали от угрюмого головореза чего-то другого. Песню эту я выучил давно, ее часто пел мой дед, аккомпанируя себе на старой потертой гитаре. Песен он знал множество, но эту пел только раз в году — девятого мая, при этом глаза его становились далекими, затуманивались слезами, будто бы видел он нечто свое, о чем никому

из родственников никогда не рассказывал.

Хоть я с вами совсем не знаком,
И далеко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного...
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоем,
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю, о чем...

Разговоры за столом стихли, все, даже молодежь, слушали старую военную песню, написанную более полувека назад таким же простым солдатом, попавшим в островок тишины и безопасности. Простые и бесхитростные слова брали за живое. Все мы живем во тьме обыденности, лишь изредка освещаемой светом яркого, всегда разного для каждого в отдельности и такого общего для всех счастья.

Будем кружить,
Будем дружить,
Я совсем танцевать разучился
И прошу вас меня извинить.
Утро зовет снова в поход...
Покидая ваш маленький город,
Я пройду мимо ваших ворот...¹

Последние аккорды стихли. Артельщики молча подняли налитую до краев разнокалиберную тару, и Слон, взяв свою битую алюминиевую кружку, дрожащим от напряжения голосом сказал:

— Третий тост, братки. За тех, кто уже далеко. За тех, кто не вернулся. Мягкой вам землицы, ребята.

Все встали и, не чокаясь, выпили до дна. Третий тост всегда пьют одинаково: никто не закусывает, стараясь вобрать и одновременно заглушить в себе всю горечь и боль за тех, кто, может быть, только вчера был рядом, отдавал последний «рог» к автомату, делил с тобой последний глоток воды, банку консервов. С матюгами и песнями пер на себе, когда ты, весь в кровище и говне, просишь: брось, уходи сам. Горестный и светлый тост — чтобы помнили. Память — это все, что павшим нужно от нас, живых. Им, видимо, спокойнее от осознания того, что они ушли, а мы чуток задержались, потому что они сделали это ради нас. Помнить — это самое малое, что может сделать живущий в долг...

Потом гитара пошла по кругу: каждый припомнил любимую песню, и хор нестройных, хмельных голосов еще около двух часов кряду мог слышать любой, кого угораздило пройти мимо башни. Потом все само собой сошло на нет, да и пьянки я никогда не одобряю. Тем более в такой обстановке, ведь в любой момент можно ожидать форс-мажора со стрельбой и фейерверками. Когда даже Норд уgomонился, уронив голову на стол, я и более-менее трезвый Слон разнесли всех по койкам, прибрав застольный бардак, и сами отправились на боковую. Добравшись до своей постели из снарядных ящиков, я снял верхнюю одежду, положил пистолет возле себя на пол так, чтобы «ствол» не был замечен со стороны. Потом рухнул и проспал без малого десять часов. Сны, как всегда, не мучили, я даже слышал всякие бытовые звуки, наполняющие дом, когда хозяева засыпают. За толстыми стенами не были различимы даже громкие ритмы улицы, Зона жила отдельно от меня эти несколько часов.

На встречу с особистом я прибыл вовремя. Начался сильный ливень, посему мы сразу

¹ Антон исполняет песню «Случайный вальс», авторы: М. Фрадкин, Е. Долматовский.

отправились в «Старательский приют», где Василь взял себе кофе и тарелку с бутербродами, а я занял стул напротив и грыз сухарики, запивая их минералкой. Никогда не выхожу из дому, не позавтракав, и не пью ничего крепче чая. А в этот раз завтрак пришелся на обеденное время и состоял из гречневой каши, приправленной свиной тушенкой с луком, солидного куска черного хлеба и кружки крепчайшего чаю с лимоном и медом, которого хозяйственный Слон привез целых три литра. Поэтому есть не хотелось совершенно, но ведь пустым сидеть и заглядывать в рот голодному собеседнику тоже как-то невежливо. Сыто цыкнув зубом, Василь отодвинул пустую тарелку и, прихлебывая нелюбимый мной напиток (даже запаха не переношу), стал излагать последние новости. Часть была мне уже известна. Кое о чем догадался. Но в целом события развивались по мало понятному мне сценарию.

— Пока тебя не было, произошло много интересных вещей... — Тут особист пересказал мне историю налета на башню, дополнив незначительными подробностями и так уже известные мне факты. А когда он усталился на меня, как бы прося разъяснений, я вынул из кармана и толкнул по столу в его сторону флеш-карту, изъятую у командира амеровских наемников. Особист мгновенно сграбастал девайс и упрятал в карман штанов. Затем опять вопросительно усталился на меня, ожидая моих комментариев.

— Это данные с ПДА командира поисковой группы, нанятой Боровом для разведки подступов к владениям «Братства Обелиска». Ребята хорошо поработали, прочесали с десяток километров подземелий. Это только часть данных. Нам пришлось быстро оттуда выбираться, поэтому зачем они там крутились и чего вынюхивали, судить не берусь. А ты пользуйся, может, и пригодится когда.

— Чего это Боров вздумал тягаться с отморозками земель наших? Никак слабину почуял?

— Не думаю, что все так просто, Василь. Вот вы накрыли неделю назад пару схронов с оружием, вскрыли агентурную сеть «сичевых» у себя на базе. Так?

— И как тебе удалось это нарыть? Тихо вроде взяли, а уже «звон» пошел. — Василь досадливо хлопнул раскрытой ладонью по столу, отчего в кружке с кофе по поверхности напитка попели круги. — Ничего тихо сделать нельзя!..

— Про утечку у вас ничего сказать не могу. Просто по пути нас догнала группа ликвидаторов. Из допроса пленных выяснилось, что это сектанты совершили нападение на мою башню, и действовали они под прикрытием. Исполнителям промыли мозги, Василь. Все должно было выглядеть так, чтобы в случае провала след вел к «Січі». Там, на карте, отдельным файлом лежит копия массива данных с ПДА командира группы тех, кого отправили по наши души.

— Значит, «сичевые» опять не при делах?

— Не надо радоваться, просто пока они хорошо прячутся, им не дали сигнал к действию. И, кроме того, принятые вами меры спутали диверсам все планы. Теперь их действия затруднены максимально, ищите их, скоро проявятся.

— Откуда такая уверенность? Или снова чего зажал?

— Не финти, «штирлиц», — осадил я нахмурившегося особиста. — Я тебе не враг, выгоды с вашего «тимуровского» движения мне никакой не надо. А не говорю большего, потому как не уверен, что прав.

— Все равно поделись, может, что и подтвердится. — Хитрый секретчик хотел сравнить выводы своих аналитиков с моими, но не желал быть обязанным мне.

— Готовится крупная войсковая операция в Зоне. Предположительная и наиболее вероятная цель — лабораторный комплекс сектантов. На этот раз «сичевых» поддержат вояки, может быть, будет еще группа со стороны. Скорее всего, пригласят нечто сводное из состава натовских экспедиционных сил или отдельных стран Евросоюза, но с амеровским командиром в рубке.

— А при чем здесь уголовнички-то наши? Или тоже строим пойдут на пулеметы сектантские? Нереально, извини. Я эту шушеру знаю, они только новичков обирать горазды.

— Верно. Но помародерить, пока у панов чубы трещат, снять свой гешефт под шумок

— вот это вполне реальная тема. Пролезут, пока вы будете пирог делить, да и стырят чего-нибудь. Шакал всегда безошибочно чует падаль, брат. Блатные поняли быстрее всех, кто в этой разборке будет крайний. Если падальщик нарезает круги на пустом месте, значит, там скоро будет пожива.

— Хорошо, допустим, ты прав. Но почему наших сбрасываешь со счетов? Мы тоже время от времени шупаем «Обелиск» за вымя, — поделился сокровенным Василь, понизив голос.

— И как успехи? Много парней сгнуло в катакомбах Припяти и украсило своими головами «аллею славы» у первого аванпоста сектантов?

— Много. — Глаза особиста потемнели, но злости в голосе не было, только затаенная печаль и обида. — Только ты меня на совесть не бери, сам каждого по имени-отчеству каждый день поминаю. Но мы многое знаем теперь. Думаю, что раз затевается большая потасовка, наши тоже пойдут. Но...

— Знаю. Своим путем полезете, и снова вам отдавят лапы, а кое-кому и башки поотрезают. Потому что как вас, так и этих шустрых забугорных дельцов, которые спонсируют акцию, ожидает жирный кукиш. Сектанты ждут нападения и встретят «гостей» ничуть не хуже, чем полгода назад. Только сейчас они не станут миндальничать и отходить назад, додавят всех окончательно.

— Военные вызовут артиллерию, за границы периметра сектантам хода нет.

— Снова мимо. Ты слышал когда-нибудь про «блуждающую землю»?

— Ну, мало ли о каких диковинах треплются у костра. При чем тут эти сказки, Васильев? Вроде ты серьезный человек, а занялся фольклором, странно это.

— Сказка, брат, не всегда ложь. По пути на базу мы прошли через такой участок, который всплыл на границе Ржавого леса.

Пришлось пересказать историю нашего путешествия через территорию «белого шума». Скрывать особо было нечего, но я ограничился сжатым сообщением на тему, почему пушки и ракеты вряд ли помогут военным склонить чашу весов в свою пользу. Василь внимательно выслушал и, что-то записав в маленький блокнот, поинтересовался:

— Так ты хочешь сказать, что сектанты выкинут всех из Зоны и, возможно, пойдут завоевывать мир?

— Нет. Только говорю, что всем вашим играм настанет конец и появится новое независимое образование, почти государство, а остальных «Обелиск» выкинет вон или истребит как класс. Теперь у них есть сила, о характере которой я пока ничего сказать точно не могу. Но случайным вялотекущим пострелушкам и экспорту хабара как основной статье дохода придет конец, это совершенно точно.

— Новое оружие придумали?

— Не только. Если все так, как я думаю, скорее, это новый союзник. Страшный и безжалостный, поверь мне: пощады не будет никому.

Лицо особиста вытянулось, видимо, мои слова подтвердили какие-то его собственные догадки на этот счет. Спрятав блокнот в нагрудный карман и наклонившись через стол, особист тихо проговорил:

— Я слышал о неких существах, которых еще никто толком не видел. Они живут в порталах, которые иногда открываются то тут, то там. Алхимики из-за них не могут больше скакать по Зоне, как раньше. наших экспериментаторов трудно напугать, но пару дней назад я видел до усеру перепуганного старейшину этого «кружка юных натуралистов». Он приходил извиняться за срыв поставок заказанных у них нашими снабженцами и начвором¹ всяких нужных вещей.

— Это только начало. Пока они не могут прорваться сюда, но сектанты прикладывают к этому усилия, и когда им это удастся, все перемерут как мухи, не успев сделать ни единого выстрела.

¹ Начальник по вооружению.

— Что ты про них знаешь?

— Ничего такого, что может тебе помочь.

— И все-таки!

— Слушай, достал ты меня. От того, что я скажу тебе, какие характеристики имеет пуля, легче не станет, когда она тебя убьет. А если засветишь знание еще где-нибудь, то накличешь серьезные неприятности на вашу «пионерскую дружину». Отстань, ни к чему это: помочь не поможет, только жизнь усложнит.

Василь еще некоторое время упирался, но я твердо стоял на своем, посему, пободавшись еще минут десять, он сдался. По большому счету я просто набивал цену: мне нужна была информация, которая могла бы подтвердить или опровергнуть посетившее меня в катакомбах видение. Так просто особист ничего рассказывать не станет. Поэтому требовалось его подразнить, притупить бдительность. Состроив скорбную морду, с видом, что делаю чрезвычайное одолжение, я предложил:

— Ну... Может, и расскажу, что знаю. Но только баш на баш: я толкую тебе про союзника сектантов, а ты откровенно и подробно излагаешь мне один эпизод, случившийся за время нашего с ребятами отсутствия. Лады?

Особист нетерпеливо мотнул головой, соглашаясь. Не полагая меня соперником по части оперативных игр и рассчитывая на скорую поживу и блистательный доклад начальству, Василь весь обратился в слух, но я осадил его прыть, заставив начать первым, и поинтересовался, дошел ли до Кордона караван, отправившийся незадолго до моего ухода в рейд.

Узнать удалось не так уж много: караван действительно был разгромлен, но высланная в квадрат, откуда поступил последний доклад командира охранения обоза, группа обнаружила крайне мало следов. Похоже, караван атаковало зверье, что выглядело очень странно. Нападение было слаженным, и охрана толком не успела организовать оборону. На месте осталось шесть трупов со следами укусов крокодила, груз также найти не удалось. Обоз словно растворился. После почти двух суток интенсивных поисков «альфовцы» свернули операцию и ушли ни с чем. Пропали все, кто шел с караваном, и их дальнейшая судьба была неизвестна.

— И Лесник с тех пор не объявлялся у вас, ведь с караваном шла его дочь?

— Нет. С Малым Кордоном сейчас нет связи, сектанты блокировали две самые безопасные дороги и глушат передачи, а через Ржавый лес никто пройти не сможет. Думаю, что старик до сих пор не знает, что случилось с дочерью. Видимо, решил, что она или на Кордоне, или осталась здесь.

— Это даже хорошо, что так получилось. Скинь мне координаты места, где подломили обоз. Завтра пойду, посмотрю на это сам. Может, чего и прояснится.

— А теперь скажи, что обещал. — Василь напрягся, ожидая подвоха, но обманывать его резона не было.

— Их зовут Ткачами. Это существа из другого, возможно, параллельного мира. Контактируют с сектантами около года. Их цель — прорваться сюда и уничтожить артефакт, который все зовут Обелиском. Сильные телепаты, могут управлять временем и искривлять пространство. Под пять метров ростом, гуманоиды. Убить можно, но только издалека, о чем чужаки знают и боятся. Если прорвутся — всем хана, люди им даже в качестве рабов не нужны, мы слишком слабые. Этот козырь не переварить ни «сичевым», ни их закордонным партнерам. Если сунетесь — раздавят, почти не заметив. Больше я ничего не знаю. Прости, мне надо идти собираться в дорогу. Скинь на почту координаты и маркировки груза, попробую пробить по своим каналам. Думаю, что ничего без следа не пропадает, где-нибудь да всплывет. Прощевай, «штирлиц».

Вопросы, готовые сорваться с губ особиста, так и не прозвучали, его слишком потрясло то, что он услышал. Не тот это был случай, когда можно, скептически ухмыльнувшись, спросить сакраментальное: «Какие у вас доказательства?» Есть вещи, которые можно проверить, лишь столкнувшись с ними нос к носу. Он только потупился и, упрямо сжав

губы, проговорил:

— Будь, что будет, и сделаем, как должно.

Банальная сентенция, в общем-то, правильная, да и сказанная к месту, вывела меня из равновесия. Сказывались последствия напряженного ритма событий, в который затянула меня здешняя жизнь. Поэтому я развернулся и снова подошел к столу, из-за которого только что поднялся, и, чуть понизив голос, со сдержанным презрением (очень надеюсь, что получилось именно так и палку я не перегнул), ответил:

— Будет бойня, а сделать вам ничего не дадут. Повторяю: все ваши ходы просчитаны, силы учтены до последнего человека и для каждого уже готов смертельный сюрприз. Не смотаетесь отсюда в течение месяца — ляжете все. Зона — это живое существо, у которого парализован мозг и почти не бьется сердце. Сектанты со своими союзниками, как злокачественная опухоль с разрастающимися метастазами, которые пожирают ее сущности и жизненную силу, с каждым днем заглатывая все большие куски. Шансов на спасение нет, по крайней мере, я их не вижу. А теперь крепко подумай, брат, прежде чем снова сморозить глупость.

Закончив эту длинную и непривычно эмоциональную для меня речь, я повернулся спиной к секретчику и, уже не задерживаясь, вышел на воздух. Требовалось переварить полученную информацию и составить план действий. До особиста мне уже не было никакого дела. Дождь перестал, но тучи не разошлись, как это обычно бывает за «колючкой», и все так же низко скребли по крышам развалин. Я не торопясь шел к башне.

Намой взгляд, выход из сложившейся ситуации у командования отряда был один: подготовить территорию к взрыву и эвакуировать личный состав за периметр. Имеющимися силами группировка не сможет организовать оборону, и уж тем более победить в намечающемся финальном противостоянии сил, о большей части которых люди вообще не имеют ни малейшего понятия. Беда в том, что никто особиста слушать не станет и большинство живых сейчас бойцов и просто вольных бродяг сомнет и разметаet начинающий крепчать ветер войны. Зря я на него рыкнул.

Мне, по большому счету, было совершенно пополам, кто из «альфовцев» выживет, а кто умрет. Я отвечаю только за своих людей и ставшую близкой и родной мне девушку. Думаю, что на это и рассчитывают те, кто подловил караван и угнал Дашу в плен. Меня хотят вывести из игры до начала финальных разборок или хотя бы задержать. Но почему свет клином сошелся на моей, скажем прямо, малозначительной персоне — это оставалось загадкой.

В башне царила тишина, артельщики отсыпались, один только Слон сидел в гостиной и изучал карту Зоны, испещренную пометками, которые я и Норд наносили после каждой вылазки. В руках у него были карандаш и старая целлулоидная «офицерская» линейка, с помощью которой он наносил на карту какие-то пометки. Заметив, что я смотрю на него с порога, Слон приветственно кивнул и пригласил за стол, где рядом с расстеленной «простыней» самопальной карты района на деревянной подставке исходил паром металлический чайник с кипятком и стояла пара пустых кружек. Заварка была тут же, в мятой распотрошенной пачке, уже пустой на две трети. Я сыпанул в кружку крупного, ароматного чайного листа и залил его кипятком. Накрыв кружку блюдцем и посмотрел на правки старожила. Слон пометил несколько постоянных аномальных зон и целых пять радиоактивных плешей, «горячих» настолько, что если планировать маршрут, то эти квадраты придется обходить довольно далеко. Знания Слона относились в основном к районам Янтаря и Темной долины, видимо, он бывал там чаще всего. Сведения были ценные, и я некоторое время молча изучал карту, ведь обоз пропал именно на отрезке маршрута через Темную долину.

Нанеся место последнего сеанса связи обоза на карту, я еще больше удивился: если все верно, то нападение произошло в чистом поле, что для засады вообще не подходит. Судя по времени и метеосводке на тот день, никакого сильного дождя или других естественных помощников любому охотнику за чужим добром. Картина получалась абсурдная: днем, при

отличной видимости и предельной скорости движения обоза, возник некто из воздуха и всех перебил. Но если сделать поправку на открывшиеся вновь обстоятельства, то можно предположить участие разумных союзников «Братства Обелиска» из числа пришлых существ, чем и объясняются странности. Ведь для кровохлёбов ничего не стоит остаться незамеченными и напасть неожиданно. Но вот зачем они взяли с собой бесполезный утиль и провиант, а не уничтожили телеги и не сожрали лошадей на месте нападения, было непонятно.

Выжидательно хрустевший кусковым сахаром. Слон не выдержал и поинтересовался:

— Девка твоя пропала?

— Найду, не впервой уже, — я чуть растянул губы в улыбке. Слон поддержал иронию, скрыв ответную ухмылку и прихлебнув из кружки с громким швырканием.

— Сам пойдешь, или кого в компанию взять планируешь?

— Придется самому. Люди устали и вымотались, сразу после рейда дергать никого не хочу. Да и воевать я пока не собираюсь, просто схожу, посмотрю на месте, что и как.

— Дожди сильные прошли, трудно будет следы искать. Поди, смыло все.

— Нет. Эпизод был со значением, значит, мне так или иначе оставят визитку, след, по которому хотят, чтобы я пошел.

— А ты не пойдешь? Ведь толком ничего не узнать уже.

— Есть пара зацепок: груз так или иначе всплывет, да и на меня должны выйти с предложением, раз устранить не получилось.

— Купить захотят, думаешь?

— Скорее обмануть: я мешаю, но игроки пока всерьез полагают, что мешаю не так сильно, чтобы спутать расклад перед решающей игрой. Заманят в какое-нибудь гиблое место и грохнут.

— Дерьмовый расклад.

— Как я и сказал, варианты есть. Смотри сам: все сделано грамотно, за исключением исчезнувшего груза. Значит, меж нападавшими были случайные союзники. Те, кто всегда тянет одеяло на себя и плохо дружит с дисциплиной. А это...

— На ворье местное думаешь?

— Очень похоже на то: Темная долина — их вотчина. Если сами не участвовали, то видели, кто это сделал, и потом прибрали барахлишко. А может, и подрядились за долю, как это у них принято.

— Дохлый номер. Даже если чего и видели, тебе не скажут. А если и скажут, то как тебе это поможет?

— Вот мы и поглядим, что и как. За этим и иду: покручусь по округе, поспрашиваю старожилов, может, чего и узнаю.

— Опоздать не боишься? Кончить девку могут, если поймут, что на след встал. — В глазах Слона разгорелся охотничий азарт, кружку с остывающим напитком он отставил в сторону, вычерчивая заскорузлым указательным пальцем замысловатые линии на карте.

— Нет. Им нужно, чтобы я Дашу нашел и сам им в руки дался. Пойми: даже если я дивизию высвищу себе в подмогу, ничего не выйдет. Идти в ловушку нельзя. Будем хитрить, как это обычно и делается. Но нужно найти того, кто в курсе событий и является достаточно весомой фигурой в местном масштабе. Вот этим-то я и займусь.

Наш разговор прервал шум, доносившийся из подвала. Кто-то барабанил в дверь и вопил дурным голосом. За разговорами и хлопотами я совсем забыл про уведенного с вечеринки и сорвавшегося в «псих» Николая. Слон влил в десантника почти литр водки и запер в одном из пустующих боксов подвального этажа. Дверь там была надежная, обитая жестью, поэтому причинить вреда «перекрытый» десантник никому не мог. Проснувшись и обнаружив себя запертым в пустой комнате, Коля, наверное, некоторое время приходил в чувство и лишь теперь опомнился настолько, что смог во всеуслышание заявить о своем бедственном положении.

— Ты б ему хоть ведро под сортир оставил. А то наверняка заблевал там все и загадил.

— Тогда сам и уберет, раз вести себя как человек не умеет. — Увидев, что я не шучу, Слон успокаивающе продолжил: — Да все у него было. Даже воды ему питьевой два литра оставили, что мы, звери какие? Проспался, вот и орет. Что делать с ним будешь?

— Попрощаемся. Отдам его долю за акцию и выгоню, с самого начала он был слабым звеном. Повезло, что сорвался уже на базе. А вот если бы подобный «псих» накрыл его в рейде... Ну, сам не маленький, понимаешь альтернативу.

— Жестко.

— Назови вариант гуманнее и безопаснее, послушаю с удовольствием.

— Да нет, я все понимаю, просто каждый раз мурашки от твоего спокойствия бегут по хребту.

— Достигается упражнением. Замнем темку, не против? А сейчас выпусти его и приведи сюда.

— Ладно, замнем так замнем. Щас приведу. — Слон встал из-за стола и пошел вниз, ссутулившись и приволакивая леченую ногу. В рейд его брать пока рано, а люди с таким опытом нужны, край как нужны. К тому же Слон и его сын обязаны мне и хорошо знают здешние места, надежные и обстрелянные люди. Даже молодой ведет себя правильно, хотя не раз были тонкие моменты во время наших приключений. Тогда и более опытный человек на его месте дрейфнул бы, не стеснясь.

И вот в гостиную поднялся опухший и взъерошенный Коля. Следом зашел и Слон, как бы невзначай встав у него за спиной слева. Блуждающий взгляд бывшего десантника остановился на мне, по лицу поползла кривая ухмылка. Но заметив, что я тоже улыбаюсь, Николай побледнел и сделал шаг назад. Левая нога его непроизвольно подогнулась, и он упал на колени, хрипло возгласив:

— Не-е-е! Соскочить захотел?! Теперь долю зажмете и... — Договорить ему не пришлось, он захлебнулся нахлынувшей рвотой. Николай снова упал на четвереньки и извергнул из себя воду пополам с желчью. Затем, утерев заросший щетиной подбородок, попытался подняться, но, не совладав с земным притяжением, так и остался сидеть на полу, молча глядя куда-то в угол комнаты. Поняв, что представление окончено, я начал говорить, стараясь не произносить обидных слов.

— Коля, ты хорошо поработал, но команду я распускаю. Дела оборачиваются круто, поэтому нам нужно затихнуть на какое-то время. Вот на этой карте сто тысяч евро. — Я показал наемнику кредитку, коричневую, с золотым тиснением, и положил ее на стол. — Семьдесят из них твои, и по десять тысяч я переведу на счета твоих бывших приятелей по отряду Буревестника. Уезжай, отдохни в Крыму или рви в Турцию. Потом я тебя позову, если будет работа. Ты все понял?

— Ну... — Взгляд Николая прояснился, он неожиданно упруго поднялся с пола и, взяв со стола кредитку, спрятал ее в карман заблеванной камки-повседневки. — Понял. Значит, могу идти?

— Да. Только блевотину убери за собой, и чтобы через час я тебя тут уже не видел. Это тоже повторять не надо?

— Все понял. — Смекнув, что его выпроваживают, Николай было напрягся, но, сообразив, что скандал обернется неслабой трепкой, молча побрел в душевую за тряпкой и ведром.

Слон усмехнулся, занял место за столом, взял линейку и карандаш. Старатель погрузился в работу по нанесению на карту чего-то, связанного с болотами на Янтаре. Мешать ему или продолжать беседу я смысла не видел, поэтому снова спустился в подвал и, зайдя в оружейку, стал готовить снаряжение к выходу. Комбез уже просох, я заменил картриджи, впитывающие радиацию и запахи, проверил вкладыши «броника», почистил и по-новой осмотрел «разгрузку». Затем проверил и заново откалибровал ПДА, подключив его к встроенной в комбез гарнитуре, проверил ее на перегибы и повреждения. Потом настала очередь оружия, но это, скорее, был ритуал, поскольку следил я за ним и ухаживал постоянно. Проверив, как выходит и заходит в ножны клинок НР, еще раз осмотрев

амуницию и проверив крепеж на предмет повреждений, я забил в подсумки стандартный б/к. Осмотрел обувь и покинул помещение, где я смог сорок минут спокойно заниматься любимым делом. Оставалось только уложить семидневный рацион в РД, заполнить «медузу» водой, и уже к вечеру можно будет выступать.

Послышались шаги, и вниз спустился Денис. Парень был свеж и бодр, видимо, уловив флюиды походного настроения, решил прозондировать почву на предмет составить мне компанию. Нет и нет. Хотя он и в хорошей форме, но то, что я собирался предпринять, для новичков не подходит. Помимо сбора сведений, придется постоянно отвлекаться на наставления, и тогда я что-нибудь пропущу, а это недопустимо. Парень что-то почувствовал, глаза его потускнели, лицо приобрело обиженное выражение, которое он изо всех сил пытался согнать. Поняв, что объяснений не избежать, пришлось кивнуть новичку на табурет, бывший вторым и последним предметом обстановки в моем личном углу. Я начал без предисловий:

— Денис, сейчас я иду один, поскольку задача этого требует. Мы не в парке аттракционов, поэтому не воспринимай отказ как признание твоей профнепригодности. Каждому инструменту свойственно иметь свое назначение. — Парень покраснел, но слушал молча. — Вы с Андроном будете тренироваться под началом Норда, он ваш непосредственный командир, слушаться его надо беспрекословно. Это понятно?

— Да. — Голос новичка был ровным, но нотки обиды еще не ушли из него полностью. — А когда начнутся тренировки и... практика?

— Как только я вернусь, вы пройдете полосу разведчика на полигоне «альфовцев». После этого будем отрабатывать схемы взаимодействия, а потом и дело подвернется. Не торопись, всему свой черед.

— Слышал уже...

— Тут есть разница, боец. Там ты слышал. А у меня ты слушаешь и тут же исполняешь. Это ясно?

— Так точно.

— Правильный и единственно возможный ответ. Теперь иди наверх и спроси Слона, нет ли у него для тебя какой работы. За делом время летит быстрее. Выполнять.

— Есть.

Парень поднялся и рысью убежал наверх. Я сразу вспомнил свои первые полгода в армии. Ничего, привыкнет. Завалившись на кровать, придавил на массу еще два часа: перед выходом нужно было чуток отдохнуть. Кто его знает, как все обернется на этот раз? Но сразу заснуть мне не дали. Повеяло знакомым холодком, и в дальнем левом углу подвального коридорчика появился призрак, однако это был не Шахов. Приглядевшись к бледным линиям, едва обозначавшим почти прозрачные черты, я узнал гостя: Сухарь.

Я видел старателя всего один раз, но даже сейчас узнать его не составило труда. Оружия при нем не было, абрис фигуры как бы плыл в воздухе. Я поднялся и приглашающим жестом указал призраку на место возле кровати перед собой, в изножье. Молча изобразив кивок, Сухарь переместился чуть ближе и замер на указанном месте, потом заговорил свистящим шепотом:

— Не знаю тебя, но Рэд... Черный не может больше приходить сюда, я сам еле пробился. Не боишься привидений?

— Дело привычки. Здравствуй, Стрелок.

— Не называй меня так, этот человек давно умер. Теперь я... Зови меня Сухарь. От старой жизни ничего не осталось, новая закончилась слишком быстро, а сейчас... Стараюсь не думать об этом. Времени мало... Ты пойдешь искать свою девушку. — Призрак не спрашивал, скорее, утверждал. — Зайди на Кордон, оружейник знает кое-что. Одессит поможет, я попросил его.

— Благодарю. Что я могу сделать для тебя, брат?

— Мне уже ничего не нужно. Найди ее. Время пока есть, но бежит оно очень быстро.

— Ты знаешь что-то, что может помочь мне в поисках?

— Не много: знаю, что Следопыты перебили охрану. Куда увели девушку, не успел узнать, слишком горячо. Прощай.

— До встречи.

— Нет, мы больше не увидимся. Все слишком зыбко в эти дни. Прощай, и удачи!..

— Прощай. Но кто такие...

Дух исчез, растаяв в темноте. Вынув ПДА и набрав в поисковике слово «следопыты», я минут пять ждал результата. В базе никакой информации не нашлось. Ладно, пойдем и узнаем сами.

Поднявшись на второй этаж, я застал там всех артельщиков. Они пытались запихнуть в себя немного гречки с мясом, большая сковорода которой стояла посредине стола. Лица у них были бледные, вчерашний расслабон даром не прошел. Знаком подозвав Юриса, я пошел к выходу. Другу вчерашние посиделки дались легче, чем молодежи, но определенная заторможенность все же присутствовала. Спустившись по лестнице и остановившись в двух шагах от двери, Юрис вопросительно посмотрел на меня:

— Что случилось, командир?

— Я иду в поиск, ты остаешься за старшего, Слон идет к тебе «замком». Не возражай, брат. Скоро будут серьезные дела, а у нас двое салаг и один раненый. Молодым дай нагрузку. Поговори с комендантом, пускай на полигон пустят. Гоняй их, пока время есть, но сильно не зверствуй, скоро понадобятся все. Протеже своего придержи, он еще зелен, хочет всем доказать, что годится для работы, это сейчас лишнее. Слишком эмоционален, поработай над этим, лады?

— Есть начать работу с пополнением. — Латыш раздвинул губы в усмешке. Несмотря на грозную тевтонскую рожу, улыбка у него всегда получалась доброй и располагающей. — Все будет как положено, командир, возвращайся целым.

— Ухожу на неделю, контрольный срок — десять суток. Ну, бывай, брат.

Помню, как с такой же радостной физиономией Норд за полчаса уболтал двух неуступчивых сержантов из женской роты связи на предмет провести с двумя разведчиками приятный вечерок. До этого пытались подполковник из штаба округа и сопровождающий его капитан — адъютант. Подход у штабистов был не в пример нашему солидный: коробка конфет, букет кремово-белых роз и черный джип со штабными номерами. А мы были пешие, с парой копченых карпов и бутылкой водки. Девушки клюнули на здоровенного, сильно похожего на Дольфа Лундгрена латыша и меня, тогда с сучковатой тросточкой и опаленной близким взрывом мордой лица. Норд придурился, изображая легкий акцент, и девчонки не устояли.

Оставив друга в тылу, можно было забыть о проблемах и вплотную заняться поисками. Пропуск давал мне возможность свободного прохода за внешний периметр, но обратно придется уже проходить процедуру получения «аусвайса» заново. Теперь, когда Юрис был в башне, думаю, что это затруднений не вызовет. Я попрощался с бойцами и, поставив их в известность о полномочиях Норда, спустился в подвал. Облачение в комбез и проверка оружия много времени не заняли. Вес снаряжения и амуниции уже стал привычным и практически не ощущался, было очень удобно. Ничто не стесняло движений и не звякало.

Выйдя за ворота башни, я, не оглядываясь, направился к внутреннему блокпосту и после часовой задержки, когда уже стало смеркаться и зажглись прожектора на вышках, наконец-то выбрался за территорию «Альфы».

Судя по метеосводке, Волна ожидалась примерно через трое суток. Я внес поправки в предполагаемый маршрут, чтобы найти укрытие в развалинах. Там были внутренние пустоты, иногда до пятнадцати метров в глубину: и подвалы, и какие-то хранилища непонятного назначения, многие из которых можно будет использовать.

Я повернул на юго-восток, чтобы выйти на равнину, лежащую правее шоссе, по которому уже давно никто не ездил. Торная тропа, на которой пропал обоз, пролегла именно там, параллельно старой, разбитой асфальтовой дороге. Спустя час я миновал несколько радиоактивных холмов и сменил направление. Вдруг появилось стойкое

ощущение, что за мной наблюдают. Кто бы это мог быть? Заложив петлю от своего же следа и затаившись в кустарнике, я стал ждать. Через десять минут на тропинке появилась нелепая фигура в линялом пыльнике с капюшоном. Человек остановился и знакомым голосом запричитал:

— Не убивай меня, молодец, я тебе пригожусь!

Опустив автомат, я выдохнул и, поднявшись из укрытия, тоже вышел на тропу, повесив оружие на плечо.

— Тихон, а если я тебя в следующий раз сначала пристрелю? Старый пень, чего сразу не подошел? Вместе идти всяко веселее, если тебе по пути.

— Хе... — Подорожник привычным жестом запустил левую руку в карман плаща и вынул оттуда надкушенное и пахнущее гнильцой яблоко. — А ты уверен, что всех заметил, кто за тобой идет?

— Абсолютно.

— Ну... — Подорожник состроил разочарованную гримасу, отчего лицо его стало похоже на мятую консервную банку, прокопченную на костре и невесь как заросшую щетиной. — На этот раз угадал, но скоро ты уже шагу не должен ступить без Дара. Следопыты будут ждать тебя и знают, куда ты идешь.

— Вопрос как раз в тему, а...

— Слушай, Васильев, я вот уже пару дней тебя дожидаюсь и поиздержался. Во, — Подорожник показал на огрызок яблока, который тут же и проглотил, — питаюсь обедками, живу под открытым небом. Даже спичек нет. Давай посидим, как раньше, угостишь старика... — он потянул носом воздух, — кровяной колбасой, и я все тебе расскажу.

— Все? Верится с трудом.

— Э! — Тихон сделал обиженную гримасу. — Чего знаю, все как есть расскажу. Давай вон там, у холмика, костерок запалим, время-то позднее уже.

Мы приняли вправо и, расположившись в овраге у невысокого холма, разбили лагерь. Подорожник получил свою колбасу, коей у меня было всего одно кольцо, но сведения, которые мог сообщить этот странный персонаж, были всегда интересны и не раз меня выручали в прошлом. Сжевав полкольца кровянки и вальяжно привалившись к земляной стенке холма, Подорожник начал рассказывать:

— Ты, вот, сколько по Зоне бродишь, Тридцать девятый, а ни разу еще с серыми кровохлёбами не столкнулся.

— Везло, наверное.

— Может, и так, служивый, может и так. — Подорожник подкинул веток в пламя костра и продолжил: — А только везло тебе сильно: эти твари многочисленны и, в отличие от твоих названных родственников, с людьми не говорят, почитая их кровь деликатесом. Они коварны и хитры, но не умеют управлять чужим разумом, поэтому своих старших собратьев, Изменяющих, ненавидят и боятся. Нападают всегда скопом, когда их трое или четверо, в одиночку — только когда совсем спят с голодухи. Зовут себя гордо — Следопыты, но это скорее хвастовство, следов читать они не умеют, а добычу чуют по ауре. Правда, делают это мастерски, человеку от них не укрыться, всегда отыщут, если живой, конечно. Девушку твою они помогли умыкнуть, но ты ведь к ним сразу не пойдешь, я правильно понимаю?

— Скорее всего. Нужно место посмотреть, с Одесситом связаться.

— Вот и сделай так. Пока к серым не суйся. Схарчат они тебя, на что вся эта затея и направлена. Иди на Кордон, повидай старого труса.

— Одессит? Не верю.

— Твое дело, только спроси его, как он в лабазе-то своем очутился. Вот и суди тогда сам, как его звать после того, что случилось... Да не так уж давно это и было. Ладно, спать давай. Я с тобой далее не пойду, мне на Янтарь надо, алхимики хороший заказ подкинули, а сейчас спать, поздно уже.

Ночь прошла спокойно, а на утро я уже шел своей дорогой, крепко запомнив напутствие Тихона. Следовало пересечься с Охотником и расспросить его про Следопытов.

Новый противник был, пожалуй, самым опасным.

Особого волнения по поводу исчезновения Тихона я не испытывал: Подорожник появился, сообщил то, что считал нужным сообщить, и пошел по своим делам. Не в первый и, думаю, не в последний раз. Само собой, любая информация нуждается в проверке, но подставы в том, что он делал и говорил, я не почувствовал. Конечно, случалось, что информатор, дававший ценные сведения и никогда прежде не подводивший, вдруг пускался во все тяжкие и сливал нас духам с потрохами. В подобной игре у каждого свой интерес, но сейчас Подорожник подтвердил мои догадки и некоторые косвенные данные, полученные мной ранее.

С течением времени мне стала понятна конечная цель тех, кого Тихон представлял. Их единственным желанием было выжить, а для этого им требовалось найти покровителя. При этом не следовало выказывать слабость, чтобы новый союзник не превратился в хозяина, и нужно было соскочить именно в тот момент, когда союз начнет исчерпывать себя. Пока мы нужны друг другу, опасаться нечего: вряд ли осторожный пришелец пошел бы со мной в рейд на болота самолично. Он знал, что без его участия с таким трудом обретенный союзник просто потонет в радиоактивной жиже, и все придется начинать сначала. Так было и в этот раз: зная повадки своих врагов лучше, чем кто бы то ни было, Тихон снова предупреждал меня о ловушке, скорее всего, не из альтруистических побуждений.

Складывающаяся картина противостояния между разрозненными сторонниками прежнего порядка и консолидированными «силами зла» в лице полоумных поклонников Обелиска и их более практичных союзников особо не радовала. Шахов и его товарищи проигрывали, так как сплоченной силе они могли противопоставить только хитрость и маневр. Но сектанты тоже совершили ошибку. Эти играли слишком грубо и самоуверенно, допуская промах за промахом, делая ставку на один мощный удар, способный переломить ход схватки в их пользу. Все застыло в той точке, когда по-прежнему возможно многое и ничего еще не решено окончательно. Любая песчинка, попавшая в отлаженный механизм плана Ткачей, может свести все их усилия на нет.

Меж тем погода стала портиться, и облака еще ближе припали к земле, вот-вот готовые излить на нее потоки холодной нечистой влаги. Я сверился с картой района и повернул на юго-запад, чтобы выйти на равнину, зажатую меж двух хребтов, один из которых скрывал от меня шпиль радиомачты на территории Бара, а другой прикрывал от возможного обнаружения мелких банд, хозяйничающих на подступах к Темной долине. Мародеров опасаться не стоило: они стерегли путников западнее, ближе к шоссе, ведущему на Кордон. Кроме того, народ это был бесшабашный, не заботящийся о том, чтобы как следует скрыть свое присутствие. Поэтому по тем или иным признакам их стоянки и перемещения довольно легко можно было вычислить и обойти.

Подул резкий, порывистый восточный ветер, принесший с собой первые капли дождя. Маска довольно хорошо защищала от ветра, но была бессильна перед начинающимся дождем. Я набросил капюшон и принял вправо, под защиту холмов, где дождевые заряды не так сильно ограничивали видимость. Пару раз наткнулся на следы стычек мелких групп старателей: стреляные, потемневшие под влиянием непогоды гильзы, пара растасканных зверьем скелетных людских останков с неопределяемыми нашивками группировок на комбезах. Их загнали в овраг, закидали гранатами, сняли все ценное и бросили тут. Мирская суeta для них закончилась, черепа скалились верхними рядами зубов в хмурое небо.

Постороннему человеку может показаться, что природа безразлична к человеку и, что бы тот ни сотворил, она не обращает на нас, мелких букашек, особого внимания. Но это только на первый, неопытный взгляд. На самом деле все проще и сложнее одновременно: природа не боится смерти, ее творения без особых сожалений проживают отпущенный век и уходят в небытие, становясь пищей для следующих поколений, чтобы колесо бытия продолжило свое вращение. Природой движет целесообразность, это и есть ее величайшая тайна, лежащая на поверхности, и постигнуть эту тайну может любой внимательный

наблюдатель.

Дождь превратился в мелкую морось и вскоре затих, но заметно похолодало: температура опустилась ниже десятиградусной отметки, и ночью скорее всего подморозит. Петляя меж холмов и несколько раз проверившись на наличие непрошенных наблюдателей, к вечеру второго дня пути я вышел на равнину, где произошло нападение на обоз. Есть у меня старый способ проверки места операции на безопасность: так, ничего особенного, Норд говорит, что это вообще шаманство, но помогает почти всегда. Я остановился чуть в стороне от места события и, сняв «душегубку», стоял с непокрытой головой, слушая ветер. Несмотря на пустынный пейзаж, было в этом месте что-то неправильное, настораживающее. Завывания ветра сливались с шепотом жухлой травы, степь пела мне про то, что произошло здесь две недели назад. Этому способу поиска следов меня научил старый бурят дядя Слава. Суть методики в том, что не всегда можно отыскать след по прошествии долгого времени, да еще после дождя. Со стороны это выглядело не совсем здорово: я двигался по спирали, расширяя круги все дальше и дальше от пепелища. При таком способе и бормотании неких слов следопыт впадает в транс, но при этом не теряет ясности ума, все видит и замечает. Фокус в том, что открывающаяся его взору картина получается даже полнее и информативнее, чем у очень внимательного человека. Так идут по верхнему следу волки и очень хорошие охотничьи лайки. Само собой, человек так чують запахи не может, но у него много других средств, заменяющих собачье чутье. Прошло около часа, и, когда окончательно стемнело и я находился примерно в полутора десятках километров от места событий, картина нападения в целом сложилась четкая.

Следопыты шли по пятам обоза, сохраняя дистанцию в пятьсот метров, чтобы не попасть в зону ответственности тылового дозора конвоя. Им это хорошо удалось: люди ни разу не встревожились, патрули ходили в обычном режиме. Основные силы нападавших постоянно перемещались по равнине, иногда укрываясь за холмами, сторожась наблюдателей. Их было до пятнадцати особей, включая семерых людей в спортивной и военной обуви, что подтверждало мое мнение о причастности уголовников к инциденту. Были еще трое кровохлёбов и пятеро существ, не поддающихся четкой идентификации. Я сразу исключил ягеров, поскольку эти зловещие родичи помещика Плюшкина кровохлёбов не переносят на дух и, кроме того, имеют обыкновение обряжаться в лохмотья человеческой одежды, что придает им отдаленное сходство с людьми. Неведомые мне существа были ростом около полутора метров, я определил это по ширине шага и глубине следов, напоминавших отпечатки копыт горной козы или косули, только вот их было по три пары на каждое существо, к тому же пара передних «копыт» оканчивалась десятисантиметровым когтем. Существа довольно долго стояли, не шевелясь, на склонах холмов, обращенных в сторону движения обоза, а сдвинулись с места, только когда люди и их странные союзники разошлись с места событий в противоположные стороны. Весу в неизвестных было килограммов под сто пятьдесят, плюс-минус пара кило. Однако на мозгоедов я пока не думал: эти ростом со среднего человека. Да и ходят поголовно в обуви, и ног у них всего две.

Дальше, если судить по следам, выходило, что присоединились неизвестные существа именно к людям, кровохлёбы довольно быстро ушли в сторону Свалки, прихватив одну выючную лошадку. Нападавшие не понесли потерь, конвой не смог по каким-то причинам оказать им сопротивления, все произошло в очень короткий промежуток времени — около трех минут. Кровохлёбы просто встали по обеим сторонам тропы, видимо, в стелс-режиме, и под прикрытием довольно меткого огня из пяти стволов (я нашел до пятидесяти стреляных гильз от АК и МП-5) перебили ядро группы охраны, а шедшие в тылу обоза кровохлёбы прикончили тыловой дозор. Судьбу бойцов, шедших в авангарде, я определить не смог: они просто рухнули ничком на землю, да так и остались лежать без движения. Их трупы нападавшие тоже забрали с собой, не выкинув в аномалию. Крови и других следов, характерных при падении раненого человека, не было. Поэтому единственное, что можно было предположить: парней чем-то оглушили и в бессознании уволокли для каких-то своих надобностей. Ничего хорошего их точно не ожидало. Думаю, что только долгая и

мучительная агония...

Лошадей распрягли и, видимо, навьючили награбленным, а те, в свою очередь, сильно нервничали, и одну даже пришлось ловить. Хабар целиком все равно увезти не могли: частью это были дефектные детали и какой-то крупный агрегат, назначение которого не определялось по горелому остову. Взяли самое легкое и ценное, а телеги составили в ряд и сожгли вместе с тем, что забрать не получилось. Увели с собой и троих пленников, среди которых была моя Даша. Кровохлёбы не взяли никого, насытились прямо на месте, бросили трупы солдат и путешественников в грязь. Следопытов привлекли не только в качестве «мускулов», но и как приманку: только их след был достаточно четким даже по прошествии дней, и будь я менее опытен в этой науке, то непременно отправился бы прямо в их «гостеприимные» объятия. Что касается людей и неизвестных существ, то их следы почти смыло, кроме того, отступали нападавшие почти что грамотно. Однако их сдерживали пленники и слабая дисциплина: окурки, пара смятых сигаретных пачек, экскременты и то обстоятельство, что сразу после начала движения по маршруту отхода пленных пустили идти на своих ногах, что глупо, раз нападение готовилось заранее, а скрытность отхода была непременным условием акции. Поисковая группа «альфовцев» пошла было по следу кровохлёбов, но сбилась уже через два километра и, поплутав немного, прекратила поиски. Винить их было не за что, поскольку Следопыты умело петляли, и пару раз я тоже сбивался. Выбрав довольно сухое место у подножия плоского холма, стоявшего чуть севернее того направления, куда ушли люди с лошадьми, я разжег маленький костерок, разогрел кашу с мясом и, запив ее водой из «медузы», устроился на ночлег.

Размышляя о странных следах, я пришел к выводу, что нужно быть еще более осторожным: тот, кто сумел отвести глаза опытным караванщикам так, что те не заметили семерых урок с автоматами на расстоянии десятка метров, определенно заслуживает уважения как противник. Из-за размытого следа и достаточной давности события никакой другой информации пока ждать не приходилось. Вздремнув пару часов и сориентировавшись по направлению, я решил снова пойти по следу людей, но уже не забывая про Дар. До полудня ничего особенного не происходило, пару раз только пришлось прятаться от бандитских патрулей, все чаще появлявшихся вблизи развалин, которые даже не были обозначены на карте. Несколько раз я терял след и снова его находил, возвращаясь обратно, отчего продвижение становилось крайне медленным. Снова зарядил мелкий дождь, и подул резкий северный ветер, принесший запахи гари и еще чего-то, не определяемого с ходу. За трое суток нападавшие только один раз остановились на привал и съели лошадь: кости я нашел неподалеку от кострища, где отдыхали люди и пленники. Судя по отметинам на земле, кроме Даши, взяли еще двоих. Пленников не развязывали, держа под постоянной охраной: я нашел с десятков «чинариков» и смятую банку из-под энергетического напитка. Существа, шедшие с людьми, держались в стороне, и это они схарчили бедную лошадку. Но сделали это каким-то странным способом: кости скелета были покрыты желтыми разводами и не носили отметин от зубов. Мясо точно не готовили на костре и не расчленили тушу. Я не обнаружил ни следов крови, ни даже клочка шкуры или конского волоса. Конягу будто заглотили целиком или облили концентрированной кислотой. Шестилапые сопуны? Нет, эти пировали бы дней пять, а караван тронулся к резиденции Борова уже на следующее утро, значит, на все про все существам понадобилось не более шести часов. Странные существа, догадок — море. А вот как это они...

Сознание царапнул импульс пси-контакта. Слабый, осторожный. Меня заметило какое-то существо, находящееся в радиусе ста метров. Подобравшись, я продолжал идти прежней дорогой. Может быть, существо не решится напасть и мы разойдемся краями, не выяснив, кто из нас сильнее и быстрее. Так прошло около двух часов, в течение которых существо не удалялось, но и не приближалось, кружа где-то на юге пустошей, стараясь держаться позади меня. Пока было светло, это сопровождение мне не мешало, но слишком многое говорило за то, что существо решится на активные действия именно в сумерках или ночью. Осмотрев горизонт в оптику, я заметил развалины какого-то здания, нечто вроде трансформаторной

будки, заросшей колючим кустарником и стоящей в окружении четырех дюжих тополей, которые растеряли свою некогда роскошную шевелюру и теперь выглядели несколько зловеще. Крыши у будки давно уже не было, однако стены все еще держались. Что-то заставило меня изменить направление, оставить будку слева и отклониться северо-восточнее, заночевав у подножья группы плоских холмов. Существо потеряло меня и, воспользовавшись ситуацией, я решил организовать засаду, не дожидаясь ночного нападения. Разбив лагерь, я достал коврик и маскировочную накидку, которую использовал как одеяло, и сделал из собранной по пути травы и запасного мешка нечто похожее на спящего человека. Рюкзак и остальные вещи расположил у замаскированного костерка, который, благодаря довольно увесистому полену, должен был тлеть всю ночь. Сделал крюк, выбрал холмик в двухстах метрах от стоянки-ловушки и залег на пригорке, прислушиваясь к звукам, издаваемым Зоной. К мешку я привязал тонкую капроновую нить, которую ношу всегда с собой ради подобного случая. Теперь даже искушенный наблюдатель увидит шевелящегося во сне человека, а не просто мешок с травой, неподвижно лежащий у костра. Пока вроде все выглядело нормально: ветер шуршал в стеблях сухой травы, местное зверье поедало друг друга то тут, то там. Мой преследователь молчал и никак не проявлял себя.

В ситуациях вроде этой главное — не потерять концентрацию и не прозевать противника. Вполне вероятно, что он тоже лежит в засаде или щупает местность оптикой, чтобы засечь меня. Вариант с ранним обнаружением моих приготовлений я почти сразу же исключил: если бы подобное произошло, противник или начал бы атаку немедленно, поскольку в скрытности больше не было бы нужды, или проследил мою лежку и уже с полчаса как напал бы. На этот случай я расставил «сигналки» вокруг своего временного НП, чтобы противник не мог подобраться ближе и атаковать с короткой дистанции.

От дремы я старался отвлечься регулярным подергиванием нити, надежно прижатой к почве алюминиевыми скобками и практически не заметной в пожухлой траве. Время от времени я проверял оптикой все подходы к лагерю, но пока все было безрезультатно. Если за мной послали соглядатая, то ведь их учат несколько раз менять позицию и подбираться к объекту наблюдения на расстояние устойчивого визуального контакта. Однако в моем варианте контакт был скорее ментальный. Я старался раствориться, слившись с природой до полного обезличивания. Маскировка была плотная, насколько это позволяли условия и мало знакомая местность. Холод стал сильнее, но ветер потихоньку сменил направление и стал как будто тише, его завывания напомнили мне заунывную песню без слов, которую часто напевал дед Александр, точнее мой прадед, просто он всегда говорил, чтобы я называл его дедом. Прошедший несколько войн, имевший один царский солдатский «Георгий» и пару советских орденов, среди которых он надевал на 9-е мая только орден Славы третьей степени, да две «Красные звезды», дед больше всего любил шить унты, а летом тачал «ичиги»¹ и продавал желающим. Его обувь весьма ценилась. Оба моих деда жили в соседних, через забор, избах, только дом деда Александра был украшен причудливым флюгером в виде розы ветров. Эту вещь мой предок приволок из австрийского плена, когда хозяин просто распустил всех пленников, проданных ему австрийским фельдфебелем из охраны лагеря для военнопленных в качестве рабсилы. Дед дождался темноты и прихватил флюгер, выкованный на заказ и стоящий немалых денег, да пару колец колбасы.

Был дед малоразговорчив, но вечерами его удавалось развести на пару военных или охотничьих историй, одна другой интереснее.

— Самое главное, Антошка, это разума не терять. Как только испужался — пропал, считай что. Вот, помню, случай был, мы тогда с финнами воевали. Отвели нас, значит, в резерв, а позиции-то не оборудованы: копайте, говорят, сами, заодно и согреетесь. Ну, дело-то привычное, тогда много этой мерзлой земли покопать пришлось. Да вот, снайпер, или

¹ Антон имеет в виду мягкие сапоги из тонкой кожи, с тонкой же подошвой без рисунка. Их ценят охотники-промысловики за возможность ступать практически бесшумно и не тревожить дичь запахом человека. Ичиги хранят отдельно от другой охотничьей снасти, чтобы обувь не пропиталась запахом жилья и ружейной смазки.

«кукушка», по-ихнему, завелся в лесополосе. Вроде, и тыл, а вот, пролез как-то, гад. Да оно и понятно, ихняя это земля... Все тропы исходили и знают. — Тут дед, как всегда, если ему случалось вспоминать нечто неприятное, спрятал глаза и стал сосредоточенно копаться в подметке недошитого унта. — А мы, как на ладони, мыкаемся, и, пока паника была, гад этот пятерых успел положить. Да всех с форсом эдак — аккуратно в левую бровь, почерк свой показывал да мастерство, ети его в... Не слушай, когда я так лаюсь. А потом залегли все, попрятались. Кто за полуторку, а кто просто в снег залег. Вызвать бы артиллеристов, да бежать далеко, а гад этот уже двоих гонцов положил, и все в голову, да так, чтобы все лицо у робят разворотило. И тогда Вовка, наш ездовой с кухни, придумал гада отвлечь. Перебежал ко мне и шепочет: мол, ты, Сашка, изобрази раненого, да помечись, займи «кукушку», пока мы его сообча вокруг обойдем, да с дерева-то и сымем. И забегал я, правую ногу подволакивая. — Дед отставил унт в сторону и устремил невидящий взор куда-то за окно. — А «кукушка» ну в салки со мной играть, скучно ему стало нас убивать, легко шибко получалось. Кажись, пара ден прошла за игрой этой, два раза пуля его меня по щекам чиркнула. — Дед коснулся узкой белой черты, тянувшейся по левой щеке от уха к левому глазу, и тут же перебежал пальцами на правую щеку, где точно такая же ниточка длиной сантиметра четыре шла по скуле к уголку глаза. А глаза у деда были удивительного, глубокого синего цвета и напоминали две льдинки. — Потом снайпер замолчал, сковырнули его робята с дерева да приволокли в расположение. Не повезли мы его никуда, как полагалось: лопатами на месте забили да за ноги вверх и повесили, на той самой березе. Раскидистое такое дерево было, старое. И вот с тех пор, Антошка, страху я волю никогда не даю. До той поры шибко боялся, пока смерть вот так пару раз в щеки не расцеловала. Она тож с человеком говорит, смертушка-то. Но уж коли скажет, что не твой черед сегодня помирать, то тут же и спокойней становишься, и так до тех пор, пока она за тобой в последний раз не придет. И ты, если придется, слушай смертушку, она никогда человеку не врет, никогда не обманет...

Резко запульсировал и нагрелся Дар, я почувствовал опасность, близкую и неминуемую угрозу, как будто противник стоял прямо у меня за спиной. Резко откатившись влево, я опрокинулся на спину и увидел странное существо, более всего напоминавшее паука. Очень большого паука, примерно полутораметрового роста, с закованными в нечто напоминавшее броню передними лапами, которые тварь занесла надо мной в последней фазе вертикального замаха. Двумя задними парами лап паук крепко стоял на пригорке холма. Не раздумывая, я вскинул автомат, плавно надавив на спуск, и десять пуль прошли забранную матово-серым панцирем голову нападавшего. Тварь не издала ни звука и молча отшатнулась. Правая передняя лапа со свистом вонзилась в землю рядом с моим ухом, а левая, судорожно подогнувшись в суставе, опустилась по другую сторону моей головы, так что я все равно оказался зажат меж лап паука, хотя он уже и был серьезно ранен. Прижав автомат к груди, я согнул ноги в коленях и, оттолкнувшись, подпрыгнул на полкорпуса выше лап противника. Тот качнул странно поблескивающей головой, где не было видно ни глаз, ни холицер, характерных для его более мелких собратьев, и попытался поднять левую лапу, но, видимо, ранение было серьезным, лапа лишь вяло дернулась, а я еще раз с силой оттолкнулся от скользкой травы и, освободившись, крутанулся вправо. Откатился на пару метров и снова дал очередь, целя в туловище паука. Несколько пуль прошли навылет, вырвав солидные куски мяса и хитиновой брони. Паук опрокинулся на спину, конвульсивно дергая конечностями. Поднявшись на одно колено, я дал еще пару коротких, патрона по три, очередей и на этот раз разнес твари голову. Или, точнее, то место, где, по моим прикидкам, у пауков должна быть голова. Все происходило практически в полной тишине: «тихарь» надежно скрадывал звуки выстрелов, а паук умирал в совершеннейшем молчании. Поднявшись на ноги и не опуская оружия, я двинулся в обход туши поверженного противника, имея в виду, что насекомые никогда не сдыхают так быстро, как обычные звери, у которых кости находятся внутри тела. К тому же, этот членистоногий «ананси» был одет в некое подобие брони, и она была явно искусственного происхождения. Неожиданно Дар

снова потеплел, и я, не дожидаясь развития событий, кинулся ничком на землю. Вовремя: в брюхе паука раскрылось небольшое отверстие, и в меня полетел серый комок, на ходу разворачивающийся в воздухе. Над головой просвистело и нечто тяжелое шлепнулось наземь метрах в десяти позади меня. Матюгнувшись сквозь зубы, я вынул РГН из подсумка на «разгрузке» и кинул в сторону раненой твари. Бумкнуло не слишком сильно, над головой вжикнули несколько осколков. Выждав пару минут, я осторожно поднял голову. Паука чуть оттащило взрывом, и его туша скатилась с пригорка в овраг. На сей раз все лапы «ананси» поджал к брюху, что у его собратьев помельче означает полный капут. Видимо, контузия сделала свое дело, к тому же граната разорвалась почти рядом с тушкой. Перезарядив автомат и снова взяв его на изготовку, я стал осматриваться по секторам. Вокруг по-прежнему было тихо, как и до того момента, когда паучара чуть не пригвоздил меня к земле. Не будь у меня подарка Изменяющих, лежать бы мне с пробитой грудиной и быстро остывать.

Подойдя метра на три к труп, я еще пару раз выстрелил в развороченную взрывом и моими очередями голову грудью странного существа. Оно даже не шелохнулось, значит, действительно сдохло. Осматривать тело в кромешной темноте было зряшным занятием, но подстраховаться на случай, если его захотят забрать, стоило. Чуть приподняв тушу с той стороны, где из нее не сочилась слизь, я привязал тонкую проволоку к какому-то заковыристому наросту на брюхе паука. А потом на колышках расставил по периметру на расстоянии метров десяти от трупа пяток РГОшек. Теперь если кто и дернет тело, то так и так подорвется, хотя, с учетом невероятных способностей паука, сумевшего подойти на расстояние удара ножом к хорошо замаскированному противнику, большой надежды на успех не было. Однако далеко от трупа уходить не следовало: может быть, охотник был не один и поделил с товарищами секторы поиска, — сместившись за его границы, я рискую попасть в поле зрения еще одного шестиногого шустряка. Поэтому я лишь отошел к своей стоянке-западне, свернул лагерь и сместился чуть южнее, оказавшись на равнине, поросшей невысоким сухостоем, а затем залег в неглубокую вымоину, где и проспал до самого рассвета. Разбудил меня сдвоенный взрыв, донесшийся со стороны заминированного трупа «ананси». Или он сам ожил и решил по-тихому удрать, или некто не заметил ловушки и попытался дернуть тело. В любом случае, на результат следовало посмотреть. Но позволил я это себе не сразу, а только после того, как позавтракал парой кусков хлеба, кружкой воды и куском вареной свинины, которую очень уважаю. После этого, уничтожив следы ночевки, я двинулся в сторону, откуда раздался взрыв, но подходил к месту не прямо, а зигзагами, на случай, если противник ведет наблюдение или все еще находится на месте взрыва.

Труп паука лежал на месте, но к нему прибавилась еще пара человеческих тел, одно из которых поскуливало, свернувшись в позе эмбриона и держась за живот. Пауки оказались умнее и послали на поиски товарища людей, решив не рисковать своими, а отправить того, кем можно в случае чего и пренебречь. Высокий радиационный фон, стеганные штаны, демисезонные кроссовки и кожаные куртки с надетыми под низ ветровками сразу выдали клановую принадлежность поисковой команды. Бандиты. И, судя по нашивкам в виде коронованного черепа на треугольном щите, эти граждане принадлежали к группировке Борова. Только его ближние и человек сорок коды носили подобные нашивки, чтобы данники и просто случайные прохожие знали, с кем связываются. Бандюки были неплохо вооружены: ныне покойный урка до сих пор крепко сжимал в холодеющих, испещренных синими наколками руках МП-5, а живой еще «эмбрион» тщетно пытался дотянуться до валявшегося неподалеку АКСУ с откинутым прикладом. Осмотрев окрестности, я понял, что больше пока никто не придет, и, забрав у покойника германскую «трещотку», стал неторопливо ее калечить (ну не забирать же всякий хлам с собой), мониторя усилия второго бандита по обретению утерянного ствола. Получив изрядное количество поражающих элементов в область брюшины и теряя кровь, а с нею и оставшиеся силы, бандит не сдавался и полз к автомату, не сводя с меня яростного взгляда. Закончив с разборкой «германца» и закинув его части в «воронку», притаившуюся за холмом, я медленно подошел к АКСУ и

подтянул его к себе за ремень. Урка почти добрался до ствола. Ему оставалось доползти всего-то полметра, а тут нехороший прапор забрал приз прямо из-под носа. Отсоединив магазин, я нарочито неспешно стал приводить в негодность довольно запущенное своим последним владельцем оружие. Урка хриплым шепотом выматерился:

— С-с-сука! Это ты подянку устроил? Да ты знаешь, кто мы?..

— Будешь орать — прострелю тебе один хитрый нерв на шее. Голосовые связки, как и все остальное, парализует, подышать будешь молча, — пообещал я уголовнику. — Мне не интересно, кто ты такой. Скорее всего, бобик на длинном поводке у шестерки Борова, или того хуже. — Я указал стволом почти оприходованного «Чебурашки»¹ на труп: — Ты и твой приятель на посылках у этих шестиногих тварей, что ниже нуля абсолютно.

— Ах ты... — Но сил на длинную тираду не хватило, урка закашлялся, поперхнувшись сгустком черной от крови слизи. — Убей меня, а?

— Можно. Только скажи сначала, как долго вы тут шаритесь?

— Дай слово, что убьешь быстро. — В голосе бандита слышалась обреченность, он сдался и «потек».

— Даю слово, говори.

— Я... А-ахх-а-а... — Бандит захрипел и, покорчившись пару секунд, затих.

Получилось почти так, как я и думал, поэтому, повернувшись к покойнику спиной, я направился к «воронке», чтобы уничтожить второй трофейный ствол. Отойти успел только на пару шагов, затем резко сместился влево и присел. Вовремя: над тем местом, где мгновением раньше находился мой затылок, прикрытый только маской-«душегубкой», просвистел нож. Бандиты вообще большие артисты, когда дело касается их шкуры. Многие из них способны разыграть настоящий спектакль, лишь бы выйти живым из очередной «пиковой» ситуации. Этот урка не был исключением. Но поскольку он пару раз безотчетно лапнул левый рукав кожанки, я понял, что урка попытается подманить фраера ушастого поближе и пырнуть ножиком. Как он планировал спастись, ума не приложу. Но скорее всего, просто решил прихватить с собой на тот свет виновника фейерверка. Я решил до конца его опустить, чтобы он понял всю тщетность своих усилий. Это как со своенравной промысловой лайкой: мало показать собаке свою силу, надо еще дать понять, что ты умнее ее. С людьми точно так же, а на уголовников и хулиганье вообще действует безотказно. По моим прикидкам, он проживет еще около часа, прежде чем потеря крови его доконает. Урка, естественно, не мог знать, что я сведущ в ранениях, хотя оценка состояния противника — неотъемлемая часть любого боя, помогающая верно оценить шансы на выигрыш. Сыграл он хорошо, но зритель в моем лице оказался более искушенным, поэтому аплодисменты и гонорар не последовали.

Поднявшись с земли и подобрав традиционную финку с наборной рукоятью, я спрятал ее в пустой подсумок. Гранат больше не осталось, а на этот кусок плохого железа и плавленной причудливым образом пластмассы у меня были некоторые планы. Выкинув АКСУ, я неспешно вернулся и присел на корточки напротив посеревшего от потери крови бандюка.

— Спасибо за финку, добавлю в коллекцию, если ты не против. Думал, что на дурачка наскочил? Нехорошо, родной. Так на чем мы остановились?..

— Хитрый, сука. — Урка снова сплюнул кровью, черная слизь стекала по его небритому подбородку и терялась в траве. — Но...

— Хорош! — Пора было заканчивать, тошнотные позывы и приступы мигрени уже давали знать о близости Волны. На лирику времени уже не оставалось. — Или толкуй по делу, или свяжу и кину тут. — Бандит оскалился. — Не надейся, в рот «уздечку»² воткну, язык не прокусишь, да и есть еще один способ. — Тут я сконцентрировался и направленным

¹ «Чебурашка» — ласково-презрительное прозвище АКСУ, дано за слишком громкий звук, издаваемый при ведении автоматического огня. Звук сильно бьет по ушам.

² «Уздечка» — палка, вставляемая пленному в рот, чтобы исключить вариант суицида.

пси-импульсом пощекотал урке мозги. Тот взвыл, и в глазах его отразился страх: не то мелкое чувство, которое возникает при незначительных потрясениях, а настоящий СТРАХ. — Но давать тебе беспамятство перед смертью — слишком много чести. Или толкуй мне «откуда-куда-зачем», или я тебя как рыбу выпотрошу. Ну, живо!..

Бандит знал не так много: их с приятелем отрядили в качестве проводников к паукам, которых он видел до этого лишь пару раз. С тварями близко общался только доверенный человек Борова, афганец. Его звали Салим — авторитет на подхвате у Борова, довольно опытный в прошлом боевик, воевавший от Приднестровья до Чечни, но не поделивший что-то с тамошними арабами и сваливший сначала в Украину, а спустя год после второго взрыва на ЧАЭС перебравшийся в Зону. Здесь он быстро поднялся, прославившись не столько жестокостью, сколько своим хладнокровием и расчетливостью. Боров приблизил талантливого уголовника к себе, и скоро Салим стал его «правой рукой», взяв под контроль все, что касалось боевых операций группировки. При этом он не гнулся перед Боровым, хотя, проявляя должное уважение, никогда не лез на первые роли. Говорят, его пытались перекупить, но Салим не поддался, принеся Борову головы гонцов, присланных «сичевыми», аккуратно упакованные в холщовый мешок. Столь высокая преданность у многих вызывала сомнения. Однако я понял, что Салим не совсем тот, за кого себя выдает. Слишком уж грамотно поставлено у него все, что касается проводки караванов, торговли людьми и поставки артефактов за пределы периметра. Вот и сейчас тревожный звоночек разбудил заснувшую было чуйку.

Что касается пауков, то раненый про них знал не много: появились из ниоткуда около месяца назад, обосновались в северном квадрате Темной долины, а с Боровым общались только в присутствии Салима и одного негра, явно американца. Общались пауки с людьми голосом, идущим из хитрого устройства у них на морде, нечто вроде динамика. Говорили мало, в основном приказывали или спрашивали об особенностях местности. Недели две назад вернулись с хорошей добычей и практически без потерь. Про пленников урка ничего не знал, сказал только, что их было двое, один сильно хромал. Обоих сразу же увели к Борову, а потом одного забрали пауки. Кого конкретно, бандит не помнил.

Забросив оба трупа вслед за выведенным из строя оружием, я принялся осматривать тушу закоченевшего уже паука. Несомненно, это был разумный вид, одетый в нечто наподобие экзоскелета из неизвестного мне материала, легкого и достаточно прочного. Пробрить эту броню мне удалось только благодаря небольшому расстоянию и высокой кучности «ковруши», а вот метров с пятидесяти паука уже наверняка не достать. Про девятый миллиметр я даже молчу: горох, он и в Африке горох. Никаких привычных мне средств связи или информационных накопителей я на трупе не обнаружил, поэтому просто соорудил систему блоков из троса да гнутых кусков арматуры, выволок тушу к «воронке», которая, радостно ухнув, не оставила от паука ни малейшего следа.

Из-за всех этих плясок возникло серьезное отклонение от первоначального маршрута, и на след группы, захватившей Дашу, я вернулся только через три часа. Что бы там ни сказал пленный, причин менять первоначальный план поисковых мероприятий смысла не имело. Любые сведения нуждаются в проверке, а тем более столь отрывочные. И дело даже не в том, что уголовник мог соврать. Просто рядовой бандит и не мог знать много. Группировка Борова точно копировала структуру уголовных сообществ за периметром и состояла из нескольких иерархически разделенных групп, где информация, блага и полномочия строго ранжированы по положению и влиянию внутри сообщества. Такая структура не дает информации распространяться за пределы узкого круга лиц, что способствует эффективным действиям всей банды в целом.

Найдя след, я снова пошел вперед, все ближе подбираясь к резиденции Борова, под которую он обустроил заброшенное здание, судя по инфраструктуре, бывшее некогда крупным автохозяйством. Комплекс хорошо охранялся, но проникнуть за первые два кольца охраны мне не составит особого труда, поскольку уголовники ленивы и слишком злоупотребляют всякими радостями бытия вроде алкоголя и препаратов, «расширяющих

границы восприятия». Но вот дальше непременно возникнут проблемы, поскольку люди Салима — это не обдолбанные урки, а опытные бойцы, которых он сам отбирал в «гвардию» Борова. Народ там, судя по слухам, был разный, но дураков не наблюдалось, хотя, как это обычно бывает с нерегулярными формированиями, у каждого есть червоточина. Впрочем, на изучение слабостей нет времени.

Снова по нарастающей пришло чувство тревоги, заныла рука, и я подобрался, ожидая подвоха. Но ничего странного не произошло, хотя позже я добавил испытанные ощущения в архив личных восприятий, чтобы не дергаться зазря. След раздваивался: люди взяли себе одну лошадь, двоих пленников и ушли, держа направление на базу Борова. Пауки, трое из выдержавших путешествие захваченных бойцов «Альфы» и оставшиеся три лошади пошли в сторону ущелья на северо-востоке, образованного двумя грядами мусорных гор, в народе именовавшегося Пятачок. Само место было ничем не примечательно, но надолго там никто не задерживался, а когда все копались в причинах, почему в этом, в общем-то, обычном и нейтральном к людям месте никто не хочет останавливаться более чем на час или два, — никто толком не мог объяснить. Все как один говорили, что просто, мол, неуютно там. А пауки гнали пленников именно в ту сторону, и вскоре я понял, почему плечо и рука у меня словно горели огнем. Когда я дошел до небольшой, метров пятнадцать в поперечнике, поляны в конце ущелья, меня слегка замутило. Люди и лошади никуда отсюда уже не ушли. Три человеческих скелета с остатками кожи, одежды и засохшими клочками плоти были нанизаны на длинные арматурины, воткнутые в землю. Они образовывали правильный треугольник, ориентированный вершиной строго на юг. А внутри треугольника, в яме глубиной два с половиной и шириной около пяти метров лежали остатки костей и внутренности лошадей. Скорее всего, изначально яма была наполнена кровью и требухой во исполнение некоего ритуала, который длился, судя по следам, около десяти часов. В основании треугольника на земле до сих пор оставалась радиоактивная метка, очевидно, тут был портал вроде тех, которые старатели замечают в разных уголках Зоны. Пауки совершили какой-то обряд и исчезли. Что тут произошло на самом деле, оставалось только гадать. Щелкнув пяток кадров для архива, я вышел из ущелья и вернулся на след людей, поскольку Даша действительно была у них, сведения пленного урки нашли свое подтверждение.

На базу к бандитам соваться пока смысла не было: Салим не дурак, чтобы держать девушку на базе, зная, с кем имеет дело в моем лице. Сопоставляя факты, известные мне об этой темной лошадке, я постепенно склонялся к мысли, что Салим — креатура иорданской или турецкой разведки. Впрочем, для турок это было слишком тонко, а вот иорданцы подходили как нельзя лучше. Поэтому мне наверняка организована встреча, а Даша спрятана где-нибудь вне периметра, поскольку сама по себе девушка для моих врагов никакой ценности не представляет.

Вариант, избранный для вызволения моей неугомонной амазонки, стал вырисовываться в общих чертах еще сутки назад, когда я понял, как будет играть противник. Раз Боров и те, кто его подкармливает, решили забрать что-то мое, то я заберу кое-что у них. А что может быть для уголовника ценнее всего на свете, как не собственная шкура? Вот и получалось, что следовало провести комплексную операцию по доставке местного «дона Корлеоне» в приватное и тихое место для более близкого знакомства. Но делать это с наскака не следует: пока в помощниках у «дона» ходит такой пес, как Салим, нечего и думать о том, чтобы просто выкрасть Борова и потребовать обмена на девушку. Салим искушен в нашем с ним общем ремесле ничуть не меньше, чем я. Кроме того, имеет под началом впятеро против моего больше хорошо подготовленных людей, представляющих собой отлично слаженную команду. Переиграть их в открытом бою или даже при игре в нашу профессиональную забаву «кошки-мышки»¹ можно только ценой неприятных для меня потерь.

Сориентировавшись на местности, я взял курс на Сортировку. После моего визита

¹ Имеется в виду высокоманевренный бой двух или более диверсионных групп, во время которого характерны взаимное преследование, организация засад и т. д.

саперы «Альфы» так и не собрались вычистить стоянку до конца, и теперь очень немногие отваживались заходить туда. Тем временем погода ухудшилась, стало темно, словно в сумерках, дождя еще не было, но на востоке сверкали зарницы и слышались громовые раскаты — верный признак близкой Волны. Следовало поторопиться и достичь заброшенной стоянки менее, чем за три часа, иначе меня непременно накроет. Ускорив шаг, я двинулся прочь от владений Борова, но с твердым намерением вернуться уже с готовым планом.

Путь не осложнился встречей ни с людьми ни со зверьем, хотя на самом подходе к Сортировке меня около часа сопровождала крупная стая слепых собак, державшая дистанцию и ближе чем на два десятка метров не приближавшаяся. Сообразив наконец, куда направляется этот кусок мяса, вожак стаи издал тоскливый вой, и стая мгновенно ушла в сторону пустошей, выискивая добычу полегче. Наученные прошлым опытом звери не совались туда, где расставил свои ловушки человек, поэтому я был огражден хотя бы от их визитов.

Волна каким-то образом делала зверье более агрессивным, но это не относилось к псам: собаки своим поведением напоминали людей — их корежило и пригибало к земле, а многие гибли, предоставляя стае основной рацион на первые несколько часов после того, как катаклизм закончится. Остальные, особенно кабаны и псевдоплоть, наоборот, делались храбрыми настолько, что решались нападать даже на хорошо экипированные группы военных. В архиве я нашел запись о том, как после второго взрыва на ЧАЭС, послужившего началом новой эпохи в истории Зоны, пара десятков псевдогигантов неожиданно атаковала первую линию карантинного заслона, северо-восточнее того места, где сейчас был собственно Кордон. Обезумевшие звери перли на пулеметы и атаковали непрерывно в течение двух суток. Военные бросили все силы на борьбу с прорывавшимися «мутантами», и ценой огромных потерь им удалось обратить остатки стихийного прайда псевдогигантов в бегство, но уничтожить их окончательно не получилось. Что побудило в общем-то спокойных зверей, никогда первыми на людей не нападавших, к такому акту агрессии, так и осталось невыясненным, но с тех пор вояки регулярно обновляют полосу укрепрайона в том месте, а далеко в тылу размещена оперативно-тактическая группа, имеющая в своем составе танковую бригаду старых, еще советских Т-72 и сводную эскадрилью ударных вертолетов. Но никто точно не уверен, что прорыв не повторится, и совсем непонятно, где это может случиться в очередной раз.

Зашел я на стоянку со стороны дороги, ведущей на базу «Альфы», где кажется, только вчера мы с подругой уничтожили троих бандюков, посланных Бесом с целью нас же и грохнуть, под шумок начавшейся тогда на Сортировке бойни. Ничего кардинально не изменилось с тех пор, как я был здесь в последний раз: то же запустение, кучки палых листьев и какого-то мусора, холодная бочка с остатками прогоревшего костра внутри, раскиданные в беспорядке тарные ящики да пара мумифицированных трупов в сервисных ямах. Покойников так никто и не удосужился убрать. Вообще-то я знал, что и мне следует сидеть тихонечко, но вдруг представил, что вот так и мои кости будут валяться в грязи и их пнет проходящий мимо бродяга. Само собой, это сантименты, и когда придет мое время перейти в разряд брэнного праха, для меня все станет безразлично, и все же что-то мешало мне просто найти люк, ведущий в систему стоков, и затихариться там в преддверии Волны. И я принялся за работу, благо трупы уже иссохли, а духовские «растяжки» я сдернул или обезвредил еще в первый свой визит сюда, оставив только самые опасные из ловушек, предварительно пометив их для особо любознательных путников при помощи яркой краски. Всего тел насчитывалось восемь, и я их скинул в зло гудящую у задних ворот «жарку». Получилось достойно: тела преданы огню, а на стоянке стало не так жутковато. Неожиданно вдалеке на севере завывала сирена раннего оповещения. Земля затряслась, и по ушам ударил тугой волной первый всплеск Волны, как бы предупреждая тех, кто еще не успел забиться по щелям.

Лазейку, не более полутора метров в диаметре, в сточную систему ж/д узла, куда можно было забраться только ползком, я заприметил и расчистил еще раньше, но глубоко

внутри не лез. Сняв РД и держа в другой руке пистолет, я одним нырком прополз метров на десять вперед. Сверху сыпалась земля вперемешку со ржавчиной, отслаивавшейся с поверхности треснувших кое-где труб, почва ходила ходуном, а в глазах у меня стоял красный туман. Казалось, что мозги сейчас вскипят и взорвут череп изнутри. Не останавливаясь, я в полуприседе продвинулся вглубь тоннеля еще на пару метров, где красный туман и дурнота наконец-то слегка отпустили, давая возможность чуть свободнее соображать. Огляделся и понял, что заполз под кучу металлоконструкций. Прислонившись к сухой, шершавой стенке металлической трубы, я наконец-то перевел дух и осмотрелся.

Впереди была комната — очевидно, канализационный коллектор, переделанный бродягами под убежище, — выглядевшая довольно уютно: на стене, слева от входа в трубу, по которой я приполз, нашелся старый керосиновый фонарь, рядом на полу стояла емкость с горючим, судя по запаху, это был керосин. Вдоль стен через равные промежутки были разложены старые полосатые матрасы, заваленные грудami тряпья. Крыс нигде не наблюдалось, отсутствовали также и следы их ближайших сородичей — мышей. В помещении было сухо и темно. Распрямившись во весь рост, я осмотрелся и зажег фонарь, предварительно наполнив резервуар в нем из чуть тронутой ржавчиной канистры с длинным носиком. Спички нашлись в нише, видимо, специально выдолбленной в стене. Сам я предпочитаю зажигалку, хоть и не курю, но в этот раз просто повезло, что местные постояльцы поддерживали старую традицию всех путешественников — оставлять во временных убежищах топливо и пищу. Хотя последнего я искать не стал, сказалась привычка как можно дольше пользоваться личными запасами, во избежание всяких неожиданностей вроде ботулизма или кишечных инфекций. Последнее особенно опасно, когда находишься в автономке, ведь на помощь рассчитывать не приходится.

Я расчистил одну из лежанок справа от входа, но не прямо напротив него, рассчитав все таким образом, чтобы свет лампы не падал в мою сторону и вошедший не смог сразу определить, где я сижу. Положив автомат под руку, я выставил рюкзак и положил «грач» таким образом, чтобы схватить его и выстрелить можно было почти мгновенно. И лишь после этого высвободил трубку «медузы» и сделал два длинных глотка. Освежающая горечь подсоленной воды принесла облегчение: головная боль отступила, в глазах перестали плясать красные точки. Желтый свет лампы отбрасывал на стены и пол причудливые тени. Снаружи бушевала стихия, а здесь было даже уютно и самое главное — безопасно. Я заставил себя съесть пару сухарей и сжевать горсть изюма, который стараюсь всегда брать с собой, если могу достать. Именно сладкий изюм, без косточек, который зовется «самза». Сразу полегчало, сил ощутимо прибавилось, и я позволил себе немного поспать, как всегда, без сновидений.

1.3

Дальнейший путь был чередой коротких перебежек с целью остаться незамеченным для ставших многочисленными в районе Свалки и Прикордонья патрулей военных и набравшей силу группировки Беса. Оснований встречаться у меня не было ни с теми, ни с другими, поэтому продвижение существенно замедлилось, и к заброшенному блокпосту, откуда разбитое шоссе вело на Кордон, я вышел только спустя трое суток. Пару раз приходилось прятаться от пролетающих вертушек, но ничего серьезного не происходило. Один раз меня вызвал кто-то неизвестный на общей волне, но я не стал отвечать, тем более, что сейчас было не время ввязываться в дела посторонних людей. Свернув с шоссе, я принял вправо, чтобы, миновав небольшую рощицу чахлых деревьев, углубиться в овраги, изрезавшие всю западную оконечность Прикордонья. Там я планировал сделать короткий привал, чтобы поесть и выйти на связь с Юрисом.

После Волны погода обычно улучшается, если это слово применимо к чуть более светлому фону серых туч, почти никогда не покидающих местное небо, да отсутствию дождя и порывистого злого ветра. Но на этот раз ничего подобного не было: небеса по-прежнему

огрызались громовыми раскатами, а восточный ветер рвал капюшон комбеза с головы. Резко подскочил радиационный фон, указывая на то, что тучи погостили в районе Припяти. Но все было в пределах нормы, к тому же я не собирался долго тут задерживаться. Вынув ПДА и перейдя в режим сканирования, проверил общую обстановку.

Хитрая программа интерпретации позволяла по отрывочному пеленгу довольно точно определить местонахождение источника сигнала радиообмена, если тот находился в пределах ста сорока — ста семидесяти метров от меня. Хотя верить этим данным можно было только в пределах разумного. Однако с тех пор, как Одессит продал мне этот хитрый модуль, аппарат еще ни разу меня не подвел. При всей своей уникальности эта штука не была эксклюзивом, и, как я слышал, программу и модуль использовало довольно много народу. Но по прямому назначению пользовались им только бандиты, устраивающие засады на постоянно висевших на общем канале новичков или особо беспечных старателей, которых я кроме как простодушными идиотами никак не назову. Но даже и бандитов подводила излишняя доверчивость к технике. Вот лично мне совершенно все равно, что они говорят на кодированной частоте, зато очень интересно, как близко эти скрытные парни от меня находятся. Поэтому я слушаю эфир, совмещаю выданные программой-интерпретатором метки с картой местности и получаю готовый маршрут в обход потенциальной засады или недружественной группы граждан, при других условиях обязательно попавшихся бы мне на пути.

Сейчас все было спокойно: два отряда из мелких группировок шли на Кордон с добычей и переговаривались, вояки запрашивали вертолетную пару об обстановке в районе Свалки, было несколько одиночных вызовов, но слишком далеко — программа отказывалась выдавать даже приблизительное их местоположение. Уверившись, что в радиусе сотни метров никого нет, я быстро обменялся данными с Юрисом. Денис и Андрон показали хорошие результаты на полигоне, и Норд их сильно хвалил. Слон тоже шел на поправку, благодаря какому-то артефакту, принесенному Сажей. Алхимик каждый день заходил в башню и взял на себя амбулаторное лечение моего земляка, утверждая, что скоро от ран не останется и следа. Пару раз заходил Василь, но ничего существенного не передал, видимо, рассчитывая на личную встречу со мной по возвращении из поиска. Затишье. Это мне не нравилось, о чем я и отписал другу, оставшемуся на хозяйстве, выставив ориентировочный срок прибытия — семь суток. Попутно скинул ему план базы Борова с наказом взять молодых и осторожно пошарить в ее окрестностях, но ничего не предпринимать без меня.

По моим прикидкам, скоро похитители начнут беспокоиться, поскольку один из них пропал, а я так и не пошел по оставленному специально для этих целей следу. Скорее всего, в течение десяти суток они начнут игру. И вероятнее всего, солировать в их партии будет именно предусмотрительный Салим. Следует поломать их игру, спутав карты неожиданным ходом, нужно торопиться. Спрятав ПДА в карман «разгрузки», я переключил тангенту на сканер сред и взял курс вдоль шоссе, чтобы под прикрытием дороги выйти в район деревни новичков на юго-западе, прямо возле бункера Поповича.

Так я прошел метров сто пятьдесят, пока не поравнялся с небольшой полосой деревьев. Скорее даже это был небольшой лесок, состоявший из иссохших, но довольно мощных в прошлом тополей. Они не давали рассмотреть того, что было в глубине лесополосы, поэтому я принял влево и взял более высокий темп движения, стараясь не двигаться по прямой. Но как только я достиг середины окраины леса, который теперь заслонял весь правый фланг, из кустов вышел Охотник и, приветственно подняв руку, послал мне импульс вызова. Побратима не было видно довольно давно, поэтому я и обрадовался, и одновременно насторожился: если брат показался, это означало большие проблемы, с которыми я не в состоянии справиться в одиночку. Опустив оружие, я быстрым шагом пошел в сторону, указанную Охотником.

Когда мы достигли небольшой поляны, прикрытой со всех сторон густым кустарником и плотными завалами бурелома, побратим протянул мне руку со словами:

— БРАТ! ОХОТНИК РАД ВСТРЕЧЕ. БОЛЬШАЯ ОХОТА ВПЕРЕДИ. МНОГО

ВРАГОВ УМРЕТ. — Изменяющий издал низкий горловой рык, от которого стихла возня всякой мелочи на добрую сотню метров вокруг.

— И я рад встрече, брат. Спасибо за помощь. Эти двое были хорошими воинами, без тебя нам бы пришлось непросто.

— БЛАГОДАРИТЬ НЕТ НУЖДЫ — ОХОТА БЫЛА СЛАВНОЙ. ПРОСТИ, ЧТО ЖЕНЩИНА ПОПАЛА В РУКИ ЛЮДЕЙ С УЗОРАМИ НА КОЖЕ. С НИМИ БЫЛИ ЖДУЩИЕ-В-ТЕМНОТЕ, ОНИ УКРЫЛИ ВСЕ ПЕЛЕНОЙ, Я НЕ МОГ УВИДЕТЬ. ДОЛГ МОЙ ВЕЛИК. ЖЕНЩИНА — ЧАСТЬ СЕМЬИ.

— Что ты знаешь про пауков? Мне удалось убить одного из них, но те, кто пришел за телом, ничего про паука сказать не смогли. А за Дашу не волнуйся, скоро тот, кто ее украл, сам попросит меня ее забрать. Девчонка с характером, да и потом, похитителям нужен я, а не она, поэтому пока ей ничего не угрожает.

— Я МАЛО ЗНАЮ. НО С ТОБОЙ БУДЕТ ГОВОРИТЬ ВИДЯЩИЙ ПУТЬ, ОН И ЕГО СЕМЬЯ СЕЙЧАС ПРИДУТ СЮДА. МЫ УЖЕ ДАВНО ЖДЕМ ТВОЕГО ПОЯВЛЕНИЯ.

Я не успел ничего ответить, потому что на поляну один за другим вышли десять Изменяющих, вооруженных длинными посохами из синеватого металла. Они встали по краям поляны, образовав правильный круг. Охотник тронул меня за локоть, предлагая отойти в сторону, я повиновался. В центре поляны возникло белое свечение и с негромким хлопком распалось на мелкие искорки, а на его месте появился Видящий Путь. Причем он снова сидел на плоском валуне, неизвестно как попавшем сюда из зала совета клана. Вождь Изменяющих послал мне волну приветствия и... удивления, а потом начал говорить:

— Рад видеть тебя, брат Изменяющих. Ты стал Тем, кто ступает в Паутине — это почетно и опасно для Изменяющего. И смертельно опасно для человека. Твой путь не определен, а судьба растворилась в Танце вероятности. — Посох в руках вождя переключал в левую руку, и кровохлёб продолжил: — Мало того, ты в поединке победил Ждущего-в-Темноте, победил сам, без посторонней помощи.

— Вождь, кто они такие? — осмелился я перебить Видящего, хоть это и было против правил. Но тот никак не показал своего недовольства. — Я должен знать своего врага.

— Они наемники, вроде тех, что живут возле проклятого Города, который вы зовете Могильником. Но гораздо опаснее и старше. У них нет своего мира, его уничтожил взрыв их собственного светила, это было очень давно. С тех пор они живут между мирами в искусственных Гнездах... Домах... Кораблях. Они скитаются по Междумирью, предлагая свою силу всем, кто заплатит за их услуги. Пауки — отличные воины, но воюют группами, а дерутся без чести.

— Паук владел странным приемом: я не смог его почувствовать. Только подходя вплотную, его засек Дар. Почему так получилось, вождь?

Видящий ответил не сразу, он перекладывал посох из руки в руку, как бы играя с оружием.

— Пока я не знаю, что случилось. Дар, избравший тебя своим спутником, ведет себя необычно. Пелену, насылаемую Ждущими-в-Темноте, невозможно преодолеть с его помощью. Они насылают на жертву морок и скрываются до самого момента атаки. Скрытно подходят к добыче на расстояние удара передними лапами, их атака почти неотразима. Однако то, что произошло с тобой, очень необычно, и думаю, что есть повод записать этот случай в Книгу Пройденного Пути. Ты оказался очень полезен племени, Ступающий в Паутине.

— Можно спросить, зачем ты хотел меня видеть, вождь?

Видящий Путь поднял голову, оторвавшись от созерцания гравировки на посохе, и медленно, тщательно подбирая слова, начал говорить. Он явно разрывался между тем, что хотел сказать, и тем, что должно быть до времени скрыто. Но подвоха я не чувствовал: Изменяющие были единственными из иномирян, в поведении которых я не ощущал двойной игры. Их помыслы были очевидны: они, как и я, пришли на землю Зоны отчуждения, чтобы жить и охотиться. Больше клан воинов и охотников ничего не интересовало, поэтому мы так

быстро нашли общий язык и доверяли друг другу.

— Скоро придет время Большой охоты — как и все мы, ты чувствуешь это. Но битва будет неравной: твои сородичи, предавшие свой вид, сговорились с Ткачами и будут убивать себе подобных, как и мы когда-то. Это разрушило наш мир и уничтожило мой народ. Избежать этого нельзя, предотвратить бурю уже невозможно. Те из вас, что были друзьями Камню, задумали и попытались осуществить план по пробуждению Обелиска. Но вчера их группа была разгромлена Ждущими-в-Темноте. Мы вмешались и потеряли десять лучших воинов, но их смерть не была напрасна. — Вождь запустил руку за спинку трона и вынул знакомый мне черный тубус, который я принес и сдал Поповичу, кажется, добрую сотню лет тому назад.

— Мне знакома эта вещица.

— Знаю. Ты один раз уже вынес Ключ и спас его от гибели. Теперь же тебе предстоит выбор: отдать его снова тем, кто хочет вернуть Камню его душу, или попытаться сделать это самостоятельно. К чему ты готов?

Новость была ошеломительно предсказуема: с самого начала, как только я взял этот проклятый футляр в руки, я понял, что просто так от него не избавлюсь. Бездумно идти на верную смерть — это одно, но тащить за собой тех, кто мне доверился... Нет, это совсем другой разговор.

— Я отнесу это туда, куда и в прошлый раз, риск не оправдан. Не думаю, что смогу сделать то, к чему меня подталкивают обстоятельства.

Кровохлёбы все как один повернулись в мою сторону, но эмоции, излучаемые ими, не походили на нечто отрицательное, скорее, они были удивлены. Справившись с волнением, Видящий Путь снова заговорил:

— Пусть будет так. Отнеси Ключ на Кордон, к старому торговцу, и слово в слово повтори то, что ты сказал в кругу братьев, это важно. Теперь иди, и пусть твоя охота будет всегда удачна, а враги повержены и мертвы. Прощай, брат Изменяющих.

Вождь исчез в коконе света, словно его и не было вовсе. А десять телохранителей молча ушли в стелс-режим и разошлись с поляны в разные стороны. Остались на ней только мы с побратимом. Футляр с Ключом буквально жег мне руки, разговор с Видящим Путь оставил в моей душе неправильное, гнетущее ощущение потери. Так бывает, когда нечто существенное и важное произошло, но осталось непонятым. Казалось, что Охотник знает нечто такое, что каким-то образом ускользнуло от меня.

— Брат, что я сделал неправильно, почему я чувствую, что потерял нечто важное?

— Я ОТВЕЧУ, НО ПРЕЖДЕ ТЫ ОТВЕТЬ МНЕ, СОГЛАСЕН? — Охотник переместился в центр поляны и пристально смотрел мне в глаза. Мыслеощущения, посылаемые мне вместе со словами, были неоднозначны: сожаление, тоска, любовь.

— Спрашивай.

— ЕСЛИ У ТЕБЯ ЕСТЬ ВЫБОР: СОХРАНИТЬ СЕМЬЮ ИЛИ ПОТЕРЯТЬ ДРУЗЕЙ, — ЧТО ТЫ ВЫБЕРЕШЬ?

— Я отдам свою жизнь за вас. Семья и друзья мне дороже всего остального. Жизнь не важна, если теряешь близких или товарищей. Если есть выбор — лучше умереть самому.

Глаза побратима странно заблестели, он испустил тихий вздох но голос его не дрожал.

— ЧЕСТНЫЙ ОТВЕТ, БРАТ. Я БУДУ ПОМНИТЬ ЕГО. ПРОСТИ, МНЕ СТЫДНО, ЧТО УСОМНИЛСЯ В ТЕБЕ. ОТВЕЧУ, КАК И ОБЕЩАЛ: СТАРЕЙШИЙ ЧИТАЛ НАМ ИЗ КНИГИ «ГРЯДУЩЕГО ПУТИ», В НЕЙ СКАЗАНО: «ИЗМЕНЯЮЩИЙ СПАСЕТ КАМЕНЬ, НО САМ СПАСЕНИЯ НЕ ОБРЕТЕТ. ВСЯ ЕГО СЕМЬЯ ПАДЕТ ПОД УДАРАМИ ВРАГА, А ОБРЕТЕННЫЙ БРАТ БУДЕТ СРАЖЕН В БИТВЕ ЗА СВОБОДУ КАМНЯ, ЕМУ НЕ БУДЕТ ПОКОЯ В МИРЕ СЕРЫХ ОБЛАКОВ И ДОЖДЯ...»

— Ничего не понял.

— ВСЕ ПРОСТО: ОДИН ИЗ НАС ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ В БИТВЕ ЗА КАМЕНЬ. ТЫ ОЩУТИЛ ЛИБО СВОЮ, ЛИБО МОЮ СМЕРТЬ. ПОТЕРЮ ЧАСТИ СЕБЯ.

— Иными словами, ты не знаешь, кто из нас умрет?

— ЭТОГО НЕ ЗНАЕТ НИКТО. ТАНЕЦ ЛИНИЙ ВЕРОЯТНОСТИ НЕПРЕДСКАЗУЕМ: ЛИБО ТЫ, ЛИБО Я. ТРЕТЬЕГО ПУТИ НЕТ.

— Я не хочу твоей смерти. Мы — братья. Будем биться и... — Охотник предостерегающе поднял руку, заставив меня замолчать.

— ТРЕТЬЕГО ПУТИ НЕТ. МЫ НЕ МОЖЕМ ИЗМЕНИТЬ ЭТОТ УЗОР. ВЕРОЯТНОСТЬ ТРЕБУЕТ ЖЕРТВЫ, И ВСЕ ИМЕЕТ СВОЮ ЦЕНУ. ТЕПЕРЬ ЖЕ ПРОЩАЙ, СКОРО МЫ УВИДИМСЯ СНОВА, БРАТ, СТУПАЮЩИЙ В ПАУТИНЕ.

Ничего больше не слушая, Охотник развернулся и, уйдя в стелс, исчез в зарослях кустарника, которые бесшумно сомкнулись за ним. Снова наступила тишина. То, что сказал Охотник, было сложно принять. Но теперь, когда я сам видел, что такое Вероятность, и уже интуитивно начинал понимать законы ткани Мироздания, становилось очевидным, что некоторые вещи просто должны случиться и ничего уже изменить не получится. Смерть одного из нас на фоне более сложного плетения, когда решается большее, нежели судьба конкретного существа, — это лишь строительный материал, кирпичик в стене или нить в общем узоре...

Выйдя из лесополосы и сориентировавшись по направлению, я взял прежний темп, надеясь до темноты добраться до Поповича и отдать ему злосчастный футляр. Исполнять чужую волю и вести людей, доверяющих мне, на смерть из-за туманных пророчеств я не собирался. В прошлом мне не раз приходилось рисковать самому и вести за собой других. Но в боевой обстановке все несколько иначе, и между отдачей приказа и его исполнением — очень большая дистанция. Для того чтобы люди поверили тебе, нужно вдохнуть в них веру в то, что они останутся живы и вернутся домой. Если у меня такой веры не было, я отказывался идти и запрещал своим выполнять такие приказы. Пару раз доходило до дисциплинарной комиссии, но куда можно послать дальше передовой того, кто передовой не боится?.. Однако случалось, что риск был велик, но идти все равно требовалось, иначе потери грозили быть такими, что наши несколько жизней оказались бы просто мизером на их фоне. И вот в такие моменты я собирал бойцов и говорил с ними прямо, без лукавства, объясняя, почему и зачем мы идем в пекло и что нас там ожидает. Я верю: солдат живет в долг. Его кормят, поят и обучают для того, чтобы в нужный момент он встал у той черты, за которой врага ждет только гибель. Во исполнение поставленной задачи солдат может отдать свою жизнь, поскольку его предназначение — спасти жизни тех, кто себя защитить не может. И боги войны были справедливы ко мне и моим ребятам, видимо, они полагали, что следует быть на стороне тех, кто верно понимает смысл ремесла воина, а может быть, нам просто везло.

Сейчас же не было очевидным то, ради чего следует идти на смерть и тем более вести за собой других. Становиться разменной пешкой в чужой игре с непонятными правилами, да еще и рисковать за нечто непонятное не имеет смысла. Поповичу и его полумертвым соратникам предстояло убедить меня настолько, чтобы их туманные призывы обрели реальный смысл и конкретику. Теперь мне самому придется провести черту, по одну сторону которой будут те, кого нужно защитить, а по другую враг, которого предстоит уничтожить.

Снова пришел вызов на общей частоте, неизвестный настойчиво звал меня. Сканер не показывал, где конкретно сидит вызывающий, но находился источник, судя по направлению, где-то в районе Янтаря. Вдали показалась насыпь со взорванным мостом. Изменения все же были: дорога кое-как расчищена, фрагменты металлоконструкций и груды бетонных осколков растасканы по обочинам дороги и свалены по оврагам. По крайней мере, теперь можно пройти, не опасаясь хватануть обильную дозу радиоизлучения на насыпи. Пройдя через руины, я свернул вправо и остановился возле входа на склад, крыша которого послужила мне таким хорошим наблюдательным пунктом в первые несколько недель пребывания в Зоне. После этого вынул ПДА и ответил на вызов анонима.

— Здесь Тридцать Девятый, говори что хотел. Прием.

Неизвестный откликнулся почти сразу. Статика помех иногда делала голос собеседника совсем тихим и малоразборчивым, фильтры сигнала помогали слабо.

— Я зовусь Тал, из племени Ждущих-в-Темноте. Ты слышал о нас. — Говорящий скорее утверждал, а не спрашивал.

— Чего хочешь?

— Отомстить. — Несмотря на серьезность претензии, голос паука был ровен и даже бесстрастен.

— Я не против: Зона не так велика, пересечемся.

— Ты не понял, самозванец. Умрешь не ты, я убью твою женщину и сделаю это уже очень скоро. Ты сам издохнешь от тоски и бессилия.

— Сильные слова, Тал. Но на клоунов у меня нет времени. Делай, что сможешь, и в случае чего — не обессудь. Отбой.

Вызов повторился, но я больше не отвечал. Кто бы там ни скрывался за позывным, скорее всего это игра, призванная вывести из равновесия или уточнить мое местоположение. Какой бы властью ни обладал паук, те, кто его нанял, безусловно не так глупы, чтобы уничтожить единственного человека, с помощью которого можно было бы оказать на меня давление здесь и сейчас.

В случае же, если Даше действительно угрожает опасность, ринувшись напролом, я ничего не смогу сделать и уж тем более похититься с похитителями. Само собой, сознание того, что Даше грозит гибель, — штука неприятная, но моя девочка не кисейная барышня, а я не слезливый истерик, поэтому, отбросив нахлынувшие было чувства, я в прежнем темпе зашагал к бункеру Поповича. Старый торгаш пусть хоть на коленях стоит — пока не разберусь с пауками и не доставлю девчонку к отцу на Малый кордон, где уж с ней точно ничего произойти не может, разговора о спасении мира не получится. А будет нужда, так вообще выведу ее из Зоны, к родне. Пока тут идет конкурс на звание «Повелитель Зоны», лучше, чтобы ничто от дел не отвлекало, хотя, скорее всего, девушка взбрыкнет и придется следить еще и за ней...

Миновав «секрет» людей Серого и перешагнув сторожок «растяжки», я беспрепятственно обошел деревню новичков с юго-запада. Затем вышел к холму, где по-прежнему светится желтым вход в бункер торговца. Все вернулось туда, где и началось. Исходная точка. Это означало только одно: события делают новый виток. Не торопясь, спустился по ступенькам и прошел к конторке. Торговец, даже не подняв головы, буркнул что-то вроде: «Кидай хабар на стойку, жди». Я вынул из РД тубус и молча поставил его на стойку перед самым носом Поповича. Руки его замерли над клавиатурой ноутбука, он медленно поднял глаза от экрана и с видимым опасением глянул на меня, но, узнав, закаменел лицом, приняв свой обычный вид «плавали — знаем». Хриплым от волнения голосом он поинтересовался:

— Кто тебе это дал?

— Кровохлёб. Большой фиолетовый кровохлёб с металлическим посохом. Попросил отнести тебе и передать слово в слово то, что я сказал ему. Интересно послушать?

— Говори. — Голос торговца звучал глухо, с какими-то новыми обертонами. Это было похоже на отчаянье.

— Я сказал, что снова отнесу его вам. И еще сказал, что не желаю вмешиваться в местные разборки только потому, что вроде как обязан это сделать. Перед вами у меня нет долгов, а какие были, уже уплачены сполна. Я не пойду на смерть сам и не поведу своих друзей в пекло, не вижу для этого ни одной причины.

— Это все? — Попович не был обескуражен, как можно было бы предположить. Опять повторилась странная ситуация, как и в кругу соплеменников Охотника. По всему получалось, что я говорю и делаю то, чего от меня ожидают. Как будто все это уже происходило, но я этого не помню. Странное ощущение, как будто играешь какую-то роль и читаешь заранее заготовленный текст, сам не понимая, как его выучил.

— Все. Теперь я пойду к Одесситу. — А вот этого от меня не ожидали. Попович снова утратил спокойствие и тревожно глянул на дисплей портативного компьютера. Спасибо, Тихон, видимо, я все же разорвал некую последовательность...

— Мишка сейчас пьет сильно. Лавку свою закрыл, третью неделю уже не показывается. Не ходи, может через дверь шмальнуть.

— Я рискну, есть разговор к нему, и привет от старого друга нужно передать.

— Он не обрадуется, даже если ты скажешь, что его Сонька воскресла. Бесполезно это все.

— А я и не собираюсь его радовать, просто нужна кое-какая информация.

— Ну-ну. Попробуй, чего я уговариваю-то.

Торговец убрал тубус под стол и снова защелкал клавишами ноутбука, более не обращая на меня внимания. Однако мои слова его сильно испугали, похоже, я сделал нечто неожиданное. В тамбуре ощущалось скрытое напряжение, воздух прямо-таки звенел. Ничего больше не говоря, я приторочил РД на плечи и, взяв автомат поудобнее, вышел на свежий воздух. На деревню уже опускались сумерки, у костра, как и раньше, тренькала гитара, бродяги лениво перебрасывались словами, кто-то смеялся. Из «тошниловки» доносились звуки драки, тоскливо выл тюремный бард. Как всегда, это было нечто жалостливое и насквозь фальшивое, как жалобы профессионального попрошайки.

Серого у «вечного огня» не было, поэтому удалось без разговоров проникнуть в подвал, где размещался оружейный магазинчик Одессита. Дверь действительно оказалась запертой изнутри, пришлось пару раз долбануть по ней кулаком. Прислушавшись, удалось расслышать неизменного Джима Моррисона и его самую заезженную и, пожалуй, самую сильную композицию «The End». Потом послышались звуки падающей стеклянной тары, и все стихло. Глянув на часы, я решил ничего пока не предпринимать: оружейник может бухать еще не одну неделю, но кто-то же носит ему горячее. Поэтому лучше подождать, когда этот некто выйдет и вернется, и просто войти следом. А пока я развернулся и, поднявшись наверх, направился к «тошниловке». Время было к ужину, а сытная еда и пяток часов сна — это то, что надо сейчас: переход и поиски хоть и не утомили, но пока было больше пустых угроз и туманных намеков, нежели реальных опасностей. Думаю, после еды и сна я получу первые данные от Норда, которые следует проанализировать и начать наращивать мясо на костяк наметившегося плана устранения Салима.

В общем зале закусочной было неожиданно малоллюдно для вечера буднего дня. Скорее всего, это было связано с тем, что Волна только трое суток как отгремела, и многие, кто стремился на Кордон по всяким своим надобностям, просто не успели набрать походный темп. Пересидеть гнев стихии в укрытии — это одно, а вот выйти из него — это уже совсем другая песня. Мне приходилось читать отчеты ученых, которые находили иссохшие останки людей, запертых в подвалах и разного рода укрытиях с одним выходом. После распределения аномалий во время очередной Волны некоторые из них перекрывали единственный выход в помещение, и люди гибли от обезвоживания, иногда от голода, а порой и от взрывов самоделок, с помощью которых пытались пробить другой выход из укрытия. Редко кто стрелялся или вешался: жажда жизни и нежелание сдаваться под гнетом обстоятельств заставляли людей бороться до конца.

Откинувшись на табурете и прислонясь к обшитой брусом стене, я расслабился в ожидании, когда подавальщица принесет мне дежурное блюдо. На этот раз это было тушеное мясо с овощами и картошкой. Я опустошил тарелку, почти не ощущая вкуса еды, затем заставил себя выпить мелкими глотками стакан горячего сладкого кофе с молоком. Хоть и ненавижу этот напиток за мерзкое послевкусие, но ничего другого без градуса сегодня не подавали. Поднявшись из-за стола, расплатился у стойки с хозяином, который, узнав меня, сдержанно поздоровался. Затем, еще раз оглядев полупустой зал, где даже музыка звучала как-то фальшиво и тревожно, вышел на крыльцо и направился к костру, чтобы не пропустить «гонца», который обязательно придет проведать оружейника. Устроился я не у самого огня, а чуть в стороне, подняв с земли одно из потертых сидений от уазика, которые служили местным чем-то вроде стульев и были общинным достоянием.

Удобно устроившись у стены одного из двух домов с целой крышей, я прикрыл глаза и осмотрелся вокруг. Сумерки становились все гуще, а на меня перестали обращать внимание,

как только я перестал двигаться и затих. Никто не лезет с расспросами к усталому человеку, особенно если он вооружен и сам не настроен поболтать. Ритм сна нарушился, это снова произошло помимо воли, и события сна, как в воронку, затягивали меня. Страх и удивления уже не было. Ощущалась только досада на то, что я пропущу «гонца», ведь, как показывает практика, в таком состоянии я бессилён управлять сновидением, пока оно само не отпустит из своих цепких объятий...

На этот раз я видел Поповича, Одессита и еще одного старателя, чье лицо мне было смутно знакомо. Но момент узнавания был мимолетен, и имя все время ускользало, хотя я точно был уверен, что знаю этого парня. Цвета были блеклыми, словно на старой фотографии, однако четкость очертаний людей и предметов была хорошей. Судя по всему, мне показывали очень давние события, что и подтвердилось, когда кто-то как бы невзначай словно повернул камеру и показал краешек перекидного календаря с голой худенькой девчонкой, чьи острые маленькие груди задорно смотрели на цифры, располагавшиеся на правом поле страницы: 1996 год, июль. Насколько я помнил, именно тогда произошел второй по силе взрыв в районе ЧАЭС, после которого Зона отчуждения и приняла свой нынешний облик. Это означало, что Одессит и Попович тоже добывали хабар в те лихие годы. Любопытно, что будет дальше...

Комбезы на троице были еще старой конструкции, а вооружение допотопным: только у самого молодого старателя, лица которого я так и не смог узнать или толком рассмотреть, на шее висел АКСУ, а из снаряжения был особо приметен старый армейский «лифчик»¹ на шесть стандартных магазинов, без нижнего пояса для гранат. Попович и Одессит щеголяли помповыми ружьями незнакомой мне фирмы. У них наличествовали еще и сумки с противогазами, а у Поповича выглядывал из кармана массивный детектор аномалий с «рогаткой» уловителя и пластиковым матовым экранчиком. Модель была старая, одна из первых. Только костюм незнакомца был похож на те, что носят в Зоне и до сей поры: он использовал баллоны из старой пожарной модели замкнутого цикла, что было тяжелее, но на практике более надежно, нежели армейские подделки, призванные не защитить, а лишь замедлить агонию своего владельца. Дыхательные гофрированные шланги с загубником посередине свободно болтались на уровне шеи, не стесняя движений старателя. Лицо его по-прежнему ускользало от меня, а голос... Черт! Я помнил этот голос...

Видимо, троица собралась в поход, серьезно настроившись сорвать банк. Наконец Попович заговорил, обращаясь к Одесситу. Голос его остался неизменным, только хрипотца была не так заметна.

— Ученые сказали, что дорога к Исполнителю Желаний будет открыта всего неделю, а нам надо Радар и Припять обходить, молва идет, что какие-то людишки там засели. Режут всех почем зря, поэтому с запада их обойдем. Военные послезавтра снимут оцепление и уйдут. Потери они несут дикие, поэтому быстро свернут свою музыку и уберутся. Сведения верные, мне их один хитрый «полкаш» передал. Не по средствам армии десяток человек в день терять. А после того, как Обелиск их выкинул с территории станции, так и вообще им там незачем обретаться.

— И с чего ж это ты взял, что нам там светит гешефт, а? — Одессит, поправляя рюкзак, хитро глянул на своего приятеля. — Мне так не кажется, что мы туда с пользой идем, не кошерно это. Моя больная печень говорит мне: ой, Миша, и куда ж это ты собрался?

— Замолкни, сионист хренов. — Попович побагровел и недобро глянул на приятеля. — Сам подумай: или мы вечно будем тут на задворках всякую мелочь сшибать, или рискнем всего один раз и получим всё. Понимаешь ты своей пейсатой башкой? ВСЁ! А за это надо платить, Миша. Не нервируй меня сейчас. Эй! — Торговец окликнул третьего участника экспедиции, который все это время молча стоял у входа в бункер Поповича, где и происходила подготовка к рейду, не вступая в разговор и углубившись в изучение карты. — Уважаемый, сможешь нас провести до станции в обход этих уродов, что на дороге сели?

¹ Имеется в виду советский уставной нагрудник-«разгрузка» образца 1988 года, так называемый «Пояс А».

— У нас был договор, я его выполняю, или повернем назад, когда станет опасно, а потом я верну вам часть денег. Все, как было условлено. Я не волшебник.

Теперь я узнал этот голос, да и черты лица третьего участника вдруг обрели резкость: Шахов, живой и здоровый, стоял и спокойно смотрел в глаза будущего воротилы бизнеса, солидно роняя слова через губу. Он так же молод и самоуверен, печать большого знания еще не коснулась его. Молодой и сильный Рэд Шахов, лучший проводник в Зоне отчуждения, уверенно проложил маршрут и свысока поглядывал на двух жадных лохов с деньгами, возжелавших счастья за наличный расчет. Ведь именно он, а не эти ходячие кошельки с деньгами — настоящий хозяин Зоны. Только он чувствует путь и видит все аномалии интуитивно. Только ему удастся проходить в труднодоступные и опасные уголки карантинной зоны черновыльского района и возвращаться обратно. Зона любит его и не даст умереть — он всемогущ здесь. Лохи повернутся у Обелиска и вернутся ни с чем, потому что на его памяти Камень не исполнял ничьих желаний, только калечил пришедших к нему людей. Байки про исполненные заветные мечты — скорее всего, выдумка, красивая, но пустая. А он снова пойдет в поиск и принесет нечто такое, за что его имя попадет в еще одну историю, которую новички и менее удачливые товарищи будут восхищенным полусшепотом пересказывать у костров. Ему не надо искать счастья, потому что оно и так всегда с ним.

Картина потускнела, лица и образы стали размытыми и исчезли. Я стал потихоньку выбираться из объятий Морфея, но был вновь отброшен упругой волной, видимо, у фильма была вторая серия...

Теперь мне показывали уже знакомое здание ЧАЭС, я был в комнате с бассейнами и ядром реактора. Обелиск стоял на прежнем месте, но грани его переливались всеми оттенками голубого, золотисто-зеленого и ослепительно белого. Послышались звуки стрельбы, три автомата, судя по звуку — отечественные, огрызались на более чем десяток довольно разрозненных очагов ответного огня. Через пролом в стене ввалился Шахов, а следом за ним на карачках вполз Попович. С нашей последней «встречи» прошло от пяти до десяти дней, амуниция обоих путешественников была потрепана и заляпана грязью. Послышались два близких одиночных выстрела из «калаша», и в помещение почти влетел и рухнул ничком на заваленный мусором пол Одессит. У обоих искателей счастья были трофейные автоматы, потертые АКМ. Явно оружие досталось приятелям не от военных, те при всей нищете украинской армии все же пользовались обычными АК74, коих было достаточно в СССР, чтобы вооружить не один миллион человек.

— Прорвались! Теперь пойдем к Камню, Мишка. Эй... — Попович лихорадочно оглядывал помещение, пока взгляд его не уперся в глыбу артефакта. Голос его стал тихим, видимо, он забыл, у кого и что хотел спросить.

— К Исполнителю Желаний нужно подходить по одному. — Это вступил Шахов. Тон голоса старателя был скучным, ведь он знал, что произойдет дальше. — Подходишь и просишь, чего хочешь больше всего на свете...

— Как просить? — спросил поднявшийся на ноги Одессит.

— Желательно вежливо. — Шахов, пряча улыбку, прошел к пролому, в руке у него появилась зеленая продолговатая граната, судя по всему, РГДшка, он аккуратно вынул кольцо и бросил ее в пролом, не сильно замахиываясь. Послышался глухой звук: «М-м-боп!», и стрельба вместе с голосами, все это время бывшие фоном разговора старателей, стихли.

— Да нет. — Одессит был зол, но не начинал грубить, видимо, пока он не получил достоверной информации о столь важном ритуале, и готов был терпеть высокомерие Шахова столько, сколько потребуется. — Вслух говорить или про себя?

— Это все равно. Главное, чтобы желание было самое заветное.

— Ладно... — Одессит с подозрением глянул на проводника: — А сам-то чего не просишь ничего?

— Мне нечего просить, я вроде как уже счастлив. — Шахов даже не обернулся, отвечая глупому лоху, он продолжал следить за лазом в стене. — Шевелитесь со своими желаниями, на нас скоро снова полезут. Я не смогу удерживать их дольше двадцати минут.

— Ну-ну...

Одессит и Попович были лет на двадцать старше своего проводника и оттого доверия к его словам не испытывали. Оба они подозревали всех и вся в двойной игре, старатель не стал исключением. Вдруг Обелиску нужна жертва человеческая, и вот он привел двух лохов на заклятие, а потом загадает очередное «заветное» и вернется назад, байки бродягам травить? Мол, не свезло лохам прикордонным, счастья снова на всех не хватило. Поэтому Одессит перестал донимать Рэда расспросами и перевел взгляд на Поповича, который уже подошел к постаменту с кристаллом. Будущий «честный торговец» зачем-то опустил перед Камнем на колени и, молитвенно сложив руки перед грудью, что-то сосредоточенно бормотал. Одессит окликнул приятеля срывающимся от волнения голосом:

— Ну как, исполняет?

— Отстань, Мишка... Эй, проводник! Что-то еще, кроме просьбы, нужно делать?

— Нет. Только попросить, и все. — Голос Шахова был чуть ироничен, его самоуверенность сыграла с ним злую шутку. Перестав обращать на Одессита внимание, он упустил из вида, как тот зашел к нему за спину, поднял автомат и что есть силы саданул его прикладом по затылку. Рэд рухнул как подкошенный, и в этот момент Камень изменил свой цвет на глубоко-синий, света в помещении стало меньше, лица участников окрасились мертвенной синевой, а земля ощутимо дрогнула.

— Нет, не все! Темнила проклятый. — Одессит забрал оружие проводника и, поставив автомат на предохранитель, закинул трофеем за спину. — Эй, Поп! Давай этого умника принесем в жертву. Видишь: как только я его по башке приложил — сразу стало что-то происходить.

— Ты спятил, Мишка! А ну как сгинем все? Кто его знает, что тут...

— Брехня! А ты задумывался, почему никто назад не приходит отсюда? Этот вот, — Одессит зло пнул в бок застонавшего Шахова, — приводит сюда лохов, убивает их. А сам свои желания исполняет. Только теперь все иначе будет, слышишь, падаль?! Я! Я теперь правила устанавливаю, понял, паскуда?!

Земля снова задрожала, сочетание синего и коричневого цветов придавало невообразимо мерзкий оттенок разыгрывающемуся действу. Попович спустил сверху трос, к которому Одессит приторочил тело проводника, и, кряхтя от натуги, рывками подтащил уже связанного Шахова к постаменту Обелиска. Чуть погодя и сам Одессит уже стоял рядом с напарником и вытаскивал блестящий охотничий нож с широким лезвием.

— Мишка, чего делать теперь будем? — Голос Поповича окреп, но глаза бегали, а руки теребили ремень АКМ. — Не по-людски получилось.

— Отстань! Горло сейчас этому умнику перережем и посмотрим, что будет.

Одессит подошел к телу проводника, но тот уже очнулся и извивался как мог. Одессит коротко и профессионально ударил его ножом в сердце. Крови было не много, тело тут же обмякло и вытянулось. Неожиданно Камень посветлел, и дальше произошло НЕЧТО. Оружейник развязал путы Шахова и бухнулся перед Камнем на колени, его примеру последовал и Попович. То, что говорил Обелиск, мне не озвучили, но слова обоих приятелей я слышал четко. Первым просил Попович. Голос его уже не дрожал, он успокоился, предвкушая богатство и достаток:

— Хочу, чтобы богатым быть и чтобы никто меня с хабаром надуть не смог. Дом хочу неприступный и жить долго и без болезней. Что? — Торгаш как бы прислушивался к кому-то, чьего голоса я не слышал. — Да. Это все, и сразу домой хочу, не хочу по Зоне больше шататься, хватит с меня, оседлой жизни желаю! — С этими словами и негромким хлопком он исчез.

Одессит сначала огляделся, потрясенный демонстрацией силы Обелиска, но потом глаза его упрямо сверкнули, и он заговорил:

— Хочу, чтобы никто не мог меня убить, а в оружейном деле не было мне равных. Пусть удача вот этого, — оружейник пнул мертвое тело старателя, — перейдет ко мне, и Зону лучше меня бы никто не знал, тайны все ее и ходы-выходы знать желаю!.. Ладно, —

видимо, откликаясь на некие ответные слова, Одессит снял с плеча АКСУ и положил рядом с телом Шахова, — будь по-твоему. Тогда хочу, чтобы дело, которое я себе изберу, было успешным только у меня. И в нем я не имел бы равных... По крайней мере, здесь. Вот и договорились.

Мерзкий оскал вместо улыбки исказил его синее от причудливого освещения лицо. Цвирня теперь был похож на упыря из сказок. С резким хлопком он тоже пропал, и Камень вдруг засветился ярчайшим белым светом, на который было невозможно смотреть. Тело Шахова тоже исчезло в яркой вспышке. Потом все вокруг затряслось, земля и небо перемешались в невообразимой свистопляске, слышались крики животных и людей, разбросанных по всей Зоне. Они либо гибли, либо менялись, я этого не знал, но ощущение, что это именно так, пришло как бы само собой, со стороны.

Сон закончился, я разлепил ставшие тяжелыми веки. В двух метрах от меня стоял Одессит. Глаза его были красными, чего не скрывали даже сумерки, а лицо заросло рыжевато-седой щетиной. Мощный перегарный «выхлоп» окутывал оружейника, словно защитное поле. Хриплым голосом он произнес:

— Ну, вот вы и знаете нашу маленькую тайну, молодой человек. Пойдемте уже внутрь, я расскажу вам то, чего вы не увидели в кино. Будь оно проклято все.

Я поднялся с земли и, подхватив автомат, направился вслед за потерявшей импозантность сгорбленной фигурой Оружейника. Тот даже не оглядывался. Медленно спустившись по ступенькам, он отпер дверь, пропустил меня внутрь и шагнул следом, снова закрыв ее на все засовы. Потом прошел за стойку, недрогнувшей рукой разлил по стопкам перцовую настойку и без всякого выражения заглянул мне в глаза.

В помещении магазинчика было не то чтобы грязно, однако есть в природе такой особый вид беспорядка, какой случается только в доме человека, чей пунктик — аккуратность и чистота. При нем все тяжелые предметы и вещи остаются на своих местах, а вот мелочи вываливаются из ниш, покидают свои назначенные хозяйской рукой места и разбрасываются повсеместно, создавая некий диссонанс в общей обстановке, показывая, подобно барометру, на некие отклонения и изменения «погоды в доме».

Так было и в магазине: «бумбокс» криво стоял на прилавке справа, почти на краю столешницы, помимо него там валялись бумаги и детали от трех разных «стволов». Бутылка «перцовки» стояла прямо на полу, тут же на газетке примостился растерзанный шмат сала, пара соленых сморщенных огурцов и перо зеленого лука. Повсюду были рассеяны обертки, пластиковые поддончики, в каких продают нарезки копченостей, и куча всякого трапезного мусора. Все говорило о как минимум трехдневном запое, хотя бутылка наблюдалась всего одна, и то полная на четверть. Либо Одессит убирал пустую тару куда-то, либо его организм вообще не шибко устойчив к алкоголю, что было немного странно. Впрочем, меня не волновала степень трезвости Цвирни — время поджимало, а действовать нужно было в темпе.

Оружейник, пошатываясь, прошел за прилавок, попутно ловко подхватил с пола бутылку и поставил ее на стойку перед собой.

— Подайте газетку с закуской, молодой человек. — Голос у него был такой же, как и обычно, но проскальзывали некие непонятные мне интонации, самое близкое значение которых были стыд и тоска.

— Извольте, но мне наливать не надо, — остановил я оружейника, положив сало и огурцы на стол рядом с бутылкой. — Впереди еще много дел, Михаил Анатольевич.

— А я выпью. — Он наполнил стопку до краев и одним махом опрокинул в себя, болезненно дернув кадыком. — Зачем вы пришли? Вы все узнали, футляр принесли, и делать вам тут больше нечего. Так было сказано.

— Очень может быть, но только я этих указаний не слышал, возможно, они не для меня. Только зашел вот передать привет от Тихона и...

— Что?! — Напускное спокойствие исчезло, оружейник резво нырнул под стойку и

вылез уже с револьвером в дрожащей руке, направленным на меня. Судя по маркировке, это был «кольт», дорогая никелированная игрушка 44-го калибра. — Не надо лечить мне мозг, молодой человек. Эту старую калошу я своими руками сдал ученым, и они затестировали его до смерти...

— Сбежал Тихон и жив-здоров, чего и вам желает. И совет на будущее: не надо направлять в мою сторону оружие, накажу.

— Хе! Меня нельзя убить оружием, даже ваш ножик в рукаве бесполезен, а дернетесь — выстрелить я все равно успею, а уж попаду и подавно. Плевать на все!

— Не сомневаюсь, что это так. Но теперь у меня есть и другие варианты. — Сконцентрировавшись, я послал оружейнику легкое касание мыслеимпульса, но снова не рассчитал, и его отбросило к дальней стене. Пара теплых курток, на ней развешенных, упали Одесситу на голову, скрыв его целиком. Не теряя времени, я метнулся через стойку и в последней фазе движения вырвал оружие из пальцев взбесившегося торговца. Разряжать такой револьвер одно удовольствие — всего одно нажатие на экстрактор, и патроны, глухо звеня, раскатились по полу. Засунув не опасное теперь оружие в карман «разгрузки», я помог оружейнику встать и, обойдя прилавок, вернулся на свое место.

— В следующий раз могу поджарить ваши хитрые мозги, если не образумитесь. В дальнейшем давайте обойдемся без резких движений, лады?

— Договорились. — Цwirня вытер выступивший на лице пот и тяжело навалился на стойку. — Я совсем упустил из виду, с кем говорю. Вы стали сильно иначе смотреть на вещи, не так ли?

— Не думаю. Просто теперь я знаю больше, нежели пять месяцев назад. Человек в моем возрасте уже не меняется.

— Если его не ломают. — Одессит снова, как за страховочный трос, ухватился за стопку и, наполнив ее до краев, заглотил содержимое.

— Не буду спорить, Михаил Анатольевич. Каждый имеет право на отмазку.

— Таки и чего же вы хотите?

В глазах оружейника уже не было лихорадочного блеска, порывистость движений сменилась общей апатией. Видно было, что он уже смирился с ситуацией. На всякий случай я все же не ослаблял контроля за ним: кто его знает, что у старика на уме?

— Не далее как четырнадцать суток тому назад был разгромлен караван «Альфы». Выжили только двое пленных, один из которых очень дорог мне. В налете участвовали уголовники Борова. Думаю, он в курсе, где держат пленников.

Одессит мигом приободрился, и я с удовлетворением отметил, что он снова стал похож на того хладнокровного и расчетливого шустриту, каким я увидел его в первый свой визит в магазин. Цwirня весь подобрался и внимательно слушал. Изложение событий, восстановленных по показаниям пленных и тем следам, что я нашел на месте боя, заняло примерно двадцать минут. За все это время Одессит ни разу меня не перебил и не задал ни одного вопроса. Наконец он, тщательно выбирая слова, заговорил:

— Что вам сказать, ситуация непростая. Боров, и особенно этот его прихвостень Салим — не шаромыжники с Привоза и на «фу-фу» не поведутся. Даже если я скажу вам, где и как они толкнули поднятый с того каравана хабар, ничего предъявить бандитам нельзя. Мало ли у кого перекупили, скажут. Нужно подойти хитрее: для начала убрать басурманина, иначе Салим подвох раскусит, поломают любую вашу игру, и лишь потом браться за пахана, за Борова то есть. Чурку надо выманить и грохнуть в поле, а потом пойти к Борову и потолковать на предмет вашей ненаглядной.

— Я уже думал об этом. В целом согласен, но выманить Салима не обязательно, есть методы и гораздо проще. Скажите, есть у вас налаженный канал связи с «блатными»?

— Есть, правда все через третьи руки. Сам Салим торговлей не занимается, все идет через его помощника, шустрый такой тип, кличут Ваня Шлих. Ваня иногда прикупает кое-что эксклюзивное для Салима. Этот шлемазл обожает наряжаться, как баба — одних комбезов и разгрузок у него целый шкаф, я уже молчу за обувь и темные очки. Зачем ему

солнцезащитные очки, мне в ум не входит, но клиент всегда прав...

Мысль о том, что помощник положенца питает слабость к дорогим шмоткам, словно вспышка лампочки на последнем издыхании, осветила недостающую деталь, способную помочь при ликвидации Салима. Вспомнился мне небольшой футлярчик, изъятый мною у украинского «секретчика» в самом начале старательской карьеры. В футлярчике я обнаружил комплект из приемника и трех «жучков» с декодером частот. Среди прочего там был и обычный поисковый маяк, без встроенного микрофона и накопителя данных. При установке такой маяк посылает кодированный сигнал на ресивер, попутно меняя диапазон излучения в определенной последовательности. Такую метку невозможно обнаружить портативным сканером, настроенным как правило только на определенный узкий спектр излучения. В прошлый раз мне повезло застукать особиста «на горячем», иначе снимали бы безопасники сигнал, а я бы даже сканером его засечь не смог. Хитрый девайс, как потом выяснилось. Не расколи тогда я шпика на сердечный разговор, дальнейшая моя судьба сложилась бы иначе.

— А в этот раз Салим ничего не заказывал из одежды или обуви?

— Ботинки ему приглянулись в английском каталоге, привезти их сюда — сплошное беспокойство, но этот франт платит, не торгуясь.

На лице оружейника отразилось презрение, смешанное с толикой сожаления: отказываясь рядиться за товар, афганец наносил Цwirне личное оскорбление.

— Вот и отлично. Я сейчас принесу вам один маленький приборчик, и мы вместе пристроим его в левый ботинок эксклюзивной пары обуви. После этого можете считать, что мой визит вам просто привиделся.

Я повернулся, чтобы уйти, но задержался у входа, чтобы повесить на гвоздь справа от двери отнятый у Цwirни револьвер.

— Антон! — голос оружейника непривычно дрожал, и он впервые сбился на фамильярность. — Не думай, что можешь судить нас с Попом за то, что мы сотворили. Не известно, как бы ты поступил на нашем месте.

Правду говорят, что седины и возраст не защищают от глупости. Взрослый и, казалось бы, тертый жизнью мужик, имевший смелость пойти к черту в зубы и вернуться, банально распустил нюни, словно барышня из мелодрамы. Сделать выбор и потом постоянно жалеть об этом — прежде всего оскорбление самому себе. Никто не может сказать, какой наш поступок выйдет нам боком, какие действия приведут к успеху, прославят или обогатят. Раз поступок совершен, его следует принимать по совокупности последствий, только так можно избавиться от комплексов. Когда-то оружейник это знал, но вот почему он стал это забывать, для меня осталось загадкой: будь на моем месте некто менее выдержанный, лежать бы старому торгашу со свернутой шеей.

Не оборачиваясь, чтобы скрыть набежавшую некстати улыбку, я ответил:

— Никуда бы не пошел. У меня нет привычки выпрашивать счастье у кого бы то ни было: у камней, деревьев или людей. Я в состоянии добыть то, что мне нужно, самостоятельно, не одалживаясь, Михаил Анатольевич.

— Посмотрим...

— Да, согласен с вами, время — лучший арбитр. И что бы вы там ни думали, я никого не осуждаю, нет у меня права судить никого, кроме себя. — Разговор стал мне порядком надоедать. — Поскольку у каждого поступка есть цена, взыщется с каждого и полной мерой, без скидок. До встречи через два часа, Михаил Анатольевич. Ведь вы же не думаете сбежать?

— Хотел бы. — Одессит болезненно скривился. — Но я могу жить только здесь, дальше, чем на десять километров за «колючку», и моя удача закончится. Я слишком дорого заплатил за мечту, чтобы терять ее ради иллюзии свободы выбора. Никуда я не побегу. Приходите, буду ждать.

Выйдя из пропитанного перегаром подвала, я впервые за последний час вздохнул полной грудью. Воздух пах грозой и близким дождем, до первого схрона было около шести

километров по прямой, лишь бы никто не вылушил захоронку за время, что я отсутствовал.

У «вечного огня» собралась компания из восьми человек. Тренькала гитара, шел степенный разговор «за жизнь», слышно было, как два уверенных голоса, иногда перекрывая друг друга, рассказывали то ли байки, то ли последние новости. В таком месте, как Зона, любые новости напоминают сказку, а любая сказка может запросто оказаться стопроцентной бльёю. Я уже почти ушел от костра, как вдруг что-то знакомое заставило замедлить шаг и остановиться, а затем и прислушаться к голосу одного из рассказчиков.

— ...Контролеры вообще существа странные, — говорил чумазый старатель в дорогом и очень редком БЗК «Лебедь»¹, чей необычной формы шлем с овальным прозрачным забралом во все лицо, выполненным из хитрого полимера, был способен выдержать попадание девятимиллиметровой пули с трех метров. Такая конструкция дает хороший обзор по фронту, увеличивает радиус бокового зрения, что очень удобно. Сейчас старатель отстегнул шлем и баюкал на руках, положив его на колени и опираясь на макушку обеими сцепленными в замок кистями рук. — Вроде больше их стало за последние год-два. А уж о том, как твари могут облик менять да глаза отвести, все вы хорошо знаете. Сколько раз уж так было, что они и людьми прикидывались, чтобы в «Старательский приют» зайти водки выпить, да людей в карты обжулить. Вот совсем недавно случай был: контролеры целой стаей зашли в бар и ну людям мозги выжигать...

Легкий говорок, в котором сквозило недоверие, пробежал по рядам слушателей, и кто-то даже произнес сакраментальное: «Брехня». Но рассказчик и ухом не повел, продолжая говорить, не повышая голоса и не меняя напевной интонации «сказителя».

— Да правду вам говорю: целых шесть мозгоедов зашли в «Старательский приют» и делали ставки на тотализаторе, пока к ним не подошел один местный парень и не попросил одолжить ему бутылку с кетчупом. Видимо, контролерам игра не поперла, вот один из них и озлился на парня и слегка прижег ему мозги.

Народ зашумел, видимо, все представили, каково это: зайти в кабак, чтобы выпить и расслабиться, а вместо этого получить выжженные мозги. Рассказчика принялись забрасывать вопросами. Тот охотно отвечал, и я понял, что мой поступок во время недавней стычки в «Старательском приюте» не остался невоспетым. Только пьянчуга Брехун превратился в робкого трезвенника, а бутылка пива трансформировалась в кетчуп. Получился типичный образчик местного фольклора, где правда причудливо переплелась с вымыслом. Комментировать байку было глупо, да и светиться перед местными совершенно ни к чему. Я вынул ПДА и, сверившись с маршрутизатором, отправился к схрону, который не проверил на обратном пути.

Путешествие предстояло не особенно опасное, поскольку окрестности деревни новичков регулярно патрулировались, а аномалии и зверье не подходили к большим скоплениям людей так близко. Они предпочитали более вольготную Свалку или ряд заброшенных ферм и порушенных хуторов, разбросанных на северо-западной и северо-восточных окраинах Прикордонья. Вопреки сложившимся стереотипам, большинство зверей, чуя человека, старались спрятаться или уйти, чтобы любой ценой не попасться на мушку какого-нибудь любителя пострелять.

Иное дело люди, которые стремились именно ночью подстеречь припозднившихся соплеменников, чтобы облегчить им ношу, а часто убить просто из зудящего чувства превосходства, какое непременно возникает у любого отморозка, попавшего в место, где на первый взгляд нет никаких законов и правил. Но этих идиотов не следовало бояться, ибо век глупцов в таких местах, как Зона отчуждения, чрезвычайно короток. Очень быстро беспредельщиков вылавливали либо военные, либо та группировка, на земле которой

¹ БЗК данного типа — разумный, но не лучший компромисс между боевым защитным комплектом «СКАП» и научным ОЗК «Эко». От первого взята бронезащита от пуль (автоматных и пистолетных) и осколков гранат, от второго — высокая надежность в плане систем жизнеобеспечения и защиты от аномальной активности. Изделие удобнее и немного легче армейских образцов, однако оно слишком дорого в изготовлении и поэтому весьма редко среди старателей.

незадачливые «предприниматели» вздумали пастись. Ведь даже в хаосе существует некий порядок, пусть и без табличек и предупреждений, висящих на каждом углу. Прелесть хаоса именно в этом: если ты не чувствуешь окружающего тебя мира, не желаешь понять его и приспособиться, рано или поздно мир явит свою волю, и тогда тебе за все воздастся сторицей.

Я шел к схрону со стороны лесопосадок, откуда меньше всего ожидают появления людей те, кто пасется возле чужой захоронки. Хотя на тайнике не висит записка: «Ушел на обед, буду через час», однако ловушки и сюрпризы выставят именно в направлении более интенсивного движения, прикрыв его как самое перспективное.

Заходить с северо-запада было рискованно: постройки находились большей частью на юге или северо-восточнее, а здесь лес был почти нормальным, с густым подлеском и зарослями сухого, колючего кустарника. Поскольку уже стемнело, видимость упала до десятка метров, и приходилось прикладывать двойные усилия, чтобы двигаться достаточно быстро, но при этом бесшумно. По старой привычке я носил не шлем, а шапку-«душегубку», и накидывал капюшон во время дождя. Однако сейчас отдал предпочтение старой доброй краске, чтобы чувствовать направление ветра всей поверхностью кожи головы. В лесу очень важно чувствовать, куда и с какой интенсивностью дует ветер, как быстро он разнесет твои запахи по округе, сообщая всем, кто имеет острое обоняние, о приходе чужака. Волосы я никогда длиннее пары миллиметров не отпускаю, что не раз помогало увернуться от брошенного ножа или перенять движение обошедшего с тыла «сорохвата»¹. Броски холодного оружия — вообще спорное искусство. Мало того, что есть шанс промахнуться или не рассчитать дистанцию броска, так можно запросто выдать свое местоположение и нарваться на автоматную очередь. Сам я никогда метанием не увлекался, находя эту дисциплину устаревшей, предпочитаю выстрел из «бесшумки» или выход на дистанцию прямого удара тем же ножом, это более надежные варианты тихой работы.

Во время движения по лесу в сумерках или ночью следует постоянно беречь глаза и ноги, чтобы не напороться на сучья или хитроумную растяжку. Помнится случай, когда одни незадачливые «спецы» брезгливо отказались от «берцев», мотивируя это тем, что эта обувь слишком тяжелая, а они и в кроссовках нормально в лесу себя чувствуют. Надо ли говорить, что в первую же ночь двое «крутых» пропороли себе ступни и группа выбыла из игры? Потом гонористые «спецы» долго говорили про «неправильный лес» и подставы со стороны хозяев учений. Я тогда привел своих ребят подивиться на обделавшуюся «спецуру». После этого случая всякое недовольство тяжестью экипировки и обмундированием у моих подопечных как рукой сняло.

Двигаясь раза в два медленнее, чем днем, я углубился в лесопосадку, стараясь идти зигзагом, постоянно проверяясь и слушая лес. Шума я особого не производил, «берцы» сейчас стали делать довольно хорошие, поэтому ступать получалось практически бесшумно, а подошвы из особо прочной резины вполне надежно защищали от всяких острых сучьев. Вспоминается знаменитый писатель-предатель, с восторгом описывающий преимущества специальных ботинок с вшитой титановой проложкой. Мол, от осколков мин убережет такая обувь, да и вообще лучше нее ничего на свете нету. Писателя, видимо, шибко не гоняли, поскольку в таких ботах, безусловно, очень удобно прыгать с парашютом, они хорошо гасят удар, берегут от переломов голеностопа, но вот рейд по «пересеченке» — ад на земле. Нет, лучше обычных тактических «берцев» ничего не найти. Легкие и удобные, они являются своеобразным секретным оружием, если шариться по буеракам недели напролет и нет никакой возможности нормально просушиться.

Примерно через полчаса слева послышался негромкий отголосок разговора. Скорее всего, там была поляна, где некие граждане остановились на ночь, не рискуя продвигаться

¹ «Сорохват» — прозвище бойцов подразделений антитеррористического противодействия, чья специализация — силовой захват диверсантов для дальнейшего допроса. Такие бойцы отличаются выдающимися физическими данными, их сильные стороны — безоружный бой и маскировка.

дальше в темноте. Нормальное решение, не будем мешать. Мне удалось пройти метрах в пятнадцати от костра, где сидели трое старателей. Парни таращились в темноту, один нервно поглаживал приклад охотничьей «вертикалки» и что-то бормотал себе под нос. Судя по прикиду, парни были из какой-то мелкой группировки, какие стихийно организовываются и распадаются в Зоне каждый день. Видимо, ребята сходили в поиск и теперь припозднились из-за неправильно выбранного укрытия от Волны. Не успели дойти до Кордона засветло и остановились там, где, как им показалось, можно тихо пересидеть ночь, чтобы с рассветом рвануть на Кордон с удвоенной скоростью.

Сменив направление, я уже через час вышел к схрону и остановился, осматриваясь. По прямой до тайника было метров сто, он располагался в склоне глубокого, заросшего колючим кустарником оврага. Что-то мешало подойти к схрону и просто взять свое, была какая-то нотка беспокойства в царившей вокруг тишине. Но я не мог уловить направление угрозы, словно некто очень голодный вышел на промысел, и ему совершенно не важно, кто окажется на его пути. Внимательно оглядев все вокруг и не заметив признаков засады, я подошел к месту, где находилась моя первая захоронка, и осмотрел его. Все на месте, только кустарник поломан кем-то невысоким и маленьким: скорее всего, тушканчики резвились, точнее в такой темени и не скажешь. Сняв «подлянки», я вынул то, что было внутри. Продуктов тут я не оставлял, воды тоже, только пару контейнеров с артефактами, искомый набор шпионских фишек и два трофейных «ствола» в разобранном виде. Это были МП-5 и новенький АК74М, прихваченный у незадачливого бандоса, вышедшего на дело и забывшего снять оружие с предохранителя. Можно сказать, что оба трофея достались мне без боя, потому что устроенную бандитами засаду на шоссе я заметил издали и, обойдя ловцов удачи с тыла, перебил затейников, а кроме оружия ничего ценного у них не оказалось.

Чистоплюйство на войне — непозволительная роскошь, и если представится возможность улучшить свое положение за счет убитого врага, то этим шансом не следует пренебрегать. Во время совершенно бардачной по своей сути кампании в одной горной и почти независимой республике, году эдак в девяносто пятом, я наблюдал случаи массового мародерства как со стороны наших войск, так и со стороны духов, причем с нашей стороны это была скорее вынужденная мера: родная страна почти бросила свою армию на произвол судьбы, предоставив озлобленным потерями и нехваткой всего и вся военным кормиться подобно армиям в дремучем Средневековье. Тогда жалованье и довольствие войска добывали себе сами, «бесплатными» были только боеприпасы. Но в нашем случае не было и этого: постоянная нехватка боеприпасов ощущалась ежедневно, за каждый «цинк» с патронами приходилось драться (иногда в прямом смысле этого слова) со снабженцами или охотниками из других частей. Поэтому процветал бартер, когда менялось все на все, что кому удалось добыть. Вспоминаю командира одного из сибирских СОБРов¹, которому не удалось добиться получения довольствия для своих бойцов. Не долго думая этот богатырь с повадками ландскнехта из армии принца Евгения Савойского² просто стал пользоваться старым как мир «правилом трех дней», когда захваченный город отдается на разграбление победителю. Вozy всякого барахла он загонял по сходной цене, обеспечил своих людей нормальной экипировкой, наладил снабжение свежими продуктами и водой. Одним словом, дал понять, кто в доме хозяин, большинству местных жителей в зоне ответственности своего отряда. Оцепив село, он на «броню» с десятком людей въехал на главную площадь села и построил всех мужчин у стены дома местного муллы. Дом был добротный, из хорошего кирпича, с высоким крыльцом. Командир сообщил, не сходя с «брони», что поскольку он

¹ СОБР — специальный отряд быстрого реагирования. Силовое подразделение в штате МВД РФ, его назначение — борьба с хорошо вооруженными бандгруппами большой численности.

² Евгений Савойский (1663–1736) — полководец Священной Римской империи французского происхождения, генералиссимус, родился в Париже. Прославился как опытный и дерзкий военачальник, впервые составивший костяк своих войск из профессиональных солдат-наемников. Прославился в компании 1701 г., более известной как Война за испанское наследство.

будет здесь некоторое время, то ожидает от местных только хорошего и доброго к нему отношения. А когда местные бабы подняли вой и попытались приблизиться к русским, чтобы в своей обычной манере начать вырывать оружие, он полоснул у их ног длинной очередью из РПК, который использовал в качестве личного оружия (да и пулемет смотрелся в его руках словно игрушка, настолько у отчаянного командира СОБРа была внушительная комплекция). Мужики у стены тоже дернулись, но в их сторону мгновенно провернулась башня БТР-80, и «селяне» замерли на месте. Кому охота быть порванными в ключья тяжелыми пулями четырнадцатимиллиметрового КПВТ? Вопрос, как говорится, риторический.

После такой демонстрации командир как ни в чем не бывало продолжил свою речь, в которой выразил надежду, что консенсус по знаменитой формуле «мир в обмен на продовольствие» достигнут. И в качестве шага доброй воли предложил «селянам» спеть гимн Советского Союза¹. Те возмутились, начали угрожать русскому всяческими карами, один молодой парень выхватил спрятанный «Макаров» и выстрелил. Пуля цокнула рядом с бедром командира, назовем его для удобства Валерой, но тот остался невозмутим и даже приветливо улыбнулся толпе озлобленных «чехов». А потом два раза стукнул прикладом пулемета по башне БТРа, спешился и встал рядом с машиной. Гидравлика приглушенно взвыла, и поверх голов стоявших у стены «чехов» прошла очередь из спаренного с КПВТ курсового пулемета ПКТ (этот имеет меньший калибр — обычная «семерка»), выбив кирпичную крошку и стекла в добротном доме местного авторитета. Командир бронемашин верно рассудил, что ломать дом главным калибром не стоит. Местных обуял страх, и они нестройными голосами запели «Союз нерушимый». И все время, пока Валера и его люди гостевали в том районе, у них была свежая вода, парное мясо и никаких проблем в зоне ответственности, почти курорт. Кто-то скажет, что подобные действия больше похожи на разбой и вымогательство — не буду спорить. Сидя в безопасной теплой квартире, рассуждать так вполне логично. Но прав все же тот, кто, несмотря на издевательское отношение тыловых снабженцев и общий раздрай военной машины, выполнил приказ, сберег своих людей и позаботился о том, чтобы им было чем накормить семью по возвращении.

Понять же восточного человека совсем не сложно: он уважает сильного и гнет слабого, боится же только гнева своего бога, да и то временами, как и все мы, тут у людей разного вероисповедания мало различий. Победить восточного человека можно, только если усвоить эту нехитрую истину. Все разговоры о тонкостях Востока и его загадочности, на мой взгляд, не более чем пустопорожняя болтовня далеких от жизни интеллектуалов.

За рассуждениями мне удалось замаскировать люк схрона так же, как и при его обустройстве несколько месяцев назад. Рассовав груз по отделениям РД, я сменил направление и взял чуть восточнее, то есть сделал еще одну дугу, чтобы не возвращаться тем же путем, каким я пришел сюда. Поравнявшись с точкой, откуда были видны отблески костра припозднившихся старателей, я еще раз глянул в монокуляр. Просветленная оптика давала возможность увидеть нечто такое, что объяснило ту тревожность, что была буквально рассеяна в окружающем пространстве. Тройку старателей вычислила пара Следопытов и уже сжимала клещи смертельного флангового охвата поляны с костром в центре.

Не думаю, что эта встреча была случайной, скорее, кровохлёбы пасли людей уже какое-то время. Теперь явственно ощущались мысли охотничьей «двойки»: обоих терзал жуткий голод, и только некий ритуал мешал им броситься на добычу немедленно и выпить троих бедолаг досуха. Мгновения до броска растянулись, как это обычно бывает, становясь похожими на столетия. Все звуки для меня исчезли, сознание заполнили мысли троих усталых и напуганных людей и всепоглощающий голод кровохлёбов, терзающий сознание подобно зубцам вырываемого из раны охотничьего клинка. Мой побратим был абсолютно прав, когда говорил о Следопытах как о безмозглых животных. Ведомые инстинктами и

¹ В описываемые времена гимн на музыку Александрова был под запретом и еще не стал гимном России.

поглощенные предвкушением скорой трапезы, они не замечали моего присутствия, всецело сосредоточившись на последнем рывке к добыче. Другое дело, что мне предстояло быстро решить, как действовать: пройти мимо или помочь людям. Симпатий к обеим сторонам я не испытывал: люди вызывали только раздражение, поскольку из-за своей глупости или жадности они не оставили в походном плане пары часов именно на случай, чтобы избежать вот такой опасной ночевки. Кровохлёбы же были не более чем животными, и их мотивы были прямы и понятны, вызывало недоумение только слепое желание насытиться. Обычно особи с такой мотивацией даже в дикой природе редко доживают до половозрелого возраста. Кинув переводчик огня автомата на стрельбу с отсечкой, я прильнул к прицелу и, аккуратно выбрав люфт спускового крючка, дал очередь в голову отлично видного мне зверя, пока он не перешел в стелс-режим. Целился я точно в правую височную долю, которая была единственной уязвимой зоной у Следопытов. Расстояние до цели было невелико — порядка сорока метров, да и зверь встал очень удобно, его шишковатая голова отлично просматривалась сквозь нижние ветки неплотно стоящих деревьев и редкий кустарник. Все три пули попали в цель, кровохлёб дернулся и, не издав ни звука, осел на землю, привалившись к основанию ствола старой, поросшей мхом пихты. Связь в группе была нарушена, и второй зверь немедленно атаковал старателей у костра. По-другому уравнивать шансы у меня бы не вышло: один из двух Следопытов был вне зоны видимости, я только чувствовал его голод, но не видел его самого. А теперь он был невидим, и в неровном свете костра металась только три орущие тушки, потом их стало две, и вот уже осталась одна. Зверь припер самого шустрого к стволу засохшего большого дуба, взял хрипящего человека за горло, оторвал ноги жертвы от земли. Я снова вскинул «коврушу» и, прикинув место, где должны быть височные доли Следопыта, дал очередь в два выстрела. Тот даже не шелохнулся, но хватка ослабла, жертва кровохлёба сползла вниз по стволу дерева и, хрипя, завалилась на левый бок. Тем временем зверь стал местами видимым, судя по всему, мне удалось его зацепить. Шаря светящимися в рассеянном свете костра глазами, кровохлёб нашел место, откуда я стрелял, и ринулся в атаку, быстро набирая скорость. Зверь шел кривым зигзагом, постоянно меняя направления. Последнего из трех «старателей» Следопыт вообще за противника не считал. Разумно полагая, что эта добыча уже никуда не денется, он слепо кинулся на новую цель.

Вспомнив наставления побратима и найдя сознание серого, я сконцентрировался и что есть силы ударил мыслеимпульсом, выплеснув море страха и отчаяния прямо в сознание зверя. Кровохлёб будто бы налетел на невидимую стену и, тонко взвизгнув, волчком закрутился на месте. Паника и страх серого были настолько велики, что он лихорадочно мерцал, то входя, то выходя из состояния невидимости. Я продолжал посылать волны болевых ощущений, которые заставили зверя распластаться на земле и испустить долгий вой боли. Все его существо корчилося, подобно червю на раскаленном камне, а когти уже полосовали собственную морду, сдирая с нее плоть. Поняв, что хищник раздавлен, я послал ему картинку с видом его самого, убегающего в сторону Свалки. Резво вскочив, зверь, низко стелясь над землей, с огромной скоростью исчез в указанном направлении, ломая ветки и маленькие чахлые кусты подлеска.

Сменив магазин и переведя автомат в режим свободной очереди, я не торопясь пошел к костру. Последний из оставшихся в живых человек лежал ничком на земле, поскуливая. Он был относительно цел, по крайней мере, кровью не истекал, да и серьезных переломов я не нащупал. Парня била дрожь, начались судороги, а потом его вырвало. У него на поясе я нашел почти полную флягу, снял ее и, отвинтив крышку, понюхал — водка. Приподняв ему голову, влил полфляги в судорожно хватающий воздух рот. Потом отошел на пять шагов и присел на корточки вне круга огня.

— Ну что, жив?

Вопрос я задал обыденным тоном, чуть приглушив голос надетой вновь маской. На самом деле человеку в таком состоянии трудно оценить свое состояние адекватно. Однако спокойный тон в сочетании с обыденностью вопроса дает хороший терапевтический эффект.

— М-м-м-м.

Говорить парень еще был не в силах, поскольку кровохлёб слишком сильно сдавил ему горло, но на щеки вернулась краска, синюшность отступила. Мотая головой, он дал понять, что выживет.

— Кореша на Кордоне есть какие-нибудь?

Парень снова утвердительно затряс головой, потянулся к фляге и высосал ее содержимое досуха одним долгим глотком.

— Собирайся, мне тоже на Кордон надо, провожу тебя. В темпе давай шевелись!

«Старатель» начал суетливо бегать по поляне, но застыл возле «сидора» одного из своих погибших товарищей. Видимо, там были контейнеры с собранным хабаром, и парень, уже начавший мыслить рационально, полагал, что не стоит показывать своему невольному спасителю, что они насобирали. Мне это стало надоедать и, развернувшись, я стал удаляться от костра, поскольку разговаривать и возиться с уцелевшим идиотом желания совершенно не возникало. Поняв, что остается в одиночестве, «старатель» бросил свой рюкзак и, подхватив «сидор» погибшего товарища, бросился меня догонять.

Мы шли молча, мне говорить совсем не хотелось, а «старатель» был настолько потрясен пережитым, что даже не пытался со мной заговаривать. Он брел, то и дело спотыкаясь, видимо, мешок был не из легких. Да и какие разговоры, когда на голос можно вполне легко словить пулю? И что, собственно, я мог сказать этому деятелю? Что жадничать опасно для жизни? Так он теперь это точно усвоил и, возможно, проживет достаточно долго, чтобы научиться правильно рассчитывать маршрут и время подхода к контрольным точкам. А может быть, просто свалит из Зоны, постаравшись забыть то, что случилось. Сегодня мне удалось сыграть роль Провидения, отсрочив одну смерть, хотя симпатии у меня люди, подобные спасенному «старателю», не вызывают. Понял ли этот напуганный любитель наживы, что за его урок отдана самая высокая плата? Даже гадать не возьмусь. Зона отчуждения жестко учит разгильдяев и нерях вроде этого туриста. Для начала вроде дает выбраться из глубокой задницы, позволяет вынести оттуда кучу ценного барахла. Кажется, вот они — фарт и удача. Жадный лох уже строит в мыслях двухэтажный особняк и покупает массу предметов, сопутствующих успеху. К чертям осторожность, ведь судьба любит его!.. И вот уже он у костра обсуждает с приятелями-партнерами, что следует приобрести в первую очередь. Вдруг появляется пара голодных злобных тварей, которые очень радуются при виде лоха и его друзей. И тут пришел бы конец всем трем неудачникам у костра, не появившись невольный спаситель в моем лице. Одному из троих выпал шанс. Однако как везунчик им распорядится — черт его знает. Думаю, парень помучается недельку от бессонницы, и привычка полагаться на «авось» снова возьмет верх над опытом, за который так дорого уплачено. Линии вероятности услужливо мерцали бледно-зеленым узором, ни одной красной линии. Я зря тратил время и патроны, но не жалел о сделанном выборе. Если есть возможность дать кому-то шанс, то почему бы и нет. Вдалеке показались огни деревни новичков, и я, доведя спасенного до первого часового на главной улице деревни, не прощаясь, направился в магазинчик Одессита. Дальнейшая судьба «старателя» была мне безразлична.

В помещении магазина было прибрано, следы запоя старательно уничтожены. Даже тяжкий дух перегара практически не ощущался. Оружейник стоял за конторкой. Только красные, в прожилках лопнувших сосудов глаза да местами недобрита щетина на щеках напоминали о прошлом срыве Одессита. Рядом, под левой рукой, стояла большая кружка с кофе, распространяющая столь нелюбимый мной запах. Цвирня поднял на меня взгляд и молча пригласил за прилавок. Там я опять же без лишних разговоров передал ему маленький, с ноготь, радиомаячок.

— Хорошая вещь, только вот зачем эти сложности, молодой человек?

Одессит снова перешел на «вы», видимо, подчеркивая, что минутная слабость мне просто почудилась.

— Я не люблю случайностей, Михаил Анатольевич. Маяк подтвердит что передо мной

именно тот, кто нужен. Ведь подойти и поздороваться за руку возможности уже не представится. Салим, безусловно, очень интересный человек, но история его жизни меня не интересует. Когда придет Шлих?

Оружейник что-то ковырял внутри «берца» сапожным шилом.

— Ваня придет через три часа, с ним никого не будет. После установленных Серым порядков люди Борова имеют право заходить в деревню не более чем по одному и только на несколько часов.

— Нормально. А за виадуком, я так понимаю, его будут ждать?

— Очень может быть, ко мне он всегда приходил один. — Одессит выжидательно глянул на меня. — Когда теперь снова зайдете?

— Когда возникнет необходимость. Не хочется беспокоить вас по пустякам, тем более что по каким-то непонятным для меня причинам мои визиты становятся вам неприятны.

Цвирня скривился и издал некий шипящий звук, какой бывает, если выпустить воздух сквозь плотно сжатые зубы.

— Винить вас за то, что совершил сам — глупо. Наоборот, то, что все идет не так, как прорицал этот проклятый Камень, дает мне надежду. Может быть, все сложится не так плохо.

— Надежда — прекрасное чувство, Михаил Анатольевич. Не стоит предаваться отчаянию, прощайте покуда.

В глаза оружейнику я больше не смотрел, проверяя, как сигнал жучка проходит опознание с моим ПДА. Когда красная точка засветилась на экране, я, спрятав прибор слежения в карман, развернулся и вышел на воздух, размышляя о плане предстоящей операции. Заморочка с «жучком» была необходима мне в качестве страховки при устранении Салима. Был один неприятный случай в моем прошлом, когда из-за отсутствия подтверждения нужная мишень не была устранена. Этот нехороший и чрезвычайно скользкий гражданин остался жив. В результате погибло много разных людей: гражданских и не совсем. Хотя стрелки божились, что разнесли ему череп, причем работая с двух точек, и вроде как ловить этому козлу было нечего. Но застрелен был другой дух, причем совершенно неизвестный. Акция проводилась в условиях ограниченной видимости, а жертва ошибки просто очень сильно походила внешне на «именинника»¹. В общем, съесть хотели кока, а схарчили Кука². А все потому, что не было возможности поработать с группой обеспечения, нормально и вдумчиво подготовиться.

План у меня сложился, как только стало ясно, кто будет мишенью на этот раз. Инфильтрацию я сразу отмел как самый рискованный вариант, предпочтя работу издалека. Для этого у меня в группе есть по крайней мере один опытный стрелок, способный исполнить цель даже в одиночку. Но именно этого и нельзя было допустить: Салим, безусловно, важная фигура, но партию можно играть и с этим ферзем на доске. Другое дело, что, придерживая молодых, я невольно перераспределял нагрузку в группе, и не в их пользу. Скоро настанет такой момент, когда мы с Нордом вынуждены будем доверить Андрону с Денисом исполнение еще более сложных задач. Поэтому я замыслил своего рода экзамен, собираясь выжать из молодых все соки, проверить, на что они годятся, если придется вдруг действовать автономно. Лучшего случая для проверки было не найти. Само собой, следовало их подстраховать. Но только лишь на начальном этапе. Все должно было пройти и быть исполнено ими самостоятельно, пусть парни почувствуют, что именно они играют первые роли и только от их умений зависит успех акции.

На высотах мы установим пару РПГ с дистанционным устройством пуска гранат. Для этой цели идеально подходили «Вампиры», а пусковые устройства уже давно применялись совокупно с РПГ при дорожных засадах, поэтому схема была надежной, хотя в новых

¹ Жаргонное обозначение единичной цели, назначенной для ликвидации.

² Антон перефразирует слова из песни В. С. Высоцкого «За что аборигены съели Кука».

модификациях добавилось электронное пусковое устройство взамен старого, на пороховой основе, очень сильно зависевшего от перепада температур. Само приспособление было небольшим: сошки и насадка пускового устройства добавляют к весу РПГ около полутора килограммов¹. Гранаты пойдут к цели метров с двухсот, а сигнал будет подаваться по радиоканалу. Денис возьмет трофейную юаровскую «антиснайперку» и сработает первым номером примерно с километровой дистанции, а Андрон следом пустит в дело гранатометный комплекс дистанционно, замечая следы выстрела снайпера, плюс будет железная гарантия того, что Салим действительно отправился к своему Аллаху. Да и шума все это наделает столько, что в суматохе исполнители смогут спокойно уйти. Маячок покажет нам, что сработали мы именно Салима, в чей модный ботинок Одессит его присобачил.

Путь на базу «Альфы» мне показался просто приятной прогулкой. Ночь стала уже настолько темна, что пришлось бросить на глаза ноктовизор. Свалку я прошел без всяких проблем, а когда рассвело, задержался у лагеря Беса, понаблюдав за суетой на стоянке брошенной техники. Не без удовольствия отметил, что «вольняг» там уже не было, они снова предпочли пережидать на Сортировке. Бес же в открытую закорешился с блатными, вот их-то на стоянке толпилось изрядное количество. Самого Славу я увидел возле шлагбаума на въезде в лагерь. Вождь новоявленной группировки стоял в расслабленной позе, МП-5 висел на шее параллельно земле. Бес сложил руки поверх оружия и что-то степенно говорил человеку в длинном брезентовом плаще. На правом рукаве плаща незнакомца был нашит зеленый треугольник с кругом внутри — это был представитель вольного братства торговцев. Видимо, Бес стал настолько значительной фигурой, что даже маркитанты, народ своенравный и довольно резкий, стали говорить с ним на равных.

Упустить такую возможность будет жаль. Я глянул в монокуляр, измерил расстояние до цели: получалось, что до Беса с его собеседником сто тридцать метров. Другого случая подвести баланс и отблагодарить Славу за сопровождение меня и Даши может и не представиться. Я подтянул к себе «коврушу» и перевел автомат в режим одиночного огня. Очередью стрелять было бессмысленно, поскольку расстояние и характер цели предполагали поражение серией максимум из двух выстрелов. Затем выставил поправку на расстояние, бывшее уже предельным для прямого выстрела из автомата. Ствол практически не «дышал», я замер, сосредоточившись на дыхании. Бес продолжал трындеть с торговцем о каких-то своих делах, иногда чуть разводя руками, но не теряя степенности, от которой его прямо-таки распирало. Дождавшись, когда пеший патруль уйдет, я взял еще поправку на ветер, задержал дыхание, выбрал люфт и на выдохе провел «двойку» в голову. Автомат даже не шелохнулся, посылая пулю за пулей в цель — правильный хват и хорошие характеристики оружия вновь сыграли свою положительную роль. Над левой бровью Беса, ближе к центру лба, но совсем рядом, появились два почти сливающихся аккуратных отверстия. С другой стороны головы вырвало небольшой кусок затылочной кости, и брызнули мозги пополам с кровью. Торговец мгновенно метнулся вправо, перекатом уходя под прикрытие ржавого остова поливальной машины. Пару минут было тихо, и я стал медленно отползать назад, потеряв стоянку из виду.

Потом началось все как обычно: крики, стрельба. Скоро начнут искать, но я залег на восточном склоне мусорной горы, буквально светившейся от радиации. Предварительно я раскатал запасной коврик и расстелил тонкую полиэтиленовую пленку, на которую и лег. Черный синтетический материал на короткое время не даст пристать радиоактивной грязи к моему комбезу. Лежал я на склоне минут двадцать, Дар вкупе с абсорбентами вкладышей комбеза компенсировал дозу излучения, поэтому вроде как все было в норме. Теперь предстояло выяснить, насколько чисто получится уйти от погони, хотя я не склонен был

¹ Антон имеет в виду пусковое устройство противотанковой мины ТМ-73, собранной на базе РПГ-18 «Муха». Данное изделие имело ряд проблем при использовании, поэтому широко не применялось. В настоящее время снята с производства.

переоценивать способности того сброда, который прибил к группировке покойного ныне Беса. Скорее всего, дальше бессистемной беготни дело не продвинется. Да и искать в «горячей» зоне меня начнут не сразу, а только когда наведут шороху по окрестностям и ничего не найдут. Пленку и коврик я аккуратно скатал и оттащил за груды бесформенного железного лома, а затем заныкал в подходящую щель. Более никаких следов моего пребывания на позиции не осталось, а гильза в здешних местах штука совершенно обычная, патрон тоже был не эксклюзивным, поэтому можно было не беспокоиться по поводу приезда криминалистов и трассологов. Оставшиеся без хозяина клановцы долгое время будут заняты совсем другими делами, грызня среди них предстоит нешуточная. Когда тусклый свет начал завладевать землей, заступая на свое недолгое дежурство, я уже был далеко. Стрельба еще долго провожала меня эхом, пока я не отошел километров на десять.

2.1

Через трое суток я вышел к фильтрационному пункту базы «Альфы», который теперь разросся. Появилось даже нечто вроде изолятора временного содержания для подозрительных лиц, выявленных в ходе проверки документов. «В девичестве» это были четыре бытовых вагончика, соединенных боковыми стенами друг с другом, со срезанными внутренними перегородками и люком в крыше, через который задержанные попадали внутрь по убирающейся лестнице. Изолятор был вкопан в землю почти по самую крышу, сверху — по четыре бетонные плиты и по две вентиляционные трубы. В случае Волны помещение было относительно безопасным, и перемещать задержанных нужды не возникало. Стояло это сооружение на северной окраине блокпоста и охранялось парой часовых. С каждым разом меры безопасности становились все более жесткими, что не могло не радовать: действия резидентур противников «Альфы» теперь будут максимально затруднены.

Пропуск мне опять нужен не был, поскольку заранее предупрежденный Норд уже ждал меня у бюро пропусков и тут же провел за периметр. Юрис был рад встрече, но что-то его беспокоило. Кто другой вообще бы ничего не заметил, но я-то знал латыша не первый год: отвечал он односложно и порой невпопад. Это уже серьезно, Норд не из тех, кто заикливается на мелких неурядицах, раздувая из них вселенскую драму. Обычно для такого поведения есть серьезные причины. Мы прошли в башню молча, серьезный разговор лучше не начинать в спешке.

В башне было тихо и пусто: Слон с сыном ушли навестить Михая, которого скоро должны были выписать из госпиталя. Румын быстро оклемался, и от немедленной депортации из больнички его удерживала только лишь железная воля тамошнего главврача Татьяны Петровны Маленькой. Тетенька она правильная, но уж очень резкая и нетерпимая к разгильдяйству. Михай боялся ее как огня, но уважал за твердую уверенность в выздоровлении каждого пациента, попавшего к ней в стационар. Я прошел дезактивацию и, сменив комбез на линялую камку, принялся за осмотр оружия. Глушитель на автомат нужно было менять — наполнитель в мембранах и сетчатые натяжки уже порядком измахратились. Поэтому я отложил «тихарь» в сторону, сделав зарубку на память, чтобы заменить его на новый в ближайшее же время. В остальном же все было штатно, и после обычной неполной разборки оба «ствола» заняли свои места: «коврушу» я прислонил справа от кровати, а пистоль сунул в поясную кобуру, которую носил под выпущенной курткой камки. Кобуру всегда торочу таким образом, чтобы пистолет можно было выхватить левой рукой. Я правша, но еще когда занимался боксом, ставил левый боковой хук и подлавливал противника неожиданным ударом. Так же и во время службы разработал левостороннюю стойку и долго практиковался в стрельбе и с ножом, работая именно с левой руки. Пару раз очень серьезно выручало. Подлянок дома ожидать не приходилось, но со стволом как-то спокойнее, да и сказывалась многолетняя привычка не расслабляться до крайней степени. После водных процедур я поднялся на второй этаж и, налив себе кружку кипятку, щедро сыпанул в нее заварки. Накрыв кружку блюдцем, поставил ее поодаль и вопросительно посмотрел на

Юриса, приглашая поделиться соображениями и проблемами. Латыш долго ходил кругами, перечисляя всякие незначительные бытовые мелочи и не решаясь подойти к главному. К тому времени чай уже настоялся, и блюдец, сделал глоток. Сразу прояснилось в голове, усталость отступила, оседая где-то в районе ступней. Помолчав, я остановил монотонный монолог Норда и поинтересовался:

— Ладно, старый, теперь давай по существу. Что тебя так грызет, что ты ходишь, как будто всем задолжал по миллиону? Что может так напугать моего верного друга, что он боится даже мне сказать все напрямик?

Лицо Норда скривилось, как от кислого, и он начал излагать.

— Командир... Что-то назревает, воздух стал тяжелым и... Муторно мне. Помнишь, как тогда, в ущелье, мы все лазали и подлянку найти не могли, а ты почуял и увел всех?

— Помню, конечно. Считаешь, сейчас нас ждет нечто подобное?

— Хуже, гораздо хуже. Зверье оттянулось от периметра базы, даже слепые псы больше, чем на триста метров, к периметру не подходят. В расположении постоянная стрельба, как ты ушел, поймали пятерых диверсов от «сичевых». У них с собой было полста килограммов пластита и всякие примочки для подрыва. Две ночи назад кто-то вырезал всю смену на южном блокпосте. Ребята даже пикнуть не успели. — Кулаки латыша непроизвольно сжались, костяшки пальцев побелели. — Хорошо, патруль подоспел, но чего хотели ночные гости, так и не удалось выяснить.

— Приложили хоть одного из нападавших?

— Да, но остальные ушли на Дикую территорию, преследовать не стали, побоявшись засады.

— Правильно остереглись, иначе бы жертв стало больше. Принадлежность диверсов выяснить удалось?

— Нет, да как тут поймешь, кто это: работали не дураки. Но я о другом, командир, — голос Юриса снизился до свистящего шепота. — Кто-то смотрит на меня каждый раз, как я выйду из башни. Думал на засаду, проверялся, лазал по закоулкам, две ночи в засаде просидел с обманкой у окна. Ничего. Но взгляд до сих пор здесь, и чувствую его не только я один: все напуганы, дергаются, пьянки да драки происходят без причин. Народ не ощущает себя в безопасности, от этого даже громко в баре никто не разговаривает. Смеха я уже неделю не слышал. Только истерика кругом да надрыв. Приятель твой, особист, почернел весь от напряжения, бегает по расположению, уже десятка два подозрительных в расход у рва на северной окраине пустил. По делу или нет, не знаю. Заходил вчера утром, просил, как появишься, чтоб я ему знать дал.

Вот значит до чего дошло. А я-то думал: какой финт ушами вытворят камнепоклонники и их «запредельные» друзья, чтобы по возможности без потерь взять должовцев, да и не только их? Странно, что алхимики молчат: пока кланы в силе, «Обелиск» их не трогал, а так они теперь совсем останутся без защиты. Да что это я? Им же, скорее всего, тоже приходится кисло. Нужно встретиться с Василем и потом потормозить Посредника. Думаю, нам есть что предложить друг другу. Подняв взгляд на Юриса, я успокаивающе подмигнул. Тот несколько опешил, но потом лицо его посветлело: командир снова догадался, в чем дело, и скоро выдаст решение.

— Юрис, вот ты помнишь, что такое этот местный Выжигатель мозгов?

— Загоризонтный радар, причем очень старый.

— Верно, брат. А помнишь, что вроде как длина волны излучения поменялась и сначала всем стало вполне комфортно, даже возле границ Пустоши?

— Так мы ж сами там были в последний раз и... Ой, бля!

Латыш хлопнул себя по лбу, показывая, что теперь он все понял и стыдится, что подобный вывод не пришел ему в голову раньше. Затем радость от открытия причины всех проблем схлынула, и он снова спросил:

— Стало быть, ультразвуком или еще какой пакостью сектанты балуются. Но ведь Радар ориентирован в другую сторону и...

— Сектанты ретранслировали и перенаправили часть сигнала, установив сеть узконаправленных отражателей. Накрыли всех: «Альфу», «сичевых», думаю, что и воякам достается. Теперь любителям мирового господства даже воевать не надо: мы сами начнем друг друга резать и стрелять. На блокпост, скорее всего, наемники напали, им-то больше всех перепало, поскольку они ближе к сектантам сидят. Вот башню и рвет круче, чем у всех остальных.

— Надо предупредить...

— Стой, погоди метаться, — осадил я вскочившего было друга. — Нужно все сделать правильно. Сам подумай, что мы можем противопоставить?

— Организуем поиск, поищем отражатели...

— Отлично. И как ты думаешь, сектанты не поймут, что некто оказался настолько сообразительным, чтобы разгадать их маленький ребус, и не оставят хорошего прикрытия?

Латыш сник, поняв, какую глупость сморозил, и продолжил слушать.

— Само собой, предупредить следует, и сделаем мы с тобой это как можно быстрее. Но вот давай прикинем, как лучше поступить. Сектанты не рассчитывают на хитрость, думаю, что они принимают в расчет только силовой вариант со стороны атакованных группировок. Поэтому к нему они готовы и ждут, когда же «альфовцы», «сичевые» и вояки тупо ринутся в расставленную ловушку. Их там ждут и, не сомневаюсь, тепло и радушно встретят. Поэтому нужно не нападение, а защита. Кроме того, некто попытается срубить свой гешефт, если вдруг узнает секрет массового помешательства раньше остальных. А помочь нам, да и всем остальным, могут только алхимики. Местные ученые, скорее всего, ничего не поняли: у них аппаратура уже довольно старая, да и направленность исследований у них лежит в других областях. Пока они почешут репу и перестанут кидаться друг в друга умными словами, пройдет какое-то время. А этот фактор сейчас работает на сектантов. Поэтому мы предложим информацию алхимикам в обмен на их помощь. Пусть изготовят соответствующую защиту, а часть ее безвозмездно поставят твоим разлюбленным «альфовцам». Поскольку мы тут живем, будет логично попросить помочь в первую очередь им.

— Значит, это просто способ нападения и мои предчувствия... Бля! Попался, как пацан. А почему ты такой спокойный? Или на Кордоне эта зараза еще не появилась?

— Не думаю, что дело только в этом. Есть у меня мысли на этот счет, но пока делиться особо нечем.

Наш разговор был прерван возвращением Слона с Андроном. Отец и сын о чем-то горячо спорили. Перекрикивая друг друга, они поднялись в гостиную. Последовала бурная и радостная встреча. Слон сразу полез мутить жареху, Андрон же, солидно присев у стола, поинтересовался, как я сходил. За расспросами прошло около получаса. С чердака, где мы поселили обоих молодых бойцов, спустился Денис. Парень был сонный, чуть вяловат в движениях, но увидев, что вернулся командир, прибодрился и тоже поздравил меня с возвращением.

Нет ничего лучше, чем почувствовать себя в кругу боевых товарищей, когда все друг друга понимают с полуслова. В такие моменты ощущаешь себя по-настоящему дома, в семье, среди близких и родных. Что сближает на войне? Бойкие писаки говорят, что только пролитая кровь и тонны всяких трудностей и невзгод. Не спорю, все эти факторы присутствуют, но, по моим ощущениям, декалитры крови и дерьма не могут сблизить людей и сдерживать палец на крючке автомата, нацеленного ненавистному напарнику в спину. Люди сближаются в экстремальной обстановке, только когда присутствует некое родство душ, пусть иногда и не слишком очевидное даже для самих будущих братьев по оружию. Ненависть приводит только к смертельным подлнякам, когда более вероломный побеждает менее внимательного. Настоящее боевое братство — штука интуитивная, практически не осязаемая для окружающих, но прочнее его нет материала. Часто чудеса и подвиги совершались одними братьями ради других вопреки здравому смыслу и обстоятельствам, приводя к победе, ошеломляя врага или начальство, хотя иногда они равноценны, а враг

явный порою даже и безопаснее, поскольку его намерения очевидны.

За разговорами прошел обед, перешедший в ужин. Никаких дел мы не обсуждали до тех пор, пока не была убрана и перемыта грязная посуда, а на столе снова не появилась наша исчерченная многострадальная карта-склейка Зоны. Кто-то пил кофе, а я заварил себе чай с мятой. Отхлебнув горьковатый, с холодком напиток, я взял слово, чтобы поставить задачу, которую предстояло выполнить молодым. Они еще не догадывались, что им уготовано. Я уже почти видел накатывающий волнами мандраж, который накроет обоих новичков через пару минут.

— Товарищи бойцы, — начал я чуть шутливым тоном, плавно переходящим в серьезку, — мне удалось узнать следующее: караван, шедший с базы на Кордон, подломили блатные. Им помогли некие посторонние силы, но до них пока не добраться, поэтому в расчет их принимать не станем.

Люди слушали по-разному: Слон и Норд спокойно водили кружками по столу, остужая напитки, а вот молодежь с напряженным вниманием ловила каждое мое слово.

— Дело осложняется тем, что замом у положенца сейчас очень опытный человек, с которым еще около пятнадцати лично им отобранных опытных бойцов. Все они имеют свои слабости, но командир прекрасно с ними управляется, что сужает нам поле деятельности. Я принял решение устранить командира этой своеобразной гвардии, чтобы дезорганизовать противника, сделать его противодействие нам малоэффективным...

Я намеренно говорил казенным языком, чтобы усилить накачку бойцов, увеличить их подспудную уверенность в правильности моих действий и создать впечатление, что план вернее некуда и волноваться надо только о том, как бы в точности его исполнить.

— Реализация будет такова: стрелок и подрывник исполнят мишень. Стрелок — первый номер, гранатометчик — контроль. Денис! Ты освоил тот слобой, который Юрис приволок на себе в последний раз?

— Да. Ничего сложного не было, винтовка хорошая, хоть и норовистая.

— Отлично. На твой ПДА я сброшу карту с точками, подходящими для стрельбы, выберешь сам. Завтра утром покажешь план, я подпишу, по ходу уточним, что и как, свои соображения выскажешь. Ты у нас будешь первую партию исполнять. Хорошенько запомни мишень, ошибаться нам нельзя. Все понятно?

— Да. Только... Нет, все понятно. — Смущенный парень сел и опустил взгляд, о чем-то размышляя. Оно и понятно: новое задание почти расплющило парня непосильным грузом. Ничего, пусть привыкает.

— Теперь ты, Андрон. Твоя задача чуть сложнее: трубы и «требуху» начинки потащишь в два приема, местность постоянно патрулируется, нужно будет действовать очень аккуратно. Сможешь установить РПГ и незаметно отойти?

— Смогу, хотя места там, конечно, паскудные. Топко, да и аномалий много. Постараемся не подвести.

— Отлично. Тоже получишь карту и сам выберешь позиции для труб. Завтра вместе с Денисом ко мне в восемь ноль-ноль на утверждение диспозиции и инструктаж по заданию. Вопросы?

— Понятно все, будем думать. — Андрон был спокойнее Дениса, но это чисто внешнее, по некоторым признакам было заметно, что его трясет не меньше чем нашего нового «солиста».

— Слон, — я повернулся к напрягшемуся и посуровевшему лицом приятелю, — ты, я и Норд будем прикрывать основную группу. После того, как бойцы выберут позиции, посмотрим, как будем обеспечивать их отход. Думаю, ничего экзотического не произойдет. Итак, — я встал и обратился ко всем артельщикам: — вопросы, замечания, предложения? — Никто не высказался против, молодые вообще не отлипали от карт, выведенных на свои ПДА. — Ну вот и договорились. Норд, мы с тобой идем наводить мосты, ты к Василию, я поговорю с Посредником.

Латыш кивнул и пошел к лестнице, все еще мрачный, и я даже знал причину его

теперешнего недовольства. Но это пока подождет. Поднявшись из-за стола, я ободряюще хлопнул Слона по плечу и отправился на встречу с Посредником. Гоня варианты, пришел к выводу, что не все будет так просто и гладко: алхимики известны своей меркантильностью, поэтому могут и отказать от торга. Но тут у меня был козырь, который я притащил из последнего поиска и собирался выложить только в самом пиковом случае.

Облачившись в комбез, уже чистый и не верещавший от радиоизлучения, и переложив пистоль в тактическую набедренную кобуру, я вышел на воздух и отстучал сообщение для Посредника с просьбой о встрече. Тот согласился уделить мне несколько минут прямо сейчас. Куда идти, я уже знал, поэтому десять минут прошли в раздумьях по поводу предстоящей акции. Слабым звеном были РПГ: штука это не особо точная, и заявленные мной три сотни метров были пределом, за которым могло произойти что угодно, а требовалось хотя бы одно попадание из двух.

Подбираться ближе, чем на триста-четыре метра было опасно. Иорданец свое дело знал отлично, его люди пасли все высоты и большинство выгодных снайперских позиций в радиусе полукилометра от автобазы, ставшей резиденцией воровского лидера. Появиться там с обычной винтовкой вроде старой доброй СВД или того же «ремингтона» означало стопроцентный срыв операции. Другое дело РПГ, на установку которых уйдет не так много времени, а засечка возможна только в момент движения к цели и установки труб на сошки. Выбор пал на невысокие холмы на расстоянии трех с половиной — четырех сотен метров северо-западнее резиденции Борова. Трубы почти полностью будут скрыты дерном, свободными останутся только жерло и газоотвод. Мы будем прикрывать Андрона, наблюдая за патрулями и часовыми на точках, засеченных Нордом, еще когда я ходил на Кордон. В случае обнаружения отсечь группу преследования будет не так уж сложно: Михай уже завтра выйдет из госпиталя, и его мы посадим за пулемет. Кстати, этот полезный инструмент следует прикупить уже сегодня, по пути от Посредника нужно завернуть к Таре, посмотреть, что у него можно приобрести. Слона тоже экипируем подходящим образом, хотя я бы предпочел не брать родственников на совместную операцию, чтобы не возник сбой в управлении группой. Сам Слон не просил ничего, видимо, пробаблялся накопленными за время походов сбережениями. Да и те раздолбаи ученые, которых он вывел с Янтая в прошлый раз, отвалили ему кругленькую сумму. Но раз мы теперь вроде как одна команда, то и финансирование должно идти из одной кассы. Финансы пока дна не показывали, а предстоящие расходы были велики, но не безмерно. Трофеев, добытых за время, прошедшее со дня моего прибытия в Зону отчуждения, должно было хватить. Плюс банковские счета, предусмотрительно открытые для меня Поповичем, были почти нетронуты. Иными словами, пока нет оснований ограничивать себя в выборе снаряжения и экипировки, хотя на этот раз все придется покупать за свой счет.

Я подошел к задней двери «Старательского приюта», но охранника возле нее не обнаружил. Это было странно. Внутренне подобравшись и встав с левой стороны двери, я осторожно ее толкнул. Комната была пуста, второй пары охранников, которым я обычно сдавал оружие, тоже не было на местах. Держась левой же стены, я вышел в узкий, метров десять в длину коридор, ведущий вниз, в комнату переговоров. Свет везде горел, и я вынул пистолет из кобуры, приготовившись открыть огонь, как только почувствую малейшее движение. Осмотревшись, я приоткрыл дверь, ведущую в переговорную: Посредник сидел на стуле, голова его свешивалась на грудь, из которой торчал длинный штырь ржавой арматурины. Встреча явно произошла, но только пришел на нее не только я.

Медленно двигаясь по часовой стрелке, я осмотрел помещение: пусто. Тот, кто это сделал, не рассчитывал меня подставить, скорее всего, просто хотел на какое-то время задержать намечавшийся обмен информацией. Убивать члена Братства было равносильно смертному приговору для исполнителя и заказчика. Насколько я понимал структуру коммуникационных способностей алхимиков, им уже известно, как этот убийца выглядит, и по его следу, скорее всего, отправился «аудитор» на предмет свести баланс. Но время уходило со страшной скоростью, контрагенты это очень хорошо понимали и поэтому попели

на раскрытие своего агента. Паника в рядах противника, даже когда она имеет такие малоприятные последствия, это уже хорошо, значит, все делается верно.

Я отжал тангенту коммуникатора, вызывая Норда. Тот откликнулся мгновенно, видимо, ждал результатов разговора с Посредником.

— Юрис, скажи Василию, чтобы взял пару надежных бойцов. Потом быстро вместе с ними иди к черному ходу «Старательского приюта». Посредник мертв.

Повисла пауза, но Норд быстро переварил информацию и спокойно ответил, что, мол, скоро будет. Я же стал осматривать местность. Освещение возле бара всегда было на уровне, даже ночью было достаточно света. Убийца был один, весил около ста кило и чуть припадал на правую ногу. Охрану он не вырубал, «секьюрити» просто ушли в сторону северного блокпоста. Наш фокусник подошел к Посреднику, обойдя стол с правой стороны, и пригвоздил его к креслу заранее заготовленным куском арматуры. Удар был такой силы, что навершие на добрых десять сантиметров торчало из спинки кресла с обратной стороны.

Подошли особисты, оттерли меня в сторону, тело открепили и положили на стол. Я вышел на воздух, вкратце пересказал Норду, как было дело. Латыш тоже поделился результатами встречи с «секретчиком». Как я и предполагал, первой реакцией долговского начальства было намерение снарядить карательную экспедицию в район Пустошей. Но после того, как латыш обрисовал им перспективы такого решения, начальство вроде как сбавило обороты, а Василь порывался лично со мной встретиться. Что тут скажешь: его желание очень быстро исполнилось. Вот он уже рысцой подбегает к нам и суетливо протягивает руку. Ладонь его была сухой и горячей. Лицо осунулось и почернело от хронического недосыпа. Про глаза ничего говорить не буду: сами посудите, каково это сутками изнурять организм запредельными нагрузками. Но его фанатичный подход к делу дал отличные результаты. Даже нынешний случай был показателем эффективности работы контрразведки клана: противник в панике рубил концы, светя хорошо законспирированную агентуру, явно предназначенную для других целей. Я с удовольствием ответил на приветствие, а особист кивнул в сторону главного входа в бар:

— Пошли посидим, Антон Константиныч. Все равно завтракать уже не придется, а поесть чего-то надо.

— Юрис, — обратился я к другу, — иди в башню, будьте наготове, но молодых не дергай, им есть чем заняться.

— Лады, командир. Все сделаю. — Юрис скрылся в густеющих сумерках.

Мы же с особистом прошли в главный зал, где, как всегда, дым стелился тяжелыми ключьями, придавая некую зыбкость происходящему. Сев за крайний у дальней стены столик, в самом темном углу бара, мы некоторое время молча смотрели то друг на друга, то по сторонам. Бунтарь уже метнулся в кухню, видимо, зная, что обычно заказывает Василь. Я спросил бутылку минералки, чтобы не сидеть впустую. Особист с жадностью заглатывал принесенную шустрим пареньком нехитрую пищу. Я молчал, давая Василию возможность насытиться. Гора бутербродов с остро пахнущей чесночной колбасой и ломтиками сыра, уложенными на тонкие, длинные бруски нелюбимого мною белого хлеба, исчезали как по волшебству. Запивая все это горячим кофе, особист смотрел куда-то в сторону, казалось, не обращая на меня никакого внимания. Так прошло около десяти минут. Потом он неожиданно вперился в меня красными от недосыпа глазами:

— Васильев, там, где ты, почему-то всегда одни непонятки и, как правило, много кровищи. Ну, давай, делись идеями.

— И тебе доброго вечера, начальник. Нет особых мыслей, кроме очевидных. Грохнули Посредника свои. Убийца удалил охрану, под каким-то предлогом вошел в комнату для переговоров и воткнул спрятанный до поры до времени штырь в грудину нанимателя или собрата по клану. Никого из посторонних Посредник бы близко не подпустил, а наводить всякие психические фокусы на алхимиков бесполезно, ты сам знаешь. Затем агент сбросил личину и, скорее всего, уже ушел с территории отряда.

Василь криво усмехнулся и продолжил насыщаться, правда уже скорее по инерции.

Сделал долгий финальный глоток, неотрывно глядя на меня поверх края кружки, со стуком поставил ее на изрезанную ножами посетителей столешницу и снова вцепился в меня мертвой хваткой.

— Про ретрансляторы точно знаешь или опять догадки?

— Какая тебе разница? Вспомни только, когда это мои догадки не воплощались в реальность? Ну, вот то-то и оно. Верить мне надо, товарищ начальник, верить. Предвидя твой следующий вопрос, скажу: не ищите убийцу, его уже ищут и выпотрошат знатно, как только найдут. Маховик уже раскручен, события не остановить...

Снова в воздухе проступил морозный узор линий Вероятности, все нити пульсировали красным, великое множество судеб пришли в движение, стремясь к своему финишу. От красного цвета могло бы зарябить в глазах, будь эта картина видна обычным зрением. Страхнув с себя наваждение, я продолжил, стараясь, чтобы голос мой звучал ровно и без эмоций:

— Кому ты сказал про излучение и ретрансляторы?

— Никто пока не знает, твой парень и я говорили наедине.

— Отлично. Свяжись с вашими снабженцами из клана этих «юных натуралистов» и слей информацию по убийству и подлянке, устроенной «Обелиском». Не сомневайся: кисло стало всем, даже алхимикам. Предложи в обмен, чтобы защиту вам сделали по сходной цене. За ней скоро в очередь будут стоять. Поэтому алхимики в убытке не останутся, а вы сможете раньше всех приобщиться, так сказать. Ну, а теперь прощай, брат. Дел у меня много, а времени почти нет.

Василь хотел было меня задержать, но передумал и только махнул рукой, достал из левого кармана штанов комбеза плоскую фляжку с чем-то горячительным и влил жидкость в принесенную толстым хозяином бара новую кружку кофе. Бунтарь куда-то испарился, хотя кроме меня на это никто не обратил внимания.

Выйдя на улицу, я направился к магазину Тары, чтобы прикупить пару «Вампиров», глушитель для «ковруши» и посмотреть, что там есть из оружия поддержки, поскольку мы остались без артиллерии. Думаю, Михай отлично подойдет на эту роль, а с пулеметом он уже имел дело, как выяснилось из одного разговора во время нашего последнего рейда. Правду говорили древние: что ни случается, все к лучшему. МГ-4 был хорошим оружием, но, как вы, наверное, заметили, я не являюсь поклонником «пятерочных» изделий из-за их спорных боевых качеств, к тому же этот «зингер» ведет стрельбу только с открытого затвора, а это может вызвать отказ оружия в самый неподходящий момент. Поэтому я решил взять что-нибудь из «калашей», либо поискать новый ковровский «Барсук»¹, поскольку машинка была хорошая и от того же МГ отличалась только чуть большим весом и меньшей компактностью при переноске. Но плюсов у нашего ствола было явно больше, чем минусов, и про себя я уже твердо решил, что возьму именно его, если он будет в наличии. Одно время я использовал знаменитый «Печенег», но оружие это больше подходит для пехоты, поскольку слишком уж быстро по факелу огня при стрельбе и светящемуся от нагрева стволу духи вычисляли пулеметную точку и приходилось либо менять позицию, либо уходить совсем. Пламегаситель там отсутствовал как класс, поскольку охлаждение несменного ствола было завязано именно на эту особенность конструкции. Сошки подвешенные почти к срезу ствола, тоже восторга не добавляли.

Другое дело «Барсук», где охлаждение ствола реализовано как в снайперках — ребрением, а дульный тормоз, несмотря на свой причудливый вид, отлично маскирует факел огня при стрельбе и позволяет без видимых усилий пользоваться оптикой, что с «Печенегом» пока не прокатывает. Муара от нагрева ствола тоже не наблюдается, отдача раза в полтора ниже, чем у ПКМ, от которого «Барсук» взял так много. Со всех сторон ковровцы опять в плюсе, только вот достать это чудо очень сложно, на своей памяти я видел его всего пару

¹ АЕК 999 «Барсук» — единый пулемет калибра 7,62 мм. Прямой конкурент «Печенег», превосходящий его по ряду тактических возможностей и боевых характеристик при проведении диверсионных операций.

раз. К тому же мощные целевые боеприпасы делают этот пулемет страшным оружием, способным на расстоянии в триста пятьдесят метров очередью перерубить человека в легком «бронике» практически пополам. Кроме того, на расстоянии четырех сотен метров звук выстрелов почти не слышен, позицию вскрыть по вспышке тоже нельзя.

Я миновал башню и освещенные участки асфальтовой дорожки, ведущей к подземному «супермаркету» Тары. Все было достаточно хорошо видно, или это особенности моего зрения. Как я уже упоминал — терпеть не могу яркого солнца и «чистого» неба. Зато в темноте вижу очень хорошо, поэтому некоторые сослуживцы и друзья часто звали меня не иначе как Филином. И только ночное зрение спасло мне жизнь и на этот раз: размытая в броске длинная тень пролетела в том месте, с которого я только что отступил в сторону. И не сделай я этого вовремя, непременно лежать бы мне на земле носом в асфальт. Фигура развернулась и снова бросилась в атаку, но я успел увернуться и, пропуская нападавшего мимо себя, отработанным ударом кулака сверху вниз ударил его по хребту. Надо сказать, что таким ударом я ломаю пару кирпичей, положенных один на другой. Тело нападавшего выгнулось, послышался характерный треск ломающихся костей, и покалеченный дуралей растянулся на асфальте метрах в пяти от меня, куда пролетел уже по инерции. Не спеша я достал из кобуры пистолет и привинтил положенный в отдельный кармашек «тихарь». Нападавший имел две руки и две ноги, длинную шею и патлатую голову, более не прикрытую причудливо свернутой «душегубкой». Меньше всего я предполагал, что это будет Бунтарь, исчезнувший из бара и все это время поджидавший меня здесь. Скорее, по тактике нападения, я бы подумал на Следопыта или другое существо, пользующееся естественными орудиями нападения вроде когтей. Непонятно, почему парень просто не пропустил меня вперед и не выстрелил в спину, ведь раздобыть «ствол» можно очень легко.

Не подходя близко, я прострелил «тинэйджеру» обе ноги в коленях. Чисто на всякий случай, хотя позвоночник я ему переломил качественно: скорее всего, парень был парализован от пояса и ниже. Но мы находимся в странном месте, кто его знает, какие возможности Зона дарует агентам сектантов. Подойдя ближе, перевернул тело и всмотрелся в лицо парня, осветив его карманным фонариком, который всегда таскаю с собой. Зло блеснули зеленые глаза, лицо агента дернулось — он тоже не любил яркого света. Сквозь зубы он прошипел:

— Как ты понял, что это я? Никто ведь не догадался...

— Дурак ты, парень. Ничего я на твой счет не гадал. Подозрения, не скрою, были. Но, видишь ли, дружок, я такой человек, который почти всех подозревает и верит только себе, и то не всегда. И потом: ты ж сам на меня кинулся. Нервы сдали?

Бунтарь часто задышал и сплюнул кровавую слюну. В глазах его читались досада, злость и тоска: он понял, что проиграл. Впереди послышались шаги, я сместился влево и погасил фонарик. Две фигуры в просторных пылевиках приближались к нам, нарочито шумя, чтобы не вызвать неправильной реакции с моей стороны.

Знакомый голос сказал:

— Ступающий, не надо стрелять. Это я — Сажа.

Зажглись два мощных ручных фонаря, и я увидел, что это действительно мой любознательный приятель, и с ним мрачного вида алхимик, чье лицо не было видно под капюшоном. Они приблизились, неразговорчивый спутник Сажи уставился на Бунтаря, в воздухе запахло озоном, и парень сразу стал извиваться, словно червяк.

— Он уже начал регенерировать. Не прострели вы ему ноги, Антон, это существо снова бросилось бы на вас. Он из обращенных — послушник «Братства Обелиска», низшее звено в цепи, пешка. Посмотрим, что он знает. — Сажа кивнул спутнику: — Начинай его готовить к транспортировке.

Затем повернулся ко мне и заговорил слегка укоризненным тоном:

— Обращенные очень быстры и опасны в ближнем бою, вы сильно рисковали.

— Ну, это вряд ли, я уже собирался его пристрелить, когда вы подходили. Тороплюсь я, дел по самую макушку. Прощайте покуда.

— Антон, подождите. — Сажа схватил меня за рукав. — Вы передали через Посредника, что у вас есть некая важная информация. Что это было?

Пришлось остановиться и рассказать Саже про излучатель и про то, чем подобная выходка сектантов грозит всем остальным. Алхимик пообещал, что сделает все, чтобы клан «Альфа» получил защиту одним из первых, и это не будет слишком затратно для «тимуровцев». Кивнув друг другу на прощание, мы разошлись. Последнее, что я слышал, были сдавленные ругательства пакуемого Бунтаря. Подозрения насчет тинэйджера у меня закрались в самый последний момент. Сидя в баре с Василем, я обратил внимание на поведение расторопного официанта: парень слишком уверенно двигался, чувствовалась подготовка, явно работа с оружием, и не только огнестрельным. Кроме того, он постоянно крутился там, где затевался любой мало-мальски приватный разговор.

Но я заметил и еще кое-что, а именно: рядом с трупом Посредника смазанный след ботинка. Крови под трупом натекло порядочно, а убийца ступал очень аккуратно, только краем ранта своего внушительного башмака он зацепил кровавую лужицу. Рисунок протектора и свежая вакса добавили подозрений, но мало ли кто чистит боты по вечерам. К тому же место-то не простое и люди здесь по большей части разные. Поэтому все сложилось только тогда, когда непонятный этот шпион прыгнул на меня из кустов. Алхимики вовремя подоспели, иначе не видать им момента истины — валяться тогда шпиону на обочине с отрезанной, для верности, башкой.

Снова свернув на выложенную из бетонных плит дорожку, я наконец-то добрался до Тары. Сам хозяин снова вышел ко мне навстречу и, буркнув подскочившему безликому помощнику что-то насчет чая, провел в свою конторку. Усевшись за стол, он выжидательно глянул на меня. Без обиняков я перечислил то, что было мне необходимо. Заказ на пусковое устройство ему передал Норд пару дней назад, уже адаптированное и упакованное в отдельный ящик, его отгрузили на склад. С РПГ тоже проблем не возникло — «двадцать девятые» перестали быть редкостью еще пару лет назад, поэтому за все я бы отдал пятьдесят три тысячи местных рублей с учетом скидки. Но поскольку я решил прикупить глушитель и пулемет, Тара, окунувшись в прайсы, увеличил сумму сделки еще на полтора десятка тысяч рублей, заметив при этом, что к «Барсуку» он бесплатно поставит четыре тысячи патронов, комплект прицелов дневной переменной кратности 1П21¹ и штатный бесподсветный «ночник» НСПУ-3². Уладив формальности и проверив товар на соответствие, мы вернулись в кабинет Тары, чтобы дожидаться, пока его молодцы закончат комплектовать заказ. Разговор касался общих тем, среди которых было и убийство Посредника. Я не прикидывался валенком и вскользь обмолвился, что убийцу уже задержали. Тара никак не отреагировал, только, прикрыв глаза, откинулся в кресле, затем спросил:

— Антон Константинович, мы с вами взрослые, неглупые люди. Просветите меня, что в последнее время происходит вокруг? Все суется, даже мои ребята начали неадекватно себя вести. Тревога так и витает в воздухе...

— Думаю, что в ближайшее время все уладится. Вы хотите быть первым на рынке новых услуг?

Тара заинтересовался настолько, что даже придвинул кресло вплотную к столешнице, подавшись вперед.

— Само собой, и вы же знаете, Антон Константинович, я добро помню.

— Хорошо.

И я рассказал торговцу про излучатель и новый готовящийся бренд алхимиков. Новость

¹ 1П21 — снайперский оптический прицел, предназначенный для оснащения средств поддержки, использующих б/п калибра 7,62 мм, в частности — пулеметов «Печенег», «Барсук» и более ранних моделей вроде ПКМ, а также СВД и ее модификаций.

² НСПУ-3 — бесподсветный ночной прицел с электронно-оптическим множителем второго поколения. Предназначен для ведения наблюдения за местностью в ночное время и обеспечения прицельной стрельбы ночью.

очень заинтересовала оружейника, он предложил мне в качестве ответной услуги скидку в двадцать процентов на любой эксклюзив, который к нему поступает. Предложение сулило немалую выгоду в дальнейшем. Учитывая, что новость и так скоро бы попала к нему, я не выдал никакого секрета. Поэтому спустя час я в сопровождении пятерых молодцов Тары уже разгружал покупки на пороге башни. Теперь предстояло в кратчайшие сроки ознакомить артельщиков с оружием и на рассвете выдвинуться в район проведения акции. Вроде дело вышло на финальную стадию. Наступал самый трудный, но одновременно и самый близкий мне этап операции, насыщенный действием.

Когда с грузом было покончено, я спустился в подвал. Меня беспокоило состояние молодежи. Ребята не просто мандражировали, а реально перетрусили от навалившейся на них ответственности. Так всегда бывает, когда впервые ощущаешь, что вот он, тот самый момент, когда рядом уже только напарники, ждущие от тебя четкого выполнения работы, уверенные в том, что ты их не подведешь и сделаешь все правильно и аккуратно. Мне вспомнился капитан Шубин из разведотдела штаба бригады, который некоторое время был моим командиром в одной маленькой, но очень независимой республике. Мы сразу сработались, хотя я тогда был еще совсем зеленым, а он уже успел побывать в Латинской Америке. От этой командировки у него остался неглубокий рваный шрам от осколка американского снаряда и давящий, сродни приобретенному мной много позже, взгляд. Ростом он был чуть повыше меня, но ходил всегда чуть сутулясь. Постоянно рубил фишку, даже когда вроде и не было к тому оснований, но делал это очень аккуратно, незаметно для окружающих. Именно от него я перенял привычку стричься почти наголо и долгое время проводить за разборкой и сборкой личного оружия.

До сих пор памятен день, когда Шубин вызвал меня к себе в палатку и будничным тоном поставил задачу: принять под командование первый взвод и выдвинуться в район одного горного перевала, разведать дорогу для проводки каравана снабжения и, закрепившись на склонах, удерживать позиции до подхода передовой группы. На все про все давалось двенадцать часов. Момент, когда капитан закончил говорить и я должен был сказать: «Есть» и продублировать задачу, был подобен первому прыжку с парашютом: вроде, и тренировался, и знаешь, что и как работает, а вот боязно, и все тут. Капитан тогда подмигнул мне и выразился в том смысле, что трудно первые сто лет.

Задачу мы выполнили, колонна прошла как надо, но именно в тот раз я ощутил, что рядом люди, которые зависят от меня, от того, что я прикажу и насколько верным окажется мое чутье как командира. Я читал в их глазах недоверие и обреченность: мол, вот снова дали неопытного салагу, а им так хочется жить. И как разительно отличались их лица позднее, когда на построении командиры отделений докладывали, что потерь не имеют. Мощная волна сопричастности, словно на гребне, вознесла меня тогда к самому своду небес. Тогда я узнал цену правильно, с уважением, произнесенного обращения — «командир». С тех пор прошло много лет, не раз я командовал людьми и вместе с ними шел к черту в зубы, но со мной навсегда осталось это чувство единения с бойцами. Непросто отвечать за себя, хотя тут всегда есть шанс договориться и жить дальше с грузом на душе, который иногда ворохнется, подняв, словно ил со дна речки, мутную волну сожаления. Но в сотню раз тяжелее принять чужую боль, словно свою, а это и значит быть командиром, вождем, который всегда и все видит и знает...

Послышались гулкие шаги двух пар ног, и в подвал спустились Андрон и Денис. Парни, помявшись, уселись на табуретки, принесенные из гостиной, и почти синхронно протянули мне свои ПДА, на экраны которых была выведена схема позиции каждого из них. Глянув в планшеты, я усмехнулся: зря переживал, парни грамотно и толково выбрали лежки и подошли к делу творчески. Андрон выбрал свалку железного лома в четырехстах метрах к северо-востоку от резиденции Борова, откуда отлично просматривались три первых этажа главного здания, в западной части которого был кабинет мишени и самого положенца. Вершина и склоны горы не патрулировались, а были лишь кое-как заминированы из-за высокого радиоактивного фона. Но парень сказал, что они с отцом пару раз пробирались

туда и вроде как часа два там можно выдержать, а для этих целей у них давно прикуплены артефакты, поглощающие радиацию, но вот беда — разрушаются они очень быстро. Я ответил, что выдам ему денег, пусть закупит сколько нужно, на том и закрыли вопрос. Дрожащим от волнения голосом Денис изложил свой план. Он тоже выбрал позицию в северо-восточном квадрате, но чуть западнее и дальше, за мостом через заболоченную речку, на склоне невысокого холма. Расстояние, однако, было предельным — тысяча триста метров. Но парень уверенно показал карту погоды и розу ветров, которую он запросил у ученых, чтобы не вызывать подозрений, на месяц вперед. Вроде получалось убедительно и, в принципе, должно было сработать. Откинувшись к стене и осмотрев замерших в ожидании молодых, я начал говорить.

— Значит, так, бойцы: план вы представили хороший по всем показателям, должно сработать. Координатор у вас Юрис Андреевич, прикрывать будем я и Михай. Помните, что здесь у нас нет вторых номеров, работа каждого — это часть успеха операции. Сейчас вас бьет мандраж, это нормально. Но запомните: от нас с вами зависит жизнь людей, не только девушки, которую держат в заложниках, но и жизнь друг друга. Наша работа — это прежде всего расчет, но и немалый риск, поскольку задачи перед нами всегда стоят, на первый взгляд, невыполнимые. Посмотрите на себя со стороны, взвесьте каждый свой шаг, а потом будьте готовы импровизировать и отбросить все, что было рассчитано и вроде как утверждено. Жизнь, ребята, как правильно сказал кто-то умный, вносит свои коррективы. Держите в уме главную цель: выполнить задачу и не подвести товарища. Отбросьте сомнения, действуйте без эмоций, оставьте их позади. Потом будем радоваться или грустить. Эмоции — удел победившего, тот, кто поддается им, никогда не будет победителем, потому что разум в такие моменты молчит. Отбросьте страх, боль и ненависть, помните только главное — задача должна быть выполнена, а вы должны уцелеть. Вопросы есть?

Парни ловили каждое мое слово, надеясь, что я мановением руки рассею их сомнения и страхи. Но ни то, ни другое не оставляло их, это было видно по жестам, выражению глаз. Однако накачка помогла: я знал, что хотя они еще не прониклись сказанным мною до конца, но после того, как дело будет сделано, мои слова отпечатаются в душе каждого из них подобно выбитому в камне барельефу. И в следующий раз, планируя новую акцию, или просто в рядовой стычке, или даже обычной барной потасовке, императивы, заложенные сегодня, помогут им победить. Разум очистится, волнение и страх отступят, останется только выжимка из наработанных рефлексов и опыта, дарующих воину ключ к победе.

Отпустив ребят отдыхать, я попросил позвать ко мне Юриса, поскольку нам вдвоем предстояло отдуваться в качестве прикрытия. Слоны все еще были слабы для такой работы, а Михай понадобится время на освоение нового оружия. Новый пулемет хоть и напоминал ПКМ, но имел ряд особенностей, к которым необходимо было приноровиться.

Юрис спустился довольно скоро и, присев на третью от пола ступеньку лестницы, задумчиво поглядел на меня:

— Опять Шубина вспоминаешь, да, командир?

Юрис не очень жаловал погибшего капитана, но когда я спрашивал, почему так, он только пожимал плечами. Наверное это был некий иррациональный импульс неприязни, который с годами перерастает в глухую ненависть, хотя люди никак не найдут причины для нее.

— Что бы ты ни думал, Егор был хорошим командиром. Именно он вытащил нас, когда мы были отрезаны от гор духами Амир-заде, помнишь?

Юрис с досадой хлопнул себя по колену и выдохнул сквозь стиснутые зубы:

— Да все я понимаю... Замнем. Как работать будем?

— Все просто: мишень обычно работает в кабинете, окно выходит на южную сторону. Салим любит ходить туда-сюда во время разговоров. Днем они нападения не ждут, а в 15:00 по договоренности со мной Одессит позвонит Салиму и продержит его на связи минут десять-пятнадцать. Сначала работает Денис, потом Андрон, все стандартно. Потом отступаем группами на юго-западную окраину заброшенной колхозной МТС и уходим на

базу. В поднявшейся суматохе все должно получиться.

— Хорошо, если так. Первым пойдешь?

— Да. Разведаю подходы, понаблюдаю. А вы подтягивайтесь позже. На этот раз будет связь, чтобы молодых подстраховать. Бандиты эфир лениво слушают, думаю, проскочим. Ладно, пошли собираться.

Времени на сборы я потратил немного, взял, как обычно, автомат и положил «грач» в кобуру, оснастив оба ствола «тихарями». Что бы ни случилось, нужно работать как можно осторожнее.

2.2

Я выбрал левый бокс заброшенного здания МТС, у которого еще сохранилась крыша и полуразрушенный чердак. Раньше тут была стоянка, где тусовался разный сброд, но после того, как вояки раза три выносили бродяг и никого не оставляли в живых, место пришло в упадок: кто-то подался к Борову, кто-то ушел на Свалку. На дорогу у меня ушло около пяти часов быстрого бега, по пути два раза пришлось обходить стоянки каких-то мутных групп по три и пять человек численностью. Меня не заметили, и вскоре я вышел в район проведения акции, заняв позицию на крыше ремонтного бокса.

Рассвело, но светлее стало не намного: тучи низко висели над землей, на севере полыхали зарницы близкой грозы, громовые раскаты отдавались в пустом помещении. Я, расстелив коврик и проверив маскировку, подключил рацию на прием. На этот раз короб «акведука» я принял на себя. Норду и так придется тащить оружие Андрона, а тот пойдет только с пистолетами и укутанными в масксет трубами РПГ. Часов до одиннадцати ничего не происходило, пока я не увидел осторожно перемещающуюся фигуру, почти сливающуюся с жухлым ковром серовато-желтой травы. Ожила рация, пошли доклады от бойцов.

— Ноль Второй на позиции. — Это был Норд, залегший в лесополосе в семистах метрах западнее маршрута медленно ползущего к горе Андрона. — По секторам: четыре-шесть-три. «Зеленый».

— Ноль Третий на позиции. — Это уже Денис пробрался на холм и окопался. — По секторам: тринадцать-два-пять. «Оранжевый».

— Принял по номерам. Готовность — три. Внимание на Ноль Четвертого. Ждать подтверждения. Отбой.

Я кинул взгляд на карту, где отразилась засеченная Нордом и Денисом общая обстановка. Общая численность противника в секторе была ровно двадцать душ, но все они были заняты своими делами. Патрули ходили в двухстах метрах от ползущего Андрона, что прекрасно видел Денис и в случае чего был готов перенести на них огонь своего «слонобоя». Время замерло, минуты нехотя накапливались, лениво падая по одной в вечность.

— Ноль Четвертый, работу закончил, отхожу по схеме два. Внимание по секторам.

— Ноль Четвертый — отставить! Ждать сигнала на отход с позиции.

— Принял, Ноль Первый.

Этот идиот торопился уйти, не запросив обстановку у прикрытия, и запросто мог напороться на не замеченный им патруль бандитов.

— Здесь Ноль Второй. По секторам: три-десять-один. «Зеленый».

— Здесь Ноль Третий. По секторам: пять-два-четыре. «Зеленый».

Вроде все тихо. Сам я ничего подозрительного не замечал, поэтому тоном дал сигнал Норду:

— Здесь Ноль Второй. Ноль Четвертый — отмашка, пошел.

— Ноль Четвертый принял, отхожу.

Снова глянув на часы, я заметил, что тянувшееся, как резина, время вдруг помчалось с бешеной скоростью, сжигая секунды и минуты до нулевой отметки. До звонка Одессита оставалось десять минут, Андрон медленно отползал чуть ли не под ногами у патруля из троих скучающих в наряде бандюков.

Огонек маячка замер где-то на уровне цокольного этажа здания, то пропадая, то появляясь вновь. Салим, видимо, развил бурную деятельность. Наконец пискнул ПДА, прислав весточку от Цвирни. Как и договорено, оружейник связывался с помощником Салима.

— Ноль Четвертый на позиции. По секторам: ноль-четыре-один. «Зеленый».

Я перевел дух: парень успел добраться до лежки, взял свое штатное оружие в месте, где Норд его прикопал, и теперь уже не был так незащищен, как минуту и два часа назад.

— Номерам готовность — один. «Красный».

Теперь я сосредоточил внимание на окне кабинета Салима. Вот зажглась настольная лампа, светлячок, мигая, стал вяло перебегать по плану здания, подходя к заветному прямоугольнику комнаты.

— Номерам готовность — ноль. «Красный». Цель входит в зону контакта, есть подтверждение. Работаем.

— Ноль Третий — цель наблюдаю. Есть совпадение.

— Ноль Четвертый — цель наблюдаю. Совпадение подтверждаю.

— Ноль Второй — цель вижу. Даю отмашку.

Выстрела Денисовой пушки я не слышал. Парень грамотно подгадал под громовой раскат, и вроде как ничего не происходило: свет в окне горел, но на стене виднелись какие-то темные пятна. Хотя трудно было сказать, что это было: кровь или куски старой отваливающейся штукатурки.

— Ноль Третий. Цель поражена.

Потом земля ощутимо дрогнула, и угол здания штаб-квартиры уголовников исчез в клубах дыма и пыли. Мгновение спустя до меня докатилась звуковая волна сдвоенного разрыва. Обе гранаты попали в цель и разорвались почти одновременно, перемешав в щебень кабинет вместе с тем, что осталось от Салима.

— Ноль Четвертый. Цель поражена.

— Ноль Второй. Подтверждаю поражение цели. По секторам. «Зеленый».

— Здесь Ноль Первый, — вступил уже я. — Отмашка на отход по схеме три. Точка сбора ноль восемь. Конец операции. Отбой.

Пока ребята отходили к оврагу, я наблюдал суматоху, начавшуюся во дворе базы. Урки открыли дикую пальбу, лихорадочно бегая по территории, не ухоженной и захлавленной всяким строительным мусором. Им сейчас было не до нас. Неожиданно снова перед глазами проступил узор линий, зеленые и красные нити стали дергаться и вновь складываться в паучий узор. Страхнув морок, я снова приник к монокуляру, но там все было по-прежнему: паника переросла в некое подобие организованных действий, бандиты тремя ручейками растекались по равнине перед лагерем, перерезая шоссе и бестолково кружа в радиусе полукилометра от базы.

— Ноль Второй — на месте.

— Ноль Четвертый — на месте.

— Ноль Третий на месте. — Голос Дениса дрожал, и слышно было, как он переводит дыхание.

— Номерам — отмашка. Уходите на базу. Отличная работа, всех благодарю от лица службы. Отбой.

Уже спускаясь с чердака, я увидел, как цепочка сгорбленных фигур трусцой уходила вдоль оврага, в сторону Свалки, путая след на случай, если бандиты все же опомнятся и организуют преследование. Усталости я не чувствовал, исход первого раунда был в нашу пользу. Перехватив автомат поудобнее, пошел следом, но уже не торопясь, страхуя ребят с тыла.

Я глядел, как группа удаляется прочь от базы уголовников, где мы только что навели грандиозный шорох, и у меня на сердце становилось чуть легче. Молодежь выдержала экзамен: парни не растерялись и сработали идеально, если исключить тот момент, когда

Андрон запаниковал, чуть было не подставился пешему патрулю и едва не завалил всю операцию. Часто в фильмах приходилось видеть заезженный сюжетный ход, когда что-то идет «не так». Само собой, накладки случаются всегда, но при планировании операции существуют своего рода границы, или «берега», как я их называю. Это некая степень свободы, позволяющая работать в рамках сложившейся обстановки, которая, опять же вопреки общепринятому мнению, только в трех случаях из десяти может взорваться и поломать к чертям пару недель, а то и месяцев кропотливого труда.

Вот и в нашем случае было учтено почти все: Норд и собственно молодежь трое суток ползали вокруг базы, мониторя обстановку, вычисляя схемы минных заграждений, график патрулирования и наблюдательные посты. Я расспросил у Одессита о не известных мне повадках Салима и подстраховался техническими примочками.

Салим стал жертвой боевой усталости, своего рода профессиональной болезни людей, постоянно находящихся под риском покушения. Чувства притупляются, меры безопасности становятся рутиной, и человек успокаивается. Такое происходит с каждым, поскольку невозможно все время быть полностью настороже, это изматывает морально и физически. Вот в такой-то момент и наносятся смертельные удары, вроде того, который не смог отразить афганец. При планировании акции по ряду характерных признаков стал очевиден факт слабину: повторяющиеся схемы движения по территории, падение дисциплины у бойцов службы охраны, да и сама мишень иногда откровенно пренебрегала мерами предосторожности, подолгу не меняя места пребывания. Будь все иначе, операцию пришлось бы сворачивать и караулить Салима во время какой-нибудь встречи или поездки, что намного сложнее. Нашим главным врагом по-прежнему было время: еще трое суток, и Дашу могут просто ликвидировать, если посчитают, что воздействие через нее эффекта не дает. Нужно как можно скорее приводить в исполнение вторую часть плана, большую часть которого мне придется осуществлять в одиночку.

Дальнейшие действия противника представлялись мне очевидными: акция против Салима — это сугубо личный «головняк» положенца и может не иметь к нашим с ними делам никакого отношения. С другой стороны, если у них есть хороший аналитик, то по способу действий меня могут вычислить, хотя на это и уйдет какое-то время. Что они смогут найти на месте акции, если действительно возьмутся искать? Только пару труб от РПГ и остатки пусковых устройств, хотя и это маловероятно: Андрон выставил на месте пуска гранат пару разнонаправленных МОН-50, а на трубах прицепил по два пластиковых микроразряда, завязанных на детонацию МОНОк. Поэтому без серьезной экспертизы они мало что смогут выяснить на месте. Положим, что это произошло, и есть эксперт и пара толковых взрывотехников. Тогда у меня от трех до пяти дней, после чего если не вычислят напрямую, то обязательно зададут нужные вопросы Таре. Даже если оружейник и не проговорится, то кто-то из его подручных может соблазниться некоей суммой на карманные расходы. Потом искать меня будет не так сложно, а организовать засаду где-нибудь на подходе к базе «Альфы» еще проще. Значит, будем рассчитывать на трое суток. Ускоренный марш до базы займет не менее двенадцати часов быстрой рысцой, но мне туда идти не следует. Следующий этап операции целиком рассчитан на одного человека. Я достал ПДА и переключился в режим шифрованной связи, вызвал Норда.

— Ноль Второй, здесь Ноль Первый.

— Слышу тебя, Ноль Первый. Что случилось?

В голосе друга не было тревоги. Он знал, что если бы было опасно, я маякнул бы тоном вызова. Вариант с раздельным отходом в точку эвакуации мы обговаривали еще дней пять назад. Но в этот раз было нечто, чего мой друг не мог предвидеть, иначе возражения и споры отняли часов бы десять, а это сейчас непозволительная роскошь.

— Группе новая вводная: номерам отходить на базу по схеме «три». После чего

переворужиться по варианту «один» и выдвигаться в квадрат 4413-6¹. Находиться в режиме ожидания до 04:30 пятого, быть готовыми к приему груза и выдвигению в точку ожидания по схеме «пять-один». Как понял приказ?

— Приказ понятен: отходить на базу, после перевооружения выдвинуться в квадрат 4413-6. Режим ожидания до 04:30 пятого, прием груза по схеме «пять-один». Выполняю. — Последовала короткая пауза, слышался только треск помех, голос друга прозвучал недовольно и глухо: — Запрашиваю уточнение по контрольному сроку ожидания.

— Срок прежний. Как понял?

— Понял тебя, Ноль Первый. Мог бы и не чудить.

— Время дорого. Прости, брат, но по-другому никак нельзя. Все нормально, поторопитесь. Порядок номеров прежний. Отбой.

— Ни пуха, Ноль Первый.

— Иди ты... Отбой связи.

— Понял тебя, Ноль Первый. Связи отбой.

Первоначально я хотел вернуться на базу и на некоторое время затихнуть. Но, поразмыслив и прогнав ситуацию и так и сяк, решил, что это неприемлемо. Тем более что общая неразбериха на базе уголовников будет лишь отчасти мешать мне пробраться туда. Вполне вероятно, что в теперешней обстановке сделать это даже проще: преемника Салима еще не назначили, все будут дергаться и, скорее всего, даже слегка постреляют друг в друга с перепугу.

Норд и остальные бойцы перевооружаются, захватят с собой Михая, думаю, он уже вышел из госпиталя. Вариант «пять-один» предполагал наличие четверых бойцов плюс командир и резервное место для одного «пассажира». В заданной точке ребята затихарятся и будут поджидать меня с пленником, а потом мы уйдем в сторону лесопосадок на юго-востоке, где, сбросив возможное преследование, укроемся в заброшенном поселке. Потом поговорим с Боровом по душам и организуем обмен. Но сейчас мне снова предстояла сольная работа, поскольку некими необычными способностями пока обладаю только я. Артельщики будут лишь помехой, а в случае провала и спрос будет только с меня одного, ребят я не подставляю.

Задача не из легких, но другого выхода нет: нужно снова пробраться на базу Борова и выкрасть его самого. Урка наверняка сам выбирал место для содержания пленницы и держит нити операции в своих руках. Торг с ним возможен только в одном случае: если я предложу адекватный эквивалент обменного курса — его жизнь на жизнь Даши. Уголовные авторитеты так же, как и обычные люди, боятся смерти, и хоть и носят на себе всякие талисманы, но в потустороннее верят через раз. Думаю, что после того, как мы с Боровом окажемся с глазу на глаз, мне удастся уговорить его открыть место, где он прячет Дашу. Далее состоится обмен, после чего Боров уходит к своим, а у меня развязаны руки. Убивать авторитета было бы ошибкой: в этом случае я получаю проблемы уже с целой организацией, и тут мне придется посложнее, чем с милягой Эдвардсом. Наши бандосы могут действительно создать проблемы для моей семьи за «колючкой». Девушку я отправлю на Малый Кордон к отцу и уже тогда до отказа разберусь с теми, кто всю эту возню затеял.

Я сменил направление, обходя базу уголовников с юго-запада, и через два часа вышел к одному из трех наших схронов, где пополнил запас воды, сменил патроны в комбесе и оставил автомат и часть снаряги. Отстегнул подсумки с магазинами от «ковруши», пока они мне не понадобятся. Дополнительно взял пять магазинов к «грачу» и пару РГОшек, по-другому лазать по стенам и подвалам не получится. Если засекут и прищучат, даже гаубица от смерти не спасет, а пистолет с «тихарем» — разумный компромисс, если придется сработать кого-нибудь метров с десяти. Подобное проникновение — вещь достаточно

¹ «4413-6» — применен способ целеуказания по «улитке». Применяется для более точного определения местоположения объекта внутри квадрата сетки координат. Для этого квадрат на карте делится на более мелкие участки с номерами от одного до девяти. Точность такого целеуказания определяется масштабом карты. И вот такая-то сетка и называется «улиткой», где к собственным координатам квадрата дается уточнение.

обычная: все, что для такой акции нужно, так это часов десять времени, чуток везения и стальной крепости нервы. В свое время я уже проделал такой трюк, целый час прохаживаясь в вонючих духовских шмотках и горланя всякие душманские песни, поскольку пройти можно было только через их лагерь. Седых волос, конечно, прибавилось, но зато я на всю оставшуюся жизнь усвоил простую истину: нет надежной охраны, когда есть сильное желание ее преодолеть. В данном случае мне нужен был урка поздоровее, и желательно, чтобы он на некоторое время остался один.

Обогнуть базу оказалось делом непростым, потому что пришлось забираться на невысокий холм и битых два часа наблюдать за бандитской суетой, которая уже перешла с фазы «что делать?» к более простой и любимой народом — «кто виноват?». На заборе уже висела пара трупов со вспоротыми животами и без голов: урки повесили тела за ноги, нисколько не опасаясь запаха крови, который может привлечь зверье из тех, что поглупее. Поскольку уже основательно стемнело, прожектора беспорядочно шарили лучами по территории базы, а тот, что был на южной смотровой вышке, бил лучом вертикально вверх. Бандиты группками перебегали с места на место, но в их движениях не чувствовалось того накала страстей, как пару часов назад. Парни устали, в вестибюле резиденции я заметил ящик водки, стоящий прямо возле костра, разведенного в центре холла, еще было две алюминиевые фляги с кружками, привязанными к ручкам для переноски. Запаха, конечно, не чувствовалось, но скорее всего, это была брага, поскольку мудрые урки знали, что лучше пускай останется, чем не хватит. Будь я на пару сотен метров ближе, непременно бы почуял и запах конопли, потому что даже до меня доносились дружные взрывы хохота. Ждать оставалось еще часа два: потом урки расставят часовых из разряда самых трезвых, а сами разбредутся по зданию либо вырубятся прямо на местах потребления «допинга».

Охрана Борова бдела: с десятков хмурых и совершенно трезвых парней в редких для бандосов СКАПах девятой модели. Я заметил троих на посту у входа в цокольный этаж, пару на втором этаже, и еще пятеро рассредоточились по главному зданию, очевидно, перекрывая ключевые точки. Положенец забился в подвал, на короткое время отпустив вожжи. В его ситуации это был самый верный выход: пусть пар выйдет, да и надо же ему пробить по своим каналам, на кого было покушение. Не думаю, что он догадывается о настоящей цели покушения. Следовательно, на «терки» с конкурентами и выяснения с вояками уйдет еще пара часов. Думаю, что этого мне должно вполне хватить. Для инфильтрации момент получался очень удачным: план здания у меня был. Одессит снабдил меня им среди прочего, заметив, правда, что план старый.

Ветер сменил направление и теперь дул с юго-запада, но холоднее не стало: только тучи чуть быстрее побежали по небу, скрывая временами проглядывающий сквозь их толщу диск Луны. Чем дольше я размышлял над сложившейся ситуацией, тем увереннее становился в правильности своих расчетов. Прочесывание бандиты организовать толком не смогли: Боров запаниковал и всех лучших людей, составлявших костяк группировки, оттянул на обеспечение своей охраны. Разумным в его положении было только то, что урка не стал метаться и не покинул укрепленной резиденции. Будь у меня больше людей и имей я целью уничтожить Борова персонально, пришлось бы непременно заставить его свалиться из расположения, а потом подловить на фугас, в момент движения колонны. Однако чутье вора не подвело, и он принял единственно верное решение — остался на месте. Но именно это-то мне и требовалось, поскольку гоняться в одиночку за Боровом по всей Зоне мне ну никак было не с руки. Поставив по склону холмов пару самодельных мин (такие небольшие комочки пластила граммов по сто, с радиодетонаторами), я осторожно двинулся к забору, у которого сходились пути двух пеших патрулей и куда, по идее, должен был периодически светить луч прожектора с северной вышки. Но, видимо, наблюдатель на ней был другого мнения, потому что белый столб света беспорядочно шарил по равнине, иногда вообще задираясь вверх и выписывая в облаках замысловатые фигуры.

Обойдя две растяжки и грамотно поставленную противопехотную мину с нажимным датчиком цели, я почти вплотную приблизился к бетонному забору, который по периметру

окружал всю территорию бывшей автобазы. ПНВ включать не понадобилось, источников света было предостаточно: отблески костров, лучи прожекторов и просто горящие там и сям лампочки. Южная оконечность базы — это брошенная лет двадцать назад стройплощадка, так и не приведенная бандитами в хоть какое-то подобие порядка. Осторожно ощупав верхний выступ с оборванной кем-то «колючкой», я взобрался на верхнюю кромку забора и, балансируя на ней, осмотрелся. Спрыгнуть сразу на землю было бы неразумно: возле самого забора и с внутренней стороны могли стоять всякие «гремучие» гостинцы. Но вот я увидел поддон кирпича и, оттолкнувшись от кромки забора, бесшумно приземлился в самом его центре. На место прыжка тут же метнулся луч прожектора и рванул вслед за мной. Перекатом я ушел в высокий сухостой, который обступал поддон со всех сторон. Этот фокус я выучил давно: самое главное — раздвинуть стебли кустарника. Тут как при нырке в воду — нужно погасить инерцию от удара о землю всей поверхностью ладоней. Как назло, в кустах было полно всякого мусора: битого стекла, щебня и прочей острой пакости. Но перчатки уберегли: никогда не выходите без перчаток, прошитых кевларовым волокном, если собираетесь лазить по «гостеприимным» местам вроде того, в котором я оказался сейчас. Рассыпать подобный мусор — это один из самых верных способов защиты: собаки особенно хорошо возьмут кровавый след верхним чутьем, даже если удастся ни капли крови не пролить на землю и не запачкать ею одежды. Работать в такого рода защитных «прихватках» не скажу, чтобы слишком удобно: я люблю чувствовать оружие, да и руки у меня не из нежных. Но в моменты, когда нужно скакать по руинам или проходить горящее здание — можно потерпеть. Сейчас был как раз такой случай...

Луч скользнул по кустам, потом вернулся к забору и, помедлив, ушел вправо. Вроде как прокатило, иначе шарахнули бы из ПКМ, с которыми, я видел, спарены все прожектора на базе Борова. Теперь главное — найти бугая поздоровее и позаимствовать его одежду. Применять свой Дар на всех подряд гопниках я пока остерегался: кто знает, как ведут поиск пауки, а их присутствие на бандитской базе вовсе не исключалось. Да и было опасение, что сил на всех может и не хватить. Вот рухну прямо тут, на помойке, или посреди замороженных уроков, а когда их отпустит, они непременно захотят распустить незваного гостя на ленточки. Да и незачем мне это, я в состоянии справиться и старыми, проверенными методами. Я продвигался короткими перебежками в полуприседе, оставляя пустырь с северо-запада: тот хорошо просматривался из недостроенного гаража и с восточной галереи, которая связывала основное здание резиденции с достроенными, но запущенными ремонтными боксами для многотоннажного транспорта. Там постоянно ходили часовые, да и вообще — пока гульба еще полностью не прекратилась, лучше идти окружной дорогой.

Я уже добрался до северо-восточной оконечности основного здания, когда из-за угла послышались приглушенные голоса и прямо на меня вышли двое «братков», находившихся в крайне измененном состоянии сознания. Спиртовой перегар смешивался с запахом анаши, разговор шел на вечные темы вроде взаимного уважения и всемирного братства, также звучали куплеты каких-то жалостливых песен. Ребята были рослые, один вообще напоминал платяной шкаф или, скорее, резной комод. От него веяло природной силой, какая бывает в избытке у определенного сорта людей, в блатном просторечии именуемых «торпедами». Скорее всего, это повелось от определения их круга обязанностей: пошел вперед, пошел быстро. Я замер у стены, чтобы парочка хмельных прохожих прошла по правую руку от моего укрытия. Комбез, пошитый из «паутинки», надежно скрывал силуэт на фоне бетонной стены здания, оставалось только задержать дыхание и не шевелиться.

— А я говорю, эт... это... ик! Это Попович нам подляну кинул, — продолжал разговор мой кандидат на отъем одежды. — Он, после того как Боров его подвинул, уже за Кордоном в Бреднянске сидеть не хочет. Долю ему засылают малую, рулить делами из города трудно, вот и нанял кого... Ик! Ой, бя!..

— Не гунди, Шуля, — оборвал его, как я понял по интонации, менее подгруженный «горячительным» приятель. — Если услышит кто, вмиг Казаку вложат нас с тобой, а он давно Попу барабанит. Про то все знаю, да разве Казаку предъявишь? Резкий он и

отморозок, даже чурка эта немытая — Салим покойный — стерегся. Может, Казак-то всем этим кипешем и рулил. Вот куда он свалил второго дня?.. Ай, гнилой базар все это. Не наше это с тобой дело — воровской головняк разбирать. Главное, чтобы в живых остаться да смотать отсюда, ежели большой атас начнется. Это только первая ласточка была, чует мое сердце. Я подписывался лохов стричь да хабар за Кордон переправлять, а война — это не мое. Я — вор, а не мокрушник.

— Верно говоришь, братан, — поддержал приятеля Шуля. Он теперь стоял в пяти метрах от меня, тяжело оперевшись правой рукой о стену здания. — Платят нам мало, нет мазы раньше срока погибать. Ик!.. Бля, что ж это за брага такая: сколько пью, такой «приход» в первый раз...

Значит, пока все было именно так, как я и предполагал: среди простых братков запущена версия о внутренних разборках. Наверняка сейчас бандитская сеть просто гудит от сообщений. Первая кровь пролилась. Очевидно, в клановой структуре сменилась пара руководителей, и вот теперь-то и начнется самое интересное: Боров соберет самых своих толковых людей и станет выяснять, что же в действительности случилось. Не думаю, что версия с покушением на своего подручного будет в числе первых, может так получиться, что об этом вообще всерьез никто не задумается. А когда произойдет то, что я для Борова приготовил, думать будет некогда.

Подвыпившие друзья, практически падая друг на друга, миновали то место возле стены, где я затаился, и прошли метров на пять вперед. Настал «момент истины»: теперь мне нужно было как можно быстрее убрать обоих и припрятать тела, чтобы при поверхностном осмотре их не нашли патрули, которые хоть и редко, но все же курсировали по территории базы. По комплекции мне более всего подходил здоровяк Шуля, его низкорослый напарник меня не интересовал. Этот тощий вор все время тревожно водил стволом своего МП-5, да и захмелел он не так сильно, как приятель. Дождавшись, когда оба «братки» пройдут в узкий проход между стеной и ржавым остовом контейнера, я вынул пистолет из кобуры, которую по этому случаю приторочил на «разгрузке» слева под мышкой. Братки были заняты совершенно обычным для пьяниц делом: они поливали забор, изгоняя из организма излишки жидкости. Судя по запаху, доносившемуся из данного закутка, делали они это тут не в первый раз. Задача упростилась, поскольку теперь они будут выходить из импровизированного сортира по одному. Первым вышел Шуля, неожиданно сделав шаг в моем направлении. Само собой, заметить он меня не мог, просто хотел вернуться туда, откуда они с приятелем пришли: скорее всего, они оба сидели у костра в вестибюле. Насколько я помню, именно там стояли две алюминиевые фляги, о сомнительном содержимом которых только что распространялся здоровяк. Второй бандит все еще продолжал журчать. Я поднял пистолет и дважды нажал на спусковой крючок. Вопреки киношным стереотипам, человек, которому «посчастливилось» словить пулю в голову с близкого расстояния, не отлетает в сторону метра на три. Масса тела гасит инерцию, и человек, подобно марионетке, у которой обрезали все нити разом, просто оседает на том самом месте, где его застигла смерть. Шуля, еле слышно выдохнув, осел бесформенной массой на асфальт. Не тратя время на проверку, я в три прыжка очутился возле контейнера, где тощий вор уже застегивал молнию на линялых и почти черных от грязи и копоты джинсах. Еще два практически неслышных выстрела, и приятель Шули замер в некоем полуприседе: упасть до конца ему помешало узкое пространство «сортира». Его даже не придется прятать: в этой вонючей щели он был надежно скрыт от посторонних глаз. Ну, разве что кто-то еще захочет облегчиться и заметит, что мусора стало гораздо больше. Теперь нужно было снять одежду с первого покойника. Задумка была в том, чтобы напялить чужие шмотки поверх комбеза и так же быстро от них избавиться, просто распоров их ножом, когда дело будет сделано. Убрав пистолет в кобуру и осмотревшись, я оттащил тушу здоровяка Шули к коробке недостроенного гаража, где все заросло полутораметровой травой, превратившейся в сухостой. Присмотревшись внимательнее, я понял, почему сюда никто не заглядывал: это тоже была своего рода свалка, только сюда свалили трупы,

откопанные из-под обломков. Тела валялись уже обобранные и почти нагие. Видимо, пока уркам было не до похорон. Это было мне на руку: труп Шули затеряется в общей массе, и даже если его кто и хватится, то час-полтора у меня в запасе все равно имеется. Бандитские шмотки оказались мне впору, и натянул я их поверх комбеза довольно легко: просторные темно-синие стеганые штаны, похоже, никогда не знавшие стирки, сидели почти в обтяжку. Черная ветровка с капюшоном надежно скрыла остальные детали моего облачения, только «берцы» могли выдать, но при таком освещении это было маловероятно. При надвинутом на глаза капюшоне я вполне мог сойти тут за своего, единственное, что нас с бандитом отличало, так это рост — покойный был сантиметров на пятнадцать выше меня. Но в остальном получилось терпимо. Подхватив трофейный «ствол» Шули, старенький АК74 с вытертым до сероватой белизны деревянным цевьем, почти сошедшим воронением и откидным рамочным прикладом, я выпрямился во весь рост и вихляющей походкой вышел из-за угла главного здания автобазы. Противоположный, восточный угол здания в сполохах света прожекторов и колеблющемся пламени открытого огня представлял собой удручающее зрелище. Обе гранаты, пущенные Андронем, попали точно в цель: угол второго этажа и частично комната, находившаяся этажом выше, сползли вниз бесформенной грудой. Куски щебня похоронили под собой и всю восточную часть угла здания, скорее всего, крыло первого этажа и часть вестибюля теперь недоступны. Само собой, серьезно завалы никто не разбирает, бандиты просто прибрали тела, лежавшие на поверхности. Пройдет несколько дней, и тут будет стоять сладковато-удушливый запах разложения. Через неделю вообще невозможно будет дышать: от смрада станут слезиться глаза, а съеденная пища будет проситься наружу. Но если мы с Боровым придем к соглашению, думаю, все образуется: нагонят «бычков», заставят убрать мусор и выгрести останки тех, кто сейчас уже потихоньку начал разлагаться.

Нарочито пошатываясь и бормоча невнятное, я начал прогуливаться вдоль фасада, намереваясь проникнуть во внутренний двор, а оттуда за ворота второй части комплекса базы, где был единственный вход в цокольный этаж. Именно там торчали те трое часовых в СКАПах, которых я заметил еще с холма. Пройти мимо них будет трудно, а лезть через забор, не выяснив толком схему наблюдения за периметром, просто глупо, но мне было чем удивить «гвардейцев». Ведь недаром же я заложил пару хлопушек за периметром базы. Я не торопясь прошел мимо костра, послал пару привязавшихся ко мне урок, причем одному незаметно дал по шее, обеспечив ему отключку часа на полтора-два. Никто на это особого внимания не обратил — в лагере царил полный бардак. Но все изменилось, когда я попытался пройти в ворота, отделявшие вход в подземную часть базы от основных строений. Вход был только один, сейчас там стояли двое охранников, явно бывшие вояки откуда-то из стран бывшего Союза. Меня просто шуганули, даже не направляя в мою сторону оружия. У обоих были обычные АК74М с тактическими фонарями, оружие бойцы держали снятым с предохранителя. Послали меня на ломаном русском с каким-то восточным акцентом: то ли киргизы, то ли казахи. Судя по их напряженным позам и дерганым движениям, оба были на стимуляторах. Вытянув в миролюбивом жесте руки ладонями вперед, я убрался за угол и вынул подрывную машинку. Настало время сюрприза.

Взрывы получились негромкими, но создали впечатление разрыва двух наступательных гранат. Поскольку шум прозвучал из-за периметра, старший группы охраны должен был насторожиться. Сразу же по всему лагерю открыли беспорядочную стрельбу, луч южной башни беспокойно зашарил по холму, откуда прозвучали взрывы. Одновременно со всех вышек заговорили пулеметы. Длинные очереди трассеров хлестали ни в чем не повинную землю, выбивая из нее фонтаны земли и клочья сухостоя. Двое «вратарей»¹ выбежали на дорогу и стали всматриваться в сторону, куда кинулась большая часть уголовников, до этого момента шатавшихся по территории. А я незаметно проскользнул у них за спиной и спрятался за нагромождением вязанок труб большого диаметра. Одежда у меня хоть и была с

¹ «Вратарь» — презрительно-насмешливое прозвище часового на воротах КПП. Жаргон российских военных.

чужого плеча, но в сумерках неплохо скрадывала силуэт, поэтому, пошарив для проформы лучами прикрепленных к стволам фонариков с узким лучом, охранники успокоились.

Однако я рано обрадовался: со стороны строений, отстоявших от ворот метров на тридцать, быстрым шагом приближался еще один охранник. Двигался он увереннее своих коллег, к тому же на правой стороне «разгрузки» в специальном гнезде у него был приторочен радиосканер короткого радиуса действия. Это был или командир, или разводящий, но явно не ровня тем гаврикам, которых я перехитрил. Приблизившись к часовым, он поднял забрало шлема и вполголоса осведомился у подчиненных:

— Как обстановка?

— Нормально все, — отозвался тот из бойцов, что стоял ближе к вопрошавшему. Особых примет не было ни у кого из «вратарей»: оба были примерно одного роста, одинаково вооружены и экипированы. — Стремает этот палба постоянный, чиво братва так дергается? Пахан жив, а Салима я сам бы уделал, силино он борзий стал, как Боров его симотрящим поставил.

Второй часовой ничего не сказал, лишь согласно покивал головой и снова уставился в пространство за воротами, словно все остальное его мало интересовало. «Командир», как я условно окрестил вновь прибывшего, зло дернул щекой, что стало видно в отблеске пробежавшего мимо луча прожектора. Затем вся компания погрузилась в полумрак, только отблески узких лучей фонариков обозначали местоположение людей.

— Ладно, — поднял в останавливающем жесте правую руку «командир», поворачиваясь, чтобы идти обратно. — Поглядывайте тут за всем, главное, мазуриков этих обдолбанных сюда не пускайте, а то «папа» дергается, чуть Губу не пристрелил, когда тот к нему без стука войти попробовал. Хорошо еще, что Боров «датый»¹ уже был: пуля в потолок ушла, мог бы и завалить пацана наглухо. Короче, давайте без фанатизма, цинкуйте аккуратно, не палите зазря.

— Лом, — позвал разговорчивый охранник, — а симена-то когда? А то пят часа тут стоим, стираемно уже.

— Терпите, нас всего семеро, стойте до шести утра, Проня и Филипп вас поменяют. Пока кипиш не кончится, надо на стреме быть. Если это Поп нам подляну кинул, его бойцы скоро тут будут. Дня два выждут и навалятся, я Попа еще по Киренским выселкам помню: тварь он редкая, вечно втихаря да в дамки прыгнуть норовит. Держись, братва: пересидим денек, урла наша отбесится, протрезвеет, и тогда «папа» со всех спросит, кто нам этот фейерверк подставил.

«Командир» развернулся и пошел к северо-западному строению. Не знаю, что там планировали строить, но по виду — нечто вроде насосной станции. Говорят, что с год назад там был вход в секретную военную лабораторию, но после какого-то неясного несчастного случая вояки этот вход взорвали, тоннель, ведущий в него, залили бетоном, ну а Борова и его команду, само собой, шуганули. Однако они быстро вернулись, обосновавшись даже лучше, чем до инцидента с лабораторией. Подождав, когда «командир» отойдет метров на десять, а оба часовых развернутся по своим секторам, я в полуприседе двинулся следом за ним. Попутно я задействовал ПДА в режиме сканера радиочастот, дабы уточнить обстановку в периметре. Бандиты, даже тренированные и натасканные таким спецом, как Салим, вряд ли будут неукоснительно соблюдать маршруты и график патрулирования зон ответственности. Каждый в такой банде имеет червоточину, а гибель единственного человека, с мнением которого они так или иначе считались, могла только подтолкнуть к небрежности: когда вожак погибает, начинается грызня. Дисциплины в такой ситуации добиваться бесполезно.

Лом, кличку или фамилию которого озвучил часовой, свернул в полуоткрытые створки ворот в северо-западной части здания. Там он с кем-то перебросился парой слов по рации и скрылся из вида. Мурлыкнул сигнал окончания процедуры сканирования. Я забрался в темный угол между двумя поддонами кирпича и открыл панель ПДА. Бандитов на

¹ «Датый» — сильно пьяный, но еще сохранивший остатки соображения человек.

территории было пятеро, тут Лом не соврал. Двое торчали справа от входа, метрах в десяти от ворот, один перемещался на уровне трех метров над уровнем пола (скорее всего, там была какая-то надстройка), еще один замер на месте, видимо, стоял или сидел. Лом прошел в юго-восточную часть комплекса, и сигнал его прервался: очевидно, он спустился в экранированное помещение. Так... Значит, Борова надо будет добывать оттуда. Отметив точку, где пропал сигнал Лома, я спрятал коммуникатор, вынул пистолет и, приведя в негодность трофейное оружие здоровяка Шули, двинулся к воротам, совершенно не таясь, чуть вихляющей походкой. Расчет был на внезапность, поскольку положить двоих хорошо защищенных бойцов с автоматическим оружием, да еще когда ни один из них не спит и не пьян, — непростая задача. Освещение в комнате или, скорее, машинном зале было тусклым, сквозняк раскачивал светильники. «Гвардейцы», люди, как я понял, в прошлом служивые, могли действовать согласно закрепленным рефлексам: сразу бить на поражение. Но тут срабатывал психологический момент: первый пост охраны у ворот болтал с ними по короткой связи, мол, признаков нарушения режима нет. Я шел, стараясь держаться в тени восточной стены, но не крался, двигался вполне уверенно. Чаще всего в такие моменты диверсанта подводит звук, с которым он подходит к часовому. Подсознание дает часовому знать, что окружающая обстановка изменилась, он стряхивает усталость и настораживается. Пока все было в норме. Обоих «гвардейцев» я увидел еще от входа: один, присев на корточки у костра, разведенного прямо на бетонном полу, что-то в нем ворошил; второй, задрав голову, перебранивался со стоящим на железной ажурной галерее, проходящей вдоль всей восточной стены. Оба меня пока не замечали, а вот третьего я не видел сам, поэтому валить следовало сначала его, а потом разбираться с остальными двумя. Дойдя до середины зала, я дождался, когда разговор между часовыми закончится и тот, что стоял внизу, повернется к приятелю, шурующему у костра. Я шагнул влево и таким образом, чтобы «верхний» часовой оказался у меня справа, а оба «нижних» «гвардейца» оказались прямо по фронту. Часовой наверху еще не повернулся в мою сторону, расстояние до него было метров десять, до его коллег — около двадцати.

Вот парочка у костра вертит головами, один снял шлем, чтобы ожесточенно почесать коротко стриженную голову, положил его слева от себя. Его приятель все так же сосредоточенно ворошил угли... Нет, он пек картошку в золе. По себе знаю, это процесс занимательный и крайне медитативный, значит, пока парень для меня не опасен. Время медленно отсчитывает мгновения, каждая минута становится долгой, как вечность, и тяжелой, как мешок с цементом. Вот «гвардеец» наверху дошагал до конца площадки и медленно стал разворачиваться ко мне лицом. Стрелять по шлему рискованно: бронебойный патрон «грача» может его и не взять, и тогда меня ожидает провал, впятером урки меня точно задавят, выход один — бить в забрало. Армопластик, из которого его изготавливают, удержит обычную девятимиллиметровую пулю или мелкий осколок гранаты вроде «лимонки» или РГН, но против усиленного б/п моего нового пистолета ему не устоять. Это я выяснил на полигоне у Тары, когда пристреливал свой новый пистоль.

Вот часовой на галерее развернулся ко мне в фас, за стеклом шлема стали видны его прищуренные в попытке что-то рассмотреть глаза. Я дважды выстрелил и тут же перевел огонь на парочку у костра. Парню без шлема пуля попала точно в темя: он как раз наклонился, чтобы взять свой «горшок» с пола. Третий успел поднять взгляд в направлении, откуда пришла смерть. Ему тоже досталась «двойка» в лицо: одна пуля вошла в левый глаз, вторая — в переносицу. В обоих случаях бронебойная «девятка» прошла сквозь армопластик, как сквозь лист папиросной бумаги. Все действие заняло тринадцать секунд реального времени. Ни один из «гвардейцев» не успел произнести ни звука и даже вскрикнуть: выстрел в голову очень труден в исполнении, но если все получается штатно, мишень никогда не успевает подать голос. Сменив магазин и оглядевшись, я все той же уверенной походкой двинулся дальше, туда, где находились еще один часовой и сам Лом, который до сих пор скрывался где-то под землей. Связь у него должна быть только проводная: на первом посту у ворот я заметил характерной формы кабель полевого телефона,

идуший в бытовку справа от ворот. Пост там я специально обошел, так что пока он под землей, полной картины обстановки на охраняемой территории у него нет.

— Эй, чушкан, ты че тут потерял?!

Как говорится, последний труп — он вредный самый. На меня из-за угла неожиданно вывернул еще один часовой, сократив дистанцию до трех метров. Видимо, он все же что-то заподозрил и то ли от скуки, то ли по причине добросовестности решил поинтересоваться происходящим в соседнем зале. Времени на раздумья не осталось, поэтому я резко припал на колено и выпустил урке в лицо серию из пяти выстрелов и, уже вставая с пола, когда бандит уже оседал, выбил у него из рук готовый залиться твякающей очередью «калаш». Такое часто случается: срабатывает запоздалый импульс, который умерший мозг жертвы все еще посылает телу — автомат вполне мог выпасть. Бдительный «гвардеец» умер, но успев сделать попытку выполнить то, ради чего тут был поставлен. Снова реакция не подвела меня, однако чужие штаны от резких движений порвались на заднице с противным треском, который, казалось, был слышен на всю округу. Постыдного звука никто не услышал: часовой, последний из тех, кто бдел в здании, осел на бетонный пол с характерным еле слышным бульканьем, видимо, одна из пуль пробила ему глотку, войдя под подбородком.

«Треники» порвались как нельзя кстати: теперь маскарад мог только помешать. Зайдя во втором зале за сплетение труб слева от входа, я срезал вонючие шмотки покойного Шули и снова слился с бурым сумраком, который характерен для подобного рода заброшенных строений. Часто приходится слышать монологи про тоскливое настроение, которое навевают брошенные дома. Наверное, так говорят люди, никогда не жившие в деревне. Вот уж где действительно ощущаешь запустение и прямо-таки человеческую тоску по покинувшим жилье хозяевам. Городские же коробки мертвы, всегда были и на века останутся мертвым камнем. Сколько раз я бывал в Могильнике уже тут, в Зоне, и не единожды в других похожих местах, но ничего даже отдаленно сравнимого с тоской бревенчатых изб по ушедшим хозяевам в брошенных деревнях не видел... А город, даже пораженный чумной заразой всяческих проявлений нездешней природы, — это всего лишь мертвые коробки из поддельного камня, стекла и железа.

Тела часовых я сбросил в кучу строительного мусора, заполнявшего на треть техническую смотровую яму, находившуюся в самом центре первого зала. Спрыгнув следом, я откопал довольно солидный кусок рубероида и накрыл им трупы, чтобы при первичном осмотре они не сразу бросились в глаза. Труп на парапете был от входа не виден, поэтому с ним я возиться не стал. А последнего, самого ретивого, «гвардейца» я затащил за сплетение труб, где и прикрыл срезанным с себя прикидом Шули. Вот в этот-то момент Лом решил проверить посты. Времени на раздумья не оставалось, я затаился, выжидая, когда местный «начкар» выйдет из бункера на открытое место. Лом появился спустя пару минут, трясая в руках радиостанцию. Видимо, он уже говорил с караульными на КПП, но пока не понял, какой сюрприз его ожидает.

Меня тоже подвела самоуверенность: затрещала рация покойника, которого я оставил неприбранным на галерее. Лом резко утопил кнопку выключения радиосканера, отработанным движением воткнул его в «гнездо» на «разгрузке». Потом плавно перекинул автомат с плеча в руки, отщелкнув предохранитель такого же, как и у своих бойцов АК74М, только вместо тактического фонаря у Лома были «подствольник» и родной, российский же коллиматор. Медленно он стал продвигаться вперед. В какой-то момент Лом оказался слева и впереди меня. Я планировал захватить командира «гвардейцев», как отмычку к заветному укрытию Борова, поэтому убивать его сразу было нецелесообразно.

Со стороны то, что произошло потом, напоминало некую разновидность ритуального танца. Лом медленно шел вперед, держа автомат у груди, что, вопреки визуальной пропиаренной киношниками стойке «на изготовку», является наиболее уместным при ведении боя в помещении. По далеко выступающему вперед стволу оружия, к примеру, такого «спецназера» сразу вычислят. Лом же, напротив, был явно мужик с опытом и старался зайти под левый угол, чтобы выхватить позицию противника и вовремя спрятаться, на

случай, если враг будет расторопней.

Я же, в свою очередь, обходил «командира» справа, хотя дуга была значительно короче. Совсем не простая задача оглушить парня в защитном комплекте вроде СКАП. Единственным уязвимым местом была шея, что уже не раз подтверждалось прошлым опытом. Взяв трофейный «калаш» последнего часового, я подобрался к Лому на расстояние удара как раз в тот момент, когда он уже собирался выглянуть из-за угла. Удар вышел сильный, в шее у бандита что-то тревожно хрустнуло, но по характерному извиву упавшей тушки было понятно, что парень жив. Мертвые падают мешком — жизнь стремительно покидает тело, кроме того, часто слышен запах опорожненного кишечника и мочевого пузыря. Но Лом только охнул и упал ничком. Я пинком отбросил автомат главного охранника в сторону и распорол ножом его комбез в том месте, где проходили жилы кабелей системы жизнеобеспечения. Стащил с головы Лома шлем. Зрелище открылось не из приятных: лицо бандита было покрыто струпьями, свежими нарывами и клочками прораставшей черной щетины. Этот пассажир где-то хватанул убойную дозу радиации, поэтому жить ему оставалось недолго. Однако, когда я стреножил этого страхолюдного бандюка, на поясе у него обнаружилось с десятков поддерживающих жизнь артефактов. Думаю, что с ними Лом вполне комфортно протянул бы еще лет десять, как минимум. При обыске я нашел на нем пару ножей, один из которых, подобно моему НР, был спрятан в правый рукав комбеза, а второй открыто приторочен к поясу. Последним на свет появился... Дашкин «вальтер». След стал отчетливее, и теперь оставалось только привести пленного в чувство. Оттащив Лома к стене, я посадил его таким образом, чтобы видеть вход в машинный зал и одновременно держать в поле зрения провал в полу. Именно оттуда Лом вышел перед нашей, неожиданной для него, встречей. Присев рядом с бандитом на корточки, я хлопнул его по морде открытой ладонью.

— Просыпайся.

Урка дернулся и приоткрыл глаза, болезненно морщась. Я снова был в маске, поэтому он мог видеть только мои глаза. Разлепив толстые губы, он хрипло спросил:

— За бабой пришел? Дахар нас предупреждал, что ты заявишься. Но «папа» не поверил.

— Кто такой Дахар? Один из ваших новых шестилапых друзей?

— Угадал, Ступающий. — Лом осклабился, обнажая в ухмылке неожиданно ровные, белые зубы. — Дахар сказал, что ты непременно придешь девку вызволять. Поэтому «папа» ее и перепрятал. Ждушие-в-Темноте хорошо помогают нам. Они сами посоветовали не оставлять девку на базе. Это далеко, тебе не достать...

— А скажи мне, мерин ты рябой, твой Дахар рассказал, что я умею делать с такими упрямыми вроде тебя?

Страх на лице у бандита не было, видимо, меня ожидал сюрприз в виде блокировки сознания, которую я уже встречал у своего знакомого майора. Но там ее ставил Ткач, и мне удалось ее пройти. Правда, пленнику после этого пришел конец. Лом же сейчас был мне очень нужен: Боров не откроет дверь никому, кроме него, и, видимо, того бдительного парня, которого я завалил последним.

— Делай, что хочешь, а только без мазы тебе не узнать, где девка. Мне же так и так амба, сукой подышать не хочу. К тому же паук поставил защиту у меня в мозгах, ты мне ничего сделать не сможешь. — Оскал пленника приобрел злорадное выражение, видимо, он крепко надеялся на фокусы инопланетных наемников.

— Это тоже можно устроить. Но мне нужно другое, и это не потребует от тебя больших усилий, только расслабься. Очко мне твое приглянулось: сам понимаешь, так долго без женщины, даже твоя рябая морда уже ничего себе. А я и камеру настрою, готовься.

В глазах пленного мелькнуло изумление, затем понимание и лишь потом страх. Он поджал ноги и нервно задергался.

— Не... Не по понятиям это. Да и чего я тебе сдался, такой...

— А че? — нарочито небрежно начал я, расстегивая комбез. — Жопа, она и в Африке

жопа. Может, ты ничего и не скажешь, но вот запись с твоим дебютом как порнозвезды я точно уже через пару часов в общую сеть выложу. А потом пристрелю тебя, и все дела. Как думаешь, что потом про тебя братва говорить станет? «Петух»-мученик. Как звучит, а? По-моему, отличное кино получится. Тебе-то, может, и все равно будет, но вот молва нехорошая пойдет, слухи всякие. А ну как понравишься кому — сохранят запись и размножат. Посмертная слава и признание в узких кругах, это же красота!

— Не сможешь.

— А мне и не надо будет: на камеру все одно только твой голый тыл пойдет, да морду пару раз покажу, чтобы у зрителей не возникло сомнений, что жопа не твоя. А вздохи я изображу, ты можешь просто получать удовольствие. — Любый человек судит о других в меру своего личного опыта, поэтому пленный повелся на угрозу: видимо, сам не раз пользовался подобными методами, когда нужно было кого-то сломить и запугать. Только, в отличие от нынешнего случая, там все доходило до логической развязки. — Ну, готовься, время поджидает.

Лом думал не долго: уголовники, как правило, народ изобретательный. Возможно, урка хотел выпутаться по ходу дела, но меньше всего ожидал такого развития событий. Выбить допрашиваемого из колеи, заложить нестандартный финт — это была главная задача разыгранного спектакля. Думаю, что сбить установленные пауками настройки мне удалось. В прошлый раз я нарвался на программу защиты случайно. Она запустилась, как только я начал «ломать» память майора, и все было очень непросто именно потому, что я попадал в штатные, предусмотренные сектантами ловушки. Теперь же я действовал от противного: позволяя программе работать, попутно отслеживал защитные механизмы, кодовые слова, которые этот зомбированный субъект собирался активировать. Размышляя над этим казусом на досуге, я решил работать, как со сложной минной закладкой, где натыкано несколько видов датчиков. Распознавать и обходить их нас учили неплохо, а в случае с кодированием был тот же принцип: почувствовав нагрев артефакта, я сразу отступал в сторону, стараясь найти обходной путь. Ведь сейчас я не добивался от Лома ничего, на что были установлены логические ментальные блоки.

— Твоя взяла, Ступающий. — Дар чуть нагрелся, перед глазами встал морозный узор Вероятности и три красные линии в переплетении с шестью зелеными: Лом активировал кодовую фразу. — Чего ты хочешь?

— Позвони Борову, пусть откроет дверь. — Дар остался холоден, и я послал уголовнику импульс боли. Его согнуло пополам, но кричать он не мог.

— Су-у-у-ки-и! Они обещали, что боли не будет.

— Ну, не огорчайся, это только начало. — Очевидно, пауки сплели бандитам басню про то, что ставят им нечто вроде абсолютной пси-защиты от моей атаки. Значит, скоро я стану совсем «знаменит». Черт, как это все не вовремя!..

Следующий импульс был намного сильнее, бандит распластался на полу, словно раздавленный червь. Сейчас его мозг закипал от невыносимой боли, казалось, объявшей все его тело. Спасения от нее не было, крик из парализованного горла не выходил, а сознание не могло отключиться, позволив сбежать в спасительное забытие обморока. Но дольше продолжать было опасно, поэтому я его отпустил. Охотник был прав, с людьми все получалось значительно проще и без особых энергозатрат: голова осталась ясной, кровотечения не было, даже сил не убавилось. Как только я убрал импульс, тело бандита обмякло, расслабилось.

— Ну, что теперь скажешь, нравится экскурсия?

— Че... Чего тебе надо? Все сделаю, только отпусти. Убей сразу.

— Это еще надо заслужить, приятель. Ты готов пойти со мной к Борову, без всяких своих хитростей? Помни: я их почувствую, а то состояние, что ты испытал, — только начало путешествия в боль. Ты веришь мне?

Измотанный пленник согласно мотнул головой, на губах у него выступила желтая пена. Он не понимал, как мне удалось обойти защиту пауков, его страх ассоциировался только со

мной. Развязав ему руки и подняв на ноги, я молча указал стволом пистолета на провал в полу.

— Веди. Но помни: обманешь, и смерть твоя будет длиться объективно пару секунд, но для тебя это будет вечность. Не финти, дружок.

Лом побрел к провалу, и с каждым шагом походка его становилась все увереннее. На ходу он утер пелену с губ и вполне стал похож на себя прежнего. Само собой, контроль над ним я не ослаблял, порой такие «пассажиры» склонны выкидывать совершенно неожиданные фортели. Но что-то говорило мне, что на этот раз все пройдет штатно. Продвигались мы осторожно, при этом я сохранял дистанцию между собой и пленным. Ровно три метра. Пистолет я держал у бедра, чтобы в случае чего Лом не смог сбить линию прицела и уйти из сектора огня.

Вниз вела лестница в четыре пролета, оканчивающаяся длинным, метров семь, тоннелем, освещаемым весьма скудно: горели от силы треть ламп, вместо остальных зияли пустые гнезда патронов. Я послал пленному импульс боли, он остановился и застонал.

— Где «сюрприз», родной?

— Чисто тут все!.. «Папа» только у двери в бункер пароль спросит, да на фотокарточку в камеру поглядит. Нет подлянок тут, бля буду, нету ничего. Пусти!..

Дар лишь слегка нагрелся. Бандит боялся и надеялся кликнуть Борова у двери, ведь полевая труба связи, скорее всего, внутри той норы, куда мы идем. Но это ход предсказуемый, мне есть что ответить и на него.

— Ну, веди дальше, время дорого. Шевелись.

Коридор поворачивал влево и заканчивался бронированной дверью овальной формы. Слева в верхнем углу был установлен цилиндр камеры наблюдения. Красный глазок горел, значит, камера в активном режиме. Я замер за углом, придав пленнику ускорение пинком под зад. Чуть не упав на покрытый тонким слоем пыли и мелким щебнем бетонный пол, Лом двинулся дальше. Надо было видеть, какой злобой и радостью буквально осветилось лицо пленного. Забыв про все, он рванул к двери, но тут же замер, а потом лицо его словно застыло. Как я уже и говорил, ход был предсказуем, поэтому взять под частичный контроль искалеченный разум бандита особого труда не составило. Теперь, испытывая с трудом переносимую боль, Лом деревянной походкой зашагал к интеркому, который размещался справа от двери в бункер. Негнувшись пальцем Лом нажал кнопку переговорного устройства. Сквозь шум помех из динамика раздался раздраженный голос Борова. Раз десять до этого я слушал бандитскую волну. Этот характерный сиплый бас ни с каким другим голосом уже не перепутаешь, если хоть единожды слышал его.

— Че надо опять?

— Пахан, — начал пленный, — ключ от оружейки дай. За периметром у шоссе народ какой-то трется. «Граники» нужны, да к пулемету «цинка» два.

— А те три, что ты на смену брал, куда делись?.. Да и гранатометы тебе зачем? Шуганите этот сброд с вышек. Верняк, это оборвыши из коды Беса озоруют: как их хитрожопого атамана шлепнули, совсем нюх потеряли, фраера непуганные.

Вот так: урка что-то почувал или просто страхуется? Похоже, дверь придется открывать по старинке, только вот хватит ли тех трехсот граммов эластита, чтобы прожечь запоры? Но Лом меня опередил, видимо, страх перед болью был очень велик. Повывсив голос до истерического визга, он выпалил целую тираду:

— Слушай, Боров! Ты, конечно, бугор и все такое... Но мы уже один раз прощелкали, до сих пор хлебаем. Или ты мне сейчас ключ даешь, или я собираю свою бригаду и сваливаю! Сиди тут со своими мазуриками один. Я во второй раз в блудняк не впишусь. Сам все разгуливай, понял?!

Такого спектакля даже я не ожидал, и поэтому решил несколько скорректировать план относительно Борова. Меж тем, послышалось ровное гудение, видимо, дверь была на замках с электромоторами. Дальше я действовал быстро: Лому послал мощный болевой импульс, а сам в два прыжка оказался с ним рядом и втолкнул ничего не соображающего от боли братка

внутри комнаты.

Там было светло как днем, стены увешаны коврами, а пол покрыт ламинатом. Чисто гитлеровское «волчье логово» в миниатюре. У стены напротив входа — длинный письменный стол и резное кресло. Справа от него — проход в другую комнату, но там свет не горел. Не глядя, я ударил рукоятью пистолета в лоб того, кто выскочил из-за стола нам навстречу. Человек рухнул с глухим стуком, утонув в густом ворсе красного ковра посреди комнаты. Лом сам повалился ничком и не шевелился. Теперь будет в отключке минут двадцать. Я быстро, но внимательно осмотрел помещение: похоже, кроме нас троих тут никого не было. Бункер представлял собой квадратное помещение из двух комнат, ближняя к выходу — это, скорее всего, спальня, о чем говорила роскошная двуспальная кровать, сейчас неприбранная. Войдя снова в кабинет, я заметил, что Лом изменил позу. Видимо, очнулся и снова хочет попытать счастья. Нарочито небрежно я подошел к урке на расстояние, с которого ничто не мешало ему броситься на меня, что он и проделал. Мне нужно было только отступить влево и сломать ему два ребра одним ударом кулака. Комбез комбезом, но перчатки-то у меня имели накладки из полимерного сплава, поэтому хруст ломающихся костей был отчетливо слышен. С криком Лом снова упал на ковер и оттуда изрыгнул почти трехминутную матерную, довольно виртуозную комбинацию. Потом попытался вскочить, но снова вынужден был опуститься на пол.

— Не вставай пока. Позже поговорим.

— Сука, — только и смог выдавить Лом, ползком добравшись до стены. Прислонился к ней спиной и затих, вроде как признавая, что от его придумок хуже становится только ему.

Я же занялся оглушенным положенцем. Видимо, приложил его слишком сильно, потому что приходить в себя он пока не собирался. Впрочем, связать и привести Борова в чувство было делом пяти минут. Я часто видел это худое, костистое лицо на снимках, и теперь трудно было привыкнуть к тому, что вот он, главный уголовный авторитет в Зоне, сидит на полу собственного кабинета, связанный, и наконец-то я смогу обменять его на любимую женщину.

Прислонив положенца к стене возле входа в бункер, я пнул бандита в брюхо, чтобы привести его в чувство. Боров вздрогнул и открыл глаза. Взгляд его некоторое время блуждал по комнате, видимо, урка получил легкое сотрясение мозга и никак не мог понять, что же произошло. Чтобы не дать ему опомниться, я снова пнул его под дых и начал разговор самым проникновенным тоном, на какой был способен.

— Ну, здравствуй, Семенчук Петро Власьевич, сорок девятого года рождения, трижды судимый, детей нет. Ты про меня тоже наверняка слышал. — Тут я сделал паузу, чтобы удостовериться, что Боров действительно понимает то, что я ему говорю. — А вот теперь довелось и свидеться.

— Бабу свою ты только мертвой теперь получишь.

В ответ я без замаха пнул бандита в морду, отчего губы у него лопнули, а нос чуть скопился набок.

— Про обмен мы еще поговорим, Семенчук. Всеу свое время. Пока меня интересует лаз, который ты, крыса, где-то тут замаскировал. И говорить надо быстро, поскольку нам с тобой еще в путь неблизкий отправляться. Так где дверка, ты говоришь?

— Хитрый. — Боров явно решил потянуть время. — Как про лаз узнал?..

Я послал урке концентрированный импульс боли, вроде того, которым чуть раньше успел «насладиться» Лом.

— Снова неправильный ответ, Семенчук. Я спрашивал про то, где он, а не про то, кто мне про дверь рассказал.

Все это я говорил под аккомпанемент хрипов и судорожного бульканья, которое издавал «авторитет». Конвульсии сотрясали его тело, и он почти загибался в обратную дугу, показывая чудеса пластики. Наконец я отпустил пленного, и он сразу обмяк и жалобно заскулил.

— Так где дверка-то, Петро Власьевич? Или дальше будем в инквизицию играть?

Времени у меня не так чтобы очень много, но на твою продолжительную и болезненную кончину я посмотреть успею, а дверь так и так найду. Короче, решай сам: если договоримся мирно — будешь жить, слово свое даю.

Боров начал было угрожать и крыть меня всякими нехорошими словами, проявляя, впрочем, довольно низкую изобретательность. Видимо, он никогда особо в ругательствах силен не был, однако, испытав еще один кратковременный, но более сильный приступ чистой, незамутненной боли, сдался.

— В кабинете, под ковром, люк железный... Там через первый горизонт лаборатории идти надо... Ход безопасный, на северную дорогу почти выходит. Че теперь делать будешь? Мои так и так тебя разыщут, спрятаться не выйдет, служивый.

— А я все-таки попробую, вдруг да угадаю со схроном. Да и ты со мной вместе пойдешь, приятеля, вон, твоего тоже захватим. Ладно, оденься тепло, харчей в дорогу не бери, пойдем быстро, на обеды останавливаться не будем. Советую без фортелей — накажу.

Еще когда все это планировалось, я заинтересовался историей места, где сейчас квартировал Боров со товарищи. Примерно с год назад была тут крупная заваруха, когда некий старатель в одиночку пробрался на еще плохо тогда обжитую бандитами территорию. По странному стечению обстоятельств, тот смельчак нарвался на самого Борова и чуть не пристрелил местного «корлеоне». Вернее, Боров сам пустил слух о своей кончине, чтобы провернуть под шумок пару дел. Дальнейшие события все излагают по-разному, сходясь только в одном: лабораторию вскрыли, и тем, кто в ней обосновались после эвакуации научного персонала, проникновение неизвестного гостя совсем не понравилось. Потом пришли вояки, был большой бой, и на некоторое время база пришла в запустение, пока Боров не собрал новую команду и не отбил местечко обратно. Положенец учел прошлые ошибки и на этот раз не стал экономить на охране и строителях. Устроившись основательно, Боров и его люди почти вросли в местную землю. Поэтому логично предположить, что умный, битый жизнью и имеющий за плечами в общей сложности двадцать лет лагерей, Семенчук не станет загонять себя в угол, прячась в подземной коробке с одним выходом. Говоря про потайной ход, я блефовал. Само собой, запасным планом было прорваться за периметр, пользуясь паникой, но тогда пришлось бы долго и мучительно петлять, путая след. Вот я и остановил свой выбор на более безопасном плане отхода.

Вышли мы уже втроем, поскольку на Лома у меня образовались некие планы на случай, если Боров окажется слишком упрямым. Связав обоих пленников нейлоновым шнуром, я заставил каждого из них снять ботинки и положил в каждый по кусочку гравия. Надо было исключить возможность нештатных действий со стороны моих подопечных, а когда в подошву впивается острый предмет, особо не побежишь.

Лаз представлял собой колодец, уходящий под землю метра на четыре, куда надо было спускаться по витой железной лестнице. Боров походя щелкнул большим выключателем, когда мы достигли дна колодца, вспыхнул неяркий желтый свет, который давали пыльные лампы промышленного освещения, забранные в толстостенные решетчатые плафоны. Построившись в шеренгу, мы двинулись вперед: Боров впереди, за ним Лом и замыкающим я, с веревкой, притороченной к поясу. Понукать пленников особо не пришлось — хоть коридор и был прямым, почти без резких поворотов, но что-то зловещее и тревожное витало в воздухе. По мере того, как мы продвигались вперед, я на всякий случай отмечал ориентиры. Постепенно мне стал понятен нервный настрой Борова и его подручного: коридор был искусственным, его создали уже внутри каких-то других коммуникационных тоннелей, видимо, чтобы то, что было в лаборатории, уже с гарантией не смогло бы проникнуть внутрь. О том, сколько людей урки положили при постройке, даже не хотелось думать. После трех часов хода мы без приключений выбрались на свежий воздух. Я глянул на часы — было шесть тридцать семь утра среды. До точки randevu идти оставалось примерно сорок пять часов относительно быстрым шагом. Я сверился с картой и задал направление на северо-запад: так мы обогнем осиротевшее разбойничье гнездо и окажемся под прикрытием довольно густой лесополосы, тянущейся с юго-востока на север Зоны.

Места это были небезопасные, но точка встречи находилась именно там. По пути следовало навестить схрон с оружием, где я оставил автомат и боеприпасы. Место будет засвечено, но я уверен, что ни Боров, ни его подручный не будут настолько наивны, чтобы предположить, будто бы я еще раз воспользуюсь этим местом для хранения чего-либо.

Одному мне переговоры с братвой не потянуть, а теперь есть реальный шанс не только вернуть Дашу, но и получить некое влияние на группировку Борова. Есть нечто такое, что любой амбициозный и достаточно беспринципный человек ценит часто гораздо выше собственной жизни и репутации, и это — власть над другими людьми, возможность распоряжаться чужими жизнями, карать и миловать. Именно это я и хотел предложить Лому в обмен на мир. Кроме того, тогда появлялся реальный рычаг давления на этого хитрого и, без всякого сомнения, опасного бандюка. Но это подождет до того времени, когда мы выйдем на место ночевки, то есть часов через шесть. Там, с глазу на глаз, можно будет и поговорить с начальником охраны Борова. Думаю, что мое предложение придется ему по душе.

К захоронке мы вышли уже спустя сорок минут. Я приторочил пленников спиной друг к другу у разных деревьев так, чтобы слышать, если бандиты захотят пообщаться. На землю пал туман, в его густом, похожем на овсяный кисель мареве любое слово или звук отчетливо будут слышны. Затем я навестил тайник и подготовил все к взрыву. Место засвечено, сюда больше возвращаться нельзя. За то время, пока я довооружался, оба пленника не произнесли ни звука. Правда, Боров жалобно стонал, видимо я слишком сильно приложил его по лбу. Снова связав обоих пленников, я жестом указал направление, и мы быстрым шагом двинулись к месту встречи. Я сообщил Норду, чтобы двигался сразу к деревне. В плане подготовки такого мероприятия, как затевавшийся обмен, я доверял Юрису полностью.

Местность кишела всякой живностью, пару раз пришлось отгонять стайку слепых собак, чувявших страх обоих пленников. Но после того, как я пристрелил жоака, собаки отстали и вернулись к трупам товарища, чтобы сожрать его и начать дележку освободившейся вакансии. От бандитской базы с запада нас надежно прикрывал невысокий горный хребет, тянувшийся на северо-восток километров на десять. Лесополоса напоминала обычный лес, но чувствовалось, что в свое время тут поработал человек: иссохшие, перекрученные деревья росли слишком правильно и были почти все одного возраста. Шли мы по узкой тропинке, петляющей среди черных, совершенно не похожих на живые, деревьев. Лес в Зоне вообще не подчиняется никаким законам природы, общее ощущение от него можно охарактеризовать как «застывший и ждущий чего-то». Затаившаяся внутри каждой последней травинки жизнь, казалось, только ожидала сигнала к пробуждению. Что мешало в этом странном месте смене времен года и каким образом небо почти всегда оставалось пасмурным, так никто и не выяснил. Как и многие другие вопросы, на эти тоже ни у кого не было ответов, окружающий мир либо принимаешь таким, какой он есть, либо ищешь себе другое место под солнцем. Многие из тех, кого я тут встречал, говорили о некоем денежном минимуме, который им нужен, чтобы свалить отсюда и отправиться куда-то еще, где, по их мнению, рай земной и море водки с озерами пива и плавающей в них воблой. Проходило какое-то время, старатели пропадали за «колючкой», подняв достаточное количество хабара и... возвращались обратно, максимум через пару недель. Многие, страшно выпучив глаза, плели байки о некой «магии Зоны», якобы метившей бродяг и заставлявшей их возвращаться. Но все это были просто отговорки. Мир обычных людей очень жесток к тем, кто живет по законам войны. Инстинкты говорят тебе одно, а уголовный кодекс и подводные течения, скрывающие острые рифы подвохов обыденности, — совершенно другое: будь как все, не выделяйся. Глотай обиды, помалкивай, а унижение будет чем-то вроде постоянного захребетного паразита, причиняющего нестерпимую душевную боль. Иначе минимум, что тебе светит — это лет семь тюрьмы за вооруженный разбой или «пятнашка» за убийство с причинением «особо тяжких». Как ни парадоксально это звучит, но мне, как человеку, сумевшему выжить и там, и там, мир обычных людей кажется гораздо опасней. В этом мире не важно, насколько быстро ты умеешь убивать или как хорошо маскируешься. У мирян всегда есть способы тебя

отыскать и вычислить. Мне повезло в том плане, что, помимо боевой подготовки, нам давали навыки оперативной работы в глубоком тылу. Стать незаметным на «гражданке» было моей главной боевой задачей, и мне удалось успешно ее выполнить: я ни разу не нарушил закон так, чтобы меня поймали, ни единым словом или поступком не вызвал неудовольствия начальства или коллег. Разве что меня считали слишком замкнутым и флегматичным, но за все годы мирной жизни я только один раз побывал в КПЗ, да и то этот случай пошел мне на пользу, так как его следствием стало знакомство с Ник-Ником. А потом я попал сюда. С детства я запомнил одну вещь: у каждого человека есть место в этом мире, нужно только прислушиваться к себе, искать в окружающем пространстве знаки и приметы, которые приведут тебя туда, где ты будешь дома.

Как только вижу серое, с сизыми подушками облаков небо Зоны, сразу вспоминаю своего приятеля, соседа по площадке. В армейку нас забирали одновременно, только он всеми правдами и неправдами отбрыкивался и хотел остаться на «гражданке». Звали его Серега. Меня занесло в сержантскую школу, а потом в мою родную часть, откуда я и начал свой путь, к которому, как оказалось, стремился изначально, только не всегда это осознавал. Серегу загребли в мотострелки. Сначала от него приходили письма, каждый месяц я получал штуки две. Другими мы никогда особо не были, скорее, такие отношения можно назвать приятельскими, слишком уж по-разному мы смотрели на мир и его законы. Но скоро письма перестали приходить. Отношения заглохли, и я встретился с приятелем только через пять лет, когда он по контракту уезжал в Чечню. Будучи в отпуске в своем теперешнем звании, я заехал навестить маму. Отец к тому времени снова уехал в какую-то экспедицию на Алтай, на раскопки очередных могил. Он всегда злился, когда у нас затевался старый спор по поводу целесообразности разорения захоронений и выставления костей покойных под стеклом в музее. Я считал, что не следует тревожить умерших, а уж тем более выставять их останки на всеобщее обозрение. К счастью, в тот раз спора не вышло и, благополучно отдав сыновний долг, я бодро вышел из подъезда и направился к автобусной остановке.

— Тоха! Васильев, ты? — внезапно услышал я оклик.

Конечно, я сразу узнал приятеля, хотя теперь это был уже совсем другой человек. Лицо приобрело тот красноватый оттенок, какой бывает у пьяниц. Глаза водянистые, вместо четырех нижних передних зубов — фиксы¹, походка стала более уверенной, но добавилась легкая хромота. Радости по поводу встречи я не испытал, скорее — любопытство и настороженность. Тем не менее, мы пожали друг другу руки и обнялись. Потом вернулись в подъезд и поднялись в Серегину квартиру. Он теперь жил с девчонкой, которую я раньше видел на одной из школьных вечеринок, она была на два класса младше нас. Помню, что звали ее Неля, это была высокая, немного грузноватая девушка с громким, взрослым голосом, главной деталью ее внешности можно считать удивительно чистые и наивные голубые глаза. В остальном — ничего особенного. Серега усадил меня за стол, выпили, закусили крупно нарезанными помидорами с луком и молодым картофелем с постным маслом. Жил Серега бедно, но, после третьей фазы розлива, посвятил меня в свой план быстрого обогащения. Он торопливо рассказал мне, как вышел на вербовщика и какие заработки сулит служба в горячей точке.

— Прикинь, Тоха: можно за месяц поллимона поднять...

— А ты в курсе, что там стреляют и можно пролететь мимо денег или потратить их все на лекарства? Брось, Серый, ты же отличный шофер, можешь зарабатывать и без этого...

— Завидуешь?

В глазах приятеля появилось не знакомое мне раньше выражение злобы: он явно обиделся, что я не разделяю его стремления разбогатеть на войне.

— Да чему тут завидовать, просто сомневаюсь, что дело выгорит. Это не твое, Серега, слишком там все отличается от того, что ты видел в армейке на действительной...

— Пошел ты!..

¹ Фикса — жаргонное название зубного протеза, коронки из дешевого металла «под золото».

Сергеа вскочил из-за стола и замахнулся, намереваясь провести хук слева в голову. Я вовремя успел перехватить его довольно внушительный кулак, взял на болевой, стол опрокинулся. Надо ли говорить, что дело закончилось тем, что я просто ушел, извинившись перед Нелей за безобразную сцену и пару разбитых тарелок. Но девушка не рассердилась, сказав на прощание, что из всех друзей ее мужа я единственный, кто пытался, пусть неуклюже, но отговорить его от контракта. Дав свой номер почты, через который к нам в подразделение шла пересылка всей корреспонденции, я уехал. Серега вернулся из Чечни с простреленным легким и выглядел как натуральный бомж, поскольку ни денег на проезд домой, ни даже новой повседневной формы ему в госпитале после выписки не выдали. Насобирав из того, что было на вещевом складе, потом все пришлось выкинуть — вещички были так себе: частью с чужого плеча, частью почти утиль...

Добрался он до дома только через месяц, а «боевые» так и не получил, поскольку в ведомостях части и подразделения, где он служил, не было отметок о его участии в боевых действиях. Он все время повторял срывающимся от обиды голосом:

— Не было тебя там, говорят!.. Бумажки в морду тычут, а я все капитана из финчасти помню, что предлагал поделить на тридцать: тогда, мол, и деньги получишь, и как белый человек на самолете домой улетишь... Сука, рыло свинячье!..

Потом все было, как обычно, — суды, комиссии и наконец — разбой и тюрьма. Приятель просто вломился в продуктовый ларек с припасенной со службы боевой «эфкой». Был он еще и в сильном подпитии. Повязали их с новым корешем, таким же алконавтом, через пару часов. С тех пор Серега так и не вырвался из этого порочного круга, так точно описанного в одном комедийном фильме: «Украл — выпил — в тюрьму». Страшный этот образ жизни загубил не только его, но и Нелю, и их дочурку, которая из-за травмы головы перестала разговаривать, замкнулась в себе, старалась спрятаться, как только слышала звук чьего-либо голоса. С Серегой мы потом виделись еще пару раз, но это был разговор двух иностранцев: ничего, кроме самобичевания, переходившего в плач по загубленной жизни, я от моего приятеля не услышал. Неля спилась, не выдержав побоев от мужа и нищеты, а маленькую Танюшу забрали к себе в деревню Нелины родители. Поэтому, когда я смотрю на здешнее небо, то вспоминаю Серегу и тех многих парней, которым было не место на войне. Перед любым человеком лежит множество дорог и много дверей, которые можно открыть. Если правильно читать знаки судьбы, то непременно пойдешь верной дорогой, которая приведет к заветному порогу, за которым и есть твоя земля, твое место под солнцем.

Постепенно стемнело, идти по тропе становилось все труднее. Я сверился с картой: если взять южнее и сойти с тропы, то метрах в двухстах от нее была небольшая поляна, вполне подходившая для привала. Объяснив пленникам, что будет привал, я сменил направление, и уже через полчаса мы были на месте. Костер я запретил разводить, раздав пленным уркам только по пятьдесят граммов воды. Лом держался неплохо, видимо, еще не успел разжиреть на командирской должности, а вот Боров был никакой: он даже воду только расплескал, выпив едва полглотка. Но тут уже ничего не поделаешь: если положенец будет совсем плох, придется держать его на стимуляторах до обмена. Ну, а коли загнется уже у своих, то это будучи не мои проблемы.

Неожиданно сознание царапнул импульс мыслеобраза: я, сидящий в темноте, и двое пленников. Потом картина изменилась и... передо мной оказался Охотник. Появился побратим, как всегда, эффектно. Последовавшие за этим события произошли одновременно, от этого все вышло даже слишком сумбурно и чуть комично, если вы любите черный юмор. Пленники заметили моего побратима не сразу: как только Охотник вышел из режима маскировки, его со спины узрел Лом. Урка шарахнулся было в панике, но, забыв про связанные ноги, рухнул мордой в траву. Боров сначала увидел падение своего охранника и лишь потом — кровохлёба. Он хрипло завопил и покатился в заросли шиповника. Чертыхнувшись и показав побратиму кулак, я с трудом приволок обоих бандитов на их прежние места.

— Тихо! Этот кровохлёб ничего вам пока не сделает, к тому же они не питаются

падалью. Сидите тихо оба, а то подрежу языки и сломаю по пальцу на ноге.

Перестав дергаться, пленники замерли, боясь даже шелохнуться. Я их понимаю: увидеть самое опасное существо в здешних краях так близко от себя — многовато для одного дня. Меж тем Охотник сел на корточки так, чтобы видеть и меня, и пленников. От побратима исходила волна теплоты и грусти — он явно был рад встрече, но все эти мутные пророчества, о которых говорил в прошлый раз Видящий, тяготили его. Общались мы мысленно, поэтому пленники, замершие подобно одеревеневшим статуям, нас не слышали. Со стороны наша с Охотником беседа выглядела, как если бы мы с кровохлёбом просто сидели рядом, не произнося ни слова.

— БРАТ СНОВА ВЗЯЛ ДОБРУЮ ДОБЫЧУ. Я СМОТРЕЛ, ТЫ БЫСТРО ДВИГАЛСЯ.
— Охотник окрасил мыслеобраз удовлетворением с оттенком иронии.

— Само собой, как у тебя пока не получается.

— ЭТО НЕВОЗМОЖНО. ЛЮДИ, ДАЖЕ ТАКИЕ КАК ТЫ, НИКОГДА НЕ СРАВНЯТСЯ С ИЗМЕНЯЮЩИМИ В СКОРОСТИ. НО Я ПРИШЕЛ ГОВОРИТЬ О ДРУГОМ.

— Знаю. Близится развязка, я это тоже чувствую. Ты все еще не веришь, что можно переписать узор?

— НЕЛЬЗЯ ИЗМЕНИТЬ ТО, ЧТО ДОЛЖНО СЛУЧИТЬСЯ. Я ГОВОРИЛ: НЕ ВАЖНО, КТО ИЗ НАС УМРЕТ. ПОЛЕ СЛЕДУЮЩЕЙ ОХОТЫ БУДЕТ ТОЛЬКО ПОЛЕМ ОДНОГО ПРОТИВ МНОГИХ. ЭТО НЕИЗМЕННО: ТАКОВ НАШ С ТОБОЙ ПУТЬ, БРАТ.

На этот раз мысли побратима читались как грустные, но с оттенком удовлетворения, может быть, от сознания, что близкая смерть будет не напрасной. Я кивнул, соглашаясь. В конце концов, каждый из нас верил в свои пророчества. Мое верование было самым банальным: только само событие даст прямой ответ через действия участников, а заранее думать о проигрыше значит уже наполовину дать противнику одержать верх. Мне хотелось удивить Судьбу, разорвать паутину, сплетенную странными существами из той материи, которая никому не покоряется насовсем. Мне виделось, что Ткачи слишком уж самоуверенно полагаются на свои знания, которые видятся им полным абсолютом. Думаю, что не следует недооценивать противника, каким бы уязвимым и слабым он ни казался на первый взгляд. Любой поворот дороги может открыть новые горизонты. Во всяком случае, я не собирался молча идти на заклание, я всегда привык бороться до достижения полной ясности. Больше всего не люблю думать об упущенных возможностях.

Кивнув, я продолжил:

— Не будем спорить, посмотрим, что случится. Сейчас мне нужна твоя помощь при снятии блоков у этих двоих, — я указал на дрожащих от страха урок. — Дашу нужно быстро вытаскивать, а пауки поставили хитрую защиту. Что можно сделать?

— ПУТЫ ИХ СОЗНАНИЯ ЗАВЯЗАНЫ НА ОДИН ОБРАЗ. НАЙДИ ЕГО И СПРЯЧЬ. ИЛИ ЗАМЕНИ СВОИМ. ТОГДА ЭТИ РАБЫ БУДУТ СЛУШАТЬСЯ ТОЛЬКО ТЕБЯ. ЭТО СЛОЖНО, НО У НАС ЕСТЬ НЕМНОГО ВРЕМЕНИ. КТО ИЗ НИХ НУЖЕН ТЕБЕ БОЛЬШЕ?

— Старый. Тот, что помоложе, большой роли не играет, но с ним было бы легче договориться в будущем. Старый нужен для обмена.

— ПОГОВОРИ С МОЛОДЫМ, ПООБЕЩАЙ ЕМУ ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ПУТ ПАУКОВ И ВЛАСТЬ НАД ЕГО СОРОДИЧАМИ С РИСУНКАМИ НА КОЖЕ. ЕСЛИ ОН НЕ СТАНЕТ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ — СОХРАНИМ ОБОИХ, УЗНАЕМ РИСУНОК СЕТИ, ТОГДА СТАРИКА ПРОСТО РАЗВЯЖЕМ БЫСТРЕЕ, БЕЗ РИСКА УБИТЬ.

— Хорошо, давай попробуем. Какой образ мне искать?

— МОЛОДОЙ РАБ САМ ТЕБЕ ПОДСКАЖЕТ, ЕСЛИ СОГЛАСИТСЯ ДОБРОВОЛЬНО СНЯТЬ ПУТЫ ЖДУЩИХ-В-ТЕМНОТЕ.

Дело неожиданно приняло выгодный оборот: вербовка Лома могла существенно облегчить дальнейшую работу по обмену. Да и на будущее: новый, пусть и временный, «положенец» одной из самых крупных группировок Зоны на моей короткой привязи —

огромная удача. Само собой, Лом не та фигура, которую достаточно долго будут терпеть воры за «колючкой» на месте смотрящего. Думаю, что только на тот срок, пока не подыщут более авторитетную фигуру из своей среды. Но я собирался дать будущему агенту в руки очень существенные козыри для торговли с ворами.

Охотник остался на месте, даже не изменив позы, а я поднялся и, оттащив Лома подальше от его впавшего в ступор хозяина, прислонил боевика к стволу дерева и сел напротив. Страх все еще плескался на дне глаз бандита, но самообладание уже частично вернулось к нему. Чуть помедлив, я начал разговор.

— Времени у нас мало, поэтому давай сразу к делу: я могу предложить тебе две вещи. Одна из них — это жизнь, а вторая — власть. Причем власть реальная, даже ваши «тузы» из-за «колючки» будут вынуждены считаться с тобой.

На лице уголовника ни один мускул не дрогнул: он понял, что я не шучу, и прикидывал, есть ли шанс выкрутиться. Но замаячившая перспектива не только выжить, но и подняться наверх по воровской лестнице сделала Лома не очень внимательным. Именно на этом и строился весь расчет. Помолчав, он заговорил, осторожно выбирая слова. Не паясничая, спокойно и без надрыва.

— Даже если я соглашусь, пауки быстро меня расколуют и сдадут нашим. А те показательно на лоскуты порежут.

— Ты видишь моего друга, там, на краю поляны? — мотнул я головой на неподвижную фигуру побратима. — Он поможет мне снять блокировку пауков. Все, что от тебя нужно, — это согласиться на мое предложение, и тогда ты — король местного преступного мира.

Лом был не из тех уголовников, что нервно дергаются и постоянно психуют. Это был тертый жизнью рецидивист, явно с военным прошлым. Молчал он недолго — было очевидно, что он уже мой.

— Ладно, что ты предлагаешь конкретно, Ступающий? Учти: бабу твою только Боров вынуть может, меня братва слушать не станет, самого на ленточки попластают.

— Не думай о плохом, все образуется. Говори быстрее: согласен или нет?

— Ладно, впишусь. Какой расклад?

— Все просто, но сначала нужно снять блокировку, иначе ты превратишься в овощ. Сиди тихо и расслабься. Вот пока и все.

Лом кивнул и замер. Охотник, не сходя со своего места, начал давать указания. Согласно им, все работало чуть иначе, нежели во время поединка с мозгоедом: основной принцип был не посылать боль, а почуять страх, исходящий из подсознания жертвы. Именно по наличию страха, по его неповторимому оттенку красного цвета, Изменяющие находили свою добычу или наносили решающий удар в поединке с равным или более сильным противником.

Ощущения трудно описать словами. Все подернулось багровым туманом, с черными и синими пятнами. Знакомые контуры и очертания фигур исчезли, уступив место танцу красных, малиновых и иногда фиолетово-черных теней.

— ИЩИ ФИОЛЕТОВУЮ ТЕНЬ, ПОХОЖУЮ НА ЖДУЩЕГО-В-ТЕМНОТЕ. — Голос Охотника эхом отдавался в сознании, исчезли скрипучие интонации, появившиеся во время обычного разговора, когда побратим использовал свой плохо приспособленный для этих целей речевой аппарат. — ТЕНЬ БУДЕТ ПРЯТАТЬСЯ, НЕ УПУСТИ ЕЕ. ВРЕМЕНИ НЕ ТАК МНОГО: КАК ТОЛЬКО ТЕНЬ ПОЙМЕТ. ЧТО ТЫ ИЩЕШЬ ЕЕ, МОЗГ РАБА СГОРИТ, А ТЕБЯ ОТБРОСИТ НАЗАД. ИЩИ, Я БУДУ НАПРАВЛЯТЬ.

Ничего похожего мне раньше испытывать не доводилось. От ощущения блуждания в пространстве, где нет понятий вроде «верх» или «низ», сначала было не по себе. Тени, казалось, свивались в клубки, словно змеи, или стайками разлетались в стороны при моем приближении. Но вот мелькнули знакомые очертания шестипалого силуэта. Я укрылся в красном мареве, выжидая, когда паук покажется полностью. Фиолетовый фантом не двигался, покачиваясь в пространстве. Нет, это была ловчая сеть: теперь я ясно видел тонкие нити, опутывающие все вокруг. А сам я висел совсем рядом с одной такой нитью, метрах в

десяти, если к тому месту, где я очутился, можно применить обычную систему измерения. Теперь все замерло, паук в центре сети вяло шевелил холицерами, чуть дергая то одну, то другую нить.

— ТЕПЕРЬ СКОНЦЕНТРИРУЙСЯ И ПРЕДСТАВЬ В РУКАХ ОРУЖИЕ.

— Какого типа?

— ТО, КАКОЕ ТЕБЕ БОЛЬШЕ НРАВИТСЯ И ПРИВЫЧНО В ОБРАЩЕНИИ. ПОТОМ АТАКУЙ. ПАУК ДОЛЖЕН ИСЧЕЗНУТЬ. СЕЙЧАС!

Я не раздумывал: вскинул пистолет и выстрелил фантому в голову пять раз. Тень дернулась, я услышал крик Лома, который до этого был погружен побратимом в транс и связан, для верности.

Но паук не умер. Фиолетовая тень быстро сориентировалась, и вот уже тварь шустро приближалась ко мне, припадая на левый бок. Все-таки я его задел!.. Я продолжал вести огонь, так, чтобы воображаемые пули попадали в голову, где размещались мозг и глаза инопланетного наемника. Но все было тщетно — вот уже фиолетовый, с черными нитями прожилок по всему телу паук снова, как тогда, на Пустоши, поднялся на дыбы и занес для удара две передние лапы...

— НОЖ! БЕЙ ЕГО КЛИНКОМ, КОТОРЫЙ НОСИШЬ ВСЕГДА С СОБОЙ!..

Я выхватил НР, с перекатом метнулся вперед и в последней фазе движения ударил ножом прямо в аморфное сплетение черного и фиолетового, как раз в то место, где у настоящего паука должно быть брюхо. Я бил и бил, пока не понял, что просто пластаю пустое пространство перед собой. Фантом растаял.

— ОТЛИЧНО, БРАТ! ТЕПЕРЬ СТРАЖ МЕРТВ И НАМ НАДО ЗАМЕНИТЬ ЕГО НА НОВОГО. КАКОЙ ЗВЕРЬ ТЕБЕ ПО ДУШЕ?

— Волк. — Я отправил мыслеобраз Охотнику. — Мне нравится полярный волк.

— ХОРОШО. СТРАННЫЙ ЗВЕРЬ, ТАКОЙ ЖЕ ОХОТНИК, КАК И МЫ С ТОБОЙ. ПОЗОВИ ЕГО СЮДА.

Я представил себе полярного белого волка, которого видел в природных условиях всего раз в жизни. И вот белая тень скользнула в фиолетовый сумрак, и все разительно изменилось: появился ландшафт. Фиолетовое и черное исчезло из разума погруженного в транс уловщика. Теперь это была типичная полярная пустыня, какой я ее помнил. Тень хищника обрела форму и объем и посмотрела на меня светящимися изнутри голубыми, как лед под солнцем, глазами. Тени и неярко рассеянный свет играли на белом, чуть с желтиной, мехе зверя. Задрал голову к черному, с оранжевыми точками звезд небу, волк издал пронзительный вой. Затем повернулся всем корпусом ко мне и уставился прямо в душу долгим взглядом бездонных, совершенно синих глаз, испускающих внутренний свет. Ощущение узнавания, тепла и радости наполнило мое сознание, стало удивительно спокойно и радостно на душе.

— ТЕПЕРЬ ЭТОТ ЗВЕРЬ НЕ ДАСТ РАБУ ДАЖЕ ЗАМЫСЛИТЬ ЗЛО ПРОТИВ ТЕБЯ. ОН БУДЕТ ДРАТЬСЯ СО ВСЯКИМ, КОГО НЕ УЗНАЕТ. ЭТО СИЛЬНЫЙ ОБРАЗ, ЗВЕРЬ БУДЕТ ХОРОШИМ СТОРОЖЕМ. ПОЙДЕМ ОТСЮДА, ПУСТЬ РАБ СПИТ. ТЕПЕРЬ ОН ТВОЙ.

Волк вскочил и длинными прыжками понесся по равнине в сторону горных пиков на горизонте. Мираж растаял, я снова очутился в лесу, рядом с телом Лома, который с удивительно умиротворенным выражением лица похрапывал.

— РАЗВЯЖИ ЕГО, ТЕПЕРЬ ОН НЕ ОПАСЕН. ПОПРОБУЙ УБИТЬ ВТОРОГО СТРАЖА. НО НЕ ПОДМЕНЯЙ ЕГО В СОЗНАНИИ СТАРОГО РАБА СВОИМ ОБРАЗОМ, РАБ МОЖЕТ НЕ ВЫДЕРЖАТЬ. ПРОСТО ОТДАЙ ПРИКАЗ НИ О ЧЕМ НЕ ДУМАТЬ, А МОЛОДОМУ РАБУ СКАЖИ СЛОВО, ЛЮБОЕ, КАКОЕ ЗАХОЧЕШЬ. И ТОГДА СТАРЫЙ РАБ, УСЛЫШАВ ЕГО ОТ МОЛОДОГО, САМ СТАНЕТ ИСКАТЬ СМЕРТИ.

Убить второго стража было и проще, и труднее одновременно: слабый, исковерканный разум Борова представлял собой некое подобие штормящего моря. Течениями и завихрениями меня кидало из стороны в сторону. Но и Стражу было непросто, поскольку его

паутина тряслась и сигнальные нити все время рвались то в одном, то в другом месте. На этот раз я не стал заморачиваться и просто прыгнул на занятого починкой сети Стража сверху и тремя точными ударами ножа рассеял его.

— ТЕПЕРЬ ДОЖДИСЬ, КОГДА ЦЕНТР ПАУТИНЫ РАСПАДЕТСЯ И ИСЧЕЗНЕТ. НЕ УПУСТИ ЭТОТ МОМЕНТ, И КОГДА ОН НАСТАНЕТ — ГОВОРИ СЛОВО!

Фиолетово-черный сумрак таял, вместе с ним исчезала и сеть. Прошло, кажется, около тысячи лет ожидания, прежде чем центр паутины сначала слабо замерцал, а потом растаял вовсе...

— СЕЙЧАС!..

— Туз червей!

Я произнес первое, что пришло мне в голову, и все вокруг засветилось всеми оттенками красного и багрового цветов. А потом в пространстве стали мерцать и появляться... игральные карты. Те самые червонные тузы, образ которых я так четко представил себе. Потом свет померк, и я снова оказался на поляне. Охотник уже был рядом, сел напротив меня, скрестив ноги по-турецки. От побратима исходила волна довольства и гордости, он даже чуть подался вперед, видимо, ища сходство между нами: насколько, по его ощущениям, мои действия походили на работу чистокровного Изменяющего.

— Что теперь?

— НАДО ЖДАТЬ. ТЕПЕРЬ ОНИ ПРИДУТ В СЕБЯ. СТАРЫЙ РАБ НИЧЕГО НЕ БУДЕТ ДЕЛАТЬ САМ, ПОКА ТЫ ЕМУ НЕ РАЗРЕШИШЬ. МОЛОДОМУ НАДО ПРОСТО ПРИКАЗАТЬ, ОН СДЕЛАЕТ ВСЕ ТАК, КАК БУДТО ЭТО ЕГО СОКРОВЕННЫЕ ЖЕЛАНИЯ. ТЫ БЫСТРО УЧИШЬСЯ. ТЕПЕРЬ МОЖЕШЬ ВХОДИТЬ В РАЗУМ ЛЮДЕЙ БЕЗ ПОСТОРОННИХ.

Поднявшись с земли, я подошел к Борову и чувствительно пнул его в бок. Тот со стоном и кряхтением сел, потирая затекшие руки. Я спросил:

— Боров, где «общак»? Отметь на карте, покажи ловушки и «секретки», если есть. Быстро!

Одной из причин, по которой уголовники сочтут возможным обмен своего лидера на Дашу, была особенность клановой структуры подобных групп. Казна, или, как ее блатные зовут чаще всего, «общак», хранилась в одном или нескольких местах, о которых знал только сам главарь и лишь несколько близких ему людей. В нашем случае я точно знал одно: про кубышку было известно только двоим — собственно Борову и покойному Салиму.

— Не... Не...

— Лучше не зли меня, говори.

Боров часто закивал головой, вытянул руку вперед, шевеля пальцами в синих «перстнях»-наколках. Догадавшись, что ему нужно, я передал пленному ПДА с развернутой заранее картой Зоны. Боров, поколдовав над картой пару минут, отдал мне коммуникатор. Казна была спрятана на территории Янтая и довольно замысловато замаскирована под остовом старой цистерны-молоковоза. Сохранив координаты и схемы минных полей, я спрятал ПДА в карман «разгрузки». Теперь начиналось самое интересное. Лом тоже пришел в себя и приплясывал у костра, разминая ноги. Побратима наши пленники вообще перестали замечать, будто бы его и не было тут вовсе. Обернувшись ко мне, Лом протянул мне руку, словно мы с ним сдружились за это время. Ответив на рукопожатие, я жестом пригласил его отойти на противоположный край поляны. Невменяемый «положенец», хоть и был безопасен, но лучше, чтобы он знал как можно меньше подробностей нашего разговора. Сделав тон своего голоса как можно более доверительным, я начал вторую фазу вербовки, которая теперь была значительно упрощена снятием блокировки пауков.

— Лом, теперь ты вернешься на свою базу и скажешь, что Боров похищен, что ты преследовал похитителей и сумел договориться об обмене. А сейчас подойди к нему и узнай, где он прячет Дашу. Потом приведи ее вот сюда. — Я отметил координаты на юго-западной окраине деревни, которую все звали по-разному, чаще — просто Брошенная деревня, поскольку место было хоть и спокойное, но уж слишком близко оно находилось от Черного

Провала, куда вообще никто не совался уже более восьми лет.

Люди и техника исчезали, заходя вглубь территории Провала более, чем на километр, и больше никто про них ничего не слышал. Были тут места, откуда все же удавалось выбраться и рассказать о том, что творится внутри той или иной части Зоны, но вот Провал такого шанса людям еще ни разу не предоставил. Поэтому все обходили это место стороной, иногда останавливаясь по соседству, в той самой Брошенной деревне, чтобы пересидеть Волну в подвале единственной там кирпичной трехэтажки.

— Потом произведем обмен, в пятницу, не позднее 15:30. А после этого я сброшу тебе на ПДА кодовое слово и координаты «общака». Боров, как только ты это слово скажешь, будет искать смерти, а ты быстро войдешь в авторитет, поскольку скажешь ворам за «колючкой», что «положенец» только тебе доверил тайну казны. Понял?

— Да. — Лом повернулся было, чтобы уйти, но все же спросил: — А че сам «папу» про бабу не спросишь, да и не заберешь ее?

— Меня там ждут и, скорее всего, «погасят», как только появлюсь. А ты просто придешь со своими верными людьми и заберешь девушку. Скажи, если кто пойдет за вами, что просто перепрыгнешь ее понадежнее, а меня ты сам лично грохнул, а девушку забираешь для себя. Должно сработать. Не бойся, на месте обмена я и мои люди будем вас с девушкой страховать. Еще вопросы?

— Не. Теперь все пучком, кореш. Так я пойду?

— И побыстрее, времени, чтобы добраться до своих и привести девушку, у тебя всего около двадцати часов.

Лом кивнул и зашагал прочь, уверенно выдерживая направление на базу группировки уголовников. Думаю, часов через десять он будет там. Боров продолжал сидеть на прежнем месте, разглядывая что-то в чаще леса. Ему было хорошо и совсем плевать, что происходит вокруг. Мы с Охотником попрощались, и побратим исчез, перейдя в «стелс». Уверен, что по-настоящему мой кровный брат так никогда и не уходит, он всегда рядом, готовый прикрыть и выручить. Я обвязал Борова тросом вокруг талии, чтобы он не отставал, и, чуть подергивая веревку, направился к точке встречи с Нордом. Идти было уже не так далеко, хотя лес, каким он стал после катаклизма, вообще был не то чтобы враждебен человеку. Просто находиться в нем теперь было делом некомфортным, даже для меня, большую часть жизни бегавшего по лесам, горам и болотам. Чувство тревоги и взгляда в спину почти никогда не отпускали тут, даже когда не было ни одной живой души окрест.

3.1

Встреча прошла нормально. Юрис разместил людей в трех домах на северо-западе и юго-востоке, таким образом, нас трудно было обойти с флангов и штурмоопасных направлений: северо-запад стерег выздоровевший Михай, по словам Юриса, быстро освоивший новое оружие и показавший отличный результат на полигоне. Северо-западное направление было самым опасным: холмы и остатки сельскохозяйственных построек создавали по крайней мере десяток мертвых зон в этом секторе. Небольшими группами противник легко мог выйти на расстояние, достаточное для рывка в периметр. Юго-восток стерег Денис. Андрон и настоявший на своем участии Слон взяли на себя функции группы прикрытия, разместившись в тылу и избрав для позиции одиноко стоявшую на окраине заброшенную постройку, по виду — коровник. Сам Юрис страховал центр, постоянно отслеживая по развернутой в подвале трехэтажки рации все известные каналы связи как вояк, так и отдельных более-менее крупных групп старателей. Тут же мы посадили в угол пленного Борова, который сразу уснул. Юрис был снова встревожен. Это становилось заметно, когда он теребил ремешок, на котором был пристегнут его талисман — первая пуля. Ее Норд вырезал из тела убитого им духа, который сам был снайпером и долго охотился на моего друга. Почти три месяца они играли в прятки, устраивая друг другу ловушки и всякие подставы, пока я не предложил сыграть роль живца. Нацепил форму, одолженную у комбата

наших мотострелков — майора Зубова, и долго ездил на штабном «козелке». Духовский стрелок клюнул почти сразу, а Юрис его выследил и приложил мастерски. Пуля его штатной СВДхи вошла духу в правый глаз, когда тот целился в узик со мной на пассажирском сиденье. Потом Юрис выковырял чуть помятую пулю из духовского чеклана. С тех пор мой снайпер не сделал ни одного промаха. Он говорил, что душа убитого духа бережет его от осечки и неверного решения. Может, это и брехня, но змеиное спокойствие да редкое самообладание сделали Юриса легендой среди коллег по цеху. Но сейчас это был совсем другой человек. Нет, он был как всегда собран, и я точно знаю, что рука у него не дрогнет и глаз все так же верен. Тут дело в другом: как и в случае с пакостной духовской засадой в ущелье, о котором я раньше упоминал, сейчас у нас обоих, почти одновременно, возникло чувство близкой беды. Хотя сектора перекрыты, эфир трещит от посторонних переговоров, все идет штатно, пакостное предчувствие ноет и, словно сверло, проедает левый висок, и дергает простреленное плечо.

— Опять какая-то хрень намечается, командир. Только где подвох, понять не могу, все прошарил оптикой, сам раза три исползал всю округу и по сантиметру отсмотрел тот пригорок, где обмен будет, и подходы к нему. Ни черта не чувствую...

Латыш с досадой отпустил шнурок, на котором крепился талисман, и заглянул мне в глаза, как бы ища опровержение своим страхам. Что я мог ему сказать, если и сам ощущал угрозу всей кожей, но вот определить, в чем дело, мне никак не удавалось, хоть ты тресни? Тут пискнул ПДА, от Лома пришло сообщение. Они с Дашей уже в десяти часах ходу от места встречи. Отжав тангенту, я дал два длинных и один короткий тон на рабочей частоте. Все номера отстучали, что бдят, Юрис пошел на второй этаж, чтобы лично прикрывать меня во время обмена. Я вышел из дома и, низко пригибаясь, занял позицию в густом кустарнике, что окаймлял небольшую рощу, отстоявшую от места randevu метров на двести и вплотную примыкавшую к заросшим бурьяном огородам крайних изб. Тут будет удобно отступать, если вдруг что-то пойдет не штатно. Облака неожиданно рассеялись, и сквозь их толстое покрывало показались бледно-голубой кусочек неба и непривычно яркое вечернее солнце. Все один к одному: предчувствие снова кольнуло в плечо, рука на мгновение онемела, пальцы не слушались. Так: вдох — выдох, расслабление. Вдох — выдох, напрягаемся... Чувствительность конечности потихоньку восстановилась, пальцы вновь стали слушаться приказов мозга. Вроде полегчало...

А вот и они: четверо, насколько я различал без оптики, замерли также метрах в двухстах от точки обмена. Я тоном дал сигнал, рядом мгновенно очутился Слон, волоча за ворот грязноватой кожанки нашего заложника, и передал его мне. Беспокойно оглядевшись, Слон зашептал:

— Слышь, земляк, давай я пойду, стремно на душе как-то...

— Нет. Даша будет меньше теряться, если чего не так пойдет. Должен идти я. Ты страхуй, как договорились: примешь ее тут, ни на шаг не отпускай, сразу уходите. Я догоню.

— Ладно, тогда давай крути шарманку.

Мы с Боровом вышли на открытое место и попели к холмику, который просматривался со всех сторон. «Положенец» шел медленно, мне даже приходилось его поддерживать под локоть. Лом вел идущую довольно бодро девушку, сердце у меня сжалось, однако на лице это отразилось такой гримасой, что мой «ведомый», глянув на меня, замычал от страха. Наконец мы дошли до вершины и остановились на пяточке метров десяти в окружности. Даша, казалось, сама тащила Лома вперед, он чуть придерживал ее за плечо, чтобы не вызвать подозрений у своих подручных, угрюмо дожидавшихся в отдалении и нервно водивших стволами в разные стоны. Бандиты тоже вели себя странно. Похоже, беспокойство, словно заразная болезнь, распространяющаяся с невероятной скоростью, поразила также и наших противников. Между тем Лом и моя храбрая воительница уже стояли напротив меня. Даша не скрывала радости, мы буквально впились друг в друга глазами. Я выискивал изменения в Дашином облике: не ранена ли, не больна ли и вообще. Чувство, когда обретаешь вновь то, что казалось почти потерянным, описать невозможно.

Лом подтолкнул девушку ко мне, а я отпустил ничего не соображающего Борова. Главарь уголовников чуть ли не упал на руки к своему охраннику.

— Координаты и слово получишь, когда отойдешь к своим. Теперь руль у тебя, Лом. Прощай.

— Бывай, кореш! Без кидалова только, а то меня и так неласково приняли.

— Не бойсь, я свое слово держу.

Обняв дрожащую девушку за худенькие плечи и вдыхая аромат ее пропахших дымом волос, я почти передал пакетный сигнал на ПДА Лома.

Внезапно чувство опасности заставило меня прижать Дашу к себе. Крутанувшись на месте, я отбросил ее и автомат далеко в сторону. В следующее мгновение острая боль пронзила все тело, лишив возможности двигаться. Рухнув на траву, я успел увидеть черную тушу паука. Инопланетянин дождался обмена и, сняв маскировку, нанес удар. Но на сей раз это было нечто необычное: я был затянут в медленно сжимающийся кокон тончайшей паутины, которая должна была, по задумке Ждущего-в-Темноте, захватить нас с Дашей обоих.

— Я обещал тебе, самозванец, что мы встретимся. Клан Ждущих держит свое слово. Твоя женщина сейчас...

Договорить он не успел. Справа паука атаковал вышедший из «стелса» Охотник. Противники сшиблись: Охотник кружил вокруг паука, нанося точные, неотразимые удары когтями. Я чувствовал, как брат пытается пробить ментальный щит, окружавший паука, словно кокон. По сути, бой шёл в двух плоскостях: физической и ментальной, постоянно ускоряясь. Скорость схватки возросла настолько, что я почти ничего не мог различить. Мой комбез трещал, автоматные магазины и сбруя «разгрузки» расплзались: паучья сеть, сжимаясь, буквально разрезала на мне одежду, лопались даже бронепластины. Головой я не шевелил. Единственное, что я сумел — это крикнуть девушке:

— Даша, беги! Забирай автомат и беги к нашим. В деревню беги! Быстрее, Охотник долго паука не удержит. Беги-и-и!..

Может, я и не произносил ничего вслух — мысли и слова путались, обгоняя друг друга. Дернувшись еще пару раз, я снова крикнул:

— Беги, беги к деревне!.. Слышишь меня?!

Ответа не было. Паук перебирал лапами, наверное путь к деревне был для девушки отрезан. Чувство собственного бессилия стало всеобъемлющим. Нити стягивающей меня сети сжимались все сильнее.

Ребята, скорее всего, уже снимались с позиций и спешили на помощь. Но здесь все происходило слишком быстро. Вот паук пронзил грудь побратима мощным ударом обеих передних лап, закованных в броню. Изменяющего можно убить, лишь пронзив оба его сердца. Инопланетная тварь несомненно об этом знала. Как говорил Вещий Путь, пауки вчетвером положили пятнадцать его бойцов, сильнейших из всего племени Изменяющих. Сеть продолжала меня давить, и я услышал собственный хриплый крик: нити впились в руки и голову, кровь стала заливать лицо. Тут послышались отдаленные хлопки, паук пару раз дернулся и развернулся куда-то вправо, а ведь именно в ту сторону я оттолкнул Дашу. Чужой вдруг дернулся и отступил: я услышал знакомый голос своего автомата. Умница ты моя: взяла «коврушу» и теперь не подпускает паука к себе, выигрывая время для спешащих на выручку ребят. Понятно, почему молчат автоматы и пулемет: боясь зацепить девушку, бойцы хотят подойти ближе, а из «снайперок» садят Норд и Денис.

Но вот паук снова пошел вперед, и на этот раз вместо стука затвора я услышал только щелчок бойка. Магазины были только в «разгрузке», а «тридцатка» не бесконечна. Паук заворчал и стал бросаться из стороны в сторону, видимо, мои снайпера делали свою работу на совесть, сбивая курс его атаки. Я первый раз в жизни горячо молился, чтобы мою жизнь взяли в обмен на шанс для любимой, пусть хоть самый призрачный и малый... Потом я услышал тихий, почти неслышный вскрик. Все в душе оборвалось, я дернулся из опутывающей меня сети, желание было только одно: рвать эту чертову тварь зубами, чтобы

она захлебнулась моей и своей кровью...

В следующее мгновение на поляну влетели мои артельщики в полном составе, задержался только Андрон, но вскоре и он выбежал на холм. Все утонуло в грохоте, паука буквально нафаршировали свинцом. Сеть, стягивавшая меня, ослабла, почернела, съежилась и опала. Видимо, со смертью хозяина она утрачивала свои свойства и тоже не жила. Я вскочил и бросился к девушке. Даша лежала на боку, повернув голову в сторону туши мертвого инопланетянина и лежащего чуть правее побратима. Паук пробил девушке правое легкое, второй удар пришелся под сердце. Даша умирала. Я поднял ее на руки, понес и опустил рядом с телом брата.

Склонившись над обоими, я понял, что потерял семью. Неожиданно Даша моргнула и открыла глаза. Тут же я оказался рядом, чтобы расслышать то, что она шептала, глотая выступающие на губах кровавые пузыри. Голос был таким родным и таким тихим:

— Мы... встретились, я же говорила.

— Я убью их всех. Обещаю тебе. — Слова зло вырывались из самой глубины враз почерневшей души. — Никто не уйдет...

— Кровь, у тебя кровь на лице...

Даша подняла правую руку и с видимым усилием прижала свои, тоже окровавленные, пальцы к моим губам.

Вы когда-нибудь ощущали кровь любимого человека на своих губах? Видели, как угасает в нем жизнь, как живые краски медленно сбегает с дорогого лица?.. А вот мне довелось. Душа разрывалась на части, и каждый кусочек вопил от боли. Меня учили справляться с телесной болью, но с этой я ничего не мог поделать. Даша снова подалась мне навстречу, и я услышал фразу, которую она буквально вытолкнула из себя, стараясь донести то, что переживала сейчас, чем в последние мгновения хотела поделиться:

— Ни о чем не жалею. Я была счастлива с тобой, Антон. Ты мое счастье... Навсегда.

— Я...

— Молчи. Обещай, что тоже не будешь жалеть. Обещай!

Голос подружки стал требовательным. Ей это было важно, и я ее понимал, поэтому согласно кивнул:

— Да. Обещаю тебе, — хотя не верил в то, что говорю, и не знал, смогу ли выполнить обещание.

— Хорошо. До встречи. Я люблю тебя. — Улыбка осветила лицо девушки. — Счастье... Ты мое единственное счастье.

— Не уходи!.. — Я сжал Дашину руку, ослабевшую и начавшую холодеть, всю перепачканную в нашей с ней крови. Так хотелось удержать, не отпускать ее, словно объятия могли остановить смерть.

Ответом был только тихий глубокий вздох. Она ушла. Улыбка пропала, лицо заострилось и побледнело. Счастье, бывшее таким полным и всеобъемлющим, растворилось в равнодушных лучах солнца, а голубое, почти белое небо только подчеркивало ту малость, которую человек и его проблемы представляют для мира в целом. Одним человеком больше, одним меньше: замершее вращение земной оси и угасший смысл жизни — это проблемы только этого конкретного малюсенького существа. Родилось оно или умерло, исчезло или появилось — какая разница? Человеческие масштабы ничтожны для Вселенной, хотя для каждого из нас потеря близкого человека — это и есть конец света.

Охотник умер мгновенно, фиолетовая кожа, покрытая шрамами, почернела, глаза ввалились. Он в последний раз прикрыл мою спину, его долг был уплачен. А вот мой перед ним и Дашей подскочил до заоблачных высот. Пророчество сбылось, моя семья была мертва, брат и любимая ушли, я не смог их защитить.

Месть... Может, она успокоит мою совесть, но уж точно не возместит потерь. Поднявшись с колен и удалив с глаз ставшую запекаться коркой кровь, я посмотрел вокруг. Мои бойцы рассредоточились по поляне. Норд исчез, видимо, искал след или какой-нибудь намек на то, как такая огромная туша вроде Ждущего-в-Темноте могла просочиться в

полностью просматриваемый сектор. Группа работала. Хоть что-то мне удастся в этой жизни. Но теперь было не время искать следы и мстить, сначала следовало отдать дань мертвым.

— Группа, внимание! — Голос мой хрипел и был почти неузнаваем, но все разом обернулись ко мне. — Новая вводная. Операция провалена, скоро тут может быть еще опасней. Построение походное, тела берем с собой, своих не бросаем. Ноль Второй, — я вызвал Юриса на командной частоте, — возвращайся.

Юрис откликнулся сразу, и вскоре я увидел его, рысью выбегающего с той стороны леса, куда скрылись уголовники. Он подошел ко мне, чтобы объяснить что-то, но я жестом остановил его.

— Надо уходить. Подставу было не просчитать, в идеале никто из нас не должен был отсюда уйти. Быстро сворачиваемся. Для всего есть свое время и место. Сейчас нужно уходить. Вперед, старший сержант!

Юрис подобрался, кивнул. Тела мы завернули в найденные в одном из сараев деревни куски брезента и, распределив ношу, двинулись к базе. Дашу я нес сам, не чувствуя тяжести, крепко прижав хрупкое тело к груди.

Солнце скрылось так же неожиданно, как и появилось. Набежали тучи, небо опять стало таким, каким я уже привык видеть его здесь: пасмурным, с приглушенными полутонами серого. Блеск ненавистного мне светила перестал резать глаза, и я снова и снова вглядывался в заострившиеся черты бледного Дашиного лица. Капельки дождя смыли пятна крови, черты разгладились, боль их уже не искажала. Утерев влагу с мертвого лица и поправив волосы девушки, я запахнул кусок брезента, в который было завернуто тело, чтобы дождь не беспокоил мою любимую...

Идти пришлось на северо-восток, огибая Темную долину, чтобы, миновав зону ответственности бандитских патрулей, выйти к третьему аванпосту «Альфы» уже на рассвете, в воскресенье. Мой комбез пришел в абсолютную негодность после схватки с пауком: нити ловчей сети местами прорезали защитный слой до теплоизолирующей прокладки, а местами допели и до тела, оставив саднящие порезы. Но хуже всего было то обстоятельство, что теперь у меня был только один магазин к автомату плюс шестьдесят четыре патрона россыпью в гранатном подсумке и нож, который, по счастью, не пострадал. Пистолет просто разрубило пополам, а ПДА вышел из строя, хорошо хоть накопитель данных коммуникатора остался невредим, пострадали только экран и устройство ввода. Какое-то время связь еще работала, но стоило мне пройти пару метров, как коммуникатор окончательно издох, и я остался без связи. Костюм потерял часть своих мимикрирующих свойств и теперь не так быстро менял цвет. Случись какая стычка с преследователями, и группе с тяжелым грузом и со мной, почти безоружным и без связи, придется очень кисло. Норд отправил Андрона с Михаем в головной дозор, а сам подхватил концы импровизированных носилок, на которых лежали останки Охотника. Менялись все по очереди, но тело Даши нес я сам, не выпуская его из рук. Так прошло около двенадцати часов, мы двигались в полтора раза медленнее, чем требовалось, однако темп все равно был приличным, хоть и пришлось два раза останавливаться, чтобы перевести дух и свериться с текущей обстановкой.

Картина, которую мы получали на ставший «командирским» ПДА Норда, была ожидаемо тревожной: шесть групп старателей, чью принадлежность к какой-либо из известных группировок определить с уверенностью было нельзя, крутились возле места схватки. Еще три, численностью от пяти до двенадцати человек каждая, по спирали прочесывали окрестности в направлениях север-северо-восток и юго-запад. Кодированный характер переговоров не позволял определить, кто это, но стойкое ощущение, что загонщики пришли по нашу душу, не покидало меня ни на секунду. Спустил еще два часа, когда окончательно стемнело, мы сменили направление и очутились в роще, состоявшей едва ли из десятка деревьев, видимо, тут когда-то был небольшой парк. Сквозь пожухлую траву то там,

то здесь виднелись куски асфальта, а в центре рощи обнаружилась чаша небольшого фонтана. По идее, ничто не указывало на наличие дорог в таком месте, как это. Создавалось впечатление, что мы снова оказались на территории пространственной аномалии. Хотя кто может быть уверенным в постоянстве любой мелочи в таком странном месте, как Зона отчуждения? Зыбкость всего и вся, даже, казалось бы, таких незыблемых вещей, как топография давно изученного района, была тут чем-то совершенно обычным. Поэтому не стоит расслабляться и надо сверять с шестым чувством каждый свой шаг и поступок, иначе человека может постигнуть участь куда как хуже, чем просто смерть.

Внимательно изучив карту, я понял, что если мы не ускоримся и не прорвемся к рассвету сквозь сужающееся кольцо облавы, то через двенадцать часов с небольшим нас окружают и перебьют. Я в плен сдаваться не собирался и не этому учил своих людей. Все они знали, что наш удел — бой до последнего.

Нужно было либо выбрать хорошую позицию и занять круговую оборону, чтобы дорого спросить с врага за свои жизни, либо избавиться от тел и, ускорившись, уйти в отрыв. И то и другое противоречило кодексу, который я перенял от своего главного наставника — капитана Шубина. Требовалось найти третий путь. Я его и искал... И не находил. Решение пришло ко мне само собой: давно, еще когда я служил в одной горной республике, нас прижали в горах. Патроны и вода были на исходе. Нас осталось шестеро, четверо, включая меня самого, были ранены, один мертв, и мы, сменяясь поочередно, несли тело, ставшее вдвое тяжелее. В тот раз причина не оборудовать могилу товарищу была вполне прозаична: духи выкопают покойника и, надругавшись над телом, скинут останки нашего товарища в пропасть. По их законам, тело неверного следует расчленить, чтобы дух покойника не нашел дороги в рай, став неприкаянным скитальцем. Но есть среди бандитов и такие, кому просто скучно. А издевательства, хоть над мертвым, хоть над живым, — это что-то вроде развлечения, поскольку других аттракционов тут нет.

Мы тогда держали оборону в пастушьей хижине, где у нас, кроме дров, роль которых исполнял сушеный помет скота, спрессованный в неровные брикеты, было еще с десятков разбитых на щепу снарядных ящиков. Дерево в тех местах — небывалая роскошь, сам сколько раз выменивал на старые оконные рамы и те же ящики из-под боекомплекта всякую всячину: отличные кроссовки, бытовую технику и прочее, что контрабандисты тянули с той стороны границы. Командир собрал нас и объяснил ситуацию: либо подышаем, либо устраиваем Самсонову, так звали убитого радиста, похороны в стиле древних викингов. Костер получился знатный, тело сгорело дотла, хотя воздух в горах особенный — все очень плохо горит. Дым рассеивался, теряясь в скальных расщелинах, восточный ветер, утягивая едкий дым, заставлял его стелиться низко по земле. Тело товарища духам на поругание не досталось.

Ситуация, в которой мы оказались сейчас, немногим отличалось от того случая в горах. Тела Даши и Охотника нельзя было просто зарыть в землю. Я чувствовал, что это будет неправильно по отношению к близким мне людям. В то же время необходимо было спасти тех, кто мне доверял, и вывести группу без потерь. Что бы ни случилось, никогда нельзя подводить никого, вне зависимости от того, жив он или уже нет. Если зарыть Дашу и побратима в отравленную землю Зоны, кто поручится, что после очередного выверта местной природы оба они не превратятся в нечто вроде тех неупокоенных, которых нам доводилось встречать тут во множестве? Более того, я чувствовал, что некто только и ждет случая, чтобы побольнее ткнуть в мою еще свежую рану. Враг обязательно будет искать тела.

С усилием я поднялся и пошел к телам, лежавшим в стороне от костра. Даша как будто спала, а побратим... Даже когда кровохлёб был жив, он мало чем походил на существо, способное к каким-либо проявлениям эмоций, а сейчас его тело вообще казалось высеченным из цельной каменной глыбы подобно идолу забытой ныне религии. Я встал рядом с погибшими на колени. Силился припомнить слова какой-нибудь молитвы, но ничего

кроме: «Господи, будь с ними добр, они лучшее, что было в моей жизни», в голову не приходило. На душе было мерзко, в груди поселился мертвенный холод, словно кто-то вогнал мне лошадиную дозу новокаина, а сверху присыпал все доброй тонной льда. Поднявшись на ноги, я внезапно ощутил знакомое присутствие. Тяжко и холодно — самое отвратительное сочетание. Подняв глаза, я увидел в пяти шагах перед собой Видящего Путь и троих Изменяющих из его свиты. Вождь племени сделал шаг вперед и заговорил:

— В книге Пути сказано, что Ступающий потеряет семью. Но там не сказано, что он сам будет ее хоронить.

— Я не смог уберечь ни любовь, ни дружбу, а значит, не заслуживаю и права на скорбь?

Слова вырывались из самой глубины души, но лишь закончив фразу, я понял, что не отдам тела. Сзади послышался нарочито громкий лязг, оглянувшись, я увидел, что вся моя группа собралась вместе, недвусмысленно поднимая оружие. Но исход боя был предопределен: кровохлёбы были сильнее нас, и не играло роли, что их четверо. Количество не всегда определяет качество.

— Мы лишь за соблюдение традиций, Антон. Никто не оспаривает твоего права на скорбь по близким. А что касается, заслужил или нет... Думаю, что скоро ты узнаешь это сам. Сейчас слишком сильна боль утраты, и я не стану винить другого в том, что испытал и испытываю сам. Мы заберем тело брата с собой, и ты, как Изменяющий, будешь присутствовать на похоронах. В его смерти нет позора, он отомщен, убийцы мертвы, бился он честно и славно, но твоей семьи больше нет.

Видящий поднял руки, давая понять, что не ищет боя, его свита отступила в тень, так что виден теперь был только он.

— Значит, меня изгоняют, как когда-то вы хотели изгнать Охотника?

Нужно было тянуть время, не хотелось, чтобы трупов стало еще на пять штук больше. У кровохлёбов было что-то на уме, раз они не напали тотчас, как только услышали лязг оружия. Любой ценой следовало избежать конфликта.

— Ты все узнаешь. — Видящий путь послал импульс недовольства и изумления, поведя подбородком, скрытым в пучках шупалец, в сторону моих артельщиков. — Пока не время для ответов, у тебя есть чем заняться и... Думаю, ты делаешь правильно: здешняя земля непредсказуема не только для живых. Мертвым она тоже не дает покоя. Прощай. Вскоре пришло тебе весть.

Кровохлёб сделал знак сопровождающим, те без видимых усилий подняли тело Охотника и снова замерли, заняв свои места в двух шагах позади Видящего. Но тот не уходил, послав мне импульс, побуждавший к разговору наедине. Я махнул своим хлопцам в знак того, что все идет нормально, и ребята неохотно вернулись к костру. Их можно было понять: зная могущество и силу кровохлёбов, они недоумевали, почему иномиряне не пришли на выручку своему родичу тогда на поляне. Трудно объяснить, почему люди другой культуры и традиций поступают в определенных случаях так, а не иначе. Я-то точно знал, что бой был предрешен именно из-за того, что Изменяющие чтут традиции семьи, когда любое вмешательство в схватку без просьбы о помощи считается бесчестьем.

Видящий Путь подошел ко мне так, что нас разделяло только бережно завернутое в брезент тело Даши. Он сделал незаметное движение кистью правой руки, и в ладони его очутился артефакт, испускающий волны синего сияния. Чуть помедлив, он протянул мне маленький, сантиметров десять в диаметре, шарик со словами:

— Возьми. Это мы используем, когда хороним павших. Своих павших.

Последнюю фразу кровохлёб выделил, видимо, хотел показать, что я и Даша не чужие для племени. Вообще, чувствовалось некое усилие, которое вождю племени, пришедшего из другого мира, приходилось прикладывать для того, чтобы не открутить непонятливому человечку голову.

— Что это такое?

— Мы зовем этот артефакт «Прощальный свет Маб». Есть предание, согласно

которому наши предки принесли с собой осколки одного из последних Камней, погибшего в битве с Ткачами задолго до начала Исхода. Осколки Камня рассеялись здесь, по всей Зоне, не даваясь в руки никому, кроме Изменяющих.

— Тогда есть риск, что я не смогу взять его.

— Книга Пути говорит, что именно это определит дальнейшую твою судьбу. «Прощальный свет» либо признает тебя, либо отвергнет.

— И что будет, если отвергнет?

Слова словно выскакивали сами собой, бывая чувствительность и живой интерес к происходящему притупились, приключения закончились. Осталась только тупая боль в груди да удивительно ясное, незамутненное чувство окружающей обстановки, когда слышен каждый шорох, а решения как бы сами приходят на ум и оказываются верными. Стресс, наверное. Но мне теперь все едино, лишь бы вывести ребят и... Больше ничего не хотелось, в душе царила звенящая пустота, а на губах до сих пор стоял привкус Дашиной крови.

— Ну... тогда ты просто наберешь дров в парке. А мы все окажемся перед непростым выбором: бежать дальше, чтобы спастись от Ткачей, либо принять последний бой на этой земле, ненадолго заменившей нам родной дом. Ты готов принять «Прощальный свет»?

Ощущения опасности я не испытывал, по большому счету мне вообще было сейчас все равно: сбудутся какие-то пророчества или нет. Мир сузился до размеров этой рощи, где, кроме тела любимой девушки, еще находились четверо моих бойцов, жизни которых зависели от того, смогу я превозмочь личное горе и вернуть их на базу в целости, или мы все ляжем здесь. Поэтому без колебаний я протянул руку к шарiku:

— Давай попробуем. Раз опять ставки запредельны, лучше узнать результат побыстрее.

Вождь кивнул, и шарик плавно начал опускаться на мою перебинтованную грязную ладонь. Медленно, словно законы гравитации более не существовали, артефакт завис в воздухе между моей ладонью и огромной клешней Видящего. Шарик менял цвет с темно-синего до голубого, казалось, что вечность прошла с того момента, как вождь разжал пальцы. Совершив ровно восемь оборотов вокруг своей оси, артефакт опустился ко мне на ладонь. Я сжал пальцы, и по телу пробежала судорога, как при слабом разряде тока. В голове помутилось, но спустя мгновение все пришло в норму, и я отступил на шаг, взглянув на Изменяющего вопросительно. Волна эмоций, исходящая от кровохлёба, не поддавалась четкому описанию. Целый ворох ощущений, от облегчения до сожаления. Да, именно это я почувствовал острее всего. Этот воин жалел, что не ему выпала ноша, доставшаяся мне. Помолчав, Видящий произнес с расстановкой, чеканя каждое слово:

— Свершилось. В Книге Пути сказано, что луч «Прощального света Маб» падет на ту, кто света не узрит. А прольет свет Изменяющий, который, лишившись семьи, создаст новый узор линий Вероятности. Да будет так!

Посох вождя грянул оземь, по траве прошла волна голубоватого свечения. В воздухе запахло озоном, но артефакт вел себя спокойно, даже порезы перестали саднить. Хотя, наверное, это было чисто субъективное ощущение, вызванное необычностью момента.

— Что теперь?

Мой голос не дрожал, никаких особенных перемен в себе я не ощущал, все было как раньше, за мгновение до случившегося.

— Свет Маб сам заговорит с тобой. Тогда ты поймешь и почувствуешь, что необходимо сделать, как если бы делал это много раз. Теперь же прощай... — Видящий Путь отступил в открывшуюся воронку портала вслед за свитой. — Знаешь, Ступающий, я охочусь уже больше десяти сотен лет по вашему счислению лет, но впервые мне довелось быть свидетелем столь быстрой смены событий и стольких чудес разом. Ради этого стоило жить, за такое не жаль умереть. Прощай, брат племени Изменяющих.

Кровохлёбы исчезли в туманной дымке, пространство с тихим хлопком сомкнулось за ними, тугая волна воздуха сбила редкую сухую листву с нижних ветвей деревьев. Стало заметно темнее. Зажав артефакт в кулаке, я подоткнул брезент у тела девушки и вернулся к костру, который мы развели в ямке возле трехметровой чаши фонтана. Сел чуть в стороне,

так, чтобы свет пламени не освещал меня, прислонился к стволу большого, в три обхвата, дерева, поднял взгляд к небу и, как в детстве, стал разглядывать плывущие по небу тучи, причудливо складывавшиеся в образы зверей, птиц. Северо-западный ветер гнал стада небесных странников прочь...

Голову не занимали мысли о значимости момента, все, чего я хотел, — это похоронить любимую девушку и вывести своих людей в безопасное место. Артефакт так и оставался зажатым в кулаке, но вроде ничего странного не происходило. Время... Человек всегда стремился ухватить, обуздать любое явление, превосходящее его понимание, подчинить, поставить себе на службу. Лишь только время так и осталось то рекой, то оборачивалось струйками убегающего сквозь пальцы песка, отказываясь покориться. Тогда люди придумали себе отмазку, по которой время — субъективный фактор, вроде как и совершенно надуманная величина. Но нет-нет да и проскользнет сожаление, даже злоба по поводу того, что время так и не желает покориться, ускользает от понимания.

Сейчас я не хотел повернуть эту реку вспять, и не было желания собрать убежавший песок. Произошедшее менее десяти часов назад просто случилось, и я более чем уверен, произошло бы вновь. Пусть на короткий миг, но счастье во всей его полноте появилось в моей жизни, осветив заостренную, израненную душу, заставляя подспудно задавать себе один и тот же вопрос: чем я заслужил такое? Про любовь, не просто животную страсть, превращающую человека в некое подобие скотины, лишенной разума, а именно про любовь написано и сказано ровно столько же, сколько и про ее противоположность — ненависть. Много раз мне приходилось читать, о том, как страдают разлученные души, как соединяются в едином порыве сами сущности людей, а не только их тела. Все это тогда было выше понимания. Даже самым талантливым творцам редко удавалось описать даже треть той радости и той боли, которую испытал я, теперь уже на собственной шкуре. Вершины взлета души сравнимы только с глубиной пропасти, в которую теперь низверглось, казалось, все мое существо. Тьма и опустошение, пепел и горечь — вот все, что осталось. Но нет, в глубине, на самом доньшке изъеденной горем души, занимался свет: память возвращала улыбку любимой. Звук ее смеха, запах волос и кожи снова окутали меня с головой, отгоняя прочь темноту и жгучую боль. Норд и остальные обернулись в мою сторону, как один: сквозь плотно сжатые пальцы артефакт, мерно пульсируя, распространял метра на два вокруг меня волны синего света. Через мгновение пришло осознание того, что нужно сделать. Поднявшись с земли, хриплым голосом я отдал приказ собираться, а Андрона с Денисом попросил расчистить чашу фонтана от палой листвы и прочего наносного мусора. Никто не спросил «зачем?», все просто молча принялись собираться, доверие ко мне, несмотря на случившееся, было все так же велико.

Зажав «Свет Маб» в кулаке, я вернулся к тому месту, где лежало тело девушки. Подняв тело на руки, я пошел к чаше фонтана. Чаша была пуста, в центре раньше была какая-то фигура, но теперь торчали только обрезки труб. Положив тело в центр чаши, я развернул брезент и снова стал вглядываться в заострившиеся черты родного лица. Затем, сложив ее уже начавшие коченеть руки под грудью, вложил в белые и холодные пальцы артефакт. В последний раз поправил сбившиеся волосы, падавшие девушке на глаза, поцеловал ее в губы и, встав с колен, вылез из фонтана, не в силах отвести взгляд от той, которая так много отдала ради столь ничтожной малости, как моя жизнь.

Тем временем воздух над телом начал дрожать, затем артефакт в Дашиных руках засиял синим, а потом фиолетово-зеленым светом, и тело девушки обьяли всполохи прозрачного, чистого пламени. Однако огонь не уродовал тело, оно словно растворялось в чистом, прозрачном пламени, очертания фигуры и лица словно оплывали, сливаясь со струями огня. Свет становился все ярче, пока на него не стало больно смотреть. Спустя какое-то мгновение к небу устремился ярчайший столб света, раздался мощный хлопок, и все снова поглотила темнота. Костер потух, и я уже не мог разглядеть того, что было в чаше фонтана. Метнувшись через бортик, я зажег маленький фонарик, одолженный у Норда. Чаша была пуста: ни следов горения, ни горстки пепла. Девушка словно истаяла в пламени... Или

вознеслась на луче света к серому, хмурому небу, набрякшему дождевыми облаками и огрызающемуся зарницами молний. Подняв взгляд вверх, я прошептал:

— До встречи. Я буду ждать...

Затем дал команду на построение, и наш небольшой отряд двинулся в путь, поскольку преследователи непременно должны были засечь вспышку яркого света. Норд поравнялся со мной, и мы стали совещаться. Увиденное его не слишком удивило, либо латыш просто не показывал виду.

— Командир, две группы с севера и северо-востока идут параллельно нам, курсом на перехват. Место открытое, думаю, через полчаса увидим их.

— Это нормально, сейчас мы в отрыве как от них, так и от остальных загонщиков. Давай команду — меняем направление. Идем навстречу той группе, что ближе к нам. Перебьем их по очереди. Нападения от нас не ждут, а избежать боя тоже не выйдет. Нужно уравнивать шансы.

— Согласен. Ты как сам-то, сможешь?

— По прибытии на базу — два наряда на кухню за глупые вопросы. — Я улыбнулся. — Группа, слушай вводную: противник на три часа, занимаем позицию по схеме «четыре-один».

Я планировал ударить преследователей во фланг, внезапным нападением лишив их численного преимущества. По прикидкам Норда, преследователей было человек пятнадцать и появиться они могли со стороны заброшенного свиного комплекса. Чуть южнее территории «сичевых» располагались два готовых свинарника и еще один недостроенный, у которого второй и третий этажи представляли собой переплетение перекрытий и балок. Но именно там засядет снайпер или координатор, если придется нападать с этого направления. А тут и гадать не надо, поскольку дальше на северо-запад — только радиоактивные пустоши, примыкающие к Свалке, а на востоке — «кругловка», да и Радар недалече. Поэтому загонщики и выбрали для движения именно этот участок местности шириной в полтора-два километра. Другое дело, что хоть противник и действовал под единым командованием, но силы его тоже были ограничены и везде он поспеть не мог. Короче, в кольце окружения образовалось немало брешей, в одну из которых мы и сунулись. Вот и спешили сейчас преследователи, перебросили сюда всех, кто был рядом, а это предвещало потеху под названием «встречный бой». Штука крайне неприятная для преследователей, поскольку они должны нас сначала локализовать, а вот с этим-то и возникли проблемы: примерное направление они знали, но без спутников и вертушек ничего уточнить не могли. Это как нащупывать в кармане бритвенное лезвие: ты точно знаешь, что оно там, но если поторопишься, то раскroiшь пальцы до крови. А загонщики торопились: Волна, судя по паническим воплям на открытой частоте, через каких-то пять часов накроет Зону, и сила ее будет, по местным меркам, выше среднего. Это означает, что спрятаться можно только под землей, а на поверхности или в погребах местных хат укрыться без ущерба для здоровья не получится. Время поджимало, торопились все.

По заданной схеме один снайпер выдвигается в тыл или во фланг противника, за ним, как обычно, первый выстрел. Пулеметчик тоже занимает фланговую позицию и бьет противника уже по площадям, прижимая к земле и давя вражеские средства поддержки. Штурмовики ждут сигнала выйти противнику в тыл и добить уцелевших либо поддержать огнем из подствольников снайперов и пулеметчика.

— Норд, снимай гарнитуру и ступай к развалинам. Там затихарись и жди: наши гости наверняка вышлют разведку, и это будет, скорее всего, твой коллега. Дай ему сказать своим, что все в порядке, и забирай его шарманку, выйди в эфир на резервной частоте, дай знать тоном, что готов работать, потом вали радиста, как только они пройдут мимо тебя и покажут спину. Все понял?

Латыш улыбнулся и, кивнув, протянул мне свой ПДА с бахромой гарнитуры и зарысил к развалинам. Я снова стал таким, как обычно, поэтому друг успокоился. То же самое можно было сказать и про остальных артельщиков: уверенный тон командира и привычный

противник действуют как успокоительное.

Михай занял место на склоне холмика на правом фланге, держа в широком секторе северо-запад и часть северо-восточной оконечности равнины, поросшей редкими дорожками колючего кустарника и чахлыми деревьями. Пулеметчик из него получился, по отзывам Юриса, очень неплохой, да и «барсука» молдаванин осилил в рекордный срок, всего за две недели. Это и понятно: новый «ручник» очень схож по устройству со старым добрым РПК, выгодно отличаясь от предшественника высокой кучностью огня и большим удобством в работе. А наличие оптики позволяет уверенно работать даже по одиночным целям на приличной дистанции.

Чужая гарнитура была непривычна: звук чуть тише, чем у моей, и слабина проводки под рост более высокого человека. Но это мелочи. На тактической карте разворачивалась следующая картина: две группы радиосигналов разошлись, и одна, более многочисленная, свернула на юг, а те, что были от нас на расстоянии чуть меньше километра, быстро двигались в нашу сторону. Мы с Андроном взяли на двести метров левее позиции Михай и залегли: молодой на склоне плоского холмика, а я в овражке. Денис со своей СВУ¹ выбрал позицию среди зарослей кустарника на левом фланге, его задача была страховать Норда. Парень тоже возмужал за те неполные три месяца, что был в отряде. Появилась в нем некая отстраненность, свойственная всем снайперам, которых мне приходилось знать, толк из паренька определенно будет. Двигаясь длинными, зигзагообразными рывками, Денис занял позицию таким образом, чтобы кустарник скрывал его силуэт и одновременно не закрывал сектор обстрела. Все замерло, как это обычно бывает, когда последняя суeta улеглась и наступает момент напряженного ожидания. В такие моменты время тянется очень медленно, а окружающая обстановка своим спокойствием только нагнетает общее напряжение, делая ожидание события еще более тягостным. Адреналин впрыснут в кровь, глаза ищут противника, но ничего не происходит, пока боевой задор не схлынет, а внимание не станет ослабевать и рассеиваться.

Противник появился внезапно, когда холод начал уже сильно досаждать: теплоизоляция комбеза была нарушена и долгое лежание в полной неподвижности давало о себе знать. Монокуляр, по счастью, не пострадал, поэтому я сразу заметил, как быстро движущиеся точки на горизонте обрели очертания людей с оружием, быстро перемещавшихся по равнине, низко пригибавшихся к земле и время от времени замиравших на месте. Всего я насчитал семерых. Но это только те, кого удалось засечь при смене позиций, наверняка преследователей было больше. Вооружены они были пестро: дробовики, автоматы, пара пулеметов, судя по виду — бельгийские «трещотки», вроде той, что была у Коли-десантника. Вот они разошлись. Пулеметчики заняли высотки по флангам на северо-западе, возле сваленных в кучу железобетонных балок, напоминающих некое нагромождение поваленных ветром деревьев. Присмотревшись внимательнее, я различил на комбезах загонщиков эмблемы «Січі». Странно, но такие шевроны сами по себе мало о чем говорят, хотя маскировка под «сичевых» полностью себя оправдывала: группа работала вдоль границ зоны ответственности данного клана. Не исключая, что противник даже имеет в наличии пакет радиочастот и позывных на случай встречи с патрулями «Січі». Более никаких особых примет не было: движения и тактика совершенно стандартные, могущие подходить как прошедшим выучку в бывшем Союзе, так и в странах Альянса. Оставалось только ждать, пока дистанция не сократится до трех сотен метров, чтобы Михай смог работать наверняка.

Неожиданно пискнул одолженный у Юриса ПДА — на резервной частоте три длинных тона. Норд прибрал разведчика нападавших. Ну, теперь пошла потеха: мир ожил, наполнившись звуками боя. У войны тоже есть своя музыка, которую приятно слышать тому, кто знает партитуру оркестра, фигурально выражаясь. Застрекотал «барсук». Звук

¹ Антон имеет в виду СВУ-АС — модификацию снайперской винтовки Драгунова (точное название: ОЦ-3 АС) для ВДВ.

пулемета был заметно тише, чем если бы работал тот же РПК, да и факела дульной вспышки не было. Михая выдавали только шевеление сухих стеблей травы да небольшой дымный шлейф, который, однако, быстро истаявал, не демаскируя позицию пулеметчика.

Сухо треснул выстрел снайперки Дениса, и вот уже фигура залегшего на холме слева вражеского пулеметчика дернулась, и человек покатился по склону вниз. Противник действовал грамотно: бойцы рассредоточились и залегли, пытаясь вычислить наши огневые точки, но в темноте, где ориентиром часто является дульная вспышка пламени, шансов у них не было. Нам с Андроном досталась роль наблюдателей: снайпера и пулемет не оставили преследователям много шансов. Бой длился едва ли три минуты, а загонщики потеряли уже до двух третей личного состава. Однако радоваться было рано: Денис «зевнул» двоих нападавших, мыкавшихся в хвосте колонны и поэтому укрывшихся в складках местности. Теперь же эта парочка вознамерилась прижать моего снайпера. Один довольно удачно пальнул из подствольника, заставив Дениса замолчать, а второй длинными скачками обходил моего бойца справа, отрезая ему пути отхода. Норд, видимо, был занят, поскольку кроме этих двух «волшебников» все остальные преследователи только и могли, что беспорядочно палить во все стороны. Я кивнул Андрону, давая понять, чтобы тот держался слева за мной, и пополз на выручку снайперу. Денису пришлось туго: второй автоматчик не давал ему поднять голову, а первый тем временем уже почти вышел артельщику в тыл. Еще каких-то десять метров, и он будет на дистанции броска гранаты...

Я приподнялся и перекинул флажок переводчика огня «ковруши» на одиночный огонь (что тут поделать, «рог»-то всего один). Вот среди травы мелькнули детали одежды, показалась голова в «душегубке». Я выстрелил два раза. Голова исчезла, шевеление травы прекратилось. Осмотревшись по секторам, маякнул рукой Андрону: прикрывай, и двинулся вправо, обходя место падения тела по дуге и не опуская оружия. Вот показалась груда тряпья, потерявший «пятерочный» «калаш». Не, этот уже отвоевался: верхушки черепа у покойника практически не было, шапка набрякла черной кровавой жижей. Снимать такую с тела будет очень неприятно.

Второй номер этого трупa все еще был в седле: совсем близко ухнул взрыв — сволота метко пуляла из подствольника. Отжав тангенту, я вызвал Дениса напрямую, на хитрости не было времени:

— Ноль Четвертый, меняй позицию!.. Этот гад от тебя через пару минут мокрое место оставит, отползай помаленьку.

— Понял, Ноль Первый, отхожу вправо пять. Не зацепите...

— Понял тебя. Отбой.

Короткими перебежками мы с Андроном двинулись влево, огибая холм. Картина теперь прояснилась: наш метатель гранат залег возле кучи щебня, заросшего травой и напоминавшего очертаниями сгорбленную человеческую фигуру метров трех ростом. Умелец уже смекнул, что его напарнику не улыбнулось заполучить Денисов скальп на пояс, и вот уже темный силуэт ворохнулся впереди, справа от меня. До вражины было метров сто. Повернувшись в сторону сектора, где заметил движение, я три раза быстро нажал на спуск. Сгусток темноты отделился от общей массы холма и осел на землю. Дав отмашку напарнику, я зигзагом двинулся вперед: мы огибали с левого фланга порядка противостоявших нам ряженных под «сичевых», и оказались у них в тылу, имея развалины свинофермы по левую руку. Но добивать оказалось некого: преследователей больше не осталось. Пискнул ПДА, и в наушнике на резервном канале раздался голос Норда:

— Командир, все чисто. Вторая группа идет на сближение курсом северо-северо-восток. Они будут здесь через сорок минут.

— Сиди на месте. Группе — общий сбор. Ориентир два. Доложить о потерях.

— Здесь Ноль Второй, группа потерь не имеет, по секторам чисто.

Сейчас можно было хоть орать в эфире на открытой частоте: звуки боя были достаточно громкими, да и те, кто шел на подмогу побитым нами наемникам, тоже не дураки — догадались, что к чему.

Собравшись у недостроенного здания, артельщики построились в колонну, я отдал Норду его ПДА, и мой зам на рысях ушел вперед, в головной дозор. На наручных часах было без пяти два, бой длился ровно десять минут. Теперь следовало быстро уходить, осматривать трупы времени не было. И так ясно, что это сектанты или те, кому они платят. Всего нападавших оказалось одиннадцать, считая разведчика, которого Юрис заколол как раз в тот момент, когда незадачливый скаут закончил докладывать своему начальству, что в секторе чисто. Это были обычные наемники, судя по экипировке, из какой-то не слишком многочисленной группировки. Вряд ли они входили в структуры «Січі», поскольку «западники» предпочитали американское либо немецкое оружие, а тут был такой разносол, что в глазах рябило. Что бы там ни декларировали лидеры «сичевых», но натовский оружейный стандарт они блюли неукоснительно. Более того, стволы и амуницию им доставляли с завидным постоянством, и, как правило, это были излишки со складов американской или английской армий. Цены тоже не соответствовали мировым, оружие было часто вдвое дешевле, чем за «колючкой». Так могло быть только в одном случае — группировку кто-то серьезно дотировал, плюс постоянный костяк клана состоял в основном из украинских военных, уроженцев западных областей страны, и подозрительно много присутствовало иностранцев из Канады, США и Евросоюза. Ребята были с боевым опытом, и скоро выяснилось, что работают боевые подразделения «Січі» по натовским, а точнее, чисто амеровским стандартам. Слизили все, вплоть до кодовых обозначений и структурных схем.

Оставив после себя трупы и испорченное оружие, мы продолжали быстро удаляться на северо-восток, чтобы обогнуть территорию армейских складов и к рассвету выйти к первому блокпосту внешнего периметра обороны «альфовской» базы. Не успели уйти метров на четыреста вперед, как с места схватки послышались визг и чавкающие звуки — псевдоплоть за много километров чует падаль, отдавая особое предпочтение человечине. Трусливые твари дожидались конца боя где-то неподалеку и накинулись на трупы, как только поняли, что нам мясо покойных наемников не сгодится.

Остановок до рассвета мы не делали, стараясь как можно дальше уйти на север, чтобы по темноте проскочить сквозь патрули «сичевых». В последнее время они почти открыто наращивали численность своих ударных групп, восполняя потери, понесенные во время последнего штурма УРа сектантов, когда в угоду американским друзьям штурмовали хорошо укрепленный форпост «Братства Обелиска». Но на этот раз людей на базу «Січі» прибыло втрое против прежнего, и почти никто из них не владел «державной мовой», преимущественно это были поляки, чехи и прибалты. Однако приказы новичкам отдавали крепкие ребята в годах, говорящие исключительно по-английски со стальным германским акцентом. Судя по тем данным, которые мне передал Василь, характер тренировок, проводимых на обширных полигонах «Січі», предполагал отработку взаимодействия небольших штурмовых отрядов в городских условиях. Как я и говорил особисту, амеры решили больше не миндальничать и, задействовав свои связи, внаглую готовили новый штурм Припяти. Скорее всего, они спелись с военными, и это будет выглядеть как скоординированная с войсками Особого Чернобыльского района войсковая операция. Военным отводилась роль пугала, как, впрочем, и большей части «сичевых». Думаю, под шумок амеры снова попытаются силами нескольких групп спецназа проникнуть в подземный комплекс «Братства Обелиска», сорвать банк и не делиться с остальными. Их просчет состоял в том, что не только они решили поиграть в войнушку. Наверняка «Альфа» и ее спонсоры из России тоже решили не ждать милостей от судьбы, и на штурм со своего направления они ринутся едва ли не раньше своих западных коллег. Теперь все они будут, толкаясь локтями и мешая друг другу, рваться к заветной черте... Где их наверняка уже ждут. Что на этот раз приготовили сектанты охотникам до чужого добра, предсказать не берусь, но вряд ли они бездействовали все это время. Мой прогноз был неутешителен для всех трех группировок. Их всех ждет смерть.

Шаг за шагом, километр за километром наш маленький отряд преодолел расстояние до блокпоста, где меня уже ждали, и встреча эта не была приятной. К полудню следующего дня

мы вошли на территорию «Альфы» и почти сразу были препровождены до шлагбаума, где, вопреки обычному столпотворению, было малоллюдно. Точнее, там стояли трое патрульных и... Богдан Лесник. Дашин отец был почти неузнаваем: правая рука лежала в лубке на перевязи, а в левой он держал тяжелую сучковатую трость, на которую опирался. О гибели дочери он, скорее всего, уже знал: Юрис связывался со Слоном, тот заказал пропуска только на нас пятерых. Пока мы еще были метрах в двухстах друг от друга. Я окликнул Норда:

— Юрис, води ребят на базу: мойтесь, чиститесь и отдыхайте до завтра. Я... мне надо переговорить с Лесником. Дело, сам понимаешь, почти семейное.

— Ага! Да он тебя пристрелит, хоть и калеченный теперь, а ты... — Друг внимательно посмотрел мне в глаза. — Ты хочешь помереть побыстрее, бросишь нас?!

— Юрис! — Я развернулся и схватил почти на голову возвышавшегося надо мной латыша за верхний край комбеза. — Я виноват в смерти его единственного ребенка, для него она больше чем дочь, больше чем... Короче, он вправе сделать со мной все, что захочет. Я ВИНОВАТ!

Орать я никогда особо не был горазд, поэтому говорил, не повышая голоса, так, чтобы слышал только один Юрис. Вопреки всем байкам про некую тормознутость прибалтов, он был иногда вспыльчив. Справедливости ради надо отметить, что вывести из себя этого внешне невозмутимого парня было очень непросто. Рычать он начинал, только когда чувствовал свою беспомощность, например, в споре со своим непосредственным командиром. Норд злился оттого, что его друг вот так просто может отдать себя в руки ополумевшему, по его мнению, старику.

— Да в чем, — латыш стряхнул с груди мои руки, — в чем ты виноват? В том, что эта тварь не завалила тебя там же, на поляне? Херня! Ты мелешь херню, командир. Смотри, — он показал на артельщиков, с тревогой наблюдавших за нашей перепалкой. — Мы все могли остаться там, но ты нас вывел, в который раз уже ВЫВЕЛ!.. И теперь уже я, слышишь, я приказываю тебе идти с нами. Если этот старик хочет тебя грохнуть, так я... мы ему этого не дадим.

Юрис решительно взял меня за плечо, но я стряхнул захват и отступил на два шага. Обратился к Михаю и Андрону, как двум наиболее крупным бойцам нашего отряда:

— Уведите его, со мной все будет нормально. Ну!

Михай отрицательно мотнул головой, а Слон-младший высказался за всех:

— Нет, Антон Константиныч, такой приказ мы выполнить не можем. А вдруг старик этот и правда с горя умом повредился, может и стрельнуть, а вы не при делах. Горе большое, всё понимаем, но под пулю подставляться не дадим. Даже не приказывайте, не дадим, и все.

— Да не мучь ты бойцов, зять. Не стану я никого убивать, тем более что хлопцы твои меня вперед порешить успеют. Да и не правильно это...

Это подошедший Богдан прервал намечавшийся бунт. Смотреть вблизи на убитого горем отца Даши было тяжело: он сразу постарел лет на двадцать, взгляд потух. Еще бы, единственный свет души — его дочка — вдруг оказался там, откуда уже не возвращаются.

— Хотел вот в башне твоей дожидаться, да не застал никого, только замок амбарный на воротах да матерная записка, чтоб дверь не думали ломать, — тяжело опираясь на палку, продолжал говорить тихим голосом Лесник. — Крепко бойцы за тебя стоят, Антон. Значит, и правда ничего поделать было нельзя. В дом-то позовешь? А то я в шалмане тутошнем остановился: клопов вроде нет, но не люблю я казенное.

Лесник подошел ко мне вплотную и, перебросив трость в левую руку, правую протянул мне. Что-то произошло в тот момент, когда я протянул свою перебинтованную ему навстречу, и мы крепко обнялись. Предательски защипало глаза... Сморгнув, я согнал непрошенную влагу с глаз, слезинки тут же затерялись в корке засохшей на лице крови, которую не смыли даже капли накрапывавшего дождя. Слез никто не заметил, когда идет дождь, обычно так и бывает.

Мы, все вместе, прошли за внешнее кольцо охраны базы и уже через час были в башне. Слон, как самый старший из нас, долго еще бросал на Лесника косые, настороженные

взгляды, но потом успокоился и он. Все разошлись по комнатам, а я первым занял душ. Сил не осталось даже на то, чтобы обтираться мочалкой. Стоял просто так, слушая, как вода каплями стекает по телу на кафель. Ран серьезных у меня не было, только с десятков порезов да пара синяков на груди и правом боку. Переодевшись и заново перебинтовав руки, я сел на кровать и выпал из действительности, провалившись в глубокий сон.

...Сначала была только темнота. Черная вязкая жижа затягивала с головой, грозя залить дыхательные пути, попробуй я сделать хоть один вдох. Барахтаясь, я оказался вытолкнут в некое пространство, где не было ничего: ни пола, ни стен, ни потолка, а только белый, слепящий свет. Из звуков слышался только противный комариный писк, но вскоре стих и он. Стало понятно, что со мной опять проделывают какой-то фокус местные кудесники и призраки, только вот на этот раз совсем не было желания их слушать. Напрягая волю и концентрируя внимание только на одной мысли — проснуться немедленно, я уперся и, игнорируя все ощущения, стал высвобождаться из пут наведенного кошмара...

— Стой, Ступающий, не уходи!

Голос донесся, казалось, со всех сторон и ниоткуда. Видимо, поняв, что испугать меня не выпело, хозяева иллюзии решились на переговоры. Из белого на белом фоне выступила гигантская серокожая фигура с приплюснутой головой, бочкообразным туловищем и толстыми тумбами ног. Круглые, словно пуговицы, красные блюдца глаз, казалось, смотрели в самое сердце и... не достигали цели, как это было раньше. Пришелец был в замешательстве. Хозяином кошмара оказался Ткач собственной персоной. Дело дрянь, если теперь они могут прорываться так далеко, да еще и достигать визуализации. Но раз уж встретились, то отчего же и не поговорить.

— Чего надо?

Сознание затопила волна эмоций: гнев, ярость и... страх. Эта глыба мяса меня опасалась, хоть я и не понимал, почему: в прошлый раз ЭТО чуть было не спалило мне все мозги.

— Договориться. Тебе с нами нечего делить, ваш мир нам не нужен, мы только накажем сбежавших от честного боя трусов и уйдем.

— Мне нет дела до ваших разборок, но беглецы мне ничем не мешают, а вот нанятые тобой мокрицы убили мою девушку. Поэтому помогать вам или им у меня нет причин.

— Так ты отказываешься сражаться вместе с нами?

В эмоциях Ткача произошел некий фейерверк: облегчение, злорадство по поводу просчета противника и что-то, напоминающее надежду.

— Повторяю: мне плевать на ваши разборки. Но, как я понимаю, вам нужен точный ответ, да?

— Чужак, Изменяющие приняли тебя в свой круг, — принялся уже вкрадчивым и не таким напряженным тоном объяснять Ткач. — Если примут вызов они, то придется и тебе, если только... Ты можешь уйти из Зоны и жить там, за «колючкой». Подумай, шанс начать новую жизнь, в которой все будет подчинено только твоей воле. Камень больше не будет управлять людьми, люди сами смогут решать свою судьбу.

Пришелец говорил гладко, только на последнем слове сбился, голос распался на несколько тембровых оттенков и резанул слух.

— Значит, это Камень заставил вас творить беспредел с похищениями и оболваниванием и без того ущербных людей?

— Нет! — Пришелец не привык, что с ним спорят и не принимают все сказанное на веру просто потому, что он это произнес. — Нас заставить нельзя.

Спор начинал мне надоедать: изначально лишившись какого-то своего козыря, Ткач пытался импровизировать, но явно был не готов к этому. Человек, несомненно, нашел бы что соврать покрутивее.

— Вот и меня тоже. Мой дом теперь тут, а благодаря вам, здесь еще и могила любимой девушки. Я не уйду. Но и встречать между вами тоже не хочется.

— Значит... — Ткач почти ликовал.

— Пока что это ничего не значит. Если вдруг случится так, что встанет выбор: воевать против вас или уйти, — лично я предпочел бы постоять в сторонке. Но идти мне некуда.

— А если... — голос Ткача стал особенно проникновенным. — Уверяю тебя, мы дадим тебе все, чтобы забыть это место, начать жизнь заново.

— Я... подумаю.

— Зайди в «Старательский приют» и передай бармену записку с просьбой о встрече с Уитом. Потом жди вызова на ПДА, наш посланник свяжется с тобой и назовет точное место встречи. До скорого, Ступающий.

Пришелец частил, одна фраза насаживалась на другую, но общий смысл и настроение я поймал верно: по какой-то причине пси-атака на мой разум не удалась, он просто тянул время. Дальше снова была тьма и еще минут сорок сна, на этот раз без сновидений. Ткач приходил не для того, чтобы подкупить меня, это был чистой воды экспромт после того, как попытка запугать и превратить меня в хныкающего идиота по неведомой мне причине провалилась. Но эта гора мяса быстро сориентировалась, стараясь обернуть дело так, чтобы мне захотелось уйти в сторону, исчезнуть с доски в решающий момент.

Само собой, уходить в сторону я не собирался, но тут вставал вопрос не только моего выбора. Будь я один, то, не задумываясь ни секунды, принялся бы планировать акцию по возвращению Ключа, так сказать, к родне. Но были еще ребята, двое из которых совсем «зеленые», а расклад выходил хреновый, с какой стороны ни посмотри. Пойти по глубоким тылам сектантской территории, а потом штурмовать исследовательский комплекс, где прячут Камень — задача для тех, кто купил билет в один конец, выживших не будет, однозначно. Взять на совесть еще пяток жизней близких мне людей и ринуться к черту в зубы — никогда даже в мыслях такого не держал. Нет, не стану я этого делать: за себя не страшно, но вот остальные... Решение должно быть за ними, но и тогда вся ответственность за их жизни лежит целиком на мне. Так уж заведено: командир — это тот, кто ведет, кто спасает доверившихся ему, а на этот раз я спасти никого не смогу. Пока не вижу, как это можно сделать.

Я сел на постели, теперь уже большой для меня одного, и уставился в покрытый мелкой сеткой трещин бетонный пол подвала. Лампа не горела, наверху слышался приглушенный говор артельщиков. Нашарив на табурете часы, глянул на флуоресцирующие цифры, стрелки показывали 16:30. Значит, спал ровно час. Раны на кистях затянулись удивительно быстро и почти не болели. Пошел в душ, умываясь, глянул на свое отражение в зеркале: землистого оттенка задубевшая кожа лица покрылась сеткой тонких, еще свежих багровых рубцов. Мешки под глазами, складки у уголков рта с плотно сжатыми тонкими губами и взгляд покрасневших, карих, почти черных глаз, который даже я сам уже с трудом выдерживал. Обычно в кино и книжках герой после переживаний вроде выпавших на мою долю получает бесплатный «бонус» в виде благородной седины и некую неизбывную печаль на чело. Ни того ни другого не было, разве что взгляд действительно стал чуть более тяжелым, чем раньше. Темная, горькая муть так и не оседала, продолжая жечь тоскливой, ноющей болью в груди. Вынув из ящика призеркальной тумбочки дедовскую бритву с подзащитой и скрутив ключ пружины до упора, я принялся бриться, снимая со щек двухнедельную щетину. Рутинка помогает прийти в себя, когда происходит нечто, выбивающее из колеи, словно якорь, не дающий кораблю сдвинуться с места в сильный шторм. Боль не отпускала, не стала тише, не было предпосылок к примирению со сложившейся ситуацией. Просто я решил, что надо жить дальше, и раз уж так вышло, то снова буду воевать. В конце концов, это все, что у меня хорошо получается, даже с учетом допущенного промаха. Судьбе было угодно забрать часть меня, пощадив оставшееся. Зачем она это сделала, не понимаю, и вряд ли возможно простому вояке вроде меня постичь замысел богов. Идиот предположил бы, что Камень намеренно позволил Даше умереть, чтобы я, восплавав гневом, ринулся мстить сектантам и тем, кто за ними стоит. Но слишком много бессмысленных и жестоких смертей мне пришлось повидать раньше, чтобы не уподобляться идиотам. Бывает, что гибнут совершенно случайные люди — талантливые,

веселые, красивые. Почему это происходит, какой в этих смертях есть тайный промысел, никто толком не может объяснить. Поэтому и я особо голову себе не забиваю: есть вещи, которые просто объективно происходят, и смысла в этом человеку не отыскать, можно только строить догадки. Но любая, даже самая правдоподобная версия не вернет мне любимого человека. Месть? Так даже если я и помогу одним чудакам победить других, облегчение опять же будет временным: девушку уже не вернешь. Сейчас нужно оберегать тех, кто остался, они в моих играх уж точно с краю. Я прижег кожу лица спиртом и привел себя в порядок. Собрался подняться наверх, но с лестницы послышались шаги, и в подвал, припадая на раненую ногу, спустился Лесник. Он сел на табурет возле дальней стены, и, опершись на трость, больше напоминавшую шишковатую дубину, молча смотрел на ровно застеленную кровать, нашу с его дочерью кровать. Затем надтреснутым голосом задал вопрос:

— Скажи, зять, шансов на спасение ведь не было?

Я подвинул второй табурет так, чтобы оказаться в круге света тусклой лампочки, оправленной в гнутый жестяной абажур, и, глядя в глаза Леснику, объективно, стараясь держаться только фактов, изложил детали операции.

— Трудно сказать, чего я не учел. Паукам был отправлен гонец, вроде как порешивший меня самолично. Лом — тертый урка, все купились. Обмануть он не мог, просто физически. Засаду устроил только один Ждущий-в-Темноте, другие пауки тоже напали бы разом. Мне говорили, что это их метод: быстро и эффективно уничтожить цель и так же быстро уйти. Знаю, что на войне правил нет, но есть случай и везение. Видимо, мое везение кончилось именно тогда, на поляне...

— Да кончай ты уже себя корить почем зря!

Лесник зло стукнул тростью в пол и, скривившись от боли в перевязанной руке, продолжил:

— Я не злюсь на тебя, Антон. Да, дочку я потерял, а вместе с ней и... Короче, не сказала она тебе, думала сюрприз сделать, ну, когда вместе к нам на заимку придете... — Слова давались старику нелегко, но я понял, что он хотел сообщить. — На втором месяце она была, так доктор наш сказал.

Новость ударила под дых, словно бревном. Многого можно пережить, но потеря слабой, еще не развившейся жизни, которая могла стать твоим продолжением, — это уже край. Свет словно померк, волна ярости затопила сознание, плеснула в глаза багровой пеленой и... Все прошло. Из глубины памяти поднялся голос инструктора. Егор Шубин был не только мастером всякого рода смертоубийств, но и много чего повидавшим на свете мужиком. Как-то раз мы вместе с ним вынули солдата из петли в гарнизонном сортире. Парнишка получил из дома письмо с извещением о смерти матери, единственного оставшегося у него близкого человека. Мать бойца застрелили на улице, когда она выходила из продуктового магазина с покупками. Бандиты затеяли перестрелку прямо на проезжей части, постреляли друг дружку и под раздачу еще троих случайных прохожих. Мать солдата получила пулю в голову и скончалась на месте. Солдата, только что прибывшего из «учебки» к нам в бригаду, домой на похороны, естественно, непустили, вот он и полез в петлю. Егор резал веревку, пока я держал солдата за ноги. Потом, когда мы вытащили парня на воздух, он сел на корточки рядом с бойцом и, пристально глядя ему в мутные от горя глаза, сказал то, что я потом не раз повторял другим и что теперь как заклинание твердил самому себе:

— Ты чего, паршивец, сбежать захотел?! Нашел, сука, чем мать осчастливить. В петлю сигануть — не велика заслуга. Она тебя за этим растила, чтоб ты над собой всякие пакости вытворял?! Смотри на меня, слушай и запоминай: жить надо не назло, а вопреки злу, которое с тобой случится, как бы паршиво ни было иногда просыпаться по утрам и делать обычную, рутинную работу. Тех, кто ушел, уже не вернуть, но можно прожить отпущенный тебе срок таким образом, чтобы им не было стыдно за то, как ты живешь и что делаешь. Ты попал в разведку, а мы не сдаемся, не отступаем и пленных не берем. Мать гордилась тобой, так не заставляй же ее краснеть за тебя и горевать оттого, что ее сын слабак. Теперь встал и марш в

расположение. Решим вопрос с побывкой, не дрейфь, боец.

Парню тому Шубин организовал отпуск на десять суток и потом, вроде, все было у бойца благополучно. Я же запомнил речь инструктора на всю жизнь. Есть у меня такая привычка — запоминать полезную информацию, даже самую незначительную на первый взгляд. Вот, к примеру, речь капитана помогла мне ровно в десяти случаях, когда приходилось говорить с людьми, находившимися в пограничном состоянии, на грани нервного срыва. А теперь я мысленно повторял эти слова самому себе, и ярость вместе с болью отступили. Нельзя позволять врагу бить тебя в самое сердце. Мертвым лучше уже не станет, а вот живым нужны силы и ясная голова. Пусть даже и случилось такое горе, как потеря еще не рожденного ребенка вместе с любимой женщиной. Сорвись я сейчас в штопор, и враг уже победил. Причем подставляю я не только себя, но и тех, кто верит мне, следуя моим приказам, идет к черту в зубы, не спрашивая, почему тот или иной приказ звучит именно так, а не иначе. Справившись с наплывом эмоций, я сказал, с неимоверным усилием сохраняя спокойствие и ровный тон:

— Мне... тоже жаль... отец. Не сложилось у нас с тобой порадоваться вместе... втроем.

— Что делать будешь теперь?

Голос старика был тих и тосклив. Раны душевные мучили его так же сильно, как и телесные.

— Одному мне в их логово не пробиться, возьмут и раздавят еще загодя. Не знаю, думать надо, но времени в обрез. Зона гудит, все готовятся к большой сваре. Пройти к Обелиску одному нереально.

— А хлопцы твои неужто с тобой не пойдут?

— Не спрашивал. Да и сам посуди, Богдан: есть ли у меня право их просить идти на верную смерть? Двое — пацаны еще совсем, Михай все о невесте своей молдавской грезит, хочет деньжат прикопить и тю-тю из Зоны. Юрис один у нас как отрезанный ломоть, да только вдвоем нам эту акцию не осилить, против нас не урки с самопалами выйдут. Сектанты народ очень непростой, их даже вояки побаиваются, а с учетом союзников, то и вообще ловить нечего — ляжем все, но если пойдем обычным составом, есть шанс если не выжить, то выполнить задачу. Обратно вряд ли выберемся, вариантов отхода не вижу: там каждое здание — как крепость. Под землю соваться еще опаснее: там тоже крепко стерегут. Плюс я не знаю, где сейчас артефакт и как к нему подобраться.

Лесник невесело усмехнулся, потом поднялся и сказал в сторону дверного проема, повысив голос:

— Ну, слышали? Стесняется он вас просить, вон, даже целую теорию под это подвел.

В подвал спустились сразу все, даже Слон приковылял, и в помещении сразу стало тесно. Артельщики стояли плечом к плечу. Андрон и Денис смущались, жались к стенке, а вот Михай, Слон и Юрис смотрели с вызовом. Слон вышел вперед и сказал за всех:

— Ты, земляк, думай чего хочешь, но за нас решать не надо, все вроде взрослые уже, паспорта на руках имеем и водку в магазине нам продадут, если попросим. Ты за нас всегда свою шею подставлял, каждый, кто тут стоит, жизнью тебе хотя бы раз да обязан...

— И вы хотите свести мои усилия к нулю? — Я посмотрел Слону в глаза, но тот не отвернулся. — Повторяю: дело гиблое.

— Может, и так. Только вот зачем тогда вообще было вместе собираться, коли надави чуток — и вся артель разбрелась по щелям, добычу проживать да шкуру свою беречь? Не за этим мы тут.

— А зачем?

Эстафету у Слона принял Денис. Ночь сюрпризов: парень обычно общался только с Юрисом, по случаю их давнего знакомства. Твердым голосом молодой сказал:

— Мы должны доказать, что способны поступать правильно. Не всегда есть возможность сделать все по совести и по чести. Я хоть и не так давно с вами, но понял одно

— пусть смерть, пусть даже не дойду до Обелиска этого... Главное, что всегда нужно идти до конца, следовать голосу совести. А она говорит, что нужно идти с ва... с тобой, командир.

Щеки у парня заалели, он смутился, произнес столь длинную и сумбурную речь. Слон крякнул, похлопал нашего второго солиста по плечу и продолжил:

— Денис просто хотел сказать, что не мужичкий это поступок — утереться и забыть. Тем более, ты сам говорил: большое западно сектанты готовят, а кроме нас и ответить за Зону некому. Ведь так получается, а, земляк?

Потом подал голос Михай, наш новообращенный «спец по тяжелому вооружению»:

— Командир, ты вытащил меня и всех, стоящих тут, из много какого дерьмища. Я долго уже наемничаю, но такого отношения с армии, еще там, в Союзе, не припомню. Может, Мареля и не дождется меня с большими деньгами, может, даже найдет кого побогаче и высочит за него... Только я тоже с тобой пойду. Извини, не умею хорошо сказать.

Андрон вообще только рукой махнул, но потом все же сказал:

— Я пойду оружие проверять, рацию готовить надо. Общая готовность — три часа. Если что, я наверху буду. Денис, ты идешь? А то барахлит твоя шарманка, откалибровать бы надо. В поле некогда будет этим заниматься, попели, пусть старшие сами разбираются. Я-то хоть куда с Лешим пойду.

Но с места так и не двинулся. Как и все в этой комнате, он ждал от меня приказа действовать. Давно известно, что в бою открывается истинная сущность человека. С этими людьми я был в бою, доверял им и ради любого из них не задумываясь рискну жизнью. Время снова пришло к нулю, последние секунды неотвратимо утекли в вечность. Решение было принято, хоть мне и непросто было говорить то, что я должен был им сказать:

— Я рад, что судьба подарила мне таких друзей. Раз ваш выбор совпал с моим, идем до конца. Но мне бы хотелось, чтобы это не был безумный акт самопожертвования. Задачу нужно выполнить только в том случае, если нас об этом попросят. Иначе самим придется искать помощи, а это уже совсем другой расклад. Пусть просят старожилы, а мы как бы согласимся. Теперь я уже могу говорить с ними не только от себя лично, но и от всех нас. Будем ждать, времени хоть и мало, но торопиться не следует, пусть ход сделают те, кого Ткачи избрали себе в противники. Нам потребуется вся поддержка и помощь, которую сможем получить. Что касается меня, то раз коллектив оказал мне доверие, я поведу вас. Но, — я внимательно оглядел артельщиков, — на этот раз никто со мной не спорит и выполняет все, что я прикажу, ровно в тот момент, когда прикажу. Иначе... приму меры. Совершенно радикальные меры. Теперь отбой до шести ноль-ноль, завтра будет хлопотный день.

Ребята заулыбались. Витавшее в комнате напряжение исчезло. Ушло ощущение зависимости от момента, хорошо знакомое любому, кто хоть раз ждал принятия решения по важному лично для него вопросу, когда все висит на волоске. Когда все части головоломки встают на свои места и нужные события происходят, как планировалось, а люди, от которых все зависит, принимают верное, на твой взгляд, решение, то приходит некая легкость мысли. Даже самая трудная задача уже не кажется невыполнимой, когда ты веришь в командира и в своих товарищей, по сути, братьев по оружию. С верой любой человек неодолим. Мне часто приходилось испытывать эту неколебимую уверенность, что как бы ни был силен противник, мы сильнее, потому что верим не столько в четкую схему и продуманный план, сколько в того, кто ведет нас. И в тех, кто прикрывает справа, слева, а если надо — примет удар, предназначенный тебе лично. Бывало так, что последний патрон в магазине истрачен и на движение за вторым «стволом» к бедру нужна доля мгновения, за которую безликая фигура в маске уже поймала твою грудь в прицел. Под маской не видно лица. Но ты знаешь, что дух ухмыляется, понимая: нет у тебя времени, а пулю не обогнать... Но вот слева рывкает очередью «калаш», дух кулем оседает на землю, судорожно хватается за дырку в груди. А по плечу меня хлопает прокопченная ладонь с траурной каймой грязи под сломанными ногтями, и знакомый голос кричит в самое ухо: «Нормально! Я сделал его! Вперед, братуха!..» В такие моменты точно знаешь, что неуязвим, потому что рядом есть тот, кто прикроет, отведет косу Смерти от твоей шеи. И с удвоенной силой ты рвешься к цели, делая для спасителя то же

самое, что он для тебя, и так без конца. Но нет и горечи сильнее в тот миг, когда ты не успеваешь, друг падает, и все вокруг заволакивает пелена отчаянья и гнева. Братство, скрепленное кровью, узы, неразрывно связывающие совершенно разных, порой очень непохожих друг на друга людей. Без лицемерия и фальши они идут плечом к плечу, стоят насмерть спина к спине, и смерть отступает перед ними...

Думая о своем, я поднялся на второй этаж. Слон навалил мне полную миску жаренного с мясом и луком картофеля, налил пятьдесят граммов «перцовки», а потом заковылял вниз, к Леснику. Земляк понимал, что Богдана нельзя сейчас оставлять одного, нужно всеми способами отогнать тоску, сквозившую в каждом жесте и интонации убитого горем отца. Митинг внизу был показателем высокого морального духа подразделения, но полной уверенности в том, что они, когда придет время, в точности выполнят любой мой приказ, у меня не было. С другой стороны, полного повиновения можно добиться только от бездушных механизмов. Даже я сам с полной уверенностью не смогу сказать, как бы поступил в той или иной ситуации, поэтому играть придется с теми картами, которые сданы.

Другим насущным вопросом было приобретение снаряжения и оружия. Комбез был уникальной разработкой «Альфы», и придется снова просить Лесника, если его приятель имеет выход на местных снабженцев. Другое дело личное оружие: «грач» — это не ПМ, его наличие на складе у Тары совершенно не обязательно. Совсем же без пистоля выходить в рейд нельзя. Ну да будем посмотреть: на крайний случай, возьмем что-то другое. С деньгами было все в порядке: старые запасы кормили исправно, хоть мы и не ходили за артефактами, но они в изобилии находились у тех, кто постоянно хотел испытать свою военную удачу. Трофеи давали неплохую подпитку, когда заходила речь о материальном снабжении артели.

Накинув камку и пристегнув кобуру с АПС, я собрался было выйти наружу, но тут сзади послышался голос Лесника:

— Никак к Таре собрался? Тогда погодь, вместе пойдем. Есть товар, который он тебе без знакомства не продаст.

— Знаешь и этого «торговца смертью»?

В принципе, я был не против пойти вместе со стариком: ему следовало развеяться. К тому же его присутствие облегчит общение с оружейником. Скидки — скидками, но знакомства играют не последнюю роль. Торговцы народ мутный, и даже самый честный из них не преминет утаить нечто ценное для особых случаев.

— Да не жалко, пошли. С комбезом поможешь, а твой подарок почти в клочья порвало, еле сюда добрался.

— Дело нехитрое... Но деликатное. Чего еще профукал?

Голос тестя уже не был таким надтреснутым, как час назад, новые заботы и хорошая компания оказывали свое положительное действие, старик начал успокаиваться, отвлекаться на повседневность.

— ПДА накрылся, блок сканера тож, пистоль пополам распилило. Не знаю, найдется ли еще такой у местного барыги, вещь уж больно редкая.

— Не журишь, найдем и чего получше. Тара мне всякую снедь заказывал, да и к девкам в «Теремок» заходит регулярно. Знакомство свели, короче. Должен он мне, вот случай и подвернулся.

— Если дело в деньгах...

— Брось. Не денежный это долг, жизнь я ему спас. От химер увел его самого и девку его тогдашнюю. Вот он и побожился, что, мол, луну с неба для меня добудет, если попрошу.

— Так понимаю, ты ничего тогда не просил.

— А какого рожна мне от него надо? Патронов к карабину я и так куплю, места у нас спокойные. Были. — Лесник снова помрачнел, но продолжил: — В этот раз шестеро ребят из охраны «Теремка» пропали в лесу. Сам я еле от сектантского патруля ушел, Дашку искать отправился. Как чувствовал, что беда. Почти прищучили они меня, да лес уберег, скрыл, следы запутал. Орлика жалко — посеколо конягу осколками, из подствольника пальнули. Мне тоже, вон, досталось. Но конь спас: на дыбы встал, почти все на себя принял. Эх, какой конь

был! Только что говорить не умел, а так — как человек понимал все, в стойле метался, беду чувствовал. Да чего теперь об этом, они там, а мы с тобой покудова тут побудем. Да, зять?

— Верно, отец, верно говоришь.

В молчании мы проделали путь до «супермаркета». Пару раз нас останавливали патрули: Василь старался не зря, вооруженных людей на улице не встречалось. Пьяни и стрельбы, как раньше, слышно не было. Наладили уличное освещение, темных закоулков почти не осталось. Лесник долго не мог к такому привыкнуть, но заметив, что я довольно ухмыляюсь, все понял:

— Никак твоя работа?

— Нет. Я просто подсказал пару идей местным особистам, показал им, как быстро я и еще человек десять сможем обезглавить их партизанский отряд. А потом им стало неудобно, вот и подсустились.

— А чего это у них за камни на шеях висят? Вроде, артефакты только разведчикам положены.

— Сектанты пару ретрансляторов поставили, народ как чумной ходил, вот, видимо, это защита и есть. Я предупредил местных до выхода ну... тогда. Вот прибор уже и внедрили.

— Везде сунулся.

— Сам удивляюсь. Но, с другой стороны, сам посудите: я же только предупредил. Делали все другие люди, моих заслуг тут мизер.

— Иногда достаточно только этого. Хорошо, что предупредил тех, кому это было безразлично. Но скромность украшает. Пришли, однако.

«Супермаркет» встретил нас небывалым оживлением. У кассы скопилась очередь желающих оплатить покупки и тут же уйти. На лицах сотрудников Тары не отражалось ни тени паники, но случайные тревожные взгляды, которыми эти сосредоточенные и обычно бесстрастные парни бросали на клиентов, настораживали. Вот как, например, в данный момент, когда у носа одного такого продавца, размахивает пачкой купюр некий упитанный господин с лицом, заросшим рыжей бородой до самых глаз.

— Я постоянный клиент!.. Все знают, что я беру только под заказ, но теперь мне нужно срочно...

Мужик энергично размахивал перед носом у продавца пачкой местной валюты, тесня несколько опешившего парня к помещению главного офиса Тары. Но его подхватили под руки двое подоспевших близнецов первого продавца и вежливо, но настойчиво повели к выходу. Лесник ухмыльнулся:

— Похоже, народ уже в курсе, что на сектантов будет наезд. Все устремятся к центру Зоны, как год тому назад эти. — Он дернул подбородком в сторону бородатого любителя предзаказов. — Пойдут, как шакалы, позади штурмующих, заваруха будет еще та.

— А самое паршивое, что в живых останутся только вот такие нахрапистые амебы, — добавил я, высматривая хозяина магазина в толпе гомонивших клиентов. — И именно они станут травить байки про свои героические подвиги несмысленным новичкам. Если, конечно, вообще все не накроется медным тазом.

Лесник кивнул, соглашаясь. Увидев Тару, наконец, высвободившегося из толпы возбужденной клиентуры, приветственно помахал торговцу здоровой рукой. Тот помахал в ответ и знаком показал на дверь своего кабинетика, вход в который уже очистили подоспевшие с разных концов зала помощники. Через пару минут мы уже сидели друг напротив друга. Разговор начал Богдан, мне оставалось только слушать.

— Ну, Марат, смотрю делами ворочаешь, как и раньше: широко, с размахом.

— Рад видеть тебя, Богдан Палыч. Слышал про твое горе, сочувствую.

— Благодарю. — Лицо тестя потемнело, но он справился и тем же деловым тоном продолжил: — Но сейчас не об этом, Марат. Нужно кое-какое оборудование, и, само собой, пищалей твоих прикупим. Поможешь? — Лесник последнее слово произнес с нажимом, тоном, не допускающим отказа. — По старой памяти, а?

— Смотря что тебе надо. — Голос Тары задрожал от волнения, торговец понял, что

сейчас его попытаются развести на эксклюзив по бросовой цене. Само собой, долги в Зоне помнят и свято чтут, как, впрочем, в любом опасном месте, но нежелание отказываться от прибыли слишком явно читалось на его унылой физиономии.

— Нужны три комплекта БЗК «Сумрак»¹, из тех, что ты перехватываешь у начснаба «альфовцев». Один комплект для меня, два — Антону.

— Товар редкий. Только ты не серчай. — Оружейник выставил вперед обе ладони в защитном жесте. — Даром я сейчас ничего отдавать не стану, хоть ты мне и помог.

— Не жмись, а заплатит мы заплатим, сполна. Но цену сильно не гни, нам еще и жить на что-то надо.

Тара помолчал, лицо его застыло. Следов работы мысли на нем не отражалось. Наконец торговец сцепил пальцы рук в замок и, постукивая костяшками по гладкой поверхности стола, согласно наклонил голову.

— Ладно, черт с тобой, Лесник. Будем считать, что уговорил. Но если кому скажешь, что от меня и по какой цене получил...

— Ты же знаешь, что нет. Благодарю тебя. Рад, что договорились. — Богдан начал подниматься, жестом остановив мое аналогичное движение. — Вы тут еще покалякайте. Антон к тебе пару вопросов имеет. Деньги возьми. — Он полез за пазуху ватника, вынул пухлый сверток из плотной вощеной бумаги и, положив его на край стола, подтолкнул к торговцу. — Прощай, ты мне ничего не должен.

— Прощай, Лесник.

Тара бросил конверт в ящик стола, выражение его лица изменилось: ему было стыдно. Но скоро его лошадиное лицо снова потеряло всякое выражение, глаза потухли, снова став двумя стеклянными бусинками. Он повернулся ко мне.

— Тут такое дело, — начал я без предисловий, чтобы не длить неловкую паузу. — Пистолет приказал долго жить, нужен новый, точно такой же.

— А что случилось? — Торговец оживился.

— Случай нештатный, некая аномалия разрубила ствол пополам.

— Интересно. — Глаза Тары засветились жадным блеском. Я его понимаю: скучно сидеть тут сиднем, не имея возможности увидеть, как применяются твои товары в деле. — А что это было?

— Паучья сеть. Но не беспокойтесь, эта аномалия встречается очень редко.

— Шрамы от нее?

— Да.

Торговец понял, что больше я ничего не скажу, и быстро защелкал клавишами ноутбука. Сначала он был мрачен, потом напряжен, но вот лицо его прояснилось.

— Есть хорошие и плохие новости. — Я кивнул, поощряя Тару делиться добытой информацией. — Новость плохая: «грачей» у нас больше нет. Новость хорошая: есть новые германские пистолеты, специально для армии разработали. В ассортименте уйма гаджетов и заменяемых узлов. Штука очень надежная и убойная. Чуть длиннее «грача», но значительно легче, и боеприпас более мощный. Смотреть будем?

— Само собой. Вы меня заинтриговали.

— Ну тогда пройдемте на склад.

Оружейник поднялся и мы направились в заднюю часть магазина, куда допускались лишь те, кто заказывал Таре всякие редкости. Тут было не так оживленно, я заметил только

¹ БЗК «Сумрак» — легкий штурмовой защитный комплект, обеспечивающий защиту бойца от автоматных и пистолетных пуль, осколков гранат (класс III). За счет системы обеспечения, позаимствованной у БЗК «Лебедь», обеспечивает защиту от агрессивных сред, аномальной активности. Однако не имеет системы дыхания замкнутого цикла (установлены сменные фильтры ограниченного срока действия), из-за чего пребывание в сильно зараженных радиацией районах ограничено сроком до семидесяти двух часов. Имеет уникальную схему адаптивного камуфляжа за счет синтетической ткани «паутинка», обеспечивающей плотную маскировку бойца на любой местности. Является уникальной разработкой российского ВПК, поставляется только группировке «Альфа» небольшими партиями, исключительно для групп специальной разведки.

двоих слесарей и одного из помощников оружейника. Видимо, Тара дал парню какие-то указания насчет «деликатеса»: парень уже распаковывал небольшую коробку и вынимал оттуда пистолет, одновременно напоминая наш АПС и германский Glock. Также на столе появились «тихарь» и еще с десятков всяких железок, пока непонятного мне назначения. Когда мы подошли, парень кивнул Таре и отошел в сторону. Взгляд у отрока был заинтересованным, думаю, такую игрушку он держал в руках первый раз в жизни. Тара по-хозяйски взял пистолет и, вставив длинный двурядный магазин, начал палить по ростовым мишеням, поскольку помещение было оборудовано еще и стендом для апробации. Звук был необычным: чуть громче, чем у обычного девятимиллиметрового «ствол», но и не таким, как у полноразмерного ПП. Видимой отдачи я не заметил, оружейник удерживал пистолет во время ведения огня без усилий. Тара отстрелял один магазин, сразу вставил второй и навинтил ПБС. Звук почти исчез. Лязга затвора тоже, как ни странно, слышно не было. Закончив стрелять, Тара положил пистолет на стол и вернул мишень, которая на тропе подъехала к рубежу. Кучность впечатляла: все пули легли в круг, не превышавший трех сантиметров. Довольный оружейник повернулся ко мне:

— Немецкий UCP¹, легче и надежнее «грача». Кроме того, имеет режим автоматического огня. По сути, сборный конструктор, можно полностью учесть индивидуальные пожелания. Комплект поставки включает сезонные масла, набор для чистки, тактическую кобуру и части для трех модификаций изделия, накладки на рукоять и планки под приспособления — прицелы, фонарь, оптику. Пробивает советский «броник» вроде Ж86 навывлет. С современными сложнее: «тройку», стоящую на заказанных Лесником «Сумраках», может и не пробить. Шлем продырявит любой, уже проверяли. Спокойно можно стрелять в помещении — пули практически не ricochetят.

Я взял пистолет, покачал в руке. Вскинул, прицелился, нажал на спусковой крючок — чуть слышно щелкнул боек. Хват был чуток неудобен, Тара заметил тень сомнения на моем лице, поэтому поспешно заверил:

— Рукоятку можно подогнать, ляжет в руку, как родной. Пробовать будете?

Естественно, я попробовал. В целом пистолет мне понравился, чуть сложнее АПС, но значительно удобнее и легче. Пистолет почти срастался с рукой, казалось, читая мысли стрелка. Я отстрелял четыре магазина.

— Беру. Что с «тихарем» от наших друзей алхимиков?

— Тут есть проблема, — оружейник замялся, но видя, что клиент доволен, решил быть честным до конца. — Калибр пока нестандартный, умельцы работают, но результат еще далек от совершенства. Лучше ходить со штатным, так пока будет надежней.

— Согласен. Беру комплект и двести патронов к нему. Сколько с меня?

— С учетом скидки — двадцать тысяч рублей.

— Нормально. Еще мне нужен стандартный ПДА и гарнитура типа «хэндс фри». Мой накрылся заодно с комбезом. А также стандартный разгрузочный жилет и семь автоматных магазинов под советскую «семерку».

— Все это есть. ПДА, гарнитуру и «рожки» принесу хоть сейчас, а вот «разгрузка»... — Торговец сделал хитрое лицо. — Она есть специально для «Сумраков», тоже прошита камуфлирующей нитью, только чуть более редко, так чинить проще. Идет отдельно от комбеза, это не моя прихоть. Русские не поставляют «разгрузки» к своим БЗК, странно, но таковы факты.

— Сколько за все вышеперечисленное плюс восемь «разгрузок» с полным комплектом поставки: подсумки, пояса, кобуры?

— Шестьдесят две тысячи триста рублей, с учетом скидки.

¹ UCP — Heckler-Koch Ultimate Combat Pistol. Автоматический специальный пистолет, разработанный в рамках программы перевооружения армии ФРГ. Пистолет использует малоимпульсный патрон калибра 4,6 мм высокой пробивной силы. На дистанции 35–50 м уверенно поражает бойца, защищенного индивидуальными средствами бронезащиты по классу II. Имеет модульную конструкцию и до десяти вариантов компоновки, позволяет подогнать оружие под конкретного человека с учетом индивидуальных особенностей.

— Лады. Дайте мне одного из ваших технарей в помощь, а пока мы подгоним «ствол», пусть ваши люди доставят товар ко мне в башню. Сдайте все Слону, он расплатится.

— О'кей! Все сделаем. Как всегда, приятно иметь с вами дело, господин Васильев.

Я видел, что Тара сдерживается, и все-таки любопытство победило, и он с необычной для него просительной интонацией спросил:

— Народ в панике. Все закупаются, как перед большой бучей, вроде той, что была год назад. Мне как-то... тревожно. Вы не в курсе, что намечается?

— Только догадки. Но на вашем месте я бы раздал своим людям оружие и занял оборону здесь. Следующие десять дней будут очень непростыми для всех жителей Зоны. Намечается большая свара, без призов и победителя. Бойня, вот что нас ждет. Большого сказать не могу. Сам как в тумане. Удачи, и спасибо за хороший товар.

Тара неожиданно широко улыбнулся, показал в улыбке крупные желтые зубы и пожал мне руку.

— Вы всегда даете мне хорошие советы, господин Васильев. Пожалуй, ПДА, гарнитуру и патроны вы получаете в подарок от фирмы. Удачи не желаю. Просто хочу видеть вас среди своих постоянных клиентов. Уже после того, как гроза пройдет стороной.

— Удача нужна всем нам. Благодарю за подарок. Мне будет жаль, если не удастся снова побывать в вашем почти волшебном заведении.

На том мы и расстались. Подгонка и пристрелка пистоля заняла около часа. Мы остановились на компоновке с трехпозиционным переключателем огня, УСМ двойного действия¹, подогнали рукоятку и переключатель режимов огня под левосторонний хват. Теперь ствол как будто сам прыгал в ладонь: ни вес, ни отдача больше не мешали, «немец» стоил каждого потраченного на него рубля. Завернув покупки и попрощавшись со слесарем Олафсоном, помогавшим мне и в прошлый раз, я уже через двадцать минут был в башне и приступил к подгонке снаряжения. Народ разобрал обновки, и как-то так незаметно вышло, что Слон тоже решил идти с нами. Особых возражений у меня не было: Зону этот волчара знает, пожалуй, не хуже Лесника, а тот маршрут, который я уже выбрал, если местная шайка калек и призраков даст нам возможность сыграть на их стороне, проходим только при наличии в группе опытного проводника. Нога уже не беспокоила Слона так сильно, как раньше, поэтому я склонялся к мысли, что он вполне сможет пойти в качестве провожатого, да и стрелял мужик неплохо, поэтому возражать было бы глупо.

Комбез пришелся мне в пору, «разгрузка» тоже подошла идеально, стоило только повозиться с регулировкой. Бронежилет не был наглухо интегрирован в костюм и с помощью специальных фиксаторов легко снимался. Накладки на суставы довольно просто удалялись, а под «разгрузку» были предусмотрены специальные углубления. Как только все было подогнано, уже ни один элемент «сбруи» не выступал на поверхности. Создавалось впечатление целостности, словно комбез был создан таким изначально. Сейчас ткань была темно-серой, но я знал, что, стоит только надеть костюм, восприняв электрические импульсы тела, ткань наполнится неким подобием жизни, станет чем-то вроде второй кожи, только, в отличие от человеческой, она будет менять цвет в зависимости от окружающей среды. Все-таки классную штуку придумали!.. ПДА тоже заработал без всяких проблем и удобно устроился в боковом кармане, который был частично прикрыт пластинами «броника», да и сама ткань имела твароновую прокладку, поэтому прибор был надежно защищен от пуль и осколков. Облачившись, я стал набивать «рога» к «ковруше» и снарядил пару магазинов для нового пистоля. Оружие я снова смазал и проверил. На пистолет ушло больше времени, но

¹ УСМ двойного действия: курок (ударник) взводится за счет нажатия спускового крючка только для первого выстрела, остальные выстрелы происходят при автоматическом взведении курка, но первый патрон нужно досылать, передернув затвор. Однако есть модели, где досылание производится с помощью специального механизма (некоторые модели НК). Как правило, пистолеты двойного действия при этом остаются на боевом взводе аналогично пистолетам одиночного действия, однако они позволяют снять курок с боевого взвода и носить оружие с патроном в патроннике и невзведенным курком. Кроме того, такой режим позволяет попробовать повторно выстрелить патроном, давшим осечку, просто еще раз нажав на спуск.

спустя полтора часа я уже мог обходиться без инструкции, а еще через сорок минут разобрал и собирал «немца» на скорость и с завязанными глазами. Удовлетворенный результатами, спрятал пистолет в кобуру, выложил магазины к автомату на стол, а потом запер автомат и снаряженные «рога» в оружейный шкаф. В комбезе было удобно, но некоторая неловкость движений еще чувствовалась, с новой «шкурой» так всегда. Эта модель была удобнее прежней, возможно, что-то в дизайне изменили, кроме того, в комплект входил шлем типа «капсула», но, в отличие от привычной мне по армии «сферы», он был на порядок легче, имел удобные ниши под гарнитуру и в нем можно было, практически не напрягая слух, слышать разговоры Слона и Лесника на втором этаже. Подшлемник был выполнен как маска, где для глаз оставались только две небольших дырки. Ткань тоже была прошита нитями «паутинки», поэтому я решил, что шлем пока — это лишнее. Чтобы привыкнуть к комбезу и тяжести нового прикида, я решил прогуляться до бара, выпить пару пива.

Кивнув старожилам, чтобы вызвали, если возникнет надобность, я вышел на воздух. Сумерки разгонял яркий свет вновь установленных фонарей. Пройдя метров двадцать, я вошел в ворота склада, который являлся чем-то вроде тамбура, откуда, в случае Волны, можно было быстро добежать до подвала, где размещался, собственно, «Старательский приют». Но и тут теперь было светло, а на верхней галерее ходил патруль: двое бойцов постоянно двигались по периметру помещения, держа его под наблюдением. Снова плюс Василию и его сотрудникам. Спустившись по ступенькам в прокуренное помещение, я сел за свободный столик у стены, привалился к неоштукатуренной кирпичной кладке и уставился на экран телевизора. Крутили какой-то музыкальный клип с полуобнаженными девушками, поющими о том, как хорошо в деревне летом. Из задумчивости меня вывел женский голос:

— Что желаете?

Подняв голову, я увидел женщину лет тридцати с непривычной для этих мест густой копной светло-русых волос, собранных в тугую, сантиметров десять толщиной, косу, которую ее владелица перекинула на грудь. Высокий лоб, курносый нос. Голубые, необычайной яркости глаза смотрели прямо и немного устало. Росту в женщине было около ста семидесяти сантиметров, фигура несколько более эффектная, чем положено в месте, набитом пьяными, вооруженными до зубов мужчинами. Одета официантка была в обтягивающую майку с надписью «HARLEY DAVIDSON», синие джинсы, заправленные в амеровские армейские ботинки. Замена проколовшемуся Бунтарю была более приятной на вид.

— Пару пива. Темного, если есть.

— Есть разливное, есть бутылочное.

Женщина с интересом разглядывала нового посетителя и не отвела взгляд, когда наши глаза встретились.

— Пару бутылочного по «ноль пять» и сухариков пакетика два.

— Я — Рита.

— Антон.

Женщина окинула меня еще одним заинтересованным взглядом и ушла выполнять заказ.

Где-то я уже видел эти внимательные веселые глаза... Погоняв в памяти события и зацепившись за характерную походку и манеру речи, вспомнил. Тут же пришло решение. Достав из бокового кармана маленький блокнот с притороченным к нему суровой ниткой грифельным карандашом, я нацарапал на клочке бумаги пару слов. А когда официантка вернулась, отдал бумажку ей вместе с деньгами.

— Сдачи не надо. Передайте Василию, что я посижу тут еще немного, и если ему есть, что обсудить, — милости прошу.

Женщина хорошо владела собой, изменился только взгляд, из веселого превратившись в настороженно-напряженный. Едва заметным для посторонних жестом ладони я дал Рите предупредительный сигнал: все нормально, не говори ничего. Официантка несколько расслабилась, и я продолжил намного тигле, так, что нас не могли слышать за соседними

столиками, сохраняя при этом скучное выражение лица.

— Не надо напрягать память, просто Василь как-то раз сказал, что у него мало людей. Вас я видел мельком в канцелярии комендатуры. В форме вас тоже можно узнать, я не враг отряду. Просто передайте записку, и все.

— Чаевые — это круто. — Женщина справилась с волнением быстрее, чем я ожидал. Со временем будет толк. — Спасибо, но я вечером занята, подумая. Может, позже?

— Хорошо.

Официантка, уверенной походкой лавируя между столиками, растворилась в клубах дыма. Особист захочет повидаться, в этом нет сомнений. Другое дело, удастся ли мне его уговорить на то, что жизненно необходимо для осуществления моего плана. Народу становилось все больше, и вскоре пришлось уже отгонять вновь прибывших, говоря, что жду приятеля. Так прошло двадцать минут, и я совсем уж было решил, что особист не появится. Но, как это обычно бывает, все происходит именно в последний момент. Раздвигая корпусом клубы табачного угара, Василь появился, сияя улыбкой во весь рот: усталости как не бывало, система наконец-то начала работать без постоянного присмотра, появилось у служаки свободное время. Плюхнувшись напротив, он протянул руку через стол, поздоровались.

— Чего такой хмурый, Васильев?

— Устал. Бегаю много — отдыхаю на ходу. Вижу, процветаешь?

— Система заработала, спасибо за науку. Я про долги помню. Чего звал?

— Есть информация, что в ближайшие десять дней военные и «сичевые» пойдут на Припять. Пойдут независимо, с северо-запада, но будет налажено взаимодействие, с целью выбить сектантов из города, открыть путь к подземному лабораторному комплексу. Вояки внутрь не пойдут, скорее всего, их придержат после взятия второго южного рубежа обороны. Внутрь пойдут штурмовые группы «Січі», но это только номинально старатели, думаю, что подтянут американскую спецгруппу.

— Секрет полишинеля. Все идут бомбить сектантов, даже простые бродяги знают, что готовится наступление.

— А простым бродягам известно, что их ждет ловушка?

— Нет конкретики. Что за ловушка, где она? Ты ведь не знаешь.

Особист подначивал меня, внимательно ловя каждое слово. Он прав: нет конкретики, но есть пара догадок, о которых даже Василию не следует говорить, иначе сектанты все переиграют, а времени на новые отгадки уже нет.

— Прошу тебя только об одном: отговори своих входить в город с северо-запада, пусть первыми пройдут вояки и «сичевые». Не рвитесь вперед. Уверяю тебя, опоздавших ждет награда, будете наблюдать попадалово с первого ряда. Больше ничего сказать не могу, и помочь тоже нет возможности. Понимаю твои опасения и что ты тут не самая большая шишка, но больше ничего не скажу. Просто слишком многое поставлено на кон, шанс победить только один. Сделай, что можешь, если получится — станешь генералом и свалишь отсюда весь в орденах и полном почете.

Василь задумался. Его хорошее настроение быстро улетучилось. Но в глубине глаз таился азартный блеск. Такой огонек бывает у ищейки, вставшей на верный след. Чуть подумав, он кивнул и, уже поднимаясь из-за стола, ответил:

— Сделаю, что смогу. Но про генеральские звезды это ты хватил, в лучшем случае «подпола» дадут, да и то, если не сгинем все. Не знаю, что ты затеял, но... Ни пуха!

— Иди к чертям.

Это я сказал уже в спину удалявшемуся на третьей скорости особисту. Хороший он парень, наверняка честный, такие редко получают генеральские звезды. Хотелось бы, чтоб он остался среди тех, кто переживет грядущий бой, удача да не минует его.

Поднявшись через десять минут, я направился к стойке бара и вложил в руку бармена записку для связника Ткачей. Тот глянул на адресата и спрятал бумажку в нагрудный карман засаленной жилетки неопределенного цвета. Выйдя на улицу, я всей грудью вдохнул пахнувший бензиновой гарью, ржавым железом и мокрым камнем воздух. На душе стало чуть

легче. Близилась развязка, все игроки вышли к последнему рубежу.

3.2

В башне я взял автомат и распихал по подсумкам четыре магазина к нему. Привычно клацнул затвор, приятная тяжесть оружия добавила спокойствия, уравновесив мутную волну осевшего на дно души горя. Понемногу прежний Антон вытеснил того растерянного и уязвленного человека которым я чуть было не стал из-за понесенной утраты. Выйдя снова за ворота башни, я стал в единственном теперь темном углу возле штабеля железобетонных балок. Следовало дожждаться сигнала от Ткачей.

Намерения иномирян были ясны: любой ценой они стремились вывести меня из игры, сбросить с доски непонятную фигуру. Не думаю, чтобы меня всерьез кто-то опасался, но за время, проведенное здесь, прояснилась некая общая тенденция, охватившая как защитников Обелиска, так и сектантов с их непонятными союзниками. Все они следовали какому-то плану, подчинялись неизвестному мне сценарию, повторявшемуся раз за разом как минимум уже на протяжении десятка лет. Если мне не удастся сломать стену в этом хитром крысином лабиринте и достичь цели, не следуя заготовленным для меня репликам, то это и будет единственный шанс на победу. Но такой ход предполагает знание всего сценария целиком, что невозможно в столь короткие сроки. События, подобно водовороту, завлекли меня и всех, кто находился рядом, захватили меня, не оставив много времени на раздумья. Я решил действовать, полагаясь исключительно на интуицию и здравый смысл.

Пиликнул сигнал ПДА, на экране засветились строчки сообщения: «Восточный блокпост, сто метров от поваленного фургона „Хлеб“ на северо-восток. Жду час со времени подтверждения о получении данного сообщения». Отлично. Как и предполагалось, бармен ничего не знает, халдея используют втемную, так как со времени передачи моего сообщения прошло больше двух часов. Система безопасности действительно заработала на полную мощность. Я отцепил ремень автомата и закинул оружие на плечо, чтобы ни патрули, ни ребята на блокпосте не напрягались без нужды. С недавних пор носить оружие в руках считалось на территории базы дурным тоном.

Миновав посты внешнего кольца, снова убрал ремень, зацепив его за приклад, чтоб не мешал, и, поудобнее перехватив оружие, направился к месту встречи. Вроде все было тихо, но на всякий случай я залег недалеко от ложбины между трех холмов, чтобы видеть сверху подошву восточного прохода между ними, где и примостился стоящий на удивление прямо старый, советского образца фургон с вылинявшей надписью «Хлеб».

Букв почти не было видно, их стерли ветер и непрерывно льющаяся с неба ядовитая влага дождей, но место это известное, там редко встречаются аномалии и можно иногда пересидеть до утра, если нет желания идти на базу. Человек появился со стороны дороги, ведущей на армейские склады, и, пройдя чуть дальше на запад, остановился в десяти шагах от капота хлебовозки. Одновременно я заметил, как три тени, стелясь по земле, быстро приблизились к месту встречи с севера. Один залег в траве на пригорке таким образом, чтобы прогалина с грузовиком и посланцем Ткачей была в секторе обстрела. Двое других обошли снайпера по флангам и нашли себе укрытия в складках местности, изрытой оврагами, находясь уже на расстоянии пятидесяти метров от человека на поляне. Грамотно работают, придется сначала зачистить прикрытие, поскольку завалить меня хотят в любом случае, как я понимаю. Человек на поляне, скорее всего, безоружен, но сюрпризов исключать не следует.

Обойдя позицию координатора группы прикрытия с тыла, я включил ноктовизор, чтобы лучше рассмотреть противника. Кто знает, может, связника перехватила контрразведка «Альфы» и сейчас бравые особы готовы принять под крыло резидента враждебной спецслужбы. Подойдя ближе, увидел бахромю лохматого камуфляжа, ствол винтовки, обернутый тряпьем. Нет, так ничего не узнаешь. Приподнявшись над землей, приложил бойца прикладом по шее. Тот еле слышно всхлипнул и обмяк. Обезоружив его, я

понял, что ошибся: ни документов, ни знаков различия у парня не было. Вынув затвор у его «ремингтона» и разобрав амеровский USP¹ с глушителем, выстрелил пленному в голову два раза из своего пистолета. Потом, уже с чистой совестью, приложил оставшихся двоих граждан, не ожидавших такого поворота событий, и вышел на поляну уже со стороны блокпоста, словно и не лазал по кустам почти сорок минут. Человек, увидев меня, в приветствии поднял правую руку с раскрытой ладонью. Сигналь, милый, сигналь. Видимо, связи с группой прикрытия у связника нет, эти гаврики действовали автономно. Подойдя ближе, я понял, что никогда этого парня раньше не видел: круглое лицо, темные волосы, близко посаженные мутно-серые глаза, безвольный подбородок и нос картошкой.

— Привет. Долго говорить не буду, передай своим хозяевам, что я вне игры. Мы с ребятами собираемся и уходим из Зоны. Все, что мне надо, это гарантия беспрепятственного выхода через территорию «Братства Обелиска» в ближайшие трое суток. Через карантин военный нам хода нет. Либо так, либо будем воевать, нам деваться некуда.

— Неожиданный поворот. — Круглолицый связник задумался, но только на мгновение. — Это можно устроить, мои хо... коллеги не хотят осложнений, пусть будет по-вашему. Схему маршрута мы вам пришлем завтра. — Связной глянул на часы. — Уже сегодня, к 9:00. Так пойдет?

— Да, это будет справедливо. Ну что, расходимся?

— Я пойду первым, если вы не возражаете.

— Иди.

Круглолицый повернулся ко мне спиной и, пройдя с десятков метров, растворился в темноте. Вот сюрприз его ожидает, когда прикрытие не выйдет на связь. Но это вряд ли имеет значение: претензий ко мне не ожидается, легенда начинает работать. Я рысью направился к блокпосту, чтобы исключить любое продолжение контактов с послом иномирян.

В башне все было тихо, Лесник сидел за столом в гостиной и делал на испещренной заметками склейке какие-то пометки. Сев напротив, я заметил, что пометки касаются реки Припять, а точнее, района, где река поворачивает на северо-восток. Сам того не зная, Лесник предвосхитил мои вопросы по поводу реки.

— Богдан, а почему сектанты не трогают восточный берег и юго-западные районы в двадцати километрах ниже моста? Ведь это потенциально опасные направления?

— Фонит там сильно, радиация до ста суточных норм по обоим берегам. Особенно в районе лодочной станции, там даже зверье не водится. Сектантов не так много, к тому же «колючка» рядом. Пара катеров военных вдоль берегов ходила раньше, но сейчас — только мобильные патрули «Братства Обелиска», а на лошадях близко к берегу не подъедешь, они в трехкилометровой зоне ходят.

— Значит, если по берегу, то можно проскочить до самой ЧАЭС?

— Нет. Весь юго-западный участок ниже моста простреливается со второго форпоста сектантов. Скоростные катера, плоты — все потопят или засекут и перехватят выше. Не пройти, думал уже.

Я улыбнулся так, что тестя передернуло, но в глазах его появилось некое понимание, и он приглашающе протянул мне карандаш. Но чертить я ничего не хотел, даже намек не буду оставлять, слишком многое зависит теперь от того, как поведет себя наш противник.

— Есть способ. Сектанты сами пустят нас к себе, проведут сквозь излучение Радара. Мы обойдемся без стрельбы, пройдем в полный рост, не таясь. Но говорить пока ничего не стану. И ты с нами не ходи, очень тебя прошу, отец, слабый ты еще, смерти ищешь, а нам дело повернуть нужно. Без обид, хорошо?

— Да понимаю я все. — Лесник хлопнул широкой ладонью по столешнице. — А ежели

¹ USP НК — имеется в виду модификация данного автоматического пистолета для сил специальных операций армии США с удлиненным стволом и регулируемым прицелом, предназначенным для использования с глушителем.

обхитрят тебя гады инопланетные? Кто тогда подстрахует, кто дальше пойдет?

— Никто. И не потому, что некому, храбрых и смекалистых найти не так уж и сложно. Все, кто пришел в Зону, так или иначе исключительные люди, не любящие размеренный дрейф по течению. Просто время уже вышло: вояки, «сичевые», тутошняя «тимуровская организация», да и просто мародеры и вольняги через пару дней набросятся на «Обелиск» всем скопом, как стая слепых псов! Ни они сами, ни те, кто их поведет, не задумываются над тем, какой облом их ждет уже на подступах к городу. До станции не доберется никто. Всем застят свет эти треклятые артефакты, разработки этих психованных фанатиков. Да и просто тщеславие: смотрите, какой я молодец! Под моим мудрым руководством удалось покончить с самой таинственной и сильной группировкой Зоны! А там чины, звания и, может быть, президентский стул на гнутых ножках. Люди погибли? Так вечная память и земля пухом: родне грошовую пенсию в зубы и какую-нибудь медаль. И это только служивым, бродягам и клановцам так сильно не повезет. Там даже могилки не будет — просто горы трупов в канавах и отрезанные головы на шестах «аллеи славы» возле первого форпоста сектантского...

— А когда было по-другому, Антон? Людишки пойдут, как ты их ни стражай, без этого человек не человек, воля не воля. Мы ведь тут все... счастья ищем.

Лесник говорил без пафоса, с толикой затаенной горечи. Он с видимым усилием встал из-за стола и спустился в подвал, где Слон повесил для гостя гамак. Послышался шум воды в душевой. Разговора не получилось. Я тоже спустился вниз и, разоблачившись, прилег. Нужно было выспаться, потом такая возможность может и не представиться. Снов, как обычно, не было, черный провал безвременья. Абсолютный покой, когда происходящее за шторками плотно сомкнутых век не имеет никакого значения. Ненавижу сон, время, потраченное на него, считаю потерянным зря. Ровно через семь часов я проснулся и после обычной утренней рутины поднялся наверх. За столом сидели все, кроме Лесника, он ушел еще затемно, я слышал, как он уходит, но не поднялся проводить. Независимый характер и упрямство не дали ему остаться в башне на время проведения акции. Понять его было можно, но сейчас мне было не до психологических этюдов. На ПДА пришел файл с размеченным маршрутом и частотой для связи с гарнизоном укрепрайона за первым форпостом сектантов.

Как я и предполагал, маршрут они выдали вдоль западного берега Припяти, вплоть до моста, где начиналась ничейная земля, отделяющая зону, подконтрольную «Обелиску», от санитарного ограждения, а за ним и сети инженерных сооружений, где нес службу сводный полк украинских ВС. Насколько я знал, нравы там были свободные: со стороны секты не было прорывов периметра. Даже местная фауна тут никак себя не проявила, на данном участке царили мир и покой. Идиллия иногда нарушалась лишь инспекционными проверками раз в полгода, но и только. Словом, с мотивацией я угадал, Ткачи купились. Подвохов вроде такого, как пропустить нас и «загасить» где-то на своей территории, я не ожидал. Зачем тратить силы и время на того, кто и так сдался и уходит? К тому же меня постоянно вело некое подспудное чувство, или, скорее, «предзнание». Словно я иду по лезвию стального клинка, когда любой неосторожный шаг или неверное движение грозят смертью.

Я собрался по-походному и, взяв автомат, вышел за ворота. Был уже день, но сизые тучи скрывали небо, рассеивая солнечный свет до состояния полумрака. Мне предстояло встретиться с Сажей. Алхимик прислал сразу три сообщения, в которых настоятельно просил о встрече в том достопамятном помещении, где зарезали Посредника. Я отстучал свое согласие и обговорил условия, одним из которых было проведение переговоров на воздухе. Случайная утечка информации была недопустима, поэтому мы договорились встретиться неподалеку от западного блокпоста, в районе заброшенной автобусной остановки. Спустя час я уже наблюдал его сутулую фигуру, которая скачками приближалась, петляя меж холмов. Мой бывший «пассажир» походил на Посредника: тот же балахон с длинными просторными рукавами. Но ради меня Сажа не надел капюшон. Видимо, со стороны

алхимика это был жест наивысшего доверия. Мы обменялись рукопожатиями, рука у Сажи оказалась неожиданно крепкой для такого хилого на первый взгляд субъекта, но я хорошо помнил, как Сажа в одиночку пер на себе раненого Михая во время нашего отчаянного марш-броска с зыбкой земли Белого шума.

— Ступающий-в-Паутине! Наша встреча — это большая честь для меня. — Сажа прижал правую ладонь в перчатке к груди и поклонился, выказывая уважение к равному, но никак не раболепство. — Ты так быстро откликнулся на просьбу о встрече... Я сожалею о твоей потере, поверь, это не пустые слова.

— Верю. Но сейчас не об этом. Хочу оказать Ткачам ответную любезность, очень рассчитываю на твою помощь. Помнится, ты говорил, что в долгу не останешься. Сейчас подходящий момент для расчета. Ничего сверхординарного мне не надо, только некоторое оборудование и твоя консультация.

— Это можно. Только... Мое спасение было оплачено. Ты не подумай плохо о нас, но если то, что ты попросишь, составляет тайну для посторонних или слишком дорого чисто по финансам... Мне нужна конкретика, Ступающий.

— Шесть комплектов «белого мха». Не той туфты, которую ваши торговцы впаривают местным, а настоящих, способных сорок суток держать жесткое излучение. И все, что ты знаешь про то, где сейчас Камень, каков ритуал вызова на битву, которая намечается между Ткачами и Изменяющими.

Сажа опешил от такого напора, и я его понимал: «белый мох» — это набор картриджей для БЗК. Он не только поглощает радиацию, но и способствует ее выведению из организма. Эту губчатую белесую субстанцию алхимики продают уже давно. Однако работает «мох» недолго, всего трое суток, после чего приходится быстро менять его на другой. Иначе та мерзость, в которую «белый мох» превращается, прожжет кожу до костей. Среди старателей ходят упорные слухи, что разведчики «Альфы» как-то раз за бешеные бабки прикупили у алхимиков настоящий «белый мох», который служит почти вечно, поглощает чудовищные дозы излучения и бережет своего владельца от скопившейся внутри тела дряни, если случится хватануть передоз.

Не все просто было и с ритуалами, о которых я спрашивал: Видящий Путь многое недоговаривал. Но теперь, поскольку я собирался играть по своим правилам, лишними знания уж точно не будут. Алхимики не связаны с Изменяющими никакими обязательствами, поэтому, если захотят, то смогут поделиться знаниями не таясь.

— Расскажу, что знаю. — Голос Сажи слегка дрогнул. — Но с условием, что после того, как все закончится, вы дадите ордену возможность услышать рассказ из первых уст. Знания прежде всего.

— Согласен. Либо я, либо тот из моих людей, кто уцелеет, придут к тебе и расскажут все без утайки. Даю слово.

— Тогда к делу. — Сажа подобрался и, оглядевшись, жестом предложил присесть на поваленные в кучу монтажные короба, лежавшие метрах в десяти от бетонной будки остановки автобуса. — Как вы верно заметили, времени очень мало. Что вас интересует конкретно?

— Ткачи обязательно должны повоевать с Изменяющими. Меня интересует, как это происходит.

— Ничего необычного: просто присылается вестник, который объявляет время и место боя. Но сейчас, думаю, все будет несколько иначе. Ткач не может быть телесно в этом мире, пока Камень не откроет портал, поэтому наняли Ждущих-в-Темноте. Но вы спутали им карты, а наемники уровня Ждущих — очень дорогое удовольствие, и они ценят свою жизнь превыше награды, их народ весьма немногочислен. Поэтому Ткачи вынуждены придерживаться традиций, полагаясь только на своих союзников уже здесь, в Зоне. А они-то Изменяющим не так страшны.

— Значит, меня считают сильнейшим противником, несмотря на то, что реально я слабее любого кровохлёба. Но это же абсурд.

— Не торопитесь с выводами! Вы сами не знаете своих сил и возможностей. — Сажа опять вскочил в невероятном возбуждении, но, быстро взяв себя в руки, снова сел на бортик короба и продолжил более спокойным тоном: — Ваш титул звучит как Ступающий-в-Паутине, вы уже не совсем человек в плане физиологии, но и не чистокровный Изменяющий. Титул не налагает ограничения на ваши действия, поскольку вы — это как... самое близкое будет — джокер в колоде, неизвестная величина, а Ткачи и Изменяющие подчиняются четким правилам. Поэтому, раз устранить вас не получилось и напугать тоже не вышло, вот Ткачи и предложили сделку, и свято будут блюсти ее условия. Вы — ходячая случайность, бомба с зажженным фитилем, погрешность в уравнении, которой не должно быть. Без вас победа им обеспечена и...

— И пока они уверены, что я вне игры, все будет тихо.

— В смысле?

— Нет, это просто предположение. Так я прав или нет?

— Да, совершенно правы.

— Где будет проходить бой, вы не знаете?

Сажа задумался и сидел так, опустив голову, размышляя минуты три. Потом немного виноватым голосом ответил:

— Обычно это происходит недалеко от того места, где стоит Камень. Но сейчас... Не знаю... Вам известно, что кланы и военные готовятся штурмовать укрепления «Братства Обелиска» через трое суток?

— Предполагал, что у меня есть около десяти дней. Но — нет, не знал, что так скоро. Ты сможешь доставить комплекты фильтров сегодня к вечеру?

— Нет проблем: порталы внутри Зоны еще работают, есть пара безопасных дорог, я все сделаю.

— Ну, тогда бывай. Сколько я буду должен за комплекты?

— Это подарок, от меня лично и... Очень надеюсь, что вы расскажете, как все происходило. Вам необходимо уцелеть. — Сажа понизил голос почти до шепота: — Если бы жизнь в оболочке из плоти не была мне безразлична, я бы не хотел оказаться на вашем месте. Плоть слаба. Вы храбрый человек.

— Ладно, давай не будем о титулах. Фильтры доставь в башню, Слон примет. Пусть курьер объяснит ему, как пользоваться. Это возможно?

— Да, разумеется. — Сажа махнул рукой. — До встречи, очень надеюсь на благополучный исход.

Я смотрел, как удаляется еще одна часть плана, задуманного мной как рискованная авантюра, не сулящая стопроцентного успеха, но и являющая собой единственно возможный в данной ситуации вариант. Многие скажут, что соваться на территорию вооруженного и желающего твоей смерти многочисленного врага — это чистейшей воды безумие. В каком-нибудь киношном боевике — безусловно. Коварные и кровожадные вражины порезали бы глупых и доверчивых артельщиков на ремни, злобно хохоча, под акомпанемент какого-нибудь бодрого гитарного перебора. Однако в жизни так бывает довольно редко. Как правило, главная цель соглашения вроде того, какое я заключил с Ткачами, — это избежать потерь и по возможности бескровно избавиться от противника, просто его отпустив. Люди сектантам тоже нужны, к тому же нет никакой гарантии, что мне или кому-то из артельщиков удастся выжить, и тогда положение вновь станет непредсказуемо опасным.

Когда-то очень давно, во времена службы в одной горной республике, я имел возможность убедиться, что резня не является самоцелью для большинства вменяемых и не очень полевых командиров. Нам нужно было пройти по дну контролируемого духами ущелья, склоны которого представляли собой сеть хорошо замаскированных ДЗОТов¹, а

¹ ДЗОТ — военно-инженерный термин. Буквально расшифровывается как долговременная заглубленная (зенитная) укрепленная огневая точка. Возвоится с частичным использованием естественной защиты складок местности. Строится из подручных материалов, часто из дерева.

скалы были буквально изрыты пещерами естественного происхождения, которые духи использовали как ходы сообщения. Выкурить их оттуда можно было только вакуумными зарядами или очень специфической химией. Но так получилось, что духи решили нас пропустить. Начальник штаба бригады очень долго исходил паром, не понимая, как Шубин решился на такое. Тогда именно он вел разработку операции и полностью отвечал за ее успешное исполнение. Штабист никак не мог взять в толк, почему духи должны пропустить колонну из четырех крытых ГАЗ-бб, одного «козелка» и единственного БМП сопровождения, удовольствовавшись в качестве взятки всего лишь пятью мешками муки и двумя ящиками патронов. Ехать было необходимо: в грузовиках находились бумаги для штаба группировки и еще какая-то секретная хренотень, про которую я знал, что ящики с ней очень тяжелые, только и всего. Штабист настаивал на прибытии танковой роты, звена вертолетов и двух взводов мотострелков для охраны груза. Все смотрелось логично, мне тогда не было понятно, почему наш капитан так рисковал, подставляя, по сути, весь караван духам как на блюде. Ведь и ежу понятно, что стоит нам войти в ущелье, как колонну стопорнут, нас разоружат и в лучшем случае угонят в рабство. Но ротный только недобро шурился на яркое солнышко и стоял на своем. Время поджимало, и комбриг согласился, потому что танки застряли на равнине, видимо, что-то сломалось или ротный танкистов тянул время, не хотел весело гореть в узкой расщелине, где только три направления: вперед, назад и к Аллаху в гости, то есть наверх.

Ущелье мы проехали как на параде, без единого выстрела, а в конце духи даже дали нам проводника. Неприметный парнишка помог почти вдвое сократить путь, проводя колонну по заброшенной дороге, которую никто позже так и не смог отыскать, как ни пытался. Лишь спустя месяц я узнал, что там полегла другая, очень крупная бандгруппа, пытавшаяся пройти через ущелье. Духи, засевшие в том проклятом месте, раздолбали втрое превосходящую по численности банду конкурентов по опасному ремеслу. Но и сами еле удержались, потеряв две трети бойцов. И вот тогда я понял, как тонко наш капитан все рассчитал. Духи, без сомнения, могли покрошить и нашу колонну, и тех, кто придет выковыривать их из скал в отместку за нас, но и сами бы потеряли очень выгодную позицию. И само собой, повторной атаки конкурирующей группировки им было бы уже не сдержать, поскольку главный козырь любого укрепрайона — это неподвижные огневые точки узлов обороны. А возьми на себя труд кто-то провести разведку боем, и вот уже вся сеть как на ладони. Поэтому, зная положение сектантов и их союзников, за свою безопасность я не опасался. Расслабляться, естественно, не следовало, но на фоне грядущих событий я твердо был уверен, что нас пропустят, лишь бы только избавиться навсегда и от меня, и от возможных проблем, связанных с моим устранением.

Теперь следовало идти на Свалку, где возле бывшей стоянки Славы Беса я назначил еще пару не зависящих друг от друга встреч. Идти пришлось быстро, поскольку по общему каналу трубили о приближающейся Волне, которую прогнозировали не позже, чем через десять часов. Я свернул на север, поскольку напрямик пришлось бы снова проходить контроль на «блоках», и потери по времени составили бы около трех часов от расчетного времени. Вокруг было спокойно, зверье, даже самая мелочь, затаилось по норам и болотам, как будто чуя приближающуюся резню. Проходя по старым тропам, протоптанным кабаньими выводками, я не встретил даже тушканчиков, которые обычно шныряют повсюду, и их верных спутников — слепых псов — тоже видно не было. Даже ветер, подчиняясь общему настроению, завывал с какой-то особенно зловещей интонацией.

Мне предстояло разговаривать с Ломом. Бывший телохранитель круто поднялся, стал правой рукой почти не появлявшегося на людях Борова. Все блатные считали Лома непререкаемым авторитетом, поскольку он быстро приструнил недовольных и уладил дела с воровской верхушкой за пределами Зоны. На встречу со мной он должен был явиться один, как я и просил в отправленном сегодня утром сообщении.

Встречу я назначил на восточной окраине бывшего лагеря Беса, за поваленной опорой ЛЭП. Когда я спустя три часа подошел к месту встречи, предварительно осмотрев подходы,

Лом уже ждал, сидя на корточках так, как умеют только зэка, и лузгал семечки. Прикид он не поменял, был все в том же военном БЗК, только вместо автомата он теперь носил укороченный помповый дробовик. Завидев меня, бандит поднялся и заспешил навстречу, протягивая руку. Обменялись приветствиями. Лом считал меня своим лучшим другом и, казалось, был искренне рад встрече.

— Здоров, кореш! Рад видеть. Надеюсь, ты не думаешь, что это я тогда подставу задумал? Все было чисто, паук вроде купился на отмазку, но... Сам понимаешь, где я, а где эта тварюга шестипалая...

— Не тарахти, знаю, что не виноват. Замнем тему, о другом говорить пришел.

— Все, что могу, сделаю, ты же знаешь.

— Присядем. — Я указал на поваленную опору и два штабеля труб, так и оставшихся не уложенными двадцать лет назад. — Есть тема для тебя.

— О чем базар, — Лом оживился и, спрятав семечки, уселся напротив меня, с интересом ожидая продолжения разговора. — Что за тема?

— Если все сделаешь так, как я скажу, сможешь подняться еще выше и уже насовсем задвинуть Борова на задний план.

— Не, Боров пусть будет. — Лом осклабился, показав ровные белые зубы в щели заросшего бородой кривоватого рта. — Если кто недоволен, все на «папу» спишется, а я вроде как не при делах. Но, говоришь, тема реальная?

— Более чем. Твои урки тоже в набег на «Обелиск» собрались?

— Не без этого. — Лом улыбнулся. Улыбка на его заросшем до глаз лице смотрелась даже забавно, если бы не взгляд мертвенно холодных, как у акулы, глаз. — Только мы подождать решили, пока «Альфа» и эти фраера из «Січі» стену лбом прошибут. А там и мы подтянемся, следом пойдем.

— Разумно, но не советую идти на секту войной. Есть мнение, что их там уже ждут, вот и вас заодно прихватят на «горячем».

— Да ну, не бреши. — Лом скривился, но, увидев, что я не шучу, подался вперед. — Что, реально хотят всех опустить?.. Ой, козлы... Так это, значит, все гон про артефактовые поля и всякое военное барахло?

— Может, и нет, только ничего фартовому человеку не достанется: «погасят» сектанты всех, кто сунется. И вашу кодлу не забудут, уж это будь спокоен. Но есть реальный план, как поднять хабар, без риска для жизни.

— Гонишь?

— А смысл? Но уговаривать не стану — тема реальная, кто хочешь пойдет без оглядки. Так ты подписываешься, или я наймидам информацию дам, они-то точно своего не упустят?

— Э!.. Ладно, я ж пошутил, сам пойми — дело темное предлагаешь.

Весь разговор был не более чем игрой: я мог просто приказать, и дело было бы сделано, но все еще оставалась угроза присутствия эмиссаров Ткачей на базе уголовников. И лучше бы им не сразу доложить хозяевам об изменении обязательной программы встречи. Нужно во что бы то ни стало убедить Лома сделать финт ушами.

— Ну, слушай: как только все ринутся на приступ сектантских укреплений, вы тоже вроде как пойдете, но не туда. У тебя есть реальный шанс подломить базу «сичевых».

— Да ну, гонишь опять! Там народу... — Лицо урки посветлело, словно в черепе у него загорелась электролампочка. — Опа! А ведь верно: все пойдут щупать «Обелиск», есть у меня пара верных людей, держат связь регулярно. Если придется, даже ворота откроют. Ударим сразу и хапнем тамошние склады, а братвы всяко меньше потеряем, там поди человек двадцать останется, а мы сотню по-любому выставить можем. Ну ты голова, кореш! Реальный расклад, буду должен.

— Сочтемся. Только просьба к тебе: не говори даже ближним. Пока в поле не выйдете — помалкивай. Дождись, когда «сичевые» отойдут на приличное расстояние, и только тогда сворачивай к армейским складам. Не нападай, пока все основные участники плотно не увязнут в драке с сектантами. И вот еще что: есть сведения, что «Альфа» в свару не полезет

или оставит у себя две трети личного состава на базе. К ним не суйся, зря людей положишь.

— Да не очень-то и хотелось. — Лом уже мысленно подсчитывал барыши и порывался уйти, мои доводы его не трогали, но раз я попросил, «Альфа» может не опасаться уголовников. — Бедно у них всегда, больше гемора их за вымя шупать. Вот «Вільна Січ» — это тема. Их постоянно янкесы облизывают, братва говорит, сейф у их командира есть в подвале каком-то. Там тебе и арты, и лавэ, молчу уже про склады оружейные, на три жизни железа хватит!.. Ладно, кореш, за тему благодарю. Пора мне, дел немерено, бывай покуда!

Лом сорвался с места и, пожав мне руку на прощание, на рысях двинулся в сторону заброшенного КПП, видимо, там он оставил охрану. Я не стал его удерживать. Все получилось как нельзя лучше. Нападение уголовной шоблы на главную базу «Січі» будет сравнимо с ударом в спину. На данный момент так и не удалось выяснить, сколько же точно наемников и спецурсы перебросили заказчики нынешней мясорубки своим подшефным. Поэтому сохраняется шанс, что войска «сичевых» разделены и на базе ждет резерв, скорее всего небольшой, но имеющий какие-то свои козыри. Удар уголовников станет для них сюрпризом и если не нанесет серьезного вреда, то по крайней мере задержит на какое-то время. А в случае, если я ошибся и резерва нет вовсе, то «сичевые» тем более вынуждены будут отойти для помощи гарнизону базы, что опять же нам на руку. Да и бандитское поголовье сократится очень серьезно... Теперь следовало взять южнее и встретиться с еще одним важным звеном цепи «случайностей», которые должны были дать нам с артельщиками шанс выполнить поставленную задачу и вышвырнуть Ткачей туда, откуда они явились в наш мир.

Но идти далеко не пришлось: не успел я выйти к долине меж трех мусорных холмов, как впереди, метрах в двухстах, возникла сторбленная фигурка в вылинявшем грязном пыльнике. Горб оказался до отказа забитым рюкзаком той же цветовой гаммы, что и плащ. Тихон вприпрыжку двигался навстречу, даже издали было заметно, что в одной руке он держит кусок чего-то съестного, а другой отмахивает, словно маятником, ритм ходьбы. Я остановился и приветственно помахал безоружной рукой, чтобы привлечь внимание Подорожника. Тот ускорил шаг и спустя короткое время уже разводил костерок в тени мусорной горы, нависавшей над нами на добрых пятьдесят метров в высоту, а вширь эта громадина тянулась почти на пару километров. Своими размерами гора подчеркивала масштаб произошедшей в Чернобыле трагедии, когда люди дорого заплатили за свои ошибки, они словно взяли неподъемный кредит и вот уже на протяжении четверти века пытались скрыться от последствий содеянного.

Я присел напротив ставшего мне таким родным существа, одновременно чуждого и вместе с тем близкого, словно бы знал Тихона очень давно.

— Ну, рассказывай, чего звал, служивый, — без предисловий начал Тихон, когда мы расположились у подножья горы. Подорожник пристроил закопченный котелок на кирпич, уже впитавший достаточно жара от пламени костра, и посматривал то на огонь, то в мою сторону.

— Нужно, чтобы ты пронес Ключ на территорию «Братства Обелиска» и передал его мне, когда мы там встретимся. Кроме тебя Зону никто так хорошо не знает, и если ты откажешься, тогда начинай копить деньги на билет до Мальдив. Зона накроется медным тазом, придется тебе искать пристанище где-нибудь еще.

Я начал без обиняков: время показало, что бродяге можно доверять, да и выхода другого на данный момент не наблюдалось. Но должного эффекта моя речь не возымела, Подорожник словно знал о том, что я попрошу, и тем более о давным-давно обдуманном своем ответе. Однако сам процесс разговора был Тихону приятен, поэтому хитрец и куражился — не мог без этого, видимо.

— О, как! — Подорожник крикнул и сыпанул заварки в котел. — А кто же мне Ключ-то даст, шустрый ты какой?! Ведь эта открывалка не у тебя, а у Изменяющих теперь. Никто другой ее коснуться не может.

— То есть ты не сможешь прикоснуться к тубусу?

— Да нет, ерунда это все, конечно же. Могу я его и взять, и даже сварить попробую, ежели что. Просто не дадут мне твои сиреневокожие друзья Ключ, для них Подорожник — трусливый слизняк, не способный охотиться, подбирающий за всеми объедки. А ты просишь их святыню в мои грязные лапы отдать. Не, они не дадут.

— А если я сам тебе Ключ принесу, сможешь его мимо патрулей сектантских пронести до берега реки?

Подорожник посмотрел на меня оценивающе, а потом, снова вперившись взглядом в пламя костра, замолчал. Я тоже не стал ничего говорить; Подорожник до сих пор оставался для меня загадкой, а его мотивы не были ясны до конца. Но, как это часто бывает, подвох я чувствую практически мгновенно. С Тихоном все было не так: от пришельца исходила волна доброжелательности и природной простоты. Был он себе на уме, но и только, без двойного дна. Я чувствовал, что он хочет добра для Зоны: ни одна местная тварь его не трогала, любые аномалии, словно заведев эту сгорбленную, угловатую фигурку, расступались. А сам Тихон относился ко всем созданиям Зоны, как к мебели или домашним питомцам — внимательно, но без особого трепета: горевал, когда видел освежеванную тушу псевдогиганта; сердился, если выводок кабанов расстреливали любители сафари — приехавшие в Зону «на отдых» богатые буржуи.

— Ладно, Ступающий, говори, куда Ключ нести, я... буду там, где ты укажешь. Пришла пора защищать то, что было мне домом столько лет. Говори, куда нести, пока я не передумал.

— Вот маршрут. — Я вынул ПДА и, открыв файл, присланный связником, вложил наладонник в заскорузлую лапу Тихона. — Мы идем до заброшенного садоводства, вот оно, к северо-западу от коридора, и, предварительно погасив сопровождение, встречаемся на берегу. Вот, смотри. — Я указал карандашом на линию берега. — Не поверю, чтобы тут лодок никто не держал.

— Да про лодку ты не думай. — Тихон хитро прищурился, в зеленых глазах мелькнула озорная искра. — Будет тебе суденышко. Как знал, что пригодится. Хороший план, служивый. Думаю, что в суматохе церберов-то своих сектанты только через час хватятся, а там, глядишь, и уйдем уже.

— Согласен, почти так я и планировал, но места тут мне неизвестные, — сделав паузу, я внимательно глянул в zenки Подорожника. — Не исчезай посередине маршрута, выведи нас на подступы к станции, а там уж мы сами...

— Тогда мы сами найдем его, — меня прервал знакомый, скрипучий и вместе с тем властный голос вождя кровохлёбов. Из открывшегося буквально в трех шагах от костра портала к нам шагнул Видящий Путь. — И будь уверен, слизняк, — обратился он к Подорожнику, — даже если в битве поляжет все наше племя, всегда найдутся воины, которые будут искать тебя, в какую бы дыру ты ни забился. Прости, Ступающий, нет времени на долгие разговоры. Я слышал все, что ты сказал этому Собирателю падали. План хорош, и я его принимаю.

— Вот и делай добро после этого, — Тихон подал голос, полный притворной обиды. — Чего взъелся-то, кровопивец? Я хоть не убиваю никого, да и меня никто не трогает. А в авантюры ваши только ради вот него вписываюсь. — Подорожник ткнул в мою сторону заскорузлым пальцем. — Просрете все, как в прошлый раз, только вот бежать больше будет некуда. Камень последний остался, не мотай Антон Ткачам нервы вот уже с полгода, так и вовсе уже...

Договорить он не успел. Видящий очутился рядом с Тихоном, и вот уже держит его за горло, приподняв метра на два над землей. Подорожник захрипел, но сопротивляться не мог: я почувствовал мощный парализующий пси-импульс, исходящий от вождя кровохлёбов. Он был направлен на тщедушную фигурку, казавшуюся в гигантской лапе Изменяющего тряпичной куклой. Кровохлёб свистящим шепотом произнес, сблизившись лицом к лицу с Тихоном:

— Ты слишком много позволяешь себе, Вестник. Будь впредь осторожней со словами,

хорошо?

— Лад-д-но, пусти... Понял я все.

Лапа Изменяющего разжалась, Тихон рухнул кулем на землю. Но тут же как ни в чем ни бывало встал и, отряхнувшись, отошел к костру, бормоча что-то себе под нос.

Видящий снова обратился ко мне:

— Прости, это наши старые разногласия. Вестники — независимое племя, считаются неприкосновенными у всех, кто чтит законы Междумирья, но иногда их заносит. Вернемся к нашим делам. — Тон кровохлёба стал спокойнее, видимо, он совладал с эмоциями. — Вот как мы поступим. Ткачи списали тебя со счетов. И все, кому это следует знать, оповещены, что Ступающий отказался от битвы. Мы не вправе тебя изгнать, но и не можем отдать Ключ. Но ты можешь присутствовать на похоронах брата, и там я тайно передам контейнер тебе. На алтаре останется... копия, Ткачи не смогут заметить разницы, пока будет идти бой. Но ничего нельзя гарантировать: чем ближе они будут подходить к алтарю, тем быстрее распознают подвох.

— А как же правила?

Изменяющий замолчал, подняв лицо к небу, покрытому сизыми дождевыми тучами в проблесках зарниц, затем вздохнул и ответил, медленно выговаривая каждое слово, как будто слова и их смысл были чем-то постыдным, недостойным воина.

— Правила... Они изничтожились в тот момент, когда ты спас нашего собрата. Все пошло не так, возник хаос. Я с трудом удерживаю молодых воинов в повиновении. До сих пор традиции были крепки, но времена изменились: даже Ткачи стали набирать наемников, презирая все каноны схватки за территорию, выставя марионеток и наймитов впереди себя. Раньше схватка была честью, теперь же это лишь отживающая традиция. Многие у нас говорят о применении хитростей, перенятых у людей. Племя хочет выжить, приспособиться. Но создаваемое веками очень трудно поменять за один миг. Думаю, настало время изменить некоторые правила. А перемены для нашего племени — вещь трудная и непростая. В вашей истории было время, когда порох стал эффективнее холодной стали, а старые традиции постепенно умерли. Те же, кто отказывались принять изменения, ушли вместе с отжившими догмами. Нас осталось очень мало, Ступающий. — Вождь испустил низкий рык, послав мне импульс сожаления и горечи. — А после боя с Ткачами выживут единицы, сотни земных лет пройдут, прежде чем племя вновь станет хотя бы вполовину таким же сильным, как теперь. Но если ты потерпишь неудачу, мы исчезнем вовсе. Поэтому есть более важная задача — выживание племени Изменяющих, а пойти и просто умереть, не оставив следа, — это удел отчаявшихся. Я решил, что племя должно выжить, а твой план дает нам такой шанс, хоть и не великий по своим размерам.

— Что скажут старейшины, тебе безразлично?

— Почти. — Вождь послал мне импульс, который ассоциировался с грустной улыбкой. — Когда все закончится, и если я не погибну, придется уйти в изгнание. Но племя будет жить, и мое имя запишут в ряд предателей, недостойных потомства. Но это не важно. Самое главное, чтобы было кому все эти вещи проделать, а для этого тебе нужно преуспеть в своем предприятии.

— Согласен. Такое предложение: если выживу, приходи — лишним боец вроде тебя не будет.

— Так и поступим. — Видящий снова вроде как улыбнулся. — Теперь о формальностях. Портал к погребальному залу откроется для тебя сегодня в полночь, то есть через три часа. Там получишь Ключ и... думаю, на этом попрощаемся, шансы на успех невелики. Линии Вероятности сплелись в паутину, старые дороги уже никуда не ведут, а сил, чтобы проложить новые, не осталось.

— Значит, вот откуда этот мой титул. Но что он означает?

Видящий Путь повел рукой с копьём перед собой, очертив полукруг, и прошипел:

— Ты — последняя капля, перышко, брошенное на чашу весов. Воин, чья задача — разорвать плетения, которые свиты в ловчую сеть Ткачами, и сделать возможным создание

нового, прямого плетения. Нити Вероятности — это всегда хаос, плетение ловчей сети — опасная и вредоносная для всего живого наука. Твоя задача — принести мир через разрушение. Ты должен дойти до центра паутины, победить Ткача, ее создавшего, и уничтожить ловчую сеть, созданную для того, чтобы обуздать законы Вероятности. Создать хаос, который придет к порядку, самоорганизуется.

За плечами вождя открылся портал. Кровохлёб, не отрывая от меня взгляда горящих фанатичным огнем глаз, шагнул назад и скрылся в его глубине. Тихон потирал ущемленную Видящим шею да бормотал ругательства всю дорогу до блокпоста «Альфы», там мы расстались, и Подорожник снова удивил меня, сказав, что будет ждать моего возвращения с церемонии похорон через два часа после полуночи. Про обмолвку вождя Изменяющих, невольно открывшего мне настоящее имя Тихона, я промолчал. Вряд ли теперь было подходящее время для несущественных вопросов.

В башне вовсю кипела работа по подготовке к выходу, артельщики изучали оставленный мной план маршрута, центром компании был Слон, участвовавший в последнем штурме территории секты. Но по большому счету никто не знал местности, или, вернее, того, что там было сейчас. Старые карты Припяти и попавших под влияние Зоны окрестностей неузнаваемо трансформировались: многое оказалось не там, где было раньше, многие постройки словно сопели со своих мест и прочно обосновались в тех местах, где их вообще быть не должно. Глянув на часы, я решил провести короткий инструктаж по операции. Бойцы слушали внимательно, ловя каждое слово. При этом все протекало буднично, как будто акция из ряда обычных рейдов по тылам. Хотя, безусловно, каждый осознавал, что нам предстоит сделать.

Если говорить о себе, то любой выход на боевые, это вроде как и волнующе и муторно одновременно. Когда больше думаешь о том, верно ли рассчитан боекомплект, хорошо ли подобрана снаряга и готовы ли бойцы, как-то нивелируется весь пафос, уступая место обычной деловой суете.

Решено было работать по схеме «сюрприз», когда бойцы распределят между собой всех сопровождающих и по моему сигналу их «погасят». Расчет строился на том, что сектанты максимально оголят тыл, стянув все боеспособные подразделения на отражение атаки извне. Нас поведут, но следить будут только периодически, докладывая о прохождении контрольных точек. Наша задача — нейтрализовать сопровождение сразу после сеанса связи и уйти с маршрута к реке. Нужно все время оставаться в зараженной трехкилометровой зоне, где не так-то просто обнаружить и более крупное подразделение, не то что нас восьмерых. Работать придется на короткой дистанции, поэтому главное — точно подгадать момент нападения. Лучше, если сопровождающих получится отвлечь чем-либо.

Инструктаж длился около тридцати минут, после чего все разошлись, а я спустился в подвал и прямо в снаряге завалился на кровать. Разглядывая трещины на крашенном зеленой краской потолке, обдумал и еще раз прогнал весь план целиком. Вроде все срасталось. Смущало только недовольство Лесника, но его присутствие — это скорее риск, нежели помощь. Отец Даши ушел, не прощаясь, около двух часов назад. Растворился во мгле, усугубляемой хлынувшими с неба потоками воды, вышел за ворота и пропал. Но времени на выяснение отношений совсем не было, поэтому я решил оставить все как есть. Рассудив так: останусь жив, будет время все обговорить. А если повернется иначе... В этом случае слова уже не нужны.

Неожиданно комнату наполнило голубовато-белое свечение, и прямо посреди комнаты открылся портал. Оттуда вышел Видящий и, не произнеся ни слова, кивнул на дыру в воздухе. Поднявшись и одернув комбез, я шагнул в проем. Затем снова пришли знакомый холод и некое ощущение быстрого, невероятно быстрого движения в абсолютной пустоте, когда начинаешь осознавать понятие выражения «абсолютное ничто».

Мы оказались в зале с высоким, метров двадцать в самой высокой точке, сводчатым куполом. Сиреневый свет струился прямо из стен, воздух наполняли терпкие ароматы, от которых с непривычки кружилась голова. Но это был не тот зал, где собирался совет

племени. Все вокруг оставляло впечатление мрачной торжественности, и где-то на грани слуха угадывался намек на тихую, печальную мелодию. В центре зала возвышался Обелиск, у подножия которого лежало тело Охотника с вытянутыми по швам руками. Побратима окружало яркое сиреневое свечение, волнами гулявшее по всему телу. Музыка зазвучала громче, и я расслышал слова, складывающиеся в некое подобие рассказа о жизни моего так неожиданно обретенного и столь быстро ушедшего брата. Смысл песни местами ускользал от понимания, сливаясь в поток образов и эмоций, по ощущениям напоминавших мне струение журчащего ручейка. Постепенно в зале появились с десяток других Изменяющих, и каждый добавил к голосу песни свой: сородичи поочередно рассказывали о том, кто и как запомнил Охотника и его отношение к племени и собратьям. Казалось, это длится вечно, время словно остановилось. Я и сам не заметил, как подпеваю, и воспоминания словно изливались из глубин памяти, частичка души покидала меня. Дар нагрелся и... рассыпался в прах. Упругая волна обжигающего жара потрясла все мое существо, и я рухнул на колени, сотрясаясь в конвульсиях. Затем я понял, что вижу все как бы со стороны: зал, кровохлёбов, себя на полу и... увидел Побратима, сидящего возле своего собственного тела. Сразу захотелось оказаться рядом. Обнять брата и рассказать, что я иду отомстить за него, что все было не напрасно... Но Охотник только махнул рукой и растаял в воздухе мириадами фиолетовых и голубых искр. Тьма накрыла меня, а потом я снова стал ощущать запахи, звуки и холод пола под щекой. Слабость и тошнота еще какое-то время не давали мне подняться, но чьи-то твердые руки помогли встать. В зале никого, кроме Видящего и пары его телохранителей, не осталось, тело побратима исчезло, поглощенное светом ушедшей Ласковой Маб. Откуда я знаю полное название светила родного мира кровохлёбов?..

Вождь ударил посохом в пол, по залу пробежала волна сиреневого света. Потом он заговорил беззвучно, но я мог слышать мыслеобразы без напряжения, как это было еще совсем недавно.

— Ты прошел обряд Прощания, Ступающий. Теперь часть знаний племени и все жизни твоей обретенной семьи с тобой навечно, память наших предков будет говорить с тобой, когда мудрость павших тебе понадобится. В свой смертный час позови, и любой Изменяющий, услышавший Последний Зов, придет для того, чтобы забрать собрата в зал Скорби и Прощания. Ты не умрешь как человек, отныне ты один из нас. Возьми обещанное и уходи: твоя семья погибла, и ты появишься в этом зале, только когда дорога жизни в этой оболочке для тебя закончится.

Видящий махнул рукой, метрах в десяти справа открылся портал. Кровохлёб, стоявший за левым плечом вождя, вышел вперед и протянул мне на вытянутой руке светящийся янтарным светом цилиндр, сантиметров пятнадцати длиной и где-то сантиметров пять в сечении. Я взял кристалл, ладонь с еле поджившими порезами слегка кольнуло, словно от разряда статики.

— Тубус был больше. Контейнер для транспортировки не нужен?

— Ты сам теперь контейнер: приложи Ключ к коже на груди. — Голос вождя стал торжественным. — Пусть свершится задуманное.

Без лишних разговоров я сделал, как сказал кровохлёб, и... кристалл словно нырнул мне под кожу. Странно, но никакого дискомфорта или ощущения чужеродного предмета не было. Просто я увидел некую золотистую, не больше спичечной головки, точку прямо перед глазами.

— Ключ принял тебя. Когда встретишь этого прощельгу, поедателя отбросов, — вождь не скрывал своего презрения к Тихону, — просто приложи ладонь к груди и попроси Ключ выйти. У бродяги есть способ заглушить песню Ключа. Теперь прощай, меня ждут. Пусть все твои враги умрут в страшных муках. Доброй охоты, Ступающий-в-Паутине!

Я кивнул и молча шагнул в провал пространственного тоннеля. Снова холод. Снова чувство падения в пустоте. Все части головоломки собраны воедино, отступить некуда.

— Меня звать Бурун, идите след в след, оружие не доставать, а кто дернется — успокою сразу. Выдвигаемся.

Мы вышли в квадрат к северу от второго аванпоста «Братства Обелиска», где нас встретил этот угрюмый мужик в добротном комбезе, напоминающем наши, только «альфовские» «Сумраки» были все же грубее по выделке. Вооружение было стандартным — сектанты очень любили амеровское оружие, этот конкретный «пассажир» ходил с полноразмерной М-16АЗ¹ с «подствольником» и новеньким четырехкратником АСОГ. Шлем у него был тоже какой-то особенный, с буграми в районе заушной области, видимо, туда была встроена гарнитура, а ларингофонный микрофон был упрятан под кокетку БЗК. Но с борзотой своей проводник ошибся, я решил показать зубы и послал ему слабый импульс боли. Он побледнел, согнулся пополам и рухнул на колени, поскуливая от боли, но не имея сил даже на лишний вздох. Дождавшись, когда боль станет непереносимой, я оборвал трансляцию и встал над телом содрогающегося в рвотных конвульсиях сектанта.

— А теперь ты меня выслушай. — Чутье подсказывало мне, что я все делаю правильно. — Твое дело отвести меня куда приказано, не раскрывая своего поганого рта. Встань, утрись и веди быстрее, времени не вагон. А вякнешь еще что-нибудь не по делу — сожгу твои промытые мозги вместе с той слякотью, что вместо серого вещества у твоих дружков, целящихся в меня вон с той высоты.

Само собой, я блефовал, но никто проверять мои слова не захотел: ощущение тяжелого взгляда в затылок исчезло почти сразу, как только Бурун поднялся и отчаянно замахал руками, повернувшись в сторону как раз той заросшей кустарником и редкими деревцами высоты. Минуты три спустя оттуда появились шестеро, вооруженных, как и Бурун, амеровскими М-16АЗ, только сектантский снайпер шел с нашей отечественной СВУ. Нас взяли в коробочку так, чтобы мои бойцы оказались под присмотром: теперь каждый артельщик так или иначе был на виду.

Когда-то мне довелось вместе с моим тогдашним ротным, капитаном Шубиным, участвовать в обмене пленными. Так вышло, что бандиты назначили непременно условием обмена присутствие командиров плененных бойцов. Понятное дело, что поехали не «махры» из подразделения, откуда выдернули троих солдатиков, а мы, чтобы, так сказать, качественно осмотреть лагерь одного из самых на тот момент известных бандитских вождей. Прикинулись в обматую форму соответственно званиям (настоящую, пожертвованную ради такого случая мотострелками), сделали документы и через равнинных «чехов», поголовно ходивших с ксиами местного МЧС, вышли на представителя бандитов. Через два часа тряски по горному серпантину мы уже шли вслед за угрюмыми, неразговорчивыми духами в лагерь. Разумеется, духи хитрили: закладывали петли, водили нас с завязанными глазами, только вот не учли, что места, где будет производиться обмен, плотно накрывала служба радиоразведки, а наши перемещения отслеживались со спутника. В помощь были еще два обстоятельства: во-первых, бандитам перекрыли кислород войска федеральной группировки, наглухо блокировав выходы на равнину; а во-вторых, через посредников удалось добиться освобождения из нашей тюменской колонии одного отморозка, которого мы и должны были передать «чехам» чуть позднее. Не вдаваясь в подробности, скажу, что обмен был устроен грамотно: нам отдают плененных солдатиков, а когда отпускают — мы даем условный сигнал, другая группа передает духам их ненаглядного приятеля, отбывавшего срок за разбой и изнасилование. Вопреки бытующему среди обывателей мнению, в тюрьмах сейчас не гнобят насильников. Если это чеченец, то по этапу идет сопроводилово, где сказано, что «чеха» обижать нельзя, иначе решивших разобраться «по понятиям» ждут серьезные проблемы. Дети гор особо не церемонятся, а наша «русская» братва редко когда может договориться о «дружбе» против кого-то и с огромным удовольствием прессует только своих. Чеченцы же,

¹ М-16АЗ («flat top») — американская штормовая винтовка, подвид М-16, поступил на вооружение армии в 1994 г.

напротив, держатся стаей, жестко и до конца отстаивая свои права. Не боятся ни крови, ни репрессий администрации. Поэтому зэка, которого вынули с русской кичи, в тюрьме от притеснений и наездов не страдал. Просто его освободят и передадут своим, а уже через какой-нибудь месяц этот же самый дух всплывет в Москве или в Воронеже и снова начнет грабить, насильничать и убивать, чтобы вновь быть посаженным и обмененным на пару-тройку первогодков, подловленных во время наряда по гарнизонной кухне или украденных прямо с караульного поста.

Лагерь был хитро укрыт в «зеленке», в каменистой почве бандиты вырыли сеть подземных схронов, где они могли отсиживаться месяцами. Нас встретил бородатый дух с повадками наркомана со стажем и тоже, как вот этот Бурун, попер в гору, мешая русские и арабские слова, давая понять, что будет резать неверных. Обстановка накалялась. Со всех сторон сбежались другие «чехи», лязгая затворами автоматов и потрясая разной длины ножиками, всячески подбадривая своего приятеля. Еще чуть-чуть, и нас бы стали резать на куски. Но Шубин просто сделал шаг навстречу разоряющемуся в припадке словесного поноса бандиту и коротко пробил ему правой в брюхо. Араб рухнул ничком, и в воздухе запахло говном. Надо сказать, что капитан мастерски исполнял подобный трюк, уложив как-то раз десантного майора, похвалявшегося, что-де не пробить капитану-строевику его, белую кость. Ну вот и побежал потом за сменным бельем, пригибаясь... А духа уволокли свои. Никто не накинулся на двух русских, вставших спина к спине. Так свора, травящая медведя, в последний момент замирает. Потому что загнанный в угол зверь буквально излучает готовность стоять насмерть и дорого продать свою жизнь. Десяток духов отступил, не выдержав молчаливого спокойствия двух среднего роста и не шибко героических пропорций русских. Отдали нам тогда солдатиков, а через неделю этого бородатого духа накрыла бригадная артиллерия. Поэтому я всегда чувствую момент, когда можно оскалиться, а когда лучше просто превратить все в шутку.

Маршрут был проложен таким образом, чтобы обогнуть Радар и его укрепрайоны со стороны реки. Пройти предстояло километров пятнадцать-двадцать, чтобы потом, держась западного берега Припяти, обойти стороной и сам город, который уже через каких-то двое суток станет в очередной раз местом сражения. Ситуация мне сильно напоминала события в одной маленькой, но сильно независимой республике. Тогда нам тоже приходилось раз за разом, без поддержки артиллерии и авиации, штурмовать в лоб хорошо укрепленные, покинутые жителями дома. Стараниями военспецов из Иордании, Саудовской Аравии, Турции и других «дружественных» России стран город был превращен в крепость, состоящую из сети сообщающихся между собой узлов обороны. Мы потом диву давались, как можно изуродовать обычную пятиэтажку, чтобы получилось такое. Техника, данная нам для штурма, горела, зажата между домами в специально созданных завалах, пехота ложилась десятками, даже не успев толком ответить хорошо замаскированному противнику, укрытому за стенами, проложенными мешками с песком. Артиллерия часто была по своим, запутанная радиоигрой, ведущейся боевиками. В царящей неразберихе это было не удивительно: городской бой — хаос, полный всяких пакостных неожиданностей. Нечего говорить, что и здесь идущих на штурм «сичевых», вояк и решившихся на эту авантюру по разным причинам старателей ожидал похожий сценарий. Только с поправкой на местный колорит.

Шли мы по неожиданно хорошо сохранившейся асфальтированной дороге, ведущей, судя по карте, к одному из покинутых поселков, где по прибытии отметились у командира местного гарнизона. Остановились на ночь, поскольку наш проводник наотрез отказался выходить до рассвета, мотивируя такое поведение инструкциями руководства. Разместили нас почти с комфортом, в доме возле штаба гарнизона. Оружие, как обычно, осталось при нас, но я не сомневался, что дом надежно охраняют и в случае чего просто сожгут, особо не церемонясь. Но пока отрываться смысла не было, поскольку до места встречи с Тихоном было добрых полдня пути без привалов и остановок. Разместив бойцов, я сел у стены так, чтобы видеть входную дверь и окно, выходящее на главную улицу. Окинув взглядом ребят, я

почувствовал нарастающую волну беспокойства: лишь бы молодые и Слон сработали все как надо. От их действий завтра во многом зависело, пойдем ли мы с трупом на закорках или быстро затеряемся в мешанине частной застройки и чисто выйдем в точку встречи. Поселок, как я и ожидал, был превращен в крепость: в каждый каменный дом вели забетонированные ходы сообщения, на окраинах села удалось разглядеть хитро замаскированные колпаки ДОТов¹. В случае чего, защитники спокойно могли удерживать позицию целой мотострелковой бригады, по моим прикидкам, около месяца или более того. И это даже если налетят вертушки... Солидно обустроились, трудно придется тому, кто будет их отсюда выковыривать.

Ночь прошла тихо, но под утро оживила рация, и на карте запестрели отметки о радиообмене. Наступление началось даже раньше намеченного срока. Приглядевшись, я определил направление отвлекающих и главных ударов. «Сичевые» шустро опрокинули оборону первого, северо-восточного УРа, открыв дорогу к Радару. С запада и юго-запада ударили вояки и еще какая-то довольно многочисленная группа с неопределяемыми позывными. Военные подняли в воздух вертушки. Судя по отметкам, в поле вышло до двух третей личного состава группировки Особой зоны карантина, а это около семи сотен бойцов. «Вільна Січ» вывела до двух рот, это примерно двести человек. И еще сотни три разрозненных сигналов. Черт! Со стороны базы «Альфы» пошел интенсивный радиообмен. Узнавались позывные штурмовых групп отряда. Вышло не так много: около семидесяти человек... К горлу подступил комок, душила непереносимая обида за чужую глупость. Щелкнув тангентой рации на прием, я вслушался в свистящий и бьющийся в треске кашля статики помех эфир:

— Нитка Три! Нитка Три! Я полсотни второй, справа восемь, ориентир два! Вижу противника, «секты» справа восемь! Как принял?.. Держу, держу их! — Голос прерывался стуком очередей, ухнул разрыв гранаты, потом командир долговцев с позывным «Пятьдесят два» снова торопливо заговорил: — Блокирован возле жилого дома, тут гвардейцы в «экзах». — Треск и свист прерывающийся яростной стрельбой. — Не устоим... Отступать не... Суки, выхватили?! Нитка Три! Я полсотни второй, блокирован! Есть угроза окружения, иду на прорыв квадрат 12–41, право пятнадцать, ориентир четыре. Дайте движуху навстречу, иначе задавят... У меня потери — шесть «двести», девять «триста»!..

Сигнал пропал и больше не появился. Зато в том месте возникло три кружка, означавших радиообмен сектантов. Это были уже окраины радарного комплекса. «Альфовцы» шли бок о бок с «Січью», но обе группировки флангами не соприкасались, чем сектанты воспользовались в полной мере, рассекая наступающих и изолируя правый и, соответственно, левый фланги наступающих. Колочая волна боевой злости затопила грудь, подступая к горлу.

Воякам было чуть легче: вертушки грамотно стригли позиции противника с воздуха, и временами эфир взрывался матерными похвалами летунам. Но техника, которую военные вытащили в поле, почти вся встала. Экипажи БМП и БТРов стали легкой добычей сектантских пулеметных расчетов и снайперов. Какой идиот придумал тащить проблемную технику так глубоко в Зону?..

«Сичевые», уже не стесняясь, гутарили по-английски, часто слышались лающая, отрывистая немецкая речь и трескучий польский говор. Из мешанины переговоров и картины, вырисовывающейся на карте ПДА, я понял, что пока штурмующие успешно выдавливают сектантов к Припяти. Скоро бой докатился и до нас, стали слышны далекие звуки перестрелки, пару раз грохнули разрывы: кто-то бил из малокалиберной безоткатки, неотвратимо приближающейся к поселку. Я растолкал артельщиков и шепотом приказал:

— Скоро тут будет жарко, пора отрываться. Как только отойдем от селения на километр и свернем на проселок, ведущий к берегу, — по сигналу гасим сопровождение.

¹ ДОТ — долговременная огневая точка. В отличие от ДЗОТа, почти полностью скрыт под землей. Постройка осуществляется только с использованием специальных строительных материалов.

Все, как учил, стараемся не шуметь. А теперь тихо спим дальше.

Все разошлись по углам, но тут на пороге появился Бурун. Проводник не был встревожен, но нервозность сквозила в каждом его жесте: он перекладывал автомат из руки в руку и прислушивался к звукам приближающегося боя.

— Надо собираться, панове! Отступники прорвались, скоро будут штурмовать село, можем не успеть.

Я поднял на него якобы сонный взгляд и с хрипотцой пробурчал:

— А какого хрена ночью не вышли, пока стрельбы не было? Сколько раз повторять: не нужны мне ваши секреты, хочу просто вывести ребят из Зоны и забыть, что все это было. Собирай своих, Сусанин, ети вас всех!

Бурун изменился в лице, но ничего не ответил и скрылся во дворе. Понятно, что он и сам бы вышел ночью, так действительно было вернее всего поступить. Но это если ведешь своих, за которыми не нужен постоянный догляд. А так мы вроде как под присмотром и в случае чего никуда не денемся — днем искать значительно легче. Я старался вывести провожатого из себя, заставляя нервничать, даже бояться. И, судя по взглядам, которые сектант кидал в нашу сторону, это мне удалось: он подозревал меня только в трусости и желании любой ценой свалить, спасти свою драгоценную шкуру. Когда вышли, «коробочка» вокруг нас стала чуть просторней, сектанты не обращали на тех, кого вели, никакого внимания. Видимо, Бурун поставил своим задачу ускорить темп, а не пасти нас. Поэтому конвоиры смотрели больше по сторонам и назад, вслушиваясь в приближающуюся канонаду. Через полчаса вся наша компания вошла в зону довольно густых лесопосадок, и проводник резко свернул на северо-запад. В воздухе запахло речной сыростью, счетчики радиации стали потрескивать чаще. Я аккуратно осмотрелся и поправил «душегубку», опустив маску на лицо. Ребята подобрались и... затрещала рация проводника. Тот отошел метра на четыре и что-то забормотал в кулак. Дождавшись, когда он закончит говорить, я приостановился, поправив поясной ремень и, резко припав на колено, три раза выстрелил из пистолета в голову и спину Буруна. Немецкий пистоль не подвел — проводника словно сдернуло с места, и он на полушаге ткнулся носом в землю. В такие моменты все чувства необычайно обостряются, и я спиной ощущал, как ребята тоже начали работать с конвоем. Неожиданно напряженную тишину разорвал крик. Бурун еще падал, а я уже разворачивался лицом назад. Один из конвойных блокировал руку Слона с ножом и, повалив артельщика на землю, покатился с ним в обнимку на обочину грунтовки, по которой мы все это время шли. Все бы ничего, только вот именно там угнездилась «воронка», жадно сосущая воздух и, казалось, подрагивающая в предвкушении новой добычи. Не думая ни секунды, я поймал в прицел голову сектанта и выстрелил два раза. Парень был в шлеме, но, как и в случае с Буруном, горшок сектанту не помог — его голова дернулась, но хватка не ослабла. К отцу ринулся Андрон и добивший своего клиента Денис. Слона выдернули из цепких лап аномалии, а сектанта затянуло в то же мгновение с громким чмокающим звуком.

Оглядевшись, я понял, что все кончено: сектанты легли почти одновременно, инцидент с противником Слона был единственной фальшивой нотой в общей симфонии. Слон сидел на поваленном телеграфном столбе и тяжело дышал, потирая запястье правой руки. Присев рядом, я поинтересовался:

— Ну, как дебют после долгого сидения в запасе?

— Нормально. Не привык я ножиком-то орудовать, пистоль зацепился за петлю в «разгрузке». — Слон перевел дух и начал подниматься. — Вот и пришлось импровизировать. Ну как, дальше идем или ждем кого?

— Идем. — Я тоже поднялся, радуясь, что под маской друг не видит улыбки. — В следующий раз просто встану рядом и буду смотреть, как ты ошибочку исправлять будешь. Говорено было раз двадцать, из них пять точно тебе: проверяйте снарягу перед выходом тщательней. Как дите малое себя повел, чес-слово.

Слон кивнул и стал ощупывать «разгрузку» и что-то незаметно поправлять. Покидав

трупы в аномалию и прибрав место событий, мы двинулись дальше. Я выслал в «голову»¹ Норда и Дениса, для связи велел пользоваться только эстафетой. Проселок все круче сворачивал на северо-запад, лес кончался. А метрах в трехстах впереди слева виднелось скопление обветшавших построек и почти рухнувший в реку дощатый лодочный причал. Прибежал Денис и, наклонившись близко ко мне, доложил:

— В деревне тихо, нет движения в домах, по периметру тоже никого, Норд говорит, что надо обождать.

— Добро. Иди к нему, пусть наблюдает, сам сядешь на северо-востоке. Вон, видишь кустарник, а справа оврагами все изрыто. Видишь? Выбери позицию, чтобы держать причал и грунтовку на входе в деревню. Лежи и наблюдай, кого увидишь — сразу не гаси, дай знать тоном мне. Понял?

— Есть передать указания и занять позицию на северо-восточной окраине.

Денис рысью умчался назад. Парень делал успехи: без особых сложностей сработал опытного бойца с близкого расстояния, наверняка глядя прямо в глаза. Теперь этот волчонок сможет охотиться сам. На душе стало чуть спокойнее. Скомандовав привал, я вызвал карту Зоны и снова обновил мониторинг обстановки в районе Припяти и Радара, попутно вслушиваясь в переговоры на известных частотах. За последнюю пару часов силы штурмующих продвинулись далеко на юго-запад. Подошли кое-где вплотную к окраинам города, обтекая крупные очаги обороны сектантов и оставляя для блокирования засевших там сил небольшие отряды, в то время как основные силы двумя колоннами готовились войти в город. Дальше всех прошли вояки, реализовав преимущество господства в воздухе. Но после того, как сектанты свалили два «борта», вертушки ушли, оставив мотострелков почти ни с чем. Военные силами до двух рот закрепились на окраине и подавили сопротивление мощного узла обороны, объединившего в себе три многоквартирные пятиэтажки. Сектанты пытались выбить их оттуда, но пока безуспешно. Штурмовые отряды «свободных», напротив, старались обходить препятствия. Их задачей было выйти в район гостиницы, откуда, как я знал, ведет разветвленная сеть тоннелей к сердцу «Братства Обелиска» — подземному лабораторному комплексу. «Альфа» тоже не терял времени даром: группа численностью до взвода пробила оборону сектантов в районе Радара. Судя по докладам, сама антенна была уничтожена саперным отделением под командованием родного брата моего старого знакомого Василя. Теперь остатки «альфовцев» концентрировались на северо-восточной окраине радарного комплекса и... готовились к спуску под землю. Помогли мои карты, не зря я пер их в особый отдел. Лишь бы нашли безопасную дорогу, тогда есть шанс выйти к лабораториям без потерь, опередив «сичевых». На поверхности «соседи» несли серьезные потери и не продвинулись дальше окраин ни на метр. Похоже, достигнуто то расстояние, на котором капкан лягнет челюстями и большая часть штурмующих окажется в западне. Но что это будет?..

Послышался тоновый сигнал: в деревне кто-то появился. Я вынул монокуляр и пошарил оптикой по местности. К причалу от грунтовки быстро двигалась фигурка в брезентовом плаще, но на этот раз без сиротского «сидора» за плечами. Тихон сдержал слово и вовремя вышел в точку встречи. Оглядев окрестности еще раз, я запросил снайперов, те маякнули, что Подорожник вышел в квадрат чисто. Велев ядру группы занять позицию по периметру пирса, я пошел на встречу с беспокойно расхаживающим туда-сюда по дощатому настилу причала Тихоном. Завидев меня, Подорожник успокоился и, подойдя, сунул мне в руку черный, до боли знакомый тубус.

— Держи, служивый, и давай убираться отсюда. Чую: расколют наше жульничество.

— Так кто ж против? Ты лодку нашел, следопыт?

— Там, в камышах, плоскодонка жестяная спрятана.

Первыми переправились Слон с Денисом. Оказавшись на правом берегу реки, они растворились в густых камышовых зарослях, а лодку мы притянули назад на бечевке,

¹ «Выслать голову» — жаргонизм. Здесь: отправил в головной дозор.

привязанной к корме. Управиться удалось за тридцать минут. На правом берегу было пустынно, недалеко справа тянулась полоска «зеленки». На этом берегу уже была поздняя весна, молодые деревья оделись в мелкие, тускло поблескивающие на неярком дневном свете листья. Но треск дозиметра все расставил по своим местам: окажись мы тут без защиты, уже к вечеру можно будет заказывать поминки. Наш небольшой отряд рысью двинулся к цели, а у меня перед глазами маячила крохотная искорка, поющая что-то пока мне непонятное, но зато я теперь точно знал короткую дорогу к Камню.

Спустя еще шесть часов группа вышла в район моста через реку. На этой стороне нам нечего было опасаться: военные здесь ничего не предпринимали, в эфире царил хаос, поскольку войска штурмующих, усиливая нажим, все же медленно продвигались от окраин к городской больнице. Старались как можно быстрее овладеть подходами к гостинице и выйти на рубеж нанесения основного удара. Мы поднялись чуть выше моста и наконец достигли пристани, где стояли пара полузатопленных катеров у причала и совершенно не тронутый, воняющий ржавчиной и соляжкой буксир. Я отдал приказ использовать резиновые баллоны, которые загодя потрудился достать через бродяг, постоянно торчавших в «Старательском приюте» и перебивавшихся случайным заработком по мелочевке. На этот раз первыми попели мы с Нордом. Вода была студеная, но комбез пока держался, хотя снаряга и стала заметно тяжелее, набухнув от влаги. Рация все время работала на прием, слышались отрывочные сообщения от разрозненных, расчлененных на израненные, озверевшие от чужой и собственной крови группки людей, зубами вгрызавшихся в пропитанную смертью и отравленную радиацией землю. Когда переправлялись Андрон и Тихон, со стороны города послышался знакомый вой. Кто-то применял системы залпового огня. Но зачем? Всем известно, что снаряды ухнут в пустоту. Стоп! Замысел капитанов «Братства Обелиска» проступил с полной ясностью, что-то щелкнуло, и разрозненные куски головоломки сами собой сложились в стройную, жутковатой красоты картину. Я остановившимся взглядом смотрел на экран ПДА, где на тактической карте вдруг разом погасли сотни меток отдельных старателей и целых групп штурмующих, да и самих сектантов, ценою собственной жизни заманивших врага в смертельную ловушку. Пользуясь знаниями, полученными от союзников, сектанты применили старый как мир тактический прием — так духи заманивали наши мотоманевренные группы в места, где их перемешивали в кровавый фарш пристрелявшиеся вражеские минометы, или было поставлено управляемое минное поле. Только тут в качестве такой смертельной земли выступили несколько пространственных аномалий — территории Белого глума. Думаю, что каким-то образом сектантам удалось приманить «зыбкоземелье», поскольку в таких загаженных землях, как западные области Припяти, их распознать вообще невозможно. Вот разведки группировок и купились: выводывали минные поля, искали схемы укрепрайонов, с трудом их находили и потом бравым наскоком попели, решив, что обхитрили всех... На горизонте слева разгоралось ослепительное белое зарево. Залп из наземных установок был небольшим, очевидно, притягивались только те аномалии, в которых до спуска механизма аннигиляции оставалось на один плевок. Теперь в городе было, по заговорившей снова карте, не более двухсот человек из пришедших более чем полутора тысяч. Боги войны получили сегодня щедрое подношение. Я спрятал коммуникатор в карман «разгрузки» и махнул рукой помрачневшим артельщикам, давая знак продолжать движение к цели. Огонек перед глазами горел все ярче, музыка Камня звучала в голове все громче, но не мешала сосредоточиться.

Путь через лесной массив на северо-востоке был довольно прост: с этой стороны станцию никто толком не охранял, и именно здесь находился спуск в систему воздухопроводов, проложенных вплоть до помещения второго энергоблока, где теперь стоял Обелиск, окруженный силовым полем, все более и более истончавшимся под ударами Ткачей и их земных союзников. Я не зря ходил на Кордон и выслушивал сопливые оправдания тамошнего оружейного воротилы. Цвирня, сам того не ведая, выложил всю подноготную своего путешествия за счастьем, которое он по сей день хлебает полным половником. Шахов тогда показал им именно тот коллектор, возле развороченного входа в который мы теперь

стояли. Я построил бойцов и начал разъяснять задачу:

— Впереди около полукилометра тоннелей, возможно, часть из них заминирована. Наша цель — реакторный зал второго энергоблока. Подходы к нему не охраняются, Камень накрыл все неким защитным полем, и сектанты держатся в стороне. Но где-то непременно есть отряд охранения, который скоро будет здесь... И еще кое-кто. Задача: пройти по сервисным коридорам на юго-восток, занять оборону в машинном зале и удерживать подходы к залу с артефактом до того, как я все закончу. И по возможности до того, как наш замысел будет раскрыт. Закрепляемся и бьем всех, кто полезет из щелей. Если сигнала от меня не последует, пробейте пол у западной стены зала и уходите коридорами в сторону пристани, там будет ждать Тихон. — Я посмотрел на Подорожника вопросительно, тот кивнул: мол, не подведу. — Это все. Вопросы, замечания, предложения?

Артельщики молчали. Что тут можно сказать, раз задача поставлена, приказ получен, а впереди ждет верная смерть? Никто до конца не верил, что удастся выйти из этого месива живыми. Сектанты пустят в ход все средства. Постараются просто закидать моих бойцов своими телами, лишь бы не дать мне «испоганить» свою святыню.

— Ну, тогда полезли.

Тоннели вели к нижнему этажу подземной части станции. Нам предстояло подняться на уровень четвертого этажа, равного по высоте панельной типовой пятиэтажке, и закрепиться в машинном зале, где раньше стояли мощные силовые установки системы вентиляции и охлаждения. Теперь это было пустое, захламленное помещение величиной с футбольное поле, с дырами проломов, ведущих частью к реке, частью в глубину комплекса.

Одессит хорошо описал дорогу до лестницы, да и светлячок, указывающий дорогу к Обелиску, разгорался все ярче, свет теперь мне вообще не был нужен. Застрали мы, только когда прошли метров семьсот: единственный проход был заминирован густой сеткой растяжек и противопехотных мин. На проволоке уже скопилась бахрома осевшей пыли, сюда давно никто не заглядывал. Мы с Михаем не мешкая сели за работу, стараясь проделать узкий проход, не затронув основные узлы закладки. Кропотливая работа, когда от напряжения слезятся глаза и через какое-то время начинают предательски наливаясь тяжестью и подрагивать пальцы, затянулась на добрых два часа. Михай почти упал возле стены, я же дал сигнал фонариком и пошел назад, чтобы одного за другим вывести бойцов на чистую землю.

Продвижение пело медленно, в абсолютной темноте, без карт и ориентиров и с мертвенно черными экранами ПДА, которые разом отказали без видимых причин. Путь к машинному залу растянулся на целых три часа. Время я определял по механическим часам со светящимся циферблатом. Стрелки показывали девятнадцать сорок пять, когда позади и впереди слышались шаги и голоса. А потом по стене справа впереди стеганула строчка вышибленной из стены автоматной очередью бетонной крошки. Нас обнаружили, но, судя по тому, что противник так долго не давал о себе знать и напал не в узком коридоре, а в достаточно широкой воздушной шахте, силы сектантов только еще подтягивались и мой расчет оказался верным. Мне лично ПНВ не был нужен — искра, испускаемая Ключом, освещала пространство в радиусе метров сорока, словно кругом был обычный пасмурный день. Только свет был странным, окрашивая все вокруг в изжелта-коричневые оттенки. Уже не особо скрываясь, я отдал команду голосом по короткой связи:

— Работаем в полную силу, нас обнаружили. Идем на прорыв, парами вперед!

Бой в ограниченном пространстве ничем кардинально, кроме дистанции контакта, не отличается от обычного. Пары продвигались вперед под прикрытием огня тех, кто давил лезущих из боковых коридоров сектантов, многие из которых были в бинтах и двигались вяло. Откуда-то пришло знание, что каждому бойцу в секте вживляется симбиотический модуль послушания, на который негативно действовало излучение Камня. Поэтому мы довольно быстро опрокинули и уничтожили первую стихийную атаку все прибывающих и прибывающих врагов, и на плечах последних ворвались в совершенно пустой и темный машинный зал, в северной стене которого стояла абсолютно гладкая бетонная стена. Это был

тупик, прохода не было. Видимо, каким-то образом сектанты нашли способ замуровать пробитый в стене пролом, наглухо перекрыв доступ в помещение второго энергоблока станции. Но времени на рассуждения не оставалось — следом, ступая по трупам своих менее везучих собратьев, уже спешили новые враги.

— Занять оборону возле северной стены. Денис, Норд — на фланги. Слон, Михай — держите фронт, ищите укрытия, ям тут предостаточно. Михай, давай сумку с саперными причиндалами. Стену надо рвать, иначе все зря! Патроны беречь. Дайте мне два часа, ребята. Бить только наверняка.

Достав из саперной сумки молоток и прихваченный с железнодорожной насыпи костыль, я лихорадочно начал долбить стену под шурфы для зарядов. Бетон поддавался плохо. Видимо, денег не пожалели, взяли что-то качественное. Под руками и почти у самой головы чиркали осколки. С визгом рикошетируя, отскакивали пули, враг наседал. Что-то чувствительно ударило в спину, но я продолжал долбить. Ребята пока успешно сдерживали сектантов, которым мешали узкие проходы: больше чем по одному за раз в них было не протиснуться, численное преимущество пока реализовать не удавалось. Но я знал, что это не надолго: скоро саперы расширят проходы, и тогда нам не устоять. Наконец, спустя долгих сорок минут, я начал закладывать заряды в продолбленные углубления. Огонь по мне усилился: противник точно знал, куда ведет замурованная дыра, поэтому, не считаясь с потерями, старался мне помешать. Зажав в руке подрывную машинку, я бросился в яму из-под какого-то вывороченного с корнем агрегата. Одновременно заорал, перекрывая гул боя:

— Берегись! Подры-ы-ыв!..

Пол под ногами вздрогнул. В воздухе стало темно от тучи бетонной пыли и крошева из щебня и кусков арматуры. Взрывная волна пошла в сторону противника, все, кто стоял или только входил в зал, были сметены и отброшены назад, в дыры тоннелей. Не теряя времени, оглохший и почти ничего не видящий в поднятой взвеси, я вскочил и бросился к стене. Пролом получился узким, я едва мог протиснуться туда ползком. Нормально... Теперь вернуться, посмотреть, что с ребятами. Команду укрыться слышали все, только Слон тряс головой, видимо, прилетело осколком бетона по башке, стареет ветеран, я уже начал жалеть, что взял его с собой. Знаками, поскольку оглохли все, бойцы один за другим показывали: мол, порядок. Словно говоря сквозь вату, я прокричал осипшим от натуги голосом:

— Занять оборону! Теперь уже недолго осталось, дайте мне час, больше не прошу. Держаться, мужики!.. Надо простоять еще час. Вы сможете? Я знаю, что сможете. Я быстро... Я сейчас, мужики.

Разгребая обломки щебня и оставив за спиной возобновившуюся с новой силой пальбу, я полз вперед и внезапно упал почти с двухметровой высоты. Зал был пуст, камня нигде не было, даже в том месте, где артефакт присутствовал во всех видениях, посланных мне за эти долгие полгода. Поднявшись на ноги, я побрел туда, где должен был находиться Камень. Песня Ключа звала, манила войти в портал, который поднимет к пустому сейчас постаменту... Что случилось, почему все?..

Свет исчез. Я мгновенно ослеп, на глаза опустилась кровавая пелена, все тело и даже душу пронзили иглы острой, незамутненной боли. А потом пришел знакомый голос:

— Ты ловко все придумал, о Ступающий-в-Паутине! Нам даже пришлось оставить поле боя, и я лично лишен удовольствия растоптать твоих так называемых братьев — Изменяющих...

Это был тот самый пришелец, которого я встретил, во-первых, тогда у портала и, во-вторых, совсем недавно, когда изображал отчаявшуюся жертву обстоятельств. Сейчас я не видел его, но чувствовал раздражение в его голосе. Тьма багровой пеленой застилала глаза. Я вскинул автомат и выстрелил, как мне показалось, в том направлении, откуда доносился голос. Ответом был только смех, отражающийся от пустых стен.

— Ты слеп, Ступающий-в-Паутине! Ты привел своих друзей на погибель. Послушай, как они умирают сейчас там, за стеной.

Неожиданно, как по волшебству, ожил ПДА, и я действительно услышал переговоры

своей бьющейся насмерть группы. Но паники в их голосах не было: парни воевали грамотно, не подпуская сектантов на бросок гранаты. Дрогнул пол, я упал на колено, уперевшись прикладом «ковруши» в пол. Коснулся другой рукой земли и ощутил под руками кафель. Боль стала нарастающими волнами затапливать сознание, вытесняя все остальные мысли, но я нашел в себе силы подняться.

— У тебя нет больше защиты, человек, я могу сделать с тобой что угодно, а потом выпотрошу и заберу этот проклятый кусок кварца. Это будет чертовски больно, человек!

Ткач был уверен в моей беспомощности. Некая сила, подхватив меня с пола, вырвала из моих рук оружие, глухо звякнувшее об пол, подняла тело над землей. Сквозь волны боли и подступающую тошноту проступало только одно желание: хоть на мгновение увидеть врага, дотянуться до пистолета в набедренной кобуре и закончить этот театр абсурда. Навсегда.

Вдруг, на самом краю сознания, я почувствовал Зов. Но это был не кровохлёб, слишком слабым было касание, слишком боялся тот, кто пытался заговорить со мной. От источника пришел импульс узнавания, радости и отчаянного желания помочь. Робкий лучик пробил красную пелену, застывшую глаза. Некто пытался рассеять морок, насылаемый Ткачом, но лишь пробил дырку в покрывале, через которую я увидел край пустого бассейна и четырехметрового пришельца, державшего меня в захвате, не касаясь тела непосредственно. На ум приходил только телекинез, которым так ловко умели пользоваться ягеры. Превозмогая боль, я нащупал левой рукой пистолет и, выхватив его, выпустил все двадцать пуль двумя очередями в голову существа, почти доконавшего меня. Ткач уже почти подобрался вплотную и не ожидал атаки. Пулями ему разворотило приплюснутую голову, вышибив все три пары глаз. Послышался рев. Хватка оков, удерживавших меня в воздухе, не ослабевала, и тогда я вынул из рукавного шва нож, что есть силы рванувшись вперед. Прыжок, к моему удивлению, получился, и вот я уже покромсал голову существа из другого мира, не обращая внимания на ответные удары. Рев затих. Ткач рухнул навзничь, красный туман отступил, а вместе с его исчезновением вернулся свет, испускаемый Ключом. Оставив тушу пришельца в луже красной, как и у всех нас, крови, я попробовал встать, и это у меня получилось. Странно, мне всегда казалось, что кровь у пришельца зеленая или голубая. Нет... Видно, у всех, кто хочет быть счастливым, кровь только красного цвета. Я огляделся и посмотрел на часы: циферблат был разбит, из-за сетки трещин было не разобрать, сколько времени длился этот кошмар. Закончился ли бой? Уцелел ли хоть кто-то из тех, кто дорог мне?..

Обелиск из переливающегося, похожего на кварц минерала высился на том самом месте, где и должен был находиться. Воздух передо мной задрожал, и открылся бледный, с едва видимыми границами портал. Не мешкая ни секунды, я быстро шагнул внутрь. Песня Ключа уже сводила меня с ума, заполняя собой все уголки сознания, я ничего не видел, кроме сияющего, как тысяча солнц, куска кварца. Шагнув из провала Междумирья, я расстегнул комбез и вынул Ключ. Свечение разом исчезло, на ладони остался кусочек камня точно такого же цвета, что и сам Обелиск, только с крохотными вкраплениями голубого и красного. Обелиск загудел, и прямо напротив моего лица открылось небольшое углубление, куда я вложил осколок, именуемый Ключом. В тот же миг земля задрожала, и все вокруг наполнилось оглушительной какофонией звуков, в которой я, казалось, различал крики людей, рык химер, предсмертные мысли гибнущих в своем убежище Изменяющих, бьющихся с втрое превосходящими силами разных существ, многих из которых я даже не возьмусь описать. Ткачи таяли в воздухе, их ручные твари, почувствовав свободу от оков чужой воли, стали сначала бестолково метаться, а потом набрасываться на всех, кого видели вокруг. По всей Зоне с гудением схлопывались аномалии. Исчезали, затягиваемые притяжением своих миров, разные существа: ягеры, мозгоед, даже Плоть стайками вспархивала в вихре водоворотов и исчезала в воздухе, но я чувствовал, что Зону покидают не все, далеко не все, а лишь та малая часть, что либо была призвана Ткачами, либо просто немыслимыми дорогами случайно пришла на Землю.

— ПРОСИ. КАК МЫ МОЖЕМ ПОМОЧЬ ТЕБЕ?

Голос пришел отовсюду. Сильный и чистый, он не имел эмоциональной окраски и не мог принадлежать ни мужчине, ни женщине. В горле было сухо, голова кружилась, и я просто свалился навзничь, не в силах стоять на ногах. На память пришли слова Сухаря, Рэда, призрака из тоннелей под Могильником, убитого мной снайпера-наемника, майора, нанятого сектантами и погибшего за то, во что он верил, американца, отдавшего жизнь за благополучие жены и маленькой девочки со странным именем Пруденс... Десятки голосов звали и просили меня о чем-то. Но в конечном итоге все слилось в слова: ХОТИМ ЖИТЬ СЧАСТЛИВО. И я вдруг понял смысл существования Камня, смысл Зоны вообще. Он раскаивался. Его с самого начала мучила каждая смерть, вызванная его появлением здесь. Даже малое, мелкое существо вроде кузнечика, по понятиям этой на первый взгляд бездушной и холодной глыбы кварца, было тяжелой потерей. Я испытал отголоски того ужаса, который испытал Камень, осознав гибель первого разумного существа тысячи миллионов лет назад. С тех пор он упорно решал уравнение счастья, стараясь, чтобы эта субстанция была у всех там, куда Камень заносили червоточины мироздания. Но только столкнувшись с человеческой философией, он решил уравнение окончательно. Поэтому просьбы и выглядели так причудливо. В Зоне были счастливы все, потому что у каждого тут была цель. В самом деле, каждое мгновение жизни здесь наполнено смыслом, всегда есть цель, как бы странно и причудливо она ни выглядела. Пришелец постарался, чтобы это было так.

Камень верно понял смысл уравнения: счастье — это состояние, когда ты нужен не только другим, но и когда ты ощущаешь смысл и необходимость каждого своего поступка, каждой мысли и слова. Ибо без этого гаснет свет души, исчезает искра, теплящаяся в каждом человеке, которая горит тем ярче, чем яростнее человек борется за осуществление заветной мечты, выполняет свой долг не для галочки, а лишь если того требует его сердце; отдает себя без остатка тому или той, кто стал для него средоточием всего сущего. Но проявляется это заветное желание только в тот миг, когда кроме заветной цели нет больше ничего. А остальное отступает на задний план, осыпавшись, словно шелуха, и остается только оно, это самое единственное и заветное желание — быть счастливым, проступающее и почти осязаемое. Когда на карту поставлено все, и впереди только край пропасти и спасительная ниточка, — это самое заветное представление о твоём счастье. Так или иначе, в Зоне все знают, что это и как сделаться его обладателем, и каждый по-своему копит силы для последнего рывка, для единственно верного решения. Поэтому, как бы люди ни хотели уйти отсюда, они все равно возвращаются, ибо чем дальше от них серое, хмурое местное небо, тем более тусклым становится огонек, теплящийся где-то глубоко внутри.

— Я хочу, — голос мой скрежетал, каждое слово царапало глотку, и не знаю, говорил ли я вслух или просто громко думал, — чтобы над моей головой никогда не было ни клочка чистого неба. Пусть в любом месте, где бы я ни появился, оно всегда будет серым. Как в то утро, когда я встретил Дашу. Только небо напоминает мне о том времени, когда я действительно почувствовал себя полностью счастливым.

— ХОРОШО. ТАК И СЛУЧИТСЯ.

— Можно передать просьбу Ивана, который потерялся в подземелье?

— МЫ СЛЫШАЛИ ВСЕ, ЧТО ТЫ ДУМАЛ. У ВСЕХ БУДЕТ ШАНС ПОЛУЧИТЬ ЖЕЛАЕМОЕ. В СВОЙ СРОК ТАК И СЛУЧИТСЯ. КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН ГОВОРИТЬ ТОЛЬКО ЗА СЕБЯ.

— Тогда я пошел, ребята там...

Голова закружилась, говорить и даже думать сил уже не осталось. Свечение Камня стало нестерпимо ярким и вдруг пропало, все окутал сумрак. Встать я так и не смог. Дополз до автомата и, опираясь на него, как на костыль, поднялся, но свалился опять. Сил добраться до края дыры в стене уже не осталось, оттуда уже не слышно было звуков боя, или у меня снова заложило уши. Неожиданно руки коснулось что-то теплое и живое. На грудь мне прыгнул подросток Солнечный зайчик, сухая и горячая терка крохотного язычка

чернобыльского кота защекотала нос, щеки, верхнюю губу. Этот пушистый подарок Охотника спас мне жизнь, позволив увидеть Ткача и на короткий миг переломить ход схватки. Поглаживая кота, я отключился, пришло черное забытие...

Очнулся я от мерного покачивания и капель влаги на лице. Меня несли на носилках. Начинался дождь, резкий осенний ветер приятно обдувал лицо.

— Командир! Ребята, он очнулся!.. — Это был голос Юриса, родной голос.

Носилки опустили, и я увидел артельщиков: чумазые и перетянутые кое-где кровавыми бинтами, но целые и в полном составе. Они подходили и наперебой рассказывали, и не было конца всеобщему ликованию. А над нашей головой собирались сизые облака, сполохи грозы на горизонте пророчили близкую бурю. Но я знал, что пока надо мной серое и хмурое чернобыльское небо, а вокруг проверенные боевые товарищи, почти братья, счастье всегда будет где-то рядом. Светлая горечь утраты лишь подчеркивала то, что, без сомнения, Антон Васильев — счастливый человек. Ведь теперь я знаю, что это такое, и ожог от этого всеобъемлющего чувства до конца жизни не даст позабыть, каково это — быть совершенно счастливым.